

Притяжение языка

Александр Киклевич

Притяжение языка

**Том 3:
Грамматические категории
Синтаксис**

Olsztyn 2009

Recenzent:
prof. dr hab. MICHAŁ KOTIN
(Zielona Góra)

© Copyright by:
ALEKSANDER KIKLEWICZ

ISBN 978-83-61605-08-9

Projekt i opracowanie graficzne okładki:
Aleksander Kiklewicz

Wydawca:
CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
UNIwersytetu WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
ul. K. Obiża 1, 10-725 Olsztyn

Druk i oprawa:
ZAKŁAD POLIGRAFICZNY SPRĘCOGRAF S.C.
Spręcowa 17a, 11-001 Dywity

Dystrybucja:
CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
UNIwersytetu WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
ul. K. Obiża 1, 10-725 Olsztyn
tel. +48 89 524 63 47; ++48 602 175 802
www.uwm.edu.pl/cbew
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Категория определенности: значения и формы	9
Притяжательные местоимения как грамматический класс	63
Категории абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в функциональном аспекте	125
К семантической типологии количественных выражений	133
Два типа квантификации	159
Природа квантификации как семантической категории естественного языка	169
Квантификация в системе семантических категорий естественного языка	249
Опыт классификации функциональных глаголов	275

СИНТАКСИС

Диатаксис, или ассоциативная связь в структуре простого предложения	291
Эмпатическая иерархия и структура предложения	319
Двойное отрицание в структуре славянского предложения	347
Сочинительная связь в динамическом аспекте. К проблеме так называемых слитных предложений	391
К проблеме однородных и неоднородных определений	415
Об одном конструктивном аспекте сочинительной связи	431
Редупликация в конструкциях сочинительной связи	441

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	455
----------------------	-----

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ЗНАЧЕНИЯ И ФОРМЫ^{*}

1. Структура детерминативной функции

Детерминативная функция, имеющая два значения: [+определенность] и [–определенность], соотносит обозначаемый референт (или множество референтов) с базой знаний речевого субъекта, основанной на его интеллектуальной, практической или коммуникативной деятельности. Начнем рассмотрение этой функции с нескольких тривиальных примеров:

- (1) *Пришел Иван.*
- (2) *Пришел студент.*
- (3) *Пришел некто Иванов.*

Во всех трех случаях именные группы (ИГ) являются референтными, однако их детерминативная оценка говорящим варьируется. В первом случае имя собственное обозначает конкретное лицо, известное говорящему и слушающему: ‘На основании личного опыта, предшествующего данной коммуникативной ситуации, я могу сказать о предмете *A* больше, чем сказал’. Во втором предложении нарицательное существительное — в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому — обозначает неизвестный говорящему предмет. В данном случае возможна интерпретация: ‘Тот, кто пришел, является

---

^{*} Данная статья написана на основе более ранних публикаций автора: Персональность и другие семантические категории. [В:] Jachnow H. (ред.), *Personalität und Person*. Wiesbaden 1999, 173-202; Детерминативная функция именных групп: значения и реализация. [В:] *Зборник матице српске за славистику*. 2004, LXV-LXVI, 45-74.

студентом; на основании личного опыта, предшествующего данной коммуникативной ситуации, я не могу сказать об этом предмете больше, чем сказал'. С помощью неопределенной дескрипции *студент* говорящий сообщает только о принадлежности предмета к классу, но не владеет информацией об индивидуальных свойствах предмета.

В третьем предложении на неопределенность референта нарицательного существительного указывает местоимение *некто*. Говорящий сообщает, что его база данных не позволяет сообщить о предмете больше, чем сообщается, т.е. более того, что предмет является носителем фамилии *Иванов*.

В структуре категории детерминативности имеется и третье значение: [±определенность], ср.:

(4) *Иван играет на скрипке.*

Отсутствие структурного показателя определенности/неопределенности не позволяет однозначно установить денотативный статус ИГ *на скрипке*.

Факторы определенности/неопределенности ИГ варьируются в зависимости от вида деятельности, в рамках которой формируется база данных об объекте: практической, интеллектуальной или коммуникативной (см. Mangold-Allwin 1995, 21). В соответствии с этим можно различать три типа определенности: эмпирическую, энциклопедическую и коммуникативную. Различие этих трех типов определенности/неопределенности диктуется фактом их дополнительной дистрибуции, т.е. возможности сочетания их маркеров в одном и том же синтаксическом контексте, ср.:

(5) — *K t o ś w ł a ś n i e w n i k n ą ł p r a w d z i w ą g ł ę b i ę m o j e j i s t o t y . . .*
 — *A l e m y l i s z s i ę z a s a d n i c z o , I d u ś . T e n k t o ś w c a l e n i e w n i k n ą ł w p r a w d z i w ą g ł ę b i ę t w o j e j i s t o t y* (M. Musierowicz).

В первом и во втором случае неопределенное местоимение *ktoś* употребляется для выражения когнитивного значения: 'Существует некто, кто проник в глубину моей души; я не знаю, кто проник в глубину моей души'. Местоимение *ten* 'этот' является формой другого типа детерминативной семантики — коммуникативной определенности, т.е. известности предмета благодаря его упоминанию в тексте.

2. Эмпирическая определенность

С этой здоровой мыслью он как раз и подъехал к тому дому, адреса которого не помнил, а мог показать.

Андрей Битов

Эмпирическая (иначе: дейктическая, экзофорическая) определенность ИГ основана на том, что их референт характеризуется с точки зрения его отношения к речевому акту и участникам информационного обмена. Эмпирически определенные ИГ указывают на объекты, которые непосредственно присутствуют в ситуации общения и воспринимаются органами чувств. Подобные единицы, считал И. И. Ревзин, обладают «коммуникативным значением» (1978, 137). Ср. (Земская/Капанадзе 1978):

- (6) – *Тань, а сколько мне на костюмчик нужно?*
(7) – *Ну здесь ширина небольшая /наверное девяносто.*

Адвербиальное указательное местоимение *здесь* обладает эмпирической определенностью, ср. экспликацию: ‘Наблюдаемый предмет — отрез ткани — имеет небольшую ширину’. Ср. подобный пример:

- (8) Покупатель. *Тридцать шесть.*
Продавец. *Хлеб?*
Покупатель (с жестом). *С ю да .*
Продавец. *Кондитерский?*
Покупатель. *Да-да. (С жестом) Рубль тридцать в о т э т о .*
Продавец. *Бакалея?*
Покупатель. *Да, с ю да .*

Систему средств выражения эмпирической определенности представляет категория лица, которая позволяет характеризовать денотат ИГ как «лицо с точки зрения его роли в речевом акте», т.е. выступает как «актуализационная категория дейктического типа» (Химик 1990, 8). Квалифицируя персональность таким образом, А. В. Бондарко исходит из следующей дефиниции:

Персональность — это семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему (1991, 5; см. также: Laskowski 1993, 377).

На связь категории персональности с детерминативной семантикой указывают также: Halliday/Hasan 1976, 37; Heger 1965; Rittel 1985, 28; Scherner 1979, 97; Булыгина/Шмелев 1997, 320 и др.

Дейктическая определенность реализуется личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица. Личные местоимения непосредственно указывают на то, что участником описываемой в высказывании ситуации является говорящий или слушающий. Так называемые «притяжательные» местоимения характеризуют лицо по его отношению к одному из участников речевого акта: говорящему, слушающему или свидетелю. В конструкциях одного типа это отношение закодировано в значении существительного — девербативно-го или релятивного:

(9) *мой приезд* = 'я приехал'

(10) *мой помощник* = 'тот, кто мне помогает'

В конструкциях другого типа отношение между участником референтной ситуации и участником коммуникативной ситуации не названо — реципиент должен декодировать его на базе собственных знаний о мире, т.е. обращаясь к когнитивным или ситуативным нормам, ср.:

(11) *мой город* = 'город, в котором я живу'

(12) *моя книга* = 'книга, которую я написал/купил/подарил и т.п.'

(13) *мой компьютер* = 'компьютер, на котором я работаю'

Формы местоимений 3-го лица трактуются обычно как анафорические (Rittel 1985, 45). В. В. Химик считает, что этим формам присуща «отстраненная функция неучастника речевого акта». Данная трактовка основана на высказанном ранее такими авторитетными учеными, как Р. Якобсон и Э. Бенвенист, положении, согласно которому формы типа *он, она, оно, они* не выражают лица. 3-е лицо не учитывается в оппозиции *я — ты* при рассмотрении персональности в некоторых философских работах (Welte 1980, 15). Фактическим подтверждением этого положения можно считать, например, то, что в грамматике турецкого языка 3-е лицо глаголов в единственном числе не имеет морфологического маркера, а во множественном числе выражается суффиксом *-lar*, который характерен для словоизменительной парадигмы существительных (Schroeder 1989, 19).

Более обоснованной представляется, однако, другая точка зрения, согласно которой 3-е лицо входит в личную парадигму (Looser

1975, 249). А. В. Бондарко (1991, 8) указывает на «неанафорический дейксис» как «одну из возможных функций 3-го лица». Референт, соотносимый с третьим лицом, является не только тем, о ком/о чем говорят (как считает, например, Rittel 1985, 28), но может выступать и как косвенный участник речевого акта, находящейся в поле зрения, а иногда и взаимодействующий с говорящим и слушающим. Таково местоимение *его* в следующем контексте:

- (14) *Раздевшись, как и он, я легла в кровать, и дрожала от холода, а он кидался на меня, скрежетал зубами, кричал растерянно: «Я зверь! Я зверь!» — и без всякого видимого эффекта истерично трепал свой жалкий отросток. Потом поднес свое беспомощное излишество к моему лицу и сказал капризно: «Поцелуй Его!»* (В. Войнович).

3-е (дейктическое) лицо соотносится с двумя сферами речевого акта: а) со зрителями (свидетелями) и б) с обстановкой (сценой) коммуникации. В работе (Clark/Carlson 1982; русский перевод: Кларк/Карлсон 1986) исследуется ориентация речевых сообщений на свидетелей диалога. Авторы обращают внимание на то, что принятое в стандартных теориях коммуникации отождествление адресата и слушающего принципиально неверно — речевой акт может осуществляться в присутствии зрителей, которые воспринимают информацию, предназначенную для другого лица (других лиц). Исходная предпосылка упомянутой работы состоит в том, что естественная коммуникативная стратегия говорящего предполагает принцип ответственности (principle of responsibility):

Speakers perform illocutionary acts not only toward addressees, but also toward certain other hearers [...] Each is responsible at all times for keeping track of what is being said, and for enabling everyone else to keep track of what is being said (ibidem, 333 сл.).

Актуальность 3-го лица как косвенного реципиента сообщения демонстрируется, в частности, на примере эллипсиса (все английские примеры заимствованы из упомянутой выше работы):

- (15) (Charles, to Ann, in front of Barbara) *Did you like the museum?*
(Ann, to Charles, in front of Barbara) *Yes, I did.*
(Charles, to Barbara in front of Ann) *What about you?*
(Barbara, to Charles in front of Ann) *I liked it too.*

Задавая вопрос Анне, Чарльз принимает во внимание, что в диалоге, хотя и косвенно, участвует также Барбара — это и позволяет ему элиминировать некоторые лексические компоненты в реплике *What about you?*

Присутствием третьего лица в ситуации общения обусловлены и косвенные речевые акты, при которых сообщение одновременно направляется прямому адресату и зрителю, но его прагматический эффект рассчитан только на второго:

- (16) (Mother, to three-month-old, in front of father) *Don't you think your father should change your diapers?*
 (17) (Father, to dog, in front of son) *Lassie, Daniel is about to take you for a walk.*
 (18) (Mechanic, to automobile, in front of co-worker) *Damn it, car, I need two more hands to help me bolt your fender back on.*

Впрочем, употребление личных местоимений 3-го лица для дейктического указания на зрителя ограничено некоторыми коммуникативными нормами, в частности — речевым этикетом, который исключает местоимения *он, она, они* как обозначения присутствующих в ситуации диалога зрителей. Если в подобной речевой обстановке местоимение 3-го лица все-таки употребляется, оно воспринимается как негативное, враждебное или агрессивное отношение говорящего к референту 3-го лица, исключает его из прямого речевого акта и т.п., ср.:

- (19) — *Никогда не думал, что ты за Славку выйдешь.*
 — *А никто не думал, и я тоже не думала, и он сам.*
 — *Ну, он - т о , положим, думал, – сказал Славка (Г. Шпаликов).*
 (20) — *Пишите стихи? — переспросил лысый так, как будто В.В. сказал ему что-то смешное. — Неужели пишете стихи? Как это оригинально! Он пишет стихи, – сообщил он окружающим его молодым людям, и молодые люди тут же весьма саркастически по отношению к В.В. и угодливо по отношению к Зиновию Матвеевичу захихикали (В. Войнович).*

Комментируя высказывание

- (21) (Mother, to son, in front of his friend) *Does she want another cup of coffee?*

Кларк/ Карлсон отмечают:

In asking her son this, the mother is really telling the woman indirectly that she is refusing to speak to her. If the mother had said directly I

refuse to speak to you, she would be belying her own words. She can accomplish what she wants only indirectly and laterally (ibidem, 337).

Другим средством выражения эмпирической определенности являются указательные местоимения: *этот, тот, здесь, там, сюда, туда, сейчас, тамошний, здешний, нынешний, сегодняшний* и др. В зависимости от синтаксической позиции они делятся на две группы: присубстантивные (нем. *Nomenbegleiter*) и приглагольные (*Nomenvertreter*) (von Schuch 1990, 111).

Темина «указательные местоимения» не полностью отражает семантическую сущность этих единиц, потому что они выражают не только демонстративную (как в репликах покупателя), но и перцептивную (как в реплике продавца) определенность (Земская/Капанадзе 1978):

- (22) Покупатель. *А эти зимние белые большие только?*
 (23) Продавец. *Большие.*
 (24) Покупатель. *А вот эти польские, «Хелена», это только большие размеры, да?*
 (25) Продавец. *Это не польские — Венгрия.*

В немецком языке имеются дейктические показатели морфемного формата, которые инкорпорированы в морфологическую структуру некоторых глаголов: *herauf* = ‘оттуда, снизу к говорящему, который находится наверху’; *herunter* = ‘оттуда, сверху к говорящему, который находится внизу’; *herein* = ‘оттуда, снаружи к говорящему, который находится внутри’; *heraus* = ‘оттуда, изнутри к говорящему, который находится снаружи’ (Braunmüller 1977, 145), например:

- (26) *herausgehen* = ‘выходить (сюда)’
 (27) *hereinkommen* = ‘входить (сюда)’
 (28) *heraufkommen* = ‘подниматься вверх (сюда)’
 (29) *herunterkommen* = ‘спускаться вниз (сюда)’

В качестве средств выражения дейктической определенности эпизодически употребляются нарицательные существительные, например:

- (30) — *Прикончили б сразу, чем так.*
 — *Ага, именно! Все больно жалостные, гляжу, а пострелять — другой дядя пускай.*
 — *Другому дяде, небось, и приказано.*
 — *Мало мне чо приказано (Г. Владимов).*

Выражение *другой дядя* употребляется для косвенного обозначения в первом случае — говорящим самого себя, в другом — партнера по общению, ср. перифразы: *Пострелять должен я; Тебе, небось, и приказано*. Подобное, не прямое именование одного из коммуникантов создает магический, а именно — эвфемистический эффект и используется тогда, когда в соответствии с теми или иными аксиологическими пресуппозициями упоминание об участии одного из коммуникантов в описываемом событии нежелательно.

Нарицательное существительное *человек* может дейктически употребляться в речи, иногда при условии предупомянутости лица:

- (31) *Дайте человеку поспать!* = 'Дайте мне/ему поспать'.
 (32) — *Посмотрите, Иван опять просит добавки. — Человек любит поесть!* = 'Он (наблюдаемое и упомянутое лицо) любит поесть'.
 (33) *Но, поздоровавшись и спустившись на несколько ступенек, Квициния решил: «Давай-ка развеселю немножко человека»* («Литературная газета». 5 XII 1984) = 'Давай-ка я его немного развеселю'.

В польском языке употреблению нарицательных существительных со значением 1-го или 2-го лица обычно сопутствует дополнительная социативная информация, а именно — семантика вежливости или гоноративности, ср.:

- (34) — *A gdzieś ty bywał?*
 — *Zaraz dziadek zobaczy* (Т. Nowak).
 (35) (обращение к тете) *Co ciocia wymyśla?*

С другой стороны, в качестве знака эмпирической определенности нарицательные существительные могут употребляться также иронически, ср. пример из воспоминаний Г. Данелия:

- (36) *Я взял у Конецкого письмо от Де Голя, положил на стойку перед дежурным:*
 — *Вот!* — и объяснил, что это письмо от президента Франции (показал пальцем на герб и президентскую печать) писателю Конецкому, *гордости нашей литературы* (показал на Конецкого).
 — *А документы у гордости нашей литературы есть?* — спросил дежурный.

Для выражения дейктической демонстративной определенности в устной речи широко употребляются также невербальные знаки, прежде

всего проксемические — жесты, направление взгляда, а также кинетические — приближение говорящего к предмету.

Неопределенные местоимения типа *кто-то*, *что-то*, *где-то* выражают значение детерминативной функции: ‘данный объект, действие, состояние и т.д. невозможно идентифицировать по причине его недоступности прямому восприятию’. В отдельных случаях такая семантика неопределенности контрастирует с детальным описанием ненаблюдаемого предмета, как, например, в отрывке из рассказа А. Платонова «Эфирный тракт»:

(37) *Проснувшись в пять часов утра в своей московской квартире, Фаддей Кириллович почувствовал раздражение. Непотушенный свет горел в комнате, и где-то визжали толстые крысы.*

Употребление прилагательного *толстые* в данном сочетании, а именно — в контексте неопределенного местоимения *где-то*, кажется семантически неоправданным: герой не наблюдает бегающих крыс — они визжат *где-то*, следовательно, не может и судить о том, что крысы *толстые*.

3. Энциклопедическая определенность

Энциклопедическая (когнитивная) определенность обусловлена наличием у говорящего устойчивого, хранящегося в долгосрочной памяти образа референта. Этот тип семантики определенности реализуется с помощью собственных имен:

(38) *Я сяду на «Кропоткинской», а у «Библиотеки» выйду.*

ИГ «Кропоткинская» и «Библиотека» обладают энциклопедической определенностью, ср. экспликацию: ‘Я выйду на станции метро, которую я знаю/помню как «Кропоткинскую»’.

В литературе встречается мнение, что в случае имен собственных экстенционал и интенционал совпадают (Schwarze/Wunderlich 1985, 32). Но обратим внимание на то, что существуют имена собственные с двумя различными типами экстенционалов — единичным и множественным. В первом случае речь идет об именах уникальных объектов, например, о топонимах типа *Любляна*. Во втором случае имена собственные, например, онимы типа *Иван*, омонимичны.

Следует отметить, что и уникальные имена не являются абсолютно жесткими номинациями единичных объектов: во-первых, они допускают омонимию: в одном из рассказов А. Платонова *Москва* — имя девушки. Ср. также:

- (39) *В 1965 году корреспондент журнала «Лаффбой» взял интервью у Бриджит Бардо. « У вас репутация интеллектуалки, — спросил он. — Вы когда-нибудь читали Виктора Гюго? » С независимостью красоты, которая знает, чем она берет, кинозвезда ответила: «Я не уверена. А кто его написал?» («Знамя». 1988/5).*

Во-вторых, даже единичный объект представлен множеством пространственных и временных вариаций:

- (40) — *Ты кто такая?*
 — *Я... я затрудняюсь сказать, сэр, кто я такая сейчас. Я знаю, кем я была утром, когда встала с постели. Но по-моему, с тех пор меня несколько раз превращали в кого-то другого [...]*
 — *И ты сама это заметила?*
 — *Боюсь, сэр, что уже не я сама. Потому что, когда я заметила, что я не сама, по-моему, я уже была не я сама (Л. Кэрролл).*

В-третьих, встречается тиражирование собственного имени при номинации объектов одного типа (Feleszko 1981, 200; Hlavsa/Svozilová 1969, 122):

- (41) *Na Śląsku jest 50 Ligot* = 'В Силезии имеется 50 населенных пунктов, которые называются Лигота'.

В газетных текстах эта омонимия может специально употребляться для создания эффекта аттракции, так называемого языкового шока, ср.:

- (42) *Путин и Примаков попались на наркотиках (заголовок). В прошлом году по статье 228 ч. 1 («незаконное хранение наркотиков») был задержан однофамилец российского президента. 6 октября у 30-летнего жителя Северного района города Воронежа господина Путина при досмотре личных вещей сотрудники милиции обнаружили 1 грамм опия. А еще один персонаж с громкой фамилией Примак в, проживающий в Нововоронеже, тоже попал за решетку по той же статье. У него дома при обыске обнаружили 0,6 грамма такого же наркотика — опия («Комсомольская правда». 14 VIII 2002).*

Подобного рода омонимия обыгрывается в «Лысой певиче» Э. Ионеско:

- (43) *Снова пауза. Часы на стене бьют семь раз. Пауза. Часы бьют три раза. Пауза. Часы бьют ноль раз.*
 Мистер Смит (все еще глядя в газету). *Смотри-ка, здесь написано, что умер Бобби Уотсон.*
 Миссис Смит. *Господи! Бедный! И когда это он умер?*
 Мистер Смит. *Нечего делать удивленный вид. Ты прекрасно знала. Он вот уже два года, как умер. Не помнишь? Мы были на похоронах полтора года назад.*
 Миссис Смит. *Ну конечно, я помню. Я сразу вспомнила, просто я не поняла, почему ты так удивился, прочитав про это в газете.*
 Мистер Смит. *В газете про это ничего нет. Мне уже три года назад говорили о его смерти. И я по ассоциации вспомнил.*
 Миссис Смит. *Какая жалость! Он так хорошо сохранился.*
 Мистер Смит. *Это был красивейший труп во всей Великобритании! Совершенно не выглядел на свой возраст. Бедный Бобби! Четыре года, как умер, а был еще теплый. Вот уж поистине живой труп. А какой веселый!*
 Миссис Смит. *Бедная Бобби!*
 Мистер Смит. *Ты хочешь сказать — бедный Бобби.*
 Миссис Смит. *Нет, это я про его жену. Ее тоже звали Бобби. Бобби Уотсон. Из-за этого совпадения их вечно путали, когда видели вместе. Только после его смерти и разобрались наконец, кто из них кто. Да и сейчас еще находятся люди, которые путают ее с покойником и приносят ей соболезнования. Ты с ней знаком?*
 Мистер Смит. *Я только раз ее видел, совершенно случайно, на похоронах Бобби.*
 Миссис Смит. *А я никогда не видела.*

В-четвертых, широко встречается нереферентное употребление собственных имен, это явление М. Рутковский определяет как деонимизацию (Rutkowski 2007; см. также: Ратникова 2003). Ср. примеры:

- (44) *Новый строй грозит писателям-«радикалам» гораздо бóльшим: изгнанием за пределы общества, ссылкой на Сахалин одиночества* (В. Брюсов).
- (45) *Видишь вокзал, на котором можно В Индию Духа купить билет* (Н. Гумилев).
- (46) *Весь вечер он уверял меня, что ошибся в выборе профессии и что ему надо было стать Ринной Зеленой* (В. Конецкий).
- (47) — *Ты теперь называешься — Альфонс.*
 — *Ну, это ты брось, — не согласился Чонкин. — Ты, слышь, жену свою как хошь называй, хоть горшком, а меня зови по-прежнему Ваней* (В. Войнович).
- (48) *Но не можем понять, кто порешил: то ли белые, то ли григорьевцы, то ли какая-нибудь Марусяка Никифоровна. Этих марусек развелось видимо-невидимо* (Ю. Трифонов).

- (49) *Не принимаю твоего вызова не потому, что ты Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер* («Знамя юности». 13 II 1992).
- (50) *Поцупать последний медяк в кошельке —
И в дверь с королевским размахом,
Дородную Грету прижать в уголке
И чокнуться с толстым монахом* (В. Марков).
- (51) *Я разразился бы песнею песней
О Суламифи российских калуг* (В. Щировский).

Ошибочность точки зрения, согласно которой значение имени собственного сводится к указанию на объект (имя собственное как «жесткий десигнатор» в теории каузальных цепочек С. Крипке), состоит в том, что имена собственные заключают в себе характеристику объекта (Серл 1982, 197 ссл.). Если при употреблении нарицательного существительного актуализируются существенные, объективные свойства референта как представителя определенного класса, то при употреблении имени собственного актуализируется внешнее, субъективное свойство объекта — присвоенное ему имя. В высказывании

- (52) *И все Горюхины мерзавцы,
как все большие господа* (Горюхин)

имя собственное во множественном числе можно интерпретировать как ‘те, кого зовут *Горюхин* / носители фамилии *Горюхин*’. Как пишет У. Чейф, у лиц, которых зовут *Майкл*, нет ничего общего, кроме имени *Майкл* (1975, 131). В связи с этим в содержании единичных имен усматривается метаязыковой признак (Руденко 1990, 219).

З. Вендлер (1982, 211) пишет, что имена собственные не допускают сочетаемости с артиклями, что подтверждает их особый, недискрепитивный статус. Речевой материал, однако, этого правила не подтверждает: ИГ типа «артикл + собственное имя» являются отмеченными, например, в немецком языке (Knobloch 1992, 459 ссл.):

- (53) *Ein Max Müller hat für Dich angerufen.*
(54) *Der/dieser Max Müller hat für Dich angerufen.*

В первом случае собственное имя значит ‘некто Макс Мюллер’, во втором — ‘этот, упомянутый, известный Макс Мюллер’. Выражение семантики детерминативности в данном случае вынесено за пределы собственного имени, которое является здесь лишь носителем метаязыкового смысла ‘тот, кто называется *Макс Мюллер*’.

Б. Рассел указывал, что отсутствие у имен собственных значения проявляется в высказываниях тождества типа

(55) *Скотт — автор «Веверлея»,*

которые, однако, не тавтологичны: лексическое содержание имени *Скотт* и содержание дескрипции *Автор «Веверлея»* не совпадают (1993, 26). Этот аргумент представляется все же неубедительным, потому что в выражении

(56) *Автор «Веверлея» — это автор «Айвенго»*

также отсутствует тавтология — в силу семантического различия дескрипций *автор «Веверлея»* и *автор «Айвенго»*. Можно предположить, что и высказывание

(57) *Скотт — автор «Веверлея»*

не содержит тавтологии по той же причине. Приводя в качестве примера дескрипцию *золотая гора*, денотат которой носит фиктивный (потенциальный) характер, Рассел писал: «Имя не может осмысленно входить в суждение, если нет чего-то, что оно именуется, в то время как дескрипция не подчиняется этому ограничению» (*ibidem*, 27). С этим положением также трудно согласиться. Референты имен типа *Наполеон* относятся к области интенциональных возможных миров, и, подобно сочетанию *золотая гора*, их осмысление зависит от комплекса фоновых знаний субъекта. Рассел приходит к выводу о бессмысленности дескрипций как автономных выражений: поскольку возможно высказывание:

(58) *Скотт — автор «Веверлея»,*

то термины *Скотт* и *автор «Веверлея»* обладают общими семантическими признаками, поскольку же это высказывание не тавтологично, то данные термины семантически не идентичны. Таким образом, рассуждает Рассел, выражение *автор «Веверлея»*, как и все дескрипции, само по себе бессмысленно (1993, 27).

С нашей точки зрения, приведенные факты требуют иного объяснения: возможность включения терминов *Скотт* и *автор «Веверлея»* в высказывание идентификации свидетельствует об их референциальном тождестве — они относятся к одному

и тому же лицу, а отсутствие тавтологии в высказывании идентификации свидетельствует о сигнификативном различии данных терминов, ср. трансформацию: ‘Тот, кого я знаю под именем Скотт, является создателем предмета, который я знаю под именем «Веверлей»’.

Элементы интенциональности содержат также показатели грамматической семантики собственных имен. Например, благодаря нулевой флексии оним *Михаил* включает семантический признак ‘принадлежит к классу мужчин’ (Богданов 1977, 36; Knobloch 1992, 467). Имеются также существенные прагматические различия в парадигме имен собственных: *Алексей Петрович* — *Алексей* — *Алеша* — *Лешка* и т.д. (Супрун 1993).

Значением ‘предмет *a* называется *N*’, а также сопутствующими грамматическими и прагматическими признаками содержание собственных имен, однако, не исчерпывается. Во-первых, в их содержание входит референтность: собственное существительное обозначает не класс объектов, называемых одним и тем же именем, а в единственном числе — один выделенный объект, в множественном числе — выделенную подгруппу объектов. Ср.:

(59) *В гостях были Ивановы.*

(60) *Все Ивановы талантливы.*

В первом случае имя собственное называет группу гостей по их принадлежности к одной семье, члены которой носят фамилию *Иванов*. Во втором случае имеются в виду представители одной династии. В литературе отмечается невозможность предикативного (атрибутивного) употребления собственных имен (Chisholm 1992, 90).

Имена собственные обладают еще одним важным признаком: они называют такой выделенный объект, который обычно известен говорящему до речевого акта. Как пишет В. Лефельд, имена собственные не имеют значения в общепринятом смысле — они обладают референцией благодаря внеязыковым знаниям носителей языка (Lehfeld 1996, 128).

Наличие когнитивного фона в содержании собственных имен позволяет употреблять их в переносном значении, общая структура которого может быть представлена в виде трансформы ‘такой, как *A*’. О выражениях типа

(61) *Наполеонов нам не надо*

Д. И. Руденко писал:

Объект, действительно обладающий соответствующим именем [...] в таких случаях рассматривается как символ, точнее, «образец» некоторого присущего ему свойства, которым обладают и другие объекты (1990, 220).

По мнению Руденко, сходство собственных имен с эгоцентрическими словами заключается прежде всего в том, что их употребление обычно сопровождается семантикой определенности (см. также: Runggaldier 1985, 117). О референте имени в высказывании

(62) *Наполеон умер в изгнании*

говорящему известно больше, чем только то, что его звали *Наполеоном*. На наличие устойчивой когнитивной информации, ассоциируемой членами языкового сообщества с тем или иным именем собственным, указывает и следующий пример (Birkenmaier 1977, 51):

(63) *Один человек, имени называть не буду, чтобы ни о чем не догадались, влюбился в одну девушку.*

Для подтверждения семантики определенности имен собственных Е. В. Падучева использует критерий отрицания (1985, 37), ср.:

(64) *Эдип женился на своей матери.*

(65) *Эдип женился на Иокасте.*

(66) *Эдип не знал, что женился на своей матери.*

(67) **Эдип не знал, что женился на Иокасте.*

В речевой практике можно, однако, встретить и «некогнитивное» функционирование собственных имен, ср. отрывок из рассказа А. Чехова «Ночь перед судом»:

(68) — *Вы правду говорите, что вы доктор? Seriously?*

— *Честное слово. Так позвольте принести вам порошок?*

— *Ну, если вы доктор, то пожалуйста... Только зачем вам трудиться? Я могу мужа выслать к вам... Ф е д я ! — сказала брюнетка, понизив голос. — Ф е д я ! Да проснись же, тюлень! Встань и поди за ширму! Доктор так любезен, он предлагает нам персидского порошку.*

Присутствие за ширмой « Ф е д я » было для меня ошеломляющей новостью.

Если в реплике брюнетки имя собственное *Федя* содержит когнитивную определенность — речь идет о хорошо знакомом ей лице — ее супруге, то в реплике героя то же имя собственное значит нечто иное (отсюда и кавычки), а именно — ‘упомянутое лицо, названное *Федей*’. Имя собственное сохраняет, видимо, определенность, но это — определенность не когнитивная, а коммуникативная — указание на лицо, являющееся предметом разговора.

Энциклопедическую определенность эпизодически выражают личные местоимения 1-го лица:

- (69) — *Кто там?*
— (голос за дверью) *Я*.

Местоимение *я* позволяет в данном случае идентифицировать лицо отчасти на основании аудиального контакта коммуникантов, что представляет собой элемент эмпирической определенности. Отчасти же лицо идентифицируется благодаря существованию в памяти речевого субъекта ассоциации между голосом и конкретным человеком. Энциклопедический характер определенности ИГ подтверждается тем, что местоимение *я* в рассматриваемом примере можно заменить именем собственным:

- (70) — *Кто там?*
— *Аркадий*.

Поскольку определение лица основывается здесь на паралингвистических, а именно — акустических критериях, то, в сущности, лексическое содержание ответной реплики в подобных ситуациях вербальной идентификации лица не играет значительной роли — выбор лексических средств автопрезентации регулируется, скорее, социально- и культурно-прагматическими нормами.

В подобных речевых ситуациях может наблюдаться противоречие между лексической и акустической информацией, что преднамеренно обыгрывается в следующем отрывке:

- (71) *Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:*
— Эй! Кто-нибудь дома?
Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.
— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух громко-громко.
— Нет! — ответил чей-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз прекрасно тебя понял.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос.

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: "Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть – ведь кто-нибудь должен же был сказать: "Совсем-совсем никого!"

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! – сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, – сказал Кролик. – По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как! — сказал Винни Пух.

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я!

— Что значит «я»? «Я» бывают разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи! (А. Милн, пер. Б. Заходера).

Необычность речевой ситуации в данном случае обусловлена нарушением сформулированного ранее Грайсом постулата качества: «Не говори того, что ты считаешь ложным», — один из речевых партнеров, а именно — Кролик, сознательно вводит своего партнера по диалогу в заблуждение, и тем не менее — благодаря энциклопедической информации — идентификация лица достигает эффекта.

Заслуживает внимания и следующее употребление местоимения 1-го лица:

(72) *Когда же он явится, наконец, мой герой, моя заблудшая лапушка!.. Вдруг он-то и скажет свое несравненное: «Здравствуй, э т о я»* (В. Максимов).

В этом случае мы имеем дело, скорее всего, с энциклопедической — не с эмпирической определенностью ИГ — с точки зрения героини художественного текста: личное местоимение 1-го лица здесь значит нечто вроде 'желанный человек'.

Эпизодически для выражения когнитивной определенности в речи употребляются указательные местоимения, а именно — в конструкции [*тот* + *же* + существительное], ср.:

- (73) *Лет тридцать с лишним назад седовласый, маститый Федор Гладков в той же «Литературке» [...] ополчился против двух слов («Литературная газета». 27 VII 1983).*
- (74) *Это огромная опасность. Даже в той же Прибалтике, которой мы симпатизируем, прослеживается какая-то чудовищная степень некомпетентности в принятии решений («Литературная газета». 18 VII 1990).*
- (75) *Я думаю, что в число международных языков в течение лет 20—30 почти точно войдут японский и русский, очень возможно, что к ним прибавится арабский. Китайский — под вопросом; он куда сложнее по фонетике и письменности. Наконец, «на местности» уже прибавляют вес «посторонние» языки — в той же Эстонии популярны финский и в меньшей мере шведский — ввиду близости Финляндии с ее двумя государственными языками; в ближайшем будущем эта участь может постигнуть латышский как язык южного соседа (интернет).*
- (76) *Прошло двадцать три года. Но Иоланта ведёт себя так, как будто мы расстались в прошлом месяце. И ни о какой дружбе братьев семьями не может быть и речи. В той же Японии мы встретились вчетвером — и неловко сделалось перед окружающими (И. Кио).*

В подобных выражениях необязательно предполагается предварительное упоминание о референте указательного местоимения, как это, например, наблюдается в предложении:

- (77) *В статье «Третий элемент» он наглядно показал, как в 1892 году труды Анненского по земской статистике спасли от голода сотни и тысячи крестьянских семейств, проживавших в Лукояновском уезде. На статистические данные Анненского, как известно, ссылался Ленин. Когда Анненский скончался, ленинская «Правда» выразила своё соболезнование редакции «Русского богатства» по поводу тяжёлой утраты, понесённой ею в лице Н. Ф. Анненского, одного из стойких представителей честной демократической мысли. «Мы, марксисты, — говорилось в той же газете, — идейные противники субъективно-социологической школы, чтим память Н. Ф. Анненского, так искренне, всей душой служившего демократии (К. Чуковский).*

В предложениях (73) — (76) и подобного типа, скорее всего, передается информация предварительной осведомленности говорящего и — предположительно — слушающего о предмете разговора, в частности — о референте дистрибутивного партнера указательного местоимения. Так, предложение (73) можно интерпретировать следующим

образом: ‘Лет тридцать с лишним назад Федор Гладков в «Литературке» — вам, конечно, хорошо знакома эта газета — ополчился против двух слов’.

Что касается значения когнитивной неопределенности, то оно выражается *-то* местоимениями, а в разговорной речи нередко — указательным местоимением *это*, например:

- (78) *Только в тысяча девятьсот каком-то самые смелые стали не уступать место старикам* (С. Мрожек, пер. В. Бурича и М. Павловой) = ‘в тысяча девятьсот... не помню точно — в каком году’.
- (79) *Мы стоим друг против друга: я — гимназист второго класса, и господин Ковалевский — инженер, домовладелец, председатель чего-то* (Ю. Олеша) = ‘... председатель общества — не помню какого’.
- (80) *Я все сидел в этом баре, одинокий, грустный, и, как мне почему-то казалось, элегантный, и пил это самое... пиво* (В. Попов) = ‘Я не помню, как называется то, что я пил — кажется, пиво’.
- (81) *Сама хороша, обижается он, восьмой десяток уж разменяла, а все на скакалке прыгает. Той, как ее, аэробикой увлеклась* («Комсомольская правда». 1 I 1985) = ‘Не помню, чем она увлеклась’.

Когнитивная неопределенность, т.е. неизвестность предмета, может выражаться существительными, например, такими, как польское *wihajster* — производное от немецкого выражения: *Wie heißt er?* ‘Как его зовут?’ Ср.:

- (82) *Do czego służy ten wihajster przy lodówce?* = ‘Как использовать эту штуковину около холодильника?’

Русскому существительному *штуковина* в английском языке соответствуют: *whatamacallit*, *thingumajig* или *thingy*.

4. Коммуникативная определенность

Коммуникативная (эндофорическая) определенность основана на семантической связности текста и заключается в упомянутах обозначаемого референта — до или после момента сообщения. Ср. высказывание, где словоформа *она* выступает как маркер коммуникативной определенности :

- (83) — *Если ты мне дашь нитки, коробку эту, я заштопаю.*
— *А где она?*

Личное местоимение *она* можно интерпретировать как ‘упомянутая коробка с нитками’.

В артиклевых языках для выражения этой семантики используются специализированные формы — артикли. Русскому предложению

(84) *Она дала кошке крысу*

может соответствовать несколько вариантов детерминативной интерпретации одного и того же диктума (пример из работы: Джеймс 1989, 244):

(85) *She gave a cat the rat.*

(86) *She gave the cat the rat.*

(87) *She gave a cat a rat.*

Существуют две разновидности коммуникативной определенности именных групп: *аналогичная*, имеющая структуру «базовая форма + субститутивная форма», и *катафорическая* — со структурой «субститутивная форма + базовая форма». Определенность первого типа реализуется в предложении (70), а примером определенности второго типа могут быть предложения:

(88) *Тот чище всех должен быть душою, кто заключил в себе талант* (Н. Гоголь).

(89) *Я начал было пить, как все, но имел то преимущество, что долго не хмеле* («Литературная газета». 5.9.1984).

(90) *В тот день, о котором я веду речь, он проснулся в превосходном настроении* (С. Миллиган, пер. Г. Кружкова).

(91) *Кто эти те, кто мешает* («Прожектор перестройки». 21.6.1988).

В польском языке область катафорического употребления местоимений, по сравнению с русским, более широкая: здесь активно функционирует конструкция «указательное местоимение *ten* ‘этот’ + прилагательное», в которой именно прилагательное раскрывает смысл местоименного слова, ср.:

(92) *Wyobrażam sobie, że część widzówi (zapewne ta starsza) odnajdzie w filmie Wajdy swojskość i tęsknotę do niej* („Polityka”. 1999/43).

(93) *Granice przyzwoitości wyznaczają magazyny dla pań, te dla mężczyzn zdecydowanie je przekraczają* („Polityka”. 1999/26).

- (94) *Polskie góry są celem lokalnych wypadów weekendowych: Karkonosze wybierają najczęściej biznesmeni z Wrocławia, a Tatry — ci z Krakowa* (Wprost". 2000/26).
- (95) *W ministerstwie są dwa bufety. Jednak ten na dole jest lepiej zaopatrzony* (M. Nowakowski).
- (96) *Co się stało z mitem nowoczesnej lewicy z 1988 roku? Nowoczesnej, a więc demokratycznej i prorynkowej, ale uwarunkowanej na prawa człowieka, także te socjalne* („Tygodnik Powszechny". 5.4.1992).
- (97) *Kościół zawikłany był w holocaust. Było to trudne chociażby dlatego, że najważniejsze archiwa — a w szczególności to watykańskie — pozostają zamknięte* („Fakty i mity". 2002/40).

С лингвистической точки зрения интересно следующее предложение:

- (98) — *Не представляю, чем они занимаются, когда бывают одни. О чем им вообще говорить? — Вера гладила загорелые ноги. — Он совсем ребенок.*
— *Этот ребенок все бары знает* (П. Кожевников).

В данном случае ИГ *этот ребенок* не значит ‘упомянутый ребенок’, потому что говорящий сознательно использует номинацию, предложенную его коммуникативным партнером — с точки зрения говорящего, не адекватную по отношению к реальному положению дел. Здесь имеется своего рода цитирование, ср. интерпретацию: ‘Упомянутое лицо, которое вы назвали/считаете ребенком, знает все бары’. Ср. иную ситуацию в предложении:

- (99) *Генетики самой по себе еще мало. Даже если на генетическом уровне будет признано, что это ребенок Иванова, суд должен заинтересоваться: а каким образом произведен на свет этот ребенок, и почему Иванов не желает мириться с тем, что ребенок этот его* (С. Мазур) = ‘Каким образом произведен на свет упомянутый ребенок’.

Для реализации коммуникативной определенности, как показывают примеры, употребляются личные и указательные местоимения. Позицию субстантивированного указательного местоимения может заполнять личное местоимение 3-го лица, например:

- (100) *Старик удивленно глядел на мальчика. Тот/он был весь перепачкан.*

Указательные и относительные местоимения могут употребляться как анафорические субституты высказываний, т.е. просентенциально (Braunmüller 1977, 29 ссл.):

(101) *Morgen fährt Monika weg (und auch Gisela reist ab). Die s bedauern natürlich alle.*

(102) *Morgen fährt Monika weg (und auch Gisela reist ab), was natürlich alle bedauern.*

К маркерам коммуникативной определенности следует, видимо, отнести и рефлексивные местоимения *себя, свой* — они характеризуют объект на основе кореферентности с подлежащим (Киклевич 1996), ср.:

(103) *Маша увидела себя в зеркале.*

Данное высказывание можно интерпретировать: ‘Маша увидела в зеркале того, кто упомянут как предмет данного сообщения’. П. Пипер относит к возвратным и местоимение *сам*, которое в некоторых контекстах «замещает название лица, тождественного субъекту» (1988, 82).

Близки по содержанию к рефлексивным взаимные (симметричные) местоимения, которые указывают на совместное участие в ситуации нескольких лиц, одно из которых является референтом подлежащего. Ф. фон Кучера (Kutschera 1971, 70) интерпретирует высказывание

(104) *Max und Manfred hassen einander* = ‘Макс и Манфред ненавидят друг друга’

следующим образом: UND (HASSEN (Max, Manfred), HASSEN (Manfred, Max)). Предикат высшего порядка *und* выступает здесь в значении ‘одновременно’.

Одной из форм коммуникативной определенности являются нулевые знаки (Булыгина/Шмелев 1997, 330) — то, что в лингвистической традиции называется ситуативным эллипсисом, ср.:

(105) — *Что делает Маша?*
— *Разговаривает с Егором.*

Пропуск подлежащего следует рассматривать здесь как индексальный знак с содержанием ‘упомянутое лицо’. Тожество существи-

тельного *Маша* и синтаксического нуля только референтное: они обозначают одно и то же лицо. Однако сигнификативная семантика данных знаков разная, ср.: *Маша* = 'известное говорящему до речевого акта на основании личного опыта лицо, которое зовут *Маша*'; # = 'упомянутое лицо' (см. Киклевич 1998, 107). В таком употреблении реализуется общая ориентация нулевых знаков на категорию нормы (стереотипа). В данном случае нормой коммуникации является семантическая связность речи, в известной терминологии Г. П. Грайса — принцип релевантности. Незаполнение синтаксической позиции слова означает, что говорящий придерживается начатой темы (в нашем конкретном примере это — *Маша*).

Приводимое ниже предложение интересно тем, что анафорическое местоимение соотносится с незаполненной синтаксической позицией:

(106) *Он предложил любить ее вечно* («Комсомольская правда». 13 I 1984).

Здесь предполагается, что адресат первого предложения и объект второго предложения кореферентны. В некотором отношении предложение содержит парадокс: нулевая позиция адресата (кому предложил?) опирается на отношение к далее упомянутому объекту, а выражение объекта чувства (любить кого?) с помощью анафорического местоимения *ее* означает, что имеется в виду ранее упомянутое лицо. Таким образом, одно неизвестное определяется через другое неизвестное. Специально это обыгрывается в стихотворении Новеллы Матвеевой:

(107) *Но в том-то и дело,
Что дело не в том.*

В случае коммуникативной определенности или неопределенности ИГ отношение кореференции между полнозначным знаком и проформой должно быть четко эксплицировано, иначе могут возникать проблемы с адекватным декодированием сообщения. В отдельных случаях это становится причиной комического эффекта:

(108) *Объявление в подъезде: «Уважаемые жильцы! Не засоряйте мусоропровод. Это дом, в котором вы живете».*

В данном случае местоимение *это* непосредственно контактирует с существительным мусоропровод, что и провоцирует интерпрета-

цию: *Дом, в котором вы живете, напоминает мусоропровод*. Естественно, что интенция автора текста была иной:

(109) *Уважаемые жильцы! Не засоряйте мусоропровод в доме, ведь это — дом, в котором вы живете.*

5. Полисемия маркеров детерминативности

Формальные средства детерминативности многозначны: каждое из них обычно выражает несколько типов определенности — эмпирическую, когнитивную, коммуникативную. Эта закономерность проявляется и в сфере семантики неопределенности. В высказывании

(110) *К т о - т о приближается*

ИГ может быть интерпретирована и как ‘неопределенное лицо, которое говорящий не может идентифицировать из-за его отсутствия в речевой ситуации’, и как ‘неопределенное лицо, отсутствующее в базе знаний говорящего’. На это различие указывают и перифразы:

(111) *Я не вижу (не могу рассмотреть) того, кто приближается.*

(112) *Я не знаю того, кто приближается.*

Эмпирическая или когнитивная интерпретация неопределенного местоимения в значительной степени зависит от контекста. Существуют контексты, допускающие только одну из таких интерпретаций, например:

(113) *Но сегодня этот вид*

Новым чем-то веселит (В. Ходасевич).

Выражение *новым чем-то* содержит, видимо, когнитивную неопределенность — говорящий не может идентифицировать данного признака ни с одним объектом в имеющейся у него базе знаний.

Кроме того следует упомянуть и употребление неопределенного местоимения без семантики детерминативности — как оператора экзистенциальности (Киклевич 1998, 186):

(114) *К т о - т о считает, что человек — венец творения* = ‘Существует некто, кто считает...’.

- (115) *Кто-то из них вернулся в деревню, а кто-то остался в городе* = ‘Среди них есть такие, кто вернулся в деревню, и такие, кто остался в городе’.
- (116) *Всем кто-то что-то писал* (В. Войнович) = ‘Были такие люди и были такие тексты, документы, что хотя бы один человек писал хотя бы один текст/документ всем другим’.

В безартиклевых языках значительные трудности вызывает описание определенности/неопределенности как криптокатегории. Аксиомой современной лингвистической семантики является то, что независимо от грамматического статуса данной категории ее значения присутствуют в семантической структуре высказывания и текста. Например, можно считать, что в безартиклевых языках препозиция по отношению к глаголу-сказуемому является средством выражения определенности, а постпозиция — средством выражения неопределенности. На это указывают примеры типа:

- (117) *На столе лежит книга.*

В данном высказывании подразумевается, что референт существительного *стол* известен, а референт существительного *книга* не известен говорящему. Однако в высказывании

- (118) *Книга лежит на столе*

постпозиция существительного интерпретируется иначе: имеется в виду конкретный, наблюдаемый стол. Можно предположить, что различие в интерпретации постпозитивных существительных *книга* и *на столе* связана с тем, что второе из них имеет локативное содержание, которое взаимодействует с референтной семантикой предиката.

Определенность/неопределенность существительного в постпозиции по отношению к сказуемому, вероятно, зависит и от лексического значения существительного. Разные типы референтов определяют свои условия идентификации, например — *книга* и *ложка*, ср.:

- (119) *На столе лежала ложка.*

Существительное *ложка* обозначает референт, для идентификации которого (в отличие от *книги*) достаточно его соотнесения с классом ложек или с прототипическим образом ложки, поэтому в лексиче-

ском значении существительного закодирована семантика определенности. Другим фактором имплицитной реализации категории детерминативности является лексическое значение глагола, ср.:

(120) *Старик увидел корабль.*

(121) *Старик посмотрел на корабль.*

Различие данных высказываний заключается, в частности, в семантике детерминативности: в первом существительное *корабль* (при условии, что на него падает логическое ударение) является неопределенным, во втором — определенным: скорее всего, имеется в виду известный, ранее упомянутый корабль.

Нулевая форма считается носителем неопределенности и в так называемых неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. В русистике принято, что «производитель действия» в таких предложениях «неопределенен» (Белошапкина 1977, 98). Степень этой неопределенности может быть, однако, разная. В высказывании

(122) *В дверь постучали*

производитель действия не известен ни говорящему, ни слушающему. Однако в высказывании

(123) *Меня поселили во флигеле*

ситуация иная: производитель действия известен говорящему, например, это — хозяин дома. Референтные высказывания данного типа обычно могут иметь две интерпретации: со слабоопределенным субъектом (как в рассмотренном выше предложении), и с коммуникативно определенным субъектом, как в предложении:

(124) *Лену хозяйева поселили на первом этаже, а меня — во флигеле.*

Семантика универсальной определенности — она реализуется в так называемых обобщенно-личных предложениях — свойственна, главным образом, местоимениям 1-го и 2-го лица. Анализируя одноставные обобщенно-личные предложения типа

(125) *Ты идешь — дальше будешь*

А. М. Пешковский писал: «Для понимания этих предложений прежде всего надо принять во внимание, что в них часто бывает и подлежащее, т.е. слово *ты*» (1935, 330). Ср. соответствующие иллюстрации:

- (126) *Пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!» На перевозе в лодке с чиновником сидишь... Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* (Н. Гоголь).
- (127) *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим.*
- (128) *Вы входите в лес. Вас сразу охватывает прохлада. Вы медленно идете по опушке* (И. Тургенев).
- (129) *Ну что ты с ним сделаешь!*
- (130) *Ну что ты скажешь!*
- (131) *Если у меня нет велосипеда, это не значит, что я имею что-то другое, например, «жигули» или «мерседес»* (И. Шатуновский).

Подобные предложения квалифицируются обычно как обобщенно-личные (Бабайцева 1968, 45; Валгина 1973, 156; Белошапкова 1977, 98; Шведова 1980, 533). В высказывании (126) (монолог Осипа из «Ревизора»), как писал Пешковский (1935, 331), «разумеется не тот, кто слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий ты, ты вообще». По его мнению, односоставные и двусоставные обобщенно-личные высказывания приведенного типа «по существу ничем не отличаются от таких вполне личных предложений, как человек смертен, соловей поет лучше всех птиц и т.д.»

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев (1997, 320) рассматривают высказывания

- (132) *Приятно, когда тебя хвалят*
(133) *Всякому приятно, когда его хвалят*

как с семантической точки зрения однотипные, а именно — содержащие ко а с с и г н а ц и ю личного местоимения и соответствующего антецедента.

Особенность обобщенно-личных высказываний с формами местоимений в 1-м или 2-м лице состоит в том, что они указывают на «личный опыт говорящего» и, в частности, могут отражать его полые признаки (Булыгина/Шмелев 1997, 335), например:

- (134) *Быстро забываешь себя ту, какой была когда-то* (Н. Ильина).

Данное высказывание можно интерпретировать: 'Каждый человек быстро забывает, каким он был когда-то; это касается и меня самой / я знаю это по своему личному опыту'. Обобщенно-личные высказывания рассматриваемого типа могут быть квалифицированы как инклюзивные: 'Сообщаемое касается всех, в том числе и меня'. Высказывание в подобных случаях распространяется на полный объем множества людей, при этом подчеркивается личное участие говорящего в описываемом событии.

Различие универсального и референтного употребления местоимений 1-го и 2-го лица ярко проявляется в следующем примере, критикующем примитивно-конкретное мышление:

- (135) *Брежнев во время встречи в верхах как-то спросил у Форда:*
 — *А как у вас подбираются кадры для государственной службы?*
 — *С помощью тестов. Задаем вопросы и в зависимости от ответа даем оценку. Ну например: кто есть сын твоего отца, но не ты?*
 — *Брежнев задумался и, вернувшись домой, вызвал Косыгина.*
 — *Кто есть сын твоего отца, но не ты?*
 — *Мой брат.*
 — *Правильно, молодец.*
 — *Затем Брежнев вызвал Подгорного.*
 — *Кто есть сын твоего отца, но не ты?*
 — *Мой брат, — ответил Подгорный.*
 — *Вот и ошибаешься: это брат Косыгина* («Крокодил». 1989/28).

Местоимения *твоего, ты, мой* в загадке *Кто есть сын твоего отца?* (*Мой брат*) употреблены генерически — здесь не имеется в виду какое-либо конкретное лицо (местоимения выступают в этом случае как «dummies», см.: Vogusławski 1994), поэтому их конкретно-референтная интерпретация (*это — брат Косыгина*) вызывает юмористический эффект.

Варьирование семантики маркеров категории определенности/неопределенности особенно проявляется на примере вопросительного местоимения *что*, которое может употребляться в предикативном значении, т.е. как имя в каком-либо отношении неопределенного действия, состояния или процесса. Ср. примеры из художественных и публицистических текстов:

- (136) — *Что дядюшка? — спросил меня родственник* (А. Герцен).
 (137) *Городничий уснул жандарма спросить, что о лошади* (А. Герцен).
 (138) *Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:*
 — *Что это у вас обои?* (Ф. Сологуб).

- (139) — *Вы случайно не тот Кержун, который однажды...* — *она осеклась и замолчала.*
— *Который однажды что?* (К. Воробьев).
- (140) *Я не понимаю, что, уже запрещается?* — *мрачно спрашивал Славка на ходу* (Г. Шпаликов).
- (141) *Послушай, а в чайхане что, и вправду ничего не пьют, кроме...* («Литературная газета». 24 X 1984).
- (142) *А что же гости? В первой половине игра у них так и не получалась* («Знамя юности». 21 VII 1981).

Независимо от контекста, в языковой компетенции носителей русского языка местоимение *что* (в предикативном употреблении) означает нечто вроде: ‘Х спрашивает о действиях, процессах, состояниях упомянутых предметов, таких действиях, процессах и состояниях, которые естественно связаны с природой упомянутых предметов или же с их участием в описываемой или наблюдаемой ситуации’. К примеру, вопрос (136) касается *дядюшки*. Говорящий рассчитывает на то, что обоим участникам коммуникативного акта известно, о каком классе возможных миров (если воспользоваться термином эпистемологии), т.е. о каких ситуациях с участием *дядюшки* идет речь. Явление, когда конвенциональное, системное значения слова предполагает варьирование его референтов (или возможных миров) и соотносится с абсолютной, т.е. культурно фиксированной, или окказиональной, т.е. ситуативно фиксированной нормой, квалифицируется как *амбисемия*, см. Киклевич 2007, 150.

Нельзя обойти вниманием и такой аспект многозначности маркеров детерминативной функции ИГ: они дополнительно могут выражать оценочные или эмотивные значения. Так, в речевой практике Федора Достоевского, как следует из его «Воспоминаний», личное местоимение *они* употреблялось как пренебрежительное название демократического круга журналов «Отечественные записки» и «Современник». Подобную семантику личных и указательных местоимений можно проиллюстрировать также предложениями:

- (143) — *За вами стоял, гражданин?* — *наконец обращается он к лысому.*
— *За мной, — признается кто-то.*
— *А ты за кем? Вон за тем что ли?*
Седой, благообразный старик вдруг вспылил:
— *Что значит — за тем? Как вы смеете — за тем?* (В. Попов).
- (144) *В Эрмитаже, в этой толкотне*
всех их и не разглядеть, ей-богу! (В. Британишский).
- (145) *Пускай их смотрят. От него не убудет* («Химия и жизнь». 1985/6).

Наиболее радикальные случаи семантической деривации маркеров детерминативной функции ИГ состоят в том, что их основное, словарное значение нейтрализуется и на первый план выступает новое значение — нередко в составе фразеологической конструкции, при этом область семантического варьирования таких знаков весьма широка, ср.:

- (146) *Мы устали быть не нами!* (В. Хлебников).
 (147) *Когда критикуется наша партийная система, она обычно критикуется не за то* (Г. К. Честертон, пер. С. Белова).
 (148) *Может, пьют вино, Может, так сидят* (М. Цветаева).
 (149) *Вот кувшин — за квасом в столовку сбегай. И быстро мне!* (В. Тендряков).
 (150) *В конце концов стала многим доступной за бутылку водки, а то и за так* (В. Войнович).
 (151) *Виски пошло ему не в то горло* (Ю. Нагибин).
 (152) *Гусейн достал телефон, набрал номер и значительно поглядел на Татарского. На том конце линии взяли трубку* (В. Пелевин).
 (153) *Вы сели не в тот поезд* (разговорная речь).

Субстантивные местоимения (личные, вопросительные, неопределенные) и субстантивированное указательное местоимение обычно употребляются для обозначения предмета, в частности, лица, хотя они встречаются и со значением признака, состояния или действия — как, например, в конструкциях с амбисемией (см. выше), ср. примеры:

- (154) *Хотя, конечно, предложи мне руководитель отвлечься и проделать дыроколом дырки в его дурацких бумажках — я это с великим удовольствием* (А. Битов).
 (155) *Я иду, устал немного — Или что-ни будь еще* (А. Межиров).

В первом предложении указательное местоимение равнозначно словосочетанию *сделаю/проделаю это*, а во втором предложении неопределенное местоимение имеет, приблизительно, значение: ‘нахожусь в каком-то ином — по сравнению с упомянутым — состоянии’. В речевой практике, особенно в разговорной речи, регулярно встречаются конструкции, в которых указательное местоимение *это* занимает инициальную позицию и соотносит описываемую в предложении ситуацию с положениями дел, которые ранее описаны в тексте

или которые наблюдаются в коммуникативной ситуации — в этих случаях мы имеем дело с коммуникативной или эмпирической определенностью:

- (156) — *Это где тебя ранило?* — спросила Нина («Правда». 2 I 1981).
(157) *В городе постоянная нехватка помидоров, огурцов, лука. Это в сезон-то! Это в Крыму-то!* («Литературная газета». 24 II 1982).
(158) — *Ушли, ничего не поели.*
— *Ну, это им не привыкать* (А. Володин).

Во втором предложении синтаксическая позиция указательного местоимения несколько неопределенна: в соответствии с правилами грамматической зависимости русского языка должно было бы звучать так: *К этому им не привыкать*. Здесь мы наблюдаем явление синтаксической индифферентности анафорических и дейктических местоимений, при котором они оказываются как бы вне структуры формально-грамматических зависимостей, что, видимо, каким-то образом обусловлено характером их семантической функции. Ср. пример из прозы А. Битова:

- (159) *Летишь в соседний город и на обратном пути лениво спрашиваешь: какое тут расстояние между этими городами, сколько тут километров?*

Синтаксическую функцию местоимения *тут* определить нелегко, ведь непосредственно оно не аккомодируется содержанием ядерных предикатов. Можно предполагать, что местоимение выполняет здесь функции общего актуализатора, т.е. указывает на то, что рассматриваемая ситуация касается ранее упомянутого или наблюдаемого отрезка действительности.

6. Детерминация как градуальная категория

Степень определенности ИГ варьируется. Даже в таких типичных случаях, когда в высказывании используется соответствующий маркер определенности и известность референта, казалось бы, не вызывает сомнений, идентификация соответствующего объекта не всегда представляет тривиальна. Рассмотрим в качестве примера перформативное высказывание:

(160) *Все сюда!*

Локатив *сюда* является определенным — ‘по направлению к месту, в котором находится говорящий’. Но, во-первых, местоимение само по себе не указывает на это место — предполагается, что местонахождение говорящего принадлежит к внеязыковой базе данных адресата. Во-вторых, не конкретизировано и само понятие места, прежде всего его границы, которые могут существенно варьироваться. Известность референта при употреблении определенных местоимений в значительной степени базируется на внеязыковых, докоммуникативных предпосылках речевого взаимодействия.

В функционально-семантическом поле определенности выделяют ядро — местоимения 1-го лица, которые наиболее эксплицитно представляют одного из коммуникантов (а именно — говорящего), и периферию — местоимения 2-го, а особенно 3-го лица; последние, по мнению А. В. Бондарко (1991, 20), «функционально обособлены от указания на участников речевого акта».

Градуальность в системе персональных форм детерминативности обусловлена важной особенностью их семантической структуры: помимо указания на отношение референта ИГ к участнику речевого акта они в нормальном употреблении предполагают наличие актуального или предварительного контакта реципиента с референтом соответствующей ИГ, а применительно к формам 2-го лица — их совпадения. Иными словами, реципиент должен быть свидетелем номинации, между говорящим и слушающим должен иметься своего рода договор относительно значения личного или указательного местоимения, более широко — относительного некоторого фрагмента действительности. Ср. текст анекдота:

- (161) *К Н. В. Подгорному, который уже был на пенсии, приехал какой-то приятель и стал укорять:*
— *Что ты, Коля, засел у себя на даче, как буюк, ничем не интересуешься, газет не читаешь, даже небось не в курсе, что теперь новый папа Римский.*
— *Да ну?! — изумился Подгорный. — Неужели ОН теперь и Римский папа?*

«Соль» анекдота, между прочим, и в том, что под личным местоимением *он* скрывается личность Леонида Ильича Брежнева, но раскодирование в тексте этой информации требует от слушающего/читающего специальной культурно-исторической осведомленности.

Если упомянутый выше «договор» отсутствует, употребление личного местоимения сопровождается дополнительной информацией, например, перечислением состава обозначаемого референтного множества, как в высказываниях:

- (162) *Мы все пошли к выходу с перрона. Мы — это мы с отцом, бабушка Евгения Петровна, сестра отца тетя Аня, ее муж дядя Костя Шклярский и их дети Сева и Витя* (В. Войнович).
- (163) *Однажды мы взяли 4 билета (мы — это я, моя подруга и наши дети: Наташа 12 лет, Вова 13 лет) на итальянскую комедию «Фантоцци против всех»* («Литературная газета». 26 III 1986) (см. также: Норман 2002, 219 сл.).

Это правило распространяется и на имена собственные, в частности, антропонимы, которые, как известно, характеризуются категориальной референтной омонимией, например:

- (164) *Фамилию у Ивана она в ту ночь спросить постеснялась и теперь написала: «Красная Армия, Энская часть, Ивану, который знает»* (В. Войнович).

Имя собственное *Иван* является определенным символом только для корреспондента, поэтому его референт характеризуется в речи дополнительными идентифицирующими признаками ('тот Иван, который знает, кто является отправителем данного сообщения').

Отсутствие предварительной договоренности о предметной области рассмотрения может привести к «размыванию» содержания дейктических знаков:

- (165) *Известен рассказ о купце, который из соображений рекламы вывесил объявление: «Сегодня — за наличные, завтра — в кредит». Он решил, что это объявление ни к чему его не обязывает: ни в какой день нельзя сказать, что сегодня как раз тот день, когда наступило завтра* (А. Ивин).

Неопределенная семантика личных (определенных) местоимений выдвигается на первый план в лирической поэзии, где отсутствует прямой коммуникативный контакт автора и читателя. Т. М. Сильман писала, что личные местоимения в лирическом жанре позволяют реализовать авторское «инкогнито» — конкретность и сверхличность:

Лирическое стихотворение должно восприниматься как соотношение величин, отвлеченных от индивидуальной определенности действующих лиц. Иначе интерес к лирическому стихотворению был бы равен «интересу» человека, читающего письмо, направленное не ему, а другому адресату (1977, 199).

Указательные местоимения, как уже отмечалось, употребляются для выражения эмпирической либо коммуникативной определенности. При этом, однако, предмет сообщения может оставаться неизвестным говорящему, например, при первой «встрече» с референтом в коммуникативном контексте:

(166) *Какая ваша любимая эпоха в развитии человечества? И почему именно эта?* (вопрос на встрече читателей с Б. Окуджавой).

Коммуникативной или эмпирической определенности ИГ, включающей указательное местоимение, может сопутствовать когнитивная неопределенность, как это наблюдается в часто встречаемом вопросе:

(167) — *Что это (такое)?*

Неслучайно указательные местоимения используются как своеобразные «маскировочные», в частности — эвфемистические средства, с помощью которых говорящий скрывает от адресата часть информации об объекте, Ср.:

(168) — *Тетя Маша, а я вашу Галю... того...*

— *Так женись!*

— *Да нет, я ее того... — трактором переехал* (анекдот).

(169) *Почему она при дворе, а я нет — как будто это устроено у нее иначе, чем у меня?* (кинофильм «Трудно быть богом»).

В польском языке семантику неопределенности действия выражают употребляемые как поговорки местоимения *tego/potego* (Piernikarski 1990, 199 ссл.), например:

(170) *Musisz dobrze kółka potego, żeby nie pisać.*

Встречается употребление указательных местоимений в эвфемистической функции, например, название посвященной проблемам секса передачи на российском телеканале НТВ «Про это».

Личные местоимения используются при условии, что получатель сообщения хорошо представляет себе структуру речевого акта, т.е. коммуникативные роли участников информационного обмена, и способен адекватно определить, кто является в диалоге говорящим, кто — адресатом, кто — зрителем. Поэтому в лексическом содержании личных местоимений можно выделить два признака: ассертивный и пресуппозитивный. Ср. пример толкования:

(171) Я = '1 (лексическое значение). Употребляется для указания на говорящего; 2 (семантическая пресуппозиция). Адресату сообщения известно, кто является говорящим'.

Обратим внимание, что данная семантическая пресуппозиция сохраняется при отрицании слова, т.е. удовлетворяет критерию, обязательному для всех пресуппозиций, ср.:

(172) *Это сделал я.*

(173) *Это сделал не я.*

Общей частью содержания данных взаимоотрицаемых выражений является пресуппозиция 'Адресату сообщения известно, кто является говорящим'. Если бы она была ложной (представим себе общение без актуального визуального контакта коммуникантов, например, в темноте, и без их предварительного аудиального контакта, т.е. при неспособности адресата идентифицировать говорящего по голосу), то речевой субъект вынужден был бы избрать другую форму номинации или же предварительно характеризовать себя с помощью существительного. В высказывании

(174) (Учитель обращается к одному из учеников) *А теперь ты пойдешь к доске*

местоимение 2-го лица само по себе не содержит определенности ИГ с семантической функцией агенса, потому что зрителям не известно, кому из них адресовано сообщение и без дополнительного вербального или паравербального указания на конкретное лицо данное высказывание не уместно (подтверждением чего является то, что оно в рассматриваемой речевой обстановке не может быть реализовано в письменной форме — написано на доске).

Наибольшая степень определенности, как уже указывалось, свойственна личному местоимению 1-го лица единственного числа

— говорящий наиболее легко идентифицируется по движениям внешних речевых органов, голосу и другим аудио-визуальным признакам:

Der Sprecher garantiert, daß in seiner Verwendung das Pronomen der ersten Person einen Gegenstand — oder ein Designatum — besitzt. Es gibt jedoch keine Garantie im Falle anderer Demonstrativa (Chisholm 1992, 76).

При отсутствии визуального контакта с говорящим определенность местоимения 1-го лица уменьшается, например, при общении по телефону (Киклевич 2001, 185). Ср. обыгрывающий эту неоднозначность текст анекдота:

(175) — *Это ты, любимая?* — спрашивает муж по телефону.
— *Нет, это я,* — отвечает жена.

Я в письменном тексте определено еще слабее, поэтому требуется дополнительная дескриптивная характеристика лица, ср. финальные формы типа *твой друг Вася* в эпистолярных текстах.

Референт местоимения 2-го лица конкретизирован менее отчетливо, во-первых, потому, что моторно-двигательная активность адресата, по сравнению с говорящим, слабее. Во-вторых, как уже указывалось, адресат сообщения не всегда совпадает со слушающим, а внешние, проксемические различия адресата и зрителя (группы зрителей) не всегда очевидны.

Слабоопределенность форм 1-го и 2-го лица множественного числа проявляется, в частности, в том, что они представлены двумя вариантами — инклюзивным и эксклюзивным (Rittel 1985, 68), ср.:

(176) *мы = я + ты* или *я + вы*
(177) *мы = я + он* или *я + они*

Подобная неопределенность местоименных форм 1-го и 2-го лица преодолевается в конструкциях типа *мы с ней, вы с ним, мы с Иваном*. В немецком языке подобные сочетания не распространены, ср.:

(178) *мы с Францем* ('я и Франц') — *ich und Franz, *wir mit Franz*.

В польском предложении из прозы известного писателя Ежи Брошкевича:

(179) *My, w y i ja jesteśmy w przyjaźni*

семантическая оппозиция между местоимениями единственного и множественного числа как бы «размывается»: этот случай, скорее всего, следует отнести к области синтаксических аномалий.

С лингвистической точки обращает на себя внимание также следующее предложение:

(180) *Предлагаю н а м отныне быть вместе* (А. Ким).

В данном случае сомнения вызывает употребление личного местоимения *нам*. Предложение можно рассматривать как результат компрессии: в основе анализируемой синтаксической структуры лежит трехместный предикат *предлагать*, при котором обязательно выступают три позиции: субъекта, объекта и адресата. Ср. выражение этого предиката в «развернутом» виде:

(181) *Пользуясь тем, что его пассия имела доступ к дефицитным продуктам, Галибутаев однажды предложил ей, чтобы в их «любовных утехах» участвовала также отдельная штука сырокопченой колбасы* (Е. Попов),

В предложении (180), которое можно перифразировать: ‘Я предлагаю вам, чтобы мы отныне были вместе’, ИГ *нам* как бы воплощает в себе две функции: адресата при первом, ядерном предикате и субъекта при втором, включенном предикате. Однако инклюзивный характер содержания местоимения вызывает очевидную парадоксальность высказывания: получается, что говорящий адресует свое предложение собеседнику и одновременно — самому себе.

В отдельных высказываниях с местоимениями *мы* и *вы* ни говорящий, ни слушающий вообще не имеют прямого отношения к описываемой ситуации, например:

(182) *...А мы в Седлецкой губернии силою и обманом обращали в православие униатов...* (А. Кони).

В данном случае говорящий не принимает непосредственного участия в описываемом событии, а словоформа *мы* значит: ‘правительство той страны, гражданином которой я являюсь’. В выражениях данного типа можно говорить о расширительном значении местоимения. Подобная семантика выражается русским адverbиальным местоимением *теперь*. Если, как пишет И. А. Мельчук,

местоимение *сейчас* имеет конкретное темпоральное значение ‘в момент речи’ ‘в ближайший момент после момента речи’, то местоимение *теперь* — расширительное значение ‘в данный период — в период времени, которому относится и момент речи’ (1995, 59 ссл.), ср.:

(183) *Сейчас я занят.*

(184) *Сейчас приду.*

(185) *Теперь мы живем хорошо.*

Оппозицию дейктических операторов темпоральности (*в данный момент — сейчас — сегодня — теперь — ныне* и т.д.) можно квалифицировать как градуальную, потому что ее отдельные члены различаются степенью конкретизации времени речевого акта.

Подобная градуальность наблюдается и в области пространственных детерминаторов, например, немецких лексем *hier* и *da*: первая имеет более узкое значение ‘в месте речевого акта’, другая — более широкое значение ‘в интерактивной области говорящего’ (Ehrich 1990, 13 сл.), что подтверждается примерами из речевой практики (реплики по телефону):

(186) *Ist Hans da?*

(187) **Ist Hans hier?*

Следующую, по сравнению с местоимениями 1-го и 2-го лица, ступень в иерархии определенности занимают местоимения 3-го лица, чаще всего выражающие коммуникативную (анафорическую) определенность ИГ. Предупомянность в тексте как семантическое свойство анафорических местоимений — слишком общий признак, к тому же внешний по отношению к предмету, так что идентифицировать предмет только на основании данного признака возможно далеко не всегда, ср.:

(188) *Я хочу показать тебе одну книгу. Она написана известным писателем.*

ИГ *она* может быть истолкована здесь как ‘упомянутый предмет’. Этой информации, однако, слишком мало, чтобы адресат самостоятельно, без подсказки говорящего смог выделить данную книгу из множества других книг (при условии, что в этом множестве имеется по крайней несколько книг, написанных известными писателями).

Неопределенность семантики 3-го лица А. М. Пешковский весьма убедительно продемонстрировал на примере:

(189) *Комендант велел дворнику отнести вещи жильца к себе.*

Данное высказывание (лишенное связи с контекстом) может иметь два различных толкования: дворник должен был отнести вещи жильца либо в комнату коменданта, либо в свою комнату. В связи с подобной двусмысленностью А. М. Пешковский писал:

В тех случаях, когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения (1935, 146).

Наименьшей степенью определенности ИГ, выраженных личным местоимением в 3-м лице, по-видимому, объясняется тот факт, что в формах этого типа, в отличие от 1-го и 2-го лица, проявляется — как своего рода компенсация — дифференциация по роду (которая, впрочем, варьируется в разных языках).

В. Медунка (Miodunka 1974, 75) указывает, что референт ИГ, построенной по модели: [притяжательное местоимение + существительное], является определенным. Это, однако, верно лишь по отношению к сингулярным выражениям типа *мой отец*. Если же экстенционал выражения включает более одного элемента, такое выражение является лишь частично определенным. Так, выражение *мой брат* характеризует лицо как 'такой, по отношению к которому я являюсь братом / такой, который по отношению ко мне является братом / такой, с которым меня связывает отношение *быть братом*', однако оно не позволяет выделить лицо из множества братьев. Именно поэтому возможно объединение в одной синтагме притяжательных и неопределенных местоимений, ср.: *один из моих братьев, какой-то его знакомый, кто-то из наших руководителей*, а также объединение притяжательного местоимения и неопределенного артикля, ср. (примеры Р. Ницоловой): болг. *една нейната картина*, нем. *eines ihrer Bilder*. В высказывании

(190) *Продав весь свой товар, она побежала в поликлинику к своей приятельнице — регистраторше Варя — узнать, не приходил ли ее тренер по боксу в поликлинику* («Литературная газета». 02.05.1984)

слабоопределенность ИГ *ее тренер по боксу* проявляется двояко: с одной стороны, потенциально имеются два antecedента: *ее — она, ее — регистраторша Варя*; с другой стороны, может варьироваться предикативное отношение: ‘тот, кто тренирует ее’ или ‘тренер по боксу, который за ней ухаживает’ (в приведенном тексте реализуется второе значение).

Слабоопределенность притяжательных местоимений 3-го лица в немецком языке проявляется в том, что они выступают как проформы подлежащего (т.е. как аналоги рефлексивного местоимения) либо находящегося в том же высказывании или за его пределами antecedента (т.е. как аналоги личных местоимений) (Киклевич 1996, 205), ср.:

(191) *Die Großmutter liebte sehr i h r e Enkelkinder.*

Это высказывание, в принципе, может иметь два прочтения: *Бабушка очень любила своих внуков* или *Бабушка очень любила ее (т.е. некоторого ранее упомянутого лица женского пола) внуков.*

Варьируется и степень определенности собственных имен. На это указывает отмеченность либо неотмеченность их сочетаний с неопределенными местоимениями, ср.:

(192) *Приходил некто Воропаев.*

(193) **Приходил некто господин Воропаев.*

(194) **Приходил некто Иван.*

(195) **Приходил некто Ванюша.*

(196) **Приходил некто Иван Петрович.*

(197) *?Приходил некто Иван Петрович Воропаев.*

(198) *?Приходил некто Иван Воропаев.*

Имя лица обладает большей степенью определенности, чем фамилия, ср.:

(199) *Эту книгу написал Иван.*

(200) *Эту книгу написал Шерстов.*

В первом случае предполагается, что автор книги известен говорящему, во втором случае не исключена интерпретация, при которой

говорящему ничего не известно об авторе кроме того, что его фамилия — *Шерстов*. Впрочем, существуют выражения, в которых и имя лица может употребляться как неопределенный символ со значением 'тот, кого зовут *N* (кто представился как *N*)'. Ср. ситуацию телефонного разговора:

(201) — *Тебе звонил Шура*.

Данная реплика возможна также в ситуации, когда референт собственного имени не известен говорящему, ср. телефонный диалог:

(202) — *Будьте добры, Нину.*
— *Нины нет дома. Может, что-нибудь передать?*
— *Передайте, что звонил Шура.*

На определенную или неопределенную интерпретацию собственного имени влияют также различные контекстные факторы, например, лексическое значение глагола, ср.:

(203) *К тебе пришел Шура*.

В данном случае используется визуальный канал получения информации о ситуации, который является более сильным фактором идентификации объекта, чем акустический.

Градуальность наблюдается и в области неопределенности. Исследователи различают слабоопределенные и неопределенные местоимения, например:

(204) *Приходил один студент.*
(205) *Приходил какой-то студент.*

В первом случае референт является неопределенным только для слушающего, во втором — для слушающего и для говорящего. Семантику слабоопределенности в русском языке выражают местоимения группы *кое-* (Birkenmaier 1977, 57), ср.:

(206) *Я тебе кое-что купил.*
(207) *Нам надо поговорить с тобой кое о чем.*
(208) *К нам еще кое-кто должен прийти.*

В польском языке такая двусмысленность присуща местоимениям на *-ś*, ср.:

- (209) *Mijając drzwi sąsiedniego pokoju, zobaczyła jednak czyjś cień* («Angora». 2001/51-52).
 (210) *W międzyczasie k o g o ś poznałam i wyszłam za mąż* («Angora». 2008/38).

В первом предложении выражается эмпирическая неопределенность: говорящий не может идентифицировать человека, тень которого он видит. Во втором предложении ситуация иная: здесь неопределенность реализуется только в отношении слушающего, которого говорящий не информирует о конкретном лице, которое является предметом сообщения. Впрочем, это второе употребление неопределенного местоимения может рассматриваться как экзистенциальное, ср. трансформацию: 'Существовал некто, с кем я познакомилась и за кого позже вышла замуж'.

В литературе встречается разграничение специфической и неспецифической референции, которое базируется на известности/неизвестности объекта сообщения говорящему (Braunmüller 1977, 77). Так, в выражении

- (211) *ein Freund von mir*

существительное является слабоопределенным: его референт, хотя и не известен слушающему, однако известен говорящему. Существует точка зрения, согласно которой и определенный, и неопределенный артикль указывают на присутствие в тексте информации об объекте, только определенный артикль отсылает к предшествующей, а неопределенный — к последующей части текста (Heinemann/Viehweger 1991, 30).

На факт градуальности значения в рамках категории определенности указывают многочисленные примеры коммуникативных ситуаций, в которых употребление личного или указательного местоимения одним из участников диалога вызывает необходимость уточнения предмета, лица, действия, состояния и т.д. другим участником диалога. Ср. польские примеры:

- (212) — *To koniec wszystkiego.*
 — *Dla kogo koniec, dla kogo początek... Dla nas może być początkiem.*
 — *Jakich „nas” — spytał Janusz* (J. Iwaszkiewicz).
 (213) — *Nie wiemy, kiedy i w jaki sposób możemy być fatalnie przegrane.*
 — *My, to znaczy kto?* (Wiech).

7. Категория определенности vs. категория референции

Особого внимания заслуживает проблема взаимодействия детерминативной функции с другими функциями ИГ, прежде всего с референтной. Граница между категориями определенности и референтности отнюдь не строга, и зачастую в литературе можно встретить отождествление этих категорий по признаку идентификации объекта (Ehrich 1990, 11). Трудность разграничения данных категорий на практике в значительной степени обусловлена тем, что они выражаются с помощью частично совпадающих лексических форм: имен собственных и местоимений (прежде всего личных и указательных) (Braunmüller 1977, 71). При описании референции языковеды пользуются заимствованным из логики понятием актуализации — применения к неопределенной дескрипции (нарицательному существительному в нереферентном значении) показателя референтности, т.е. идентификатора, который соотносит знак с конкретным индивидом или группой индивидов в заданной предметной области (Cresswell 1979, 216). Так, нарицательное существительное *студент* определяет предметную область — множество предметов, которые являются носителями общего признака. Функция идентификатора *этот* заключается в том, чтобы выделить из этого множества объект, который имеется в виду, например: *этот студент* = ‘предмет из множества студентов, такой, в качестве наблюдателя присутствует в данной референтной ситуации’.

Актуализаторами (в другой терминологии: детерминаторами, операторами выделенности, модификаторами, показателями референтности) в естественных языках являются местоимения, например:

(214) *Кто-то из гостей забыл зонтик.*

В данном высказывании имеется в виду конкретное лицо из подмножества гостей, которое говорящий не может идентифицировать. Таким образом, местоимение *кто-то* одновременно выражает два значения: референтность (выделенность объекта) и неопределенность (неидентифицируемость объекта). Следует подчеркнуть, что в данном случае, вопреки распространенному в лингвистической семантике представлению, референтность существительного не опирается на идентификацию денотата — она заключается в выделенности объекта из виртуального множества объектов.

В качестве маркеров нереферентности выступают также инициальные релятивные местоимения (Kutschera 1975, 239 сл.):

(215) *Wer wagt, gewinnt* = 'Каждый, кто колеблется, побеждает'.

(216) *Was rot ist, ist nicht grün* = 'Все то, что является красным, не является зеленым'.

В безартиклевых языках нереферентное употребление имеют нарицательные существительные в единственном или множественном числе в контексте диспозитивного (нереферентного) предиката, например:

(217) *Скорпион похож на кузнечика.*

(218) *Скорпионы похожи на кузнечиков.*

Исследователи отмечают, что к генерическим относятся также экзистенциальные и универсальные именные группы (Lehfeld 1996, 133):

(219) *Джон хочет жениться на какой-нибудь иностранке.*

(220) *Все дети любят мороженое.*

Дело, однако, в том, что такая интерпретация именной группы возможна только в контексте неспецифического предиката — некоторые кванторные местоимения, например, *какой-нибудь*, реализуются исключительно в таком контексте. Если предикат выступает в высказывании в конкретно-ситуативном значении, то и именная группа интерпретируется как референтная:

(221) *Джон женился на какой-то иностранке.*

(222) *Все дети съели мороженое.*

Типичным является конкретно-референтное функционирование показателей категории лица местоимений. Но единицы, которые составляют данную категорию, имеют и другое, хотя менее распространенное употребление — в качестве показателей генеричности. На это указывает А. Богуславский, предлагая оппозицию двух употреблений местоименных слов: «pronouns as proxies — pronouns as dummies» (Bogusławski 1994).

В артиклевых языках к средствам референтности причисляются артикли (Piernikarski 1990, 54). Считается, что выражаемые артиклями значения определенности/неопределенности реализуются толь-

ко применительно к референтным именным группам (Gladrow 1979, 34 сл.). Однако в действительности положение сложнее: и определенный, и неопределенный артикль могут употребляться нереферентно (Cresswell 1979, 216; Heusinger 1997, 143). В немецком языке выделяется шесть типов выражения генерических именных групп, среди которых имеются и существительные с артиклями (Krifka 1987, 4 ссл.; Chur 1993, 23 ссл.):

- (223) *Der Löwe ist ein wildes Tier* — определенный артикль, единственное число.
- (224) *Die Löwen sind wilde Tiere* — определенный артикль, множественное число.
- (225) *Ein Löwe ist ein wildes Tier* — неопределенный артикль, единственное число.
- (226) *Löwen sind wilde Tiere* — без артикля, множественное число.
- (227) *Gold ist ein wertvolles Metall* — без артикля, единственное число.
- (228) *Einige Katzen, nämlich der Löwe und der Tieger, sind wilde Tiere* — таксономическое представление множества.

При описании артиклевых языков трудности разграничения определенности и референтности объясняются тем, что артикли функционируют как средства выражения обеих данных категорий, ср. (примеры В. Гладрова):

- (229) *Der Kranker singt keine Lieder — Ein Kranker singt keine Lieder.*
- (230) *Weigert sah einen Hund über die Straße laufen. Er stürzte sofort hinterher. Aber der Hund war auf der anderen Seite schnell hinter einer Baracke verschwunden.*

В первом случае имеется противопоставление референтность — генеричность, во втором случае — противопоставление определенность — неопределенность.

В. Гладров предлагает следующее решение вопроса о соотношении категорий референтности и определенности: генерические существительные не различают значений определенности/неопределенности; если же к ним применяются артикли *der* и *ein*, то они выражают принципиально иные значения. Оппозиция определенности/неопределенности реализуется только при референтном употреблении существительного: чтобы быть определенным или неопределенным, существительное должно соотноситься с конкретным денотатом (Gladrow 1979, 34 сл.). Из этого вытекает, что существуют ИГ трех типов:

1. генерические (ни определенные, ни неопределенные);
2. референтные определенные;
3. референтные неопределенные.

Подтверждением нерелевантности детерминативной оценки генерических ИГ, по мнению Гладрова, является то, что при генерическом значении неопределенного артикля повторное употребление существительного не сопровождается заменой неопределенного артикля на определенный, ср.:

(231) *Weigert langweilte sich jetzt häufig. Er suchte einen Hund, der ihm Gesellschaft leisten sollte. Als er schließlich einen Hund gefunden hatte, konnte er sich nicht ihm anfreunden. Der Hund war störrisch und irgendwie aggressiv.*

При первом употреблении ИГ *einen Hund* выражается значение генеричности, при повторном употреблении той же ИГ оно сменяется значением референтности — речь уже идет о конкретной, но неопределенной (для слушающего) собаке. При очередном употреблении данного существительного выражается значение определенности — *der Hund* значит ‘упомянутая собака’.

Надо, однако, заметить, что В. Гладров рассматривает так называемое «эталонное» генерическое употребление нарицательных существительных, а оно несет на себе сильные признаки предикативности. Некоторые исследователи квалифицируют такое употребление существительных как неопределенное (Heusinger 1997, 16). Что касается «родовых» генерических ИГ, то здесь положение принципиально иное: существительное (во множественном или единственном числе) обозначающее целый класс, является определенным, если задано свойство, общее для всех элементов данного класса. Таким образом, для ИГ в высказываниях типа

(232) *Птицы теплокровны*

мы вводим понятие генерической определенности. Генерические ИГ типа *птицы* являются носителями виртуальной квантификации (Киклевич 1998, 67): они указывают на то, что в высказывании рассматривается весь класс птиц, т.е. имеется вся необходимая информация для того, чтобы идентифицировать объект — носитель признака «теплокровность». Указание на «качественную определен-

ность» форм родового единственного числа встречаем у Д. И. Руденко (1990, 202).

Генерическая определенность или, в другой терминологии, денотативный статус ИГ зависит от наличия либо отсутствия конкретной индивидуальной области одного из дискурсивных возможных миров, по отношению к которой аргумент выполняет номинативную функцию (Падучева 1985, 83; Бондарко 1992, 237; Giusti 1982, 4), ср.:

(233) *Ученый открыл новый закон.*

(234) *Жених Терезы — ученый.*

В первом высказывании аргумент с семантической функцией субъекта имеет конкретно-референтное употребление: подразумевается конкретный исполнитель действия. Во втором высказывании та же словоформа имеет нереперентное (генерическое, или универсальное) употребление, поскольку обозначает не конкретное лицо, а признак, ср. интерпретацию этого высказывания: 'Жених Терезы принадлежит к классу ученых'. Благодаря наличию аргументов с семантикой объективной определенности высказывание выступает знаком конкретной ситуации, которая, в свою очередь, является его референтом.

Различие денотативных статусов словоформ связано с семантической структурой знака, которую составляют два компонента: указание на означаемое и способ представления означаемого в знаке, которым в разных работах соответствуют термины: денотация — сигнификация (коннотация), значение — смысл, экстенционал — интенционал, объем — содержание, обозначение — значение, эмпирическое — качественное определение и др. (Джемс 1981, 15; Жинкин 1965, 10; Липпс 1902, 46; Льюис 1983, 211; Рассел 1982, 41 ссл.; Ревзин 1978, 185; Тондл 1975, 29; Фреге 1977, 181 ссл.; Ajdukiewicz 1960, 140; Brekle 1972, 56; Schifko 1975, 67 ссл.; Wunderlich 1991, 8; Ullmann 1967, 65). Благодаря денотативному компоненту значения слово выступает в референтной функции, а благодаря сигнификативному компоненту значения — в нереперентной функции.

Оппозицию референтности/нереперентности представляют также как противопоставление выделенности/невыделенности из некоторого таксономического класса участвующих в ситуации индивидов (Гуревич 1983, 55; Sawicka 1978, 55). Этот критерий, однако, в ряде случаев «не срабатывает». Во-первых, выделенность подмножества индивидов еще не означает объективной определенности аргумента, ср.:

(235) *Мой брат интересуется русскими философами,*

где употребление словоформы *русскими*, хотя и приводит к сужению объема класса философов, но не меняет денотативного статуса аргумента - он остается неопределенным, ср.: 'Те, кем интересуется брат, являются философами, такими, которые являются русскими'. Во вторых, референтное значение может иметь и символ невыделенного множества, ср.:

(236) *В 1927 году обериуты организовали знаменитый литературный вечер,*

где, с одной стороны, аргумент *обериуты* обозначает конкретное множество предметов (имеются в виду *Заболоцкий, Хармс, Вагинов, Введенский, Бахтерев, Липавский и др.*), с другой стороны, это множество известно говорящему до момента трансляции сообщения (он знает не только о существовании группы «Обериу», но и о ее составе). Данное выражение может быть трансформировано: 'Предметы/лица, которые являются обериутами, такими, которые мне известны, в 1927 году организовали знаменитый литературный вечер'.

Введение понятия генерической определенности позволяет по-новому интерпретировать детерминативную функцию некоторых типов синтаксических структур, например, инфинитивные предложения с нулевым подлежащим:

(237) *Встать!*

(238) *Судьбы не миновать!*

В первом случае референт нулевого подлежащего определен — это адресат сообщения, ср.: 'Тот, к кому я обращаюсь, должен встать'. Во втором случае нулевое подлежащее нереферентно, ср.: 'Никто из людей не может миновать судьбы'. Но и в этом случае синтаксический ноль обладает признаком определенности (здесь — генерической), который следует, видимо, считать существенной семантической характеристикой нулевого подлежащего в конструкциях данного типа.

«Производитель действия» в неопределенно-личных предложениях считается неопределенным (Белашапкина 1977, 98), ср.:

(239) *Дни поздней осени бранят обыкновенно* (А. Пушкин).

Такая интерпретация является характерным примером отождествления нереферентности и неопределенности. С нашей точки зрения, в данном случае синтаксический ноль выражает генерическую определенность — виртуальное множество объектов, известных говорящему как носители признака «люди».

С учетом генерической определенности можно предложить следующую типологию ИГ:

	Референтные ИГ	Генерические ИГ
Определенные ИГ	<i>Иван Петрович читает. Эти яблоки еще зеленые.</i>	<i>Львы — хищники.</i>
Неопределенные ИГ	<i>Звонил какой-то студент. Познакомился с одной студенткой.</i>	—

Нереферентные существительные, как видим, могут быть маркированы с точки зрения категории определенности, но оппозиция определенных/неопределенных ИГ здесь отсутствует. Определенность/неопределенность различаются в рамках референтности, а референтность/нереферентность различаются в рамках определенности. Неопределенные нереферентные ИГ не представлены. Если ИГ является неопределенной и нереферентной, она является не аргументом, а предикатом, как в случаях типа:

(240) *Людмила работает счетоводом.*

Конечно, существуют конструкции, в которых неопределенное местоимение присоединяется к нарицательному существительному, однако здесь либо существительное имеет конкретно-референтное значение, либо местоимение не имеет значения неопределенности, ср.:

(241) *Какие-то предметы горят (а какие-то нет).*

(242) *Там горят какие-то предметы.*

В первом случае неопределенное местоимение выступает в экзистенциальном значении, на что указывают трансформации:

(243) *Некоторые предметы горят.*

(244) *Существуют воспламеняющиеся предметы.*

Во втором случае неопределенное местоимение применяется к референтной ИГ, называющей некоторое конкретное, наблюдаемое подмножество объектов.

8. Заключение

«Всякий язык, — писал Х. Л. Борхес, — представляет собой алфавит символов, употребление которых предполагает общее с собеседником прошлое» (разрядка моя. — А. К.). По поводу прономинальных символов языка — прототипических средств выражения детерминативной функции ИГ, следовало бы сказать, что их употребление предполагает общее с собеседником настоящее. Здесь имеются в виду разного рода контекстные «поддержки», без которых употребление этих символов было бы невозможным. Конечно, слова типа *я, этот, здесь* обладают стабильными, надконтекстными элементами значения, но их реализация в речи конфигуративна — она опирается на взаимодействие двух типов знания — языкового и неязыкового. Из этого следует вывод, что семантический и грамматический термин «категория определенности» таит в себе противоречие: языковые средства данной категории, в действительности, как таковой определенности в себе не заключают — лишь отсылают к практическому, интеллектуальному или речевому опыту языковых субъектов, который и является источником информации о характере и способах идентификации описываемых референтов. Поэтому, вопреки сложившейся традиции, определенность/неопределенность рассматривается в данной работе как континуальная категория, в которой отсутствует строгая граница между подклассами определенных и неопределенных местоимений. Не только категория в целом, но и ее отдельные подклассы имеют градуальную природу: семантические различия языковых форм детерминативности заключаются, помимо прочего, и в степени экспликации известности референта ИГ — конститутивного признака рассматриваемой функции языковых единиц. Идея синергетичности и внутренней континуальности

категории определенности/неопределенности, как представляется, может быть полезной и плодотворной для дальнейшего изучения данной области семантики естественных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева В. В. (1968), Односоставное предложение в современном русском языке. Москва.
- Белошапкина В. А. (1977), Современный русский язык. Синтаксис. Москва.
- Богданов В. В. (1977), Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград.
- Бондарко А. В. (1991), Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-Петербург.
- Булыгина Т. В./Шмелев, А. Д. (1997), Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва.
- Валгина Н. С. (1973), Синтаксис современного русского языка. Москва.
- Вендлер З. (1982), Сингулярные термы [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции), Москва, 203-236.
- Гуревич В. В. (1983), О семантике неопределенности [В:] Филологические науки. 1, 54-60.
- Джеймс К. (1989), Контрастивный анализ [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. Москва, 205-307.
- Джемс У. (1981), Мышление [В:] Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва, 11-20.
- Жинкин Н. И. (1965), Четыре коммуникативные системы и четыре языка [В:] Теоретические проблемы прикладной лингвистики. Москва, 7-37.
- Земская Е.А./Капанадзе, Л.А. (ред.) (1978), Русская разговорная речь. Тексты. Москва.
- Киклевич А. К. (1996), Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков) [В:] Славяно-германские языковые параллели. Минск, 190-212.
- Киклевич А. К. (1998), Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München.
- Киклевич А. (2001), Стереотипы телекоммуникации и художественная символика телефона [В:] Wiener Slawistischer Almanach. 48, 167-196.
- Киклевич А. (2007), Притяжение языка. Том 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика. Olsztyn.
- Кларк Г.Г./Карлсон Т.Б. (1986), Слушающие и речевой акт [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва, 270-321.
- Липпс Т. (1902), Основы логики. С.-Петербург.
- Льюис К. И. (1983), Виды значения [В:] Семиотика. Москва, 211-224.
- Мельчук И. А. (1995), Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". Москва — Вена.
- Норман Б. Ю. (2002), Русское местоимение «мы»: внутренняя драматургия [В:] Russian Linguistics. 26, 217-234.

- Падучева Е. В. (1985), Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва.
- Пешковский А. М. (1935), Русский синтаксис в научном освещении. Москва.
- Пипер П. (1988), О возвратных местоимениях в русском языке [В:] Актуальные вопросы русской морфологии. Москва, 80-87.
- Рассел Б. (1982), Дескрипции [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 41-54.
- Рассел Б. (1993), Человеческое познание. Москва.
- Ратникова И. Э. (2003), Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск.
- Ревзин И. И. (1978), Структура языка как моделирующей системы. Москва.
- Руденко Д. И. (1990), Имя в парадигмах «философии языка». Харьков.
- Серль Дж. (1982), Референция как речевой акт [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 179-202.
- Сильман Т. (1977), Заметки о лирике. Ленинград.
- Супрун А. Е. (1993), О прагматической парадигме русского личного имени собственного [В:] Russistik. 2, 43-53.
- Тондл Л. (1975), Проблемы семантики. Москва.
- Фреге Г. (1977), Смысл и денотат [В:] Семиотика и информатика. 8, 181-210.
- Химик В. В. (1990), Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Ленинград.
- Чейф У. Л. (1975), Значение и структура языка. Москва.
- Шведова Н. Ю. (ред.) (1980), Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва.
- Ajdukiewicz K. (1960), Język i poznanie. Т. 1. Warszawa.
- Birkenmaier W. (1977), Die Funktion von *odin* im Russischen [In:] Zeitschrift für slavische Philologie. XXXIX, 43-59.
- Bogusławski A. (1994), Sprawy słowa. Word Matters. Warszawa.
- Braunmüller K. (1977), Referenz und Pronominalisierung: zu den Deiktika und Pronomen des Deutschen. Tübingen.
- Brekle H. F. (1972), Semantik. Eine Einführung in die sprachwissenschaftliche Bedeutungslehre. München.
- Chisholm R. (1992), Die erste Person. Theorie der Referenz und Intensionalität. Frankfurt am Main.
- Chur J. (1993), Generische Nominalphrasen im Deutschen: eine Untersuchung zu Referenz und Semantik. Tübingen.
- Clark H. H./Carlson, T. B. (1982), Hearers and Speech acts [In:] Language. 58, 332-373.
- Cresswell M. J. (1979), Die Sprachen der Logik und die Logik der Sprache. Berlin — New York.
- Ehrich, U. (1990), Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berücksichtigung pragmatischer Faktoren. Tübingen.
- Giusti, F. (1982), Неопределенные показатели имени нарицательного [In:] Russian Linguistics. 7/1, 3-19.

- Gladrow W. (1979), Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Leipzig.
- Halliday M. A./Hasan R. (1976), Cohesion in English. London — New York.
- Heger K. (1965), Personale Deixis und grammatische Person [In:] Zeitschrift für romanische Philologie. 81, 1/2, 76-97.
- Heinemann W./Viehweger D. (1991), Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen.
- Heusinger K. von (1997), Salienz und Referenz: der Epsilonoperator in der Semantik der Nominalphrase und anaphorischer Pronomen. Berlin.
- Hlavsa Z./Svozilová N. (1969), K povaze významu u zájmen [In:] Slovo a slovesnost. XXX. S. 120-124.
- Knobloch C. (1992), Eigennamen als Unterklasse der Nomina und in der Technik des Sprechens [In:] Sprachwissenschaft. 17, 451-473.
- Krifka M. (1987), An Outline on Genericity. Tübingen.
- Kutschera F. von, (1971; 1975), Sprachphilosophie. München.
- Laskowski R. (1993), Osoba [In:] Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. Wrocław etc., 377-378.
- Lehfeldt W. (1996), Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten. München.
- Looser M. (1975), Personalpronomen und Subjektivität [In:] Ansätze zur materialistischen Sprachtheorie. Kronberg / Ts., 234-278.
- Mangold-Allwin R. et al. (ред.) (1995), Wörter für Dinge von flexibel Konzepten zu variablen Benennungen. Opladen.
- Miodunka W. (1974), Funkcje zaimków w grupach nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej. Kraków.
- Piernikarski C. (1990), Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi). Wrocław etc.
- Rittel T. (1985), Kategoria osoby w polskim zdaniu. Warszawa — Kraków.
- Runggaldier E. (1985), Zeichen und Bezeichnetes: sprachphilosophische Untersuchungen zum Problem der Referenz. Berlin etc.
- Rutkowski M. (2007), Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii. Olsztyn.
- Sawicka I. (1978), Referencjalna kwantifikacja Renice [In:] Зборник за филологију и лингвистику. Нови сад, 55-61.
- Schermer M. (1979), „Person“ als texttheoretische und textanalytische Grundkategorie [In:] Wirkendes Wort. 2, 93-114.
- Schifko P. (1975), Bedeutungstheorie. Einführung in die linguistische Semantik. Stuttgart — Bad Cannstatt.
- Schroeder Ch. (1989), Sprachlicher Ikonismus: Theoretische Grundlagen und Beispiele aus dem Türkischen [In:] Papiere zur Linguistik. 41/2, 3-76.
- Schuch G. von (1990), Einführung in die Sprachwissenschaft. München.
- Schwarze Ch./Wunderlich D. (1985), Handbuch der Lexikologie. Königstein/Ts.
- Ullmann S. (1967), Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht. Berlin/New York.
- Welte B. (1980), Person und Welt. Überlegungen zur Stellung der Person in der modernen Gesellschaft [In:] Person und Verantwortung. Zur Bedeutung und Begründung von Personalität. Düsseldorf, 9-25.
- Wunderlich D. (1991), Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin New York.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЙ КЛАСС*

Гамлет. Чья это могила, уважаемый?
Могильщик. Моя, сударь.

Шекспир, «Гамлет»

1. Проблема границы класса ПМ

Притяжательные местоимения (в дальнейшем — ПМ) представляют собой один из немногочисленных, но достаточно активных лексико-грамматических классов, выделение которого принадлежит уже давней лингвистической традиции. Так, по данным В. Мудунки, ПМ составляют в сумме 11,8 % всех употреблений местоименных именных групп, при этом четыре из них входят в число десяти наиболее частых польских местоимений: *mój* (четвертое место), *jego, jej, ich* (пятое место), *swój* (шестое место), *nasz* (седьмое место) (Miodunka 1974, 44). В частотном словаре польского языка три лексемы из группы ПМ входят в первую сотню: *swój* — 33-е место с абсолютной частотой 1188, *nasz* — 46-е место с абсолютной частотой 890, *mój* — 64-е место с абсолютной частотой 706. Остальные лексемы, хотя имеют регулярность употребления, однако не выходят за границу 1000 наиболее частых польских слов: местоимение *twój* занимает 354-е место с абсо-

---

* Данная работа представляет собой расширенный вариант ранее опубликованной статьи автора: Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков). [В:] Супрун А. Е./Яхнов Х. (ред.), Славяно-германские языковые параллели. Минск 1996, 190-213.

лютой частотой 163, а местоимение *wasz* — 786-е место с абсолютной частотой 82 (Kurcz/Lewicki/Sambor et al. 1990, 802-806).

Несмотря на «традиционность» выделения класса ПМ, целенаправленный анализ их морфологических, синтаксических и лексико-семантических признаков вскрывает ряд сложных теоретических и практических проблем описания данного грамматического разряда. Одна из них — определение объема и содержания класса ПМ.

Различные лингвистические источники по-разному представляют число ПМ. Например, в польских грамматиках наиболее часто упоминается восемь единиц: *mój, twój, nasz, wasz, swój, jego, jej, ich* (Bań 1987, 173; Cienkowski 1970, 131), однако некоторые исследователи ограничивают класс ПМ пятью лексемами: *mój, twój, nasz, wasz, swój* (Doroszewski 1959, 87; Пальцев 1984, 44). Р. Лясковский выделяет притяжательно-личные (*mój, twój, nasz, wasz, jego, jej, ich*), притяжательно-возвратное (*swój*) и притяжательно-вопросительное (*czyj*) местоимения (Laskowski 1992, 391). Иногда в рамках данной категории рассматриваются также вопросительные и неопределенные местоимения *czyj?, czyjs, czyj bądź, czyjkolwiek, lada czyj* (Klemensiewicz 1981, 57). Т. С. Тихомирова считает возможным трактовать как ПМ также лексему *pański* (1988, 148).

Бросающееся в глаза многообразие классификаций в системе местоимений обусловлено тем, что за их основу берутся признаки, имеющие различную природу: морфологические, синтаксические и лексико-семантические.

С морфологической точки зрения ПМ неоднородны: некоторые из них (местоимения-прилагательные) носят флексийный характер (*мой, твой, наш, ваш, свой*), другие же имеют нефлексийный характер, это — неизменяемые лексические единицы, совпадающие с формами родительного падежа личных местоимений третьего лица: *он — его, она — ее, оно — его, они — их*. От форм личных местоимений родительного падежа (*meiner, deiner, seiner, ihrer, unserer, eurer, ihrer*) происходят притяжательные местоимения в немецком языке, которые в своей первоначальной функции личных местоимений употребляются исключительно редко. Русские личные местоимения 1-го и 2-го лица, в отличие от местоимений 3-го и существительных, не образуют форм родительного падежа в посессивном значении, ср.:

- (1) *портрет брата*
- (2) *его портрет*
- (3) **портрет меня*

- (4) *портрет тебя
- (5) *портрет нас
- (6) *портрет вас

В. В. Виноградов (1972, 269) приводит окказиональные случаи, когда такие формы возникают при сопоставлении (хотя с сегодняшней точки зрения их следует, скорее всего, признать как архаичные), ср.:

- (7) *Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию* (Н. Некрасов).

Ср. предложение, которое может быть интерпретированы двояко:

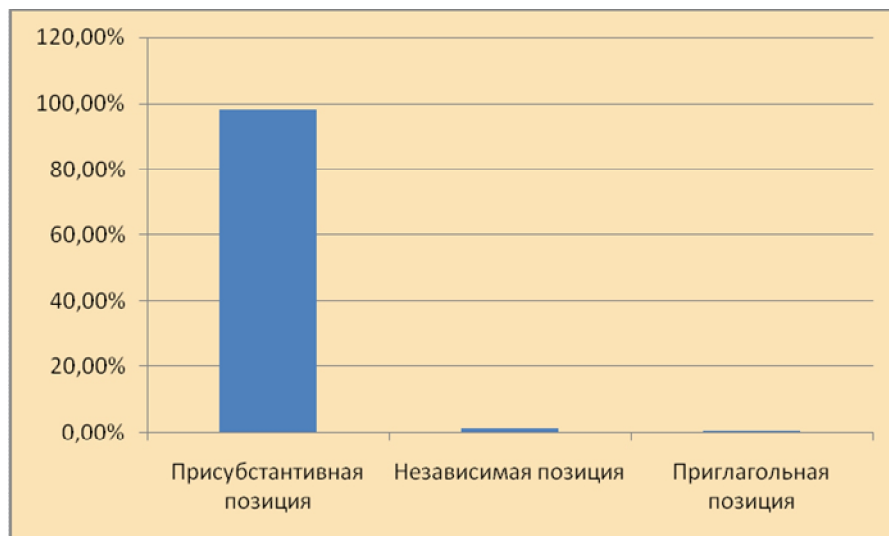
- (8) *Их шум утомляет.*

Во-первых, приведенное выше предложение можно понять как 'Кого-то утомляет их шум', а во-вторых — как 'Шум чего-то (т.е. производимый какими-то предметами) утомляет их'. Только в первом случае местоимение следовало бы квалифицировать как ПМ.

Местоимения *его, ее, их* обособлены от флексийных ПМ и в синтаксическом плане: они входят в синтагматические группы, в которых реализуется тип связи — управление, тогда как местоимения типа *мой* связаны с главным компонентом синтагмы по типу согласования. Синтаксические различия рассматриваемых подклассов ПМ касаются также их позиции в формально-грамматической структуре предложения. Флексийные местоимения встречаются в синтаксических позициях трех типов:

1. в присубстантивной позиции: *наш коллектив*;
2. в приглагольной позиции: *думать о своем*;
3. в независимой позиции: *это — мое*.

В соответствии с нашими данными (полученными в результате обработки повести современного польского прозаика Т. Новака «Черти») присубстантивная (приименная) позиция реализуется в 97,93% конструкций с ПМ, независимая — в 1,51% конструкций, а приглагольная — в 0,56% конструкций.

Для местоимений *ego*, *ee*, *ix* приглагольная позиция не характерна. Поскольку в этой позиции, как отмечают толковые словари, флексивные ПМ испытывают семантическую деривацию, т.е. употребляются в непосессивном значении, как в приведенном примере *думать о своем*, то отсутствие рефлексов этого деривационного процесса составляет, в частности, семантическую специфику ПМ 3-го лица.

Другая семантическая особенность единиц этого типа касается их референции. Если для местоимений 1-го и 2-го лица характерна практически обязательная референциальная соотнесенность с лицами, то объем референции местоимений 3-го лица значительно шире, ср.:

- (9) *Pierwszy raz byłem na nowym dworcu rzymskim i szukałem oczami cudów jego technicznych zabezpieczeń* (S. Lem),

где местоимение *jego* референциально соотносится с неличным и неодушевленным существительным *dworzec*. Выражение с ПМ можно интерпретировать:

- (10) *jego technicznych zabezpieczeń* = ‘технических средств охраны, которыми он (вокзал) оснащен’

С одной стороны, имеется очевидное структурно-семантическое и линейно-композиционное сходство флексивных и нефлексивных ПМ, ср.:

- (11) *мой приезд* — я приехал, приеду
(12) *твой приезд* — ты приехал, приедешь
(13) *его приезд* — он приехал, приедет

что и является основанием для их объединения в один класс. С другой стороны, такое объединение связано с практическими проблемами разграничения омонимичных употреблений:

- (14) *его книга*
(15) *его не слышно*
(16) *его выступление*
(17) *представление его (как...)*

Одним из критериев разграничения употреблений словоформ *его*, *ее*, *их*, употребляемых в качестве личных местоимений и в качестве ПМ, является возможность/невозможность их замены ПМ 1-го или 2-го лица. Так, в сочетаниях с предметными, а также некоторыми процессуальными существительными такая субституция не вызывает сложностей:

- (18) *его книга* — *моя книга*
(19) *его приезд* — *мой приезд*

Напротив, в сочетаниях с управляющим глаголом подобная замена невозможна.

Одной из дискуссионных проблем описания ПМ является семантика лексемы *свой*, которой специально будет посвящен следующий раздел.

2. Вопрос о структурно-синтаксической обязательности ПС

Обязательность или необязательность употребления ПМ регулируется двумя факторами: внешним и внутренним. Первый фактор заключается в целесообразности обращения внимания адресата на отношение референтов. Например, в предложении

- (20) *Принеси завтра мою книгу*

специально подчеркивается принадлежность предмета: 'Принеси книгу, которая принадлежит мне'. Это необходимо в тех коммуникатив-

ных («жизненных») ситуациях, когда возможны альтернативные интерпретации одного и того же положения дел и одного и того же их языкового описания, ср.:

(21) *Принеси завтра свою книгу.*

Обращая внимание на данное явление, Д. Шумская пишет, что при употреблении ПМ учитывается энциклопедическое знание говорящего и слушающего (Szumska 1999, 72; см. также: Nagórko 1987, 28). По мнению краковской исследовательницы, нарушение принципа целесообразности в речевой коммуникации следует считать языковой ошибкой. Комментируя высказывание

(22) **Ubrał swój płaszcz, wziął swoją teczkę i wyszedł,*

Шумская пишет: «Обычно мы берем свой плащ, свой портфель, поэтому сообщение об этих фактах является нарушением принципа речевой экономии» (1999, 74). Ср. также другие примеры, в которых присутствие или отсутствие в структуре предложения ПМ регулируется нормами культуры:

(23) *Скажите: кто меж вами купит*

Ценою жизни ночь мою (А. Пушкин), ср.: *Кто купит ценой своей жизни мою ночь?*

(24) *Мамочка быстро-быстро чешет руками лысеющую голову* (Т. Толстая), ср.: **Мамочка быстро-быстро чешет своими руками свою лысеющую голову.*

(25) *И тут его кто-то так хлопнул по плечу, что стряхнул пепел с папирсы* (Вал. Попов), ср.: **И тут его кто-то так хлопнул по его плечу, что стряхнул пепел с его папирсы.*

Внутренний фактор заключается в том, что в каждом языке имеются свои идиоматические правила сочетаемости ПМ, в том числе и касающиеся их обязательного или необязательного употребления в речи. Эти правила не зависят от прагматической целесообразности, они априорно «навязываются» носителям языка. Чтобы показать это на примере, сравним два предложения:

(26) — *В каком городе мы находимся? — В Нью-Йорке. — Можете коснуться пальцем носа? — Своего или вашего?* (С. Довлатов).

- (27) — *А сколько раз в день надо гладить кота? — Три, лучше после еды. — Чьей?* («Литературная газета». 13 VII 1983).

В первом случае употребление или неупотребление ПМ связано со степенью спецификации информации об описываемом положении вещей и может зависеть от установки говорящего, ср.:

- (28) *Вы можете коснуться пальцем своего носа / моего носа?*

Во втором случае, хотя с онтологической точки зрения выбор также возможен, языковая идиоматика ограничивает возможность «вмешательства» речевого субъекта в построение предложения, ср.:

- (29) *Кота нужно гладить три раза в день после еды.*
(30) **Кота нужно гладить три раза в день после еды кота.*
(31) **Кота нужно гладить три раза в день после его еды.*
(32) **Кота нужно гладить три раза в день после своей еды.*
(33) *Кота нужно гладит три раза в день после того, как кот поест.*
(34) *Кота нужно гладит три раза в день после того, каак вы поедите.*

В случае релятивных существительных типа *жена, сестра, родители* употребление ПМ является более обязательным, чем в случае других классов слов,

- (35) [...] *Предоставив ей любоваться собой спящим [...] и переводить взгляд на мужа, то есть теперь лишь на отца своего сына* (А. Битов), ср.: ? *переводить вгляд на отца сына.*
(36) *Miała jasną szkocką cerę, zielone oczy i kasztanowe włosy swojej babki ze strony ojca* (P. Johnson), ср.: ? *miała włosy babki.*

Иногда употребление ПМ в сочетании с терминами родствами может передавать семантику чуждости или даже враждебности, что наблюдается во втором из приведенных ниже предложений:

- (37) *Поздравляю маму и тебя с Новым годом!*
(38) *Поздравляю тебя и твою маму с Новым годом!*

При этом в германских языках обязательность ПМ в сочетании с названиями отношений и, в частности, родства, практически абсолютна (см. Левицкий/Шамова 1985, 31; Михайлова/Шендельс 1972, 73), ср.:

- (39) *Я приду с сестрой.*
 (40) *Я приду со своей сестрой.*
 (41) нем. *Ich komme mit meiner Schwester.*
 (42) ? нем. *Ich komme mit der Schwester.*

Характерное для германских языков общее правило — более обязательное, чем в славянских языках, употребление ПМ — отражают следующие немецкие примеры из газетных и научных текстов:

- (43) *Er wurde 1954 in Zagreb geboren und wuchs seit seinem zwölften Lebensjahr in Deutschland.*
 (44) *Sie trugen auf diese Weise maßgeblich zur Transformation der Regierungs-, Wirtschafts- und Gesellschaftssysteme ihrer Länder bei.*
 (45) *Während seiner Forschungs- und Lehrtätigkeit knüpfte Frühwald zahlreiche Kontakte on andere Länder.*
 (46) *Nach seiner Promotion im Fach Neuere Deutsche Literaturgeschichte im Jahr 1961 habilitierte er sich 1969 in München.*
 (47) *Die Textkohärenz wird durch seine logisch-semantische Struktur bedingt.*

Сказанное выше подтверждают приводимые ниже примеры из повести А. Грина «Золотая цепь» и их немецкие эквиваленты в переводе Е. и А. Гроссманов: в переводном варианте появляется ПМ, которое отсутствует в русском оригинале:

- (48) *Я был страшно возбужден, но разум и понимание вернулись — Ich war schrecklich aufgedreht, aber meine Sinne hatte ich wieder beisammen.*
 (49) *Я очнулся лишь увидев себя сидящим в кубрике против носетумелей — So tauchte ich erst aus meiner Geistesabwesenheit empor, als ich bereits im Mannschaftsraum meinen Besuchern gegenüber saß...*

Впрочем, в имеющемся в нашем распоряжении материале есть и обратные факты — когда русское притяжательное местоимение не имеет прямого аналога в немецком переводе:

- (50) *Сказала обычным своим тоном — Versetze ich in ganz normalen Ton.*
 (51) *Все осталось, как было, на своем месте — Alles blieb, wie es war.*
 (52) *Я снова погружаюсь в свою историю — Als müsste jetzt die ganze Geschichte von vorn anfangen.*
 (53) *Тогда мы, два нищих в мечтах своих, естественно, ограбили всю Шехерезаду — Wir träumen natürlich davon, die ganze Scheherezade zu plündern.*

- (54) *Вы... согласились взять мой капитал в свое ведение — ...Nahmen mein Kapital in Verwaltung.*
- (55) *Я не удивился, когда стена сошла со своего места — Ich war keineswegs erstaunt, als sich die Wand austat.*
- (56) *Это была девушка на своем месте — Dieses junge Mädchen hatte sich fest in der Hand...*

Подобные факты обусловлены рядом причин: фразеологическим характером сочетания, включающего ПМ, в русском языке или идиоматическим характером немецкого соответствия русскому свободному сочетанию с ПМ. К причинам несоответствия следует отнести также наличие синонимических отношений между единицами разного формата, прежде всего — словом и сочетанием, а также квазисинонимия высказываний с разной синтаксической структурой, например, с конверсивными, взаимообусловленными предикатами и др.

3. Проблема описания местоимения *свой*

От личных местоимений данная лексема отличается своей немаркированностью с точки зрения категории лица (Киклевич 1996, 190), ср.:

- (57) *Я забыл свой журнал.*
- (58) *Ты забыл свой журнал.*
- (59) *Он забыл свой журнал.*

Лексико-семантическая и грамматическая квалификация *свой* и его аналогов в других славянских языках составляет достаточно сложную лингвистическую задачу, а в особенности это касается падежной парадигмы данного местоимения (см.: Bogusławski 1990; Bobrowski 1993). В последнее время исследователи склоняются к точке зрения, согласно которой в парадигме *свой* отсутствует именительный падеж. В самом деле, высказывания типа

- (60) **Свой зонтик остался в такси*

некорректны — в отличие от высказываний типа

- (61) *Мой зонтик остался в такси.*
- (62) *Ваш зонтик остался в такси.*
- (63) *Его зонтик остался в такси.*

Однако встречаются и грамматически правильные предложения, содержащие *свой* в форме именительного падежа, например, пословицы и поговорки:

- (64) *Своя рубашка ближе к телу.*
- (65) *Свой угол — это всегда надежно.*
- (66) *Всеми своим век.*
- (67) *Своя печаль чужой радости дороже.*
- (68) *Свои люди — сочтемся.*

Подобные выражения встречаются не только в составе устойчивых, идиоматических выражений, ср.:

- (69) *Здесь есть свое издательство.*

Вслед за польским исследователем И. Бобровским можно считать, что мы имеем дело с разными значениями лексемы *свой*: в первом случае это — притяжательно-возвратное местоимение, лишенное значения именительного падежа, а во втором случае — прилагательное, реализующее несколько значений. Так, в академическом «Словаре русского языка» лексеме *свой* приписывается пять типов значений:

1. Принадлежащий себе, свойственный самому себе; собственный || Производимый, совершаемый, изготавливаемый, и т.д. лично, самим || Собственного изготовления, не купленный;
2. Являющийся личным имуществом, личной собственностью или находящийся в распоряжении данного лица || То, что является личным имуществом; собственностью;
3. Свойственный только данному лицу или предмету, составляющий его особые черты; своеобразный;
4. Предназначенный для кого-л., чего-л.; соответствующий, надлежащий;
5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т.п.

На переносное употребление местоимения *свой* указывают иноязычные параллели, например, немецкое прилагательное *eigen*, которое, в частности, употребляется в значении ‘собственный’ и в значении ‘свойственный, характерный’. Ср. предложения из повести А. Грина «Золотые паруса» и их переводы на немецкий язык:

- (70) *Ныне Сигнальный Пустырь был довольно населенное место со своей т а м о ж н е й , почтой и другими подобными учреждениями — Inzwischen*

war die Leuchfeueröde zu einer ziemlich großen Ortschaft geworden, mit eigenen Post- und Zollamt und sonstigen Einrichtungen.

- (71) *Это лицо, о судьбе которого мне теперь ничего не известно, обладало живым воображением и страстью обставлять дворцы по своему вкусу — Diese Person, über deren Schicksal mir nichts bekannt ist, besaß eine rege Phantasie, und ihre Leidenschaft war, Paläste nach eigenen Geschmack einzurichten.*
- (72) *У них были свои нравы, мировоззрения, свой странный патриотизм — Sie hatten ihre eigenen Sitten, ihre eigene Weltanschauung, ihren eigenen Patriotismus.*

Отсутствие формы именительного падежа у местоимения *свой* дает основание рассматривать данную лексему в одном ряду с возвратным местоимением *себя*. Так, в приведенной словарной статье указывается, что предмет, определяемый словом *свой*, «принадлежит себе». Не случайно в «Русской грамматике» местоимение *себе* определяется с помощью местоимения *свой*:

Возвратное местоимение *себе* указывает на предмет (лицо или нелицо), который является объектом своего собственного Действия. В предложении реальное значение местоимения *себе* обычно совпадает с реальным значением подлежащего (Шведова 1982, 536).

Себе и *свой* связаны с семантикой подлежащего — таким образом, что указывают на отношение между опорным существительным определительной синтагмы и референтом подлежащего. Поэтому предложение

- (73) *Иван подарил мне свою книгу*

интерпретируется так: ‘Иван подарил мне книгу; имеется некоторое отношение между книгой и тем, кто подарил книгу; это отношение — написать, создать — т.е. Иван подарил мне книгу, которую Иван (сам) создал’.

Поскольку обязательным компонентом высказывания, кореферентным по отношению к местоимению *свой*, является подлежащее, то *свой* может быть использован как своего рода «детектор подлежащности», необходимый в тех случаях, когда оно лишено типичной грамматической формы — именительного падежа. Наличие местоимения *свой* в причисляемых — в соответствии с синтаксической традицией — к неличным высказываниям

- (74) *Мне надо принести свои вещи*
 (75) *Иногда забываешь о своих долгах*
 (76) *В этой фирме заботятся о своих клиентах* и т.п.

свидетельствует о том, что подлежащее присутствует в их семантической структуре, но либо выражено нетипичными средствами, либо не специально выражено, но обусловлено семантическими связями в высказывании или тексте. Ср. трансформации:

- (77) *Мне надо принести свои вещи* = 'Я должен принести вещи, которые принадлежат мне', где подлежащее — *мне*.
 (78) *Иногда забываешь о своих долгах* = 'Иногда человек забывает о долгах, которые он должен вернуть', где имплицитное подлежащее — *человек*.
 (79) *В этой фирме заботятся о своих клиентах* = 'Сотрудники этой фирмы заботятся о клиентах, которые пользуются их услугами', где имплицитное подлежащее (группа подлежащего) — *сотрудники этой фирмы*.

Специфическую реализацию местоимение *свой* получает в высказываниях с предикатами наличествования, например:

- (80) *У Ивана есть своя машина.*

Подлежащим здесь является выраженная им. пад. словоформа *машина*, но это означает, что нарушается выделенный нами признак местоимения *свой*: оно оказывается в группе подлежащего. Квалифицировать как подлежащее синтаксему *у Ивана* можно было бы только при отсутствии в высказывании существительного в им. пад., но в данном случае это условие не выполняется. Особенность местоимения *свой* в подобных контекстах заключается в том, что либо его значение пусто — мы имеем дело с особым рода плеоназмом, ведь семантику принадлежности выражает уже синтаксическая схема *У x-а есть у*, либо, скорее всего, значение *свой* не связано с понятием подлежащего, а приблизительно совпадает со значением лексемы *собственный*, т.е. 'принадлежащий упомянутому лицу'. Если мы примем вторую версию, высказывание можно истолковать так: 'Имеется машина, которой владеет Иван, и эта машина является постоянной личной собственностью Ивана'. Подобное положение вещей наблюдается и в высказывании из повести А. Грина «Золотая цепь»:

- (81) *Я уклоняюсь и уступаю свое место* — *Ich drücke mich lieber und trete meinen Platz an Halway ab.*

Если рассматривать лексемы *мой*, *твой* и т.д., *свой*, *собственный* как члены одной парадигмы, то в ней можно выделить три степени абстрактности указания на объект принадлежности:

Степень абстрактности	Лексемы	Описание
1	<i>мой</i> , <i>твой</i> и др. личные местоимения	указывают на принадлежность 1-му, 2-му или 3-му лицу
2	<i>свой</i>	указывает на принадлежность предмету сообщения (подлежащему) безотносительно к лицу
3	<i>собственный</i>	указывает на принадлежность упомянутому предмету, безотносительно к лицу и предмету сообщения

Семантическое сходство *свой* и *собственный* проявляется также в межъязыковых параллелях, когда русское *свой* переводится на немецкий язык прилагательным *eigen*, например:

- (82) *Ныне Сигнальный Пустырь был довольно населенное место со своей т а м о ж н е й, почтой и другими подобными учреждениями — Inzwischen war die Leuchtfeueröde zu einer ziemlich großen Ortschaft geworden, mit eigenem Post- und Zollamt und sonstigen Einrichtungen.*
- (83) *Это лицо, о судьбе которого мне теперь ничего не известно, обладало живым воображением и страстью обставлять дворцы по своему вкусу — Diese Person, über deren Schicksal mir nichts bekannt ist, besaß eine rege Phantasie, und ihre Leidenschaft war, Paläste nach eigenem Geschmack einzurichten.*
- (84) *У них были свои нравы, мировоззрения, свой странный патриотизм — Sie hatten ihre eigenen Sitten, ihre eigene Weltanschauung, ihren eigenen Patriotismus.*

При этом надо иметь в виду, что в высказываниях с *собственный*, видимо, дополнительно соблюдается «правило соизмеримости», о котором пишет Ю. Д. Апресян (1986, 25): референт определяемого данным признаком существительного оценивается говорящим как относительно престижный, значимый, ср.:

- (85) *У него есть собственный дом.*
(86) **У него есть собственный карандаш.*

В других случаях *собственный*, в отличие от *свой*, выражает нарушение пропозициональной нормы, ср.:

- (87) *Он поджег свой дом.*
(88) *Он поджег собственный дом.*
(89) *Я потратил на прием свои деньги.*
(90) *Я потратил на прием собственные деньги.*

В приведенных высказываниях с *собственный* (и подобных) в большей степени подчеркивается аномальность описываемого события или положения вещей.

В некоторых посессивных высказываниях *свой* нельзя интерпретировать на основе субституции с *собственный*, ср.:

- (91) *У них есть свои недостатки.*
(92) *У них — свои проблемы.*

Первое высказывание, видимо, можно интерпретировать как ‘У них есть недостатки, которые свойственны именно/только им’, а второе — как ‘У них есть проблемы, отличные от наших’. В подобных высказываниях в содержании ПМ, помимо посессивности, реализуется дополнительная рестриктивная семантика.

Кореференцией с подлежащим и объясняется отсутствие у местоимений *себе*, *свой* именительного падежа, ведь именно в форме именительного падежа в славянских языках реализуется категория подлежащего.

Впрочем, указанная соотнесенность рассматриваемых местоимений с подлежащим является относительной, на что обратил внимание А. М. Пешковский (а позже, на материале польского языка — К. Писаркова, см. 1992, 261). В предложениях с причастными и деепричастными оборотами местоимение *свой* может соотноситься с субъектом действия, процесса, состояния или свойства, выраженного причастием или деепричастием, например:

- (93) *Я вижу Ивана, бегущего к своему дому* = ‘Я вижу Ивана в тот момент, когда Иван бежит к своему дому’.

Пешковский рассматривал предложения, в которых субъект при ядерном и при включенном предикате «конкурируют» в качестве кореферентных партнеров местоимения *свой*. Ср. его пример:

(94) *Комендант велел дворнику отнести вещи жильца к себе.*

Вне контекста данное высказывание может иметь два различных толкования: в первом случае дворник должен отнести вещи жильца в комнату коменданта, а во втором случае — в свою комнату. В связи с этой двусмысленностью Пешковский писал:

В тех случаях, когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения (1935, 146).

Подобная двусмысленность может возникать и в предложениях с местоимением *свой*:

(95) *Комендант велел дворнику принести свои вещи.*
а) = 'Комендант велел дворнику принести вещи коменданта'.
б) = 'Комендант велел дворнику принести вещи дворника'.

Неоднозначность возникает в полипредикативных предложениях, когда — как в рассматриваемом случае — в структуре предложения закодированы два и более предикатов, ср.: *велеть* и *принести*. Выбор одной из альтернативных интерпретаций диктуется коммуникативными факторами передачи информации, предварительным знакомством с референциальной ситуацией, близостью коммуникативных партнеров и др.

Подобная синтаксическая амбивалентность характеризует также возвратное местоимение *себя*. В предложении

(96) *Здесь может быть злой намек Гоголя на себя* (И. Ермаков)

нет кореференции между *намек* и *себя*, потому что возвратное местоимение семантически соотносится не с подлежащим ядерного предложения, а с первым аргументом включенной пропозиции, ср. трансформацию:

(97) *Здесь может быть злой намек Гоголя, который намекает на себя.*

Полипредикативность предложения, содержащего местоимение *свой*, может быть причиной речевой ошибки. Ср. реплику, прозвучавшую в телевизионной программе:

(98) *Даниэль Дефо никогда не покидал Европу, но, как и многие свои читатели, был поклонником приключений.*

Ошибка журналиста заключается в том, что местоимение *свои* семантически связано не только с подлежащим *Даниэль Дефо*, но и с элементом сравнительной конструкции *читатели*, который является своего рода «включенным» подлежащим. Так возникает конкуренция двух семантических отношений, ср. правильный вариант предложения:

(99) *Даниэль Дефо никогда не покидал Европу, но, как и многие его читатели, был поклонником приключений.*

Похожую, в принципе, речевую ошибку содержит реплика футбольного комментатора В. Гусева:

(100) *Мяч едва не попал в свои ворота.*

Данное высказывание появилось в более широком контексте, ср.:

(101) *Футболист ударил по мячу, и мяч едва не попал в его ворота, т.е. ворота команды, в которой играет этот футболист.*

Здесь мы имеем дело с пропозициями, основанными на предикатах *ударить* и *попасть* — именно поэтому конструкция *в свои ворота* формально указывает на отношение *ворота* — *мяч*, хотя семантически подразумевается отношение *ворота* — *футболист (который ударил по мячу)*. Ср. подобный пример из другого спортивного телерепортажа:

(102) *Мяч попал в своего же игрока.*

Пример очередной речевой ошибки:

(103) *На балконе своей квартиры с признаками удушья в матерчатом мешке был обнаружен труп пожилой женщины.*

В данной газетной заметке имеется несколько языковых неточностей: во-первых, вместо *удушья* журналист должен был бы написать: *удушения*; во-вторых, местоимение *своей* формально соотносится с подлежащим *труп*, хотя фактически квартира принадлежит (принадлежала) не трупу, а пожилой женщине. Ср. правильный вариант передачи данного смысла:

(104) *На балконе квартиры, принадлежавшей пожилой женщины, в матерчатом мешке был обнаружен труп с признаками удушения.*

Проблематичным представляется также нормативный статус следующего предложения из «Книги для всех» (Нью-Йорк 1997):

(105) *В 1814 году, через семь лет после своего приезда в Китай, у него уже были готовы для печатания Христианские Греческие Писания.*

Здесь, во-первых, наблюдается неоправданное употребление ПМ *свой* — устранение местоимения не сказывается на смысловой полноценности высказывания, ср.:

(106) *В 1814 году, через семь лет после приезда в Китай, у него уже были готовы для печатания Христианские Греческие Писания.*

Во-вторых, сокращенная форма только выигрывает, ведь в исходном предложении *свой* не корреспондирует с подлежащим *Христианские Писания*, данная словоформа семантически связана с синтаксемой *у него* (*Он приехал в Китай, и он подготовил для печатания Христианские Писания*). Исправленный вариант предложения требовал бы или устранения ПМ (см. выше), или замены отглагольного существительного *приезд* личной формой глагола, ср.:

(107) *В 1814 году, через семь лет после того, как он приехал в Китай, у него уже были готовы для печатания Христианские Греческие Писания.*

Диапазон семантического варьирования *свой* в разных синтагматических контекстах очень широк. Помимо релятивного или посессивного значения реализуются также более специфические семантические признаки. Это особенно актуально применительно к высказываниям, в которых употребление ПМ избыточно: информация о принадлежности или об отношении предметов довольно однозначно вытекает из содержания целого высказывания. Рассмотрим некоторые примеры:

(108) *Он написал свою новую книгу об Африке.*

В данном высказывании содержится семантическая импликация: ‘Если он написал книгу, то он является автором этой книги’. А ведь именно на авторство и указывает в данном случае местоимение *свой*, так же, как, например, и в высказывании

(109) *Он уже издал свою новую книгу об Африке.*

Но если в последнем высказывании авторство обозначает лексема *свой*, то в первом она с данной точки зрения избыточна, поскольку дублирует импликацию, основанную на лексическом значении глагола *написать*. Можно, однако, полагать, что *свой* в этом случае не является пустым термином — он влияет на тема-рематическую структуру высказывания, а именно — тематизирует (т.е. относит к теме) прилагательное *новый*. В целом высказывание можно интерпретировать:

(110) *Он написал свою новую книгу об Африке* = ‘То, о чем он написал новую книгу, есть Африка’.

Нельзя, однако, исключать и плеонастического употребления ПМ, особенно местоимения *свой*. На это указывает речевой материал:

(111) *Потом развеселился и продолжал свою болтовню — Doch bald tat er wieder lustig und fuhr mit seinem Gerede fort.*

(112) *Дюрок заканчивал свою речь — Duroc schien, als ich eintrat, gerade am Ende seiner Ausführungen angelangt.*

(113) *...Чтобы я лишней раз не напоминал ей о горе своими посланиями — ...Damit ich nicht, wie er schrieb, durch meine Episteln unnötigerweise an ihrem Kummer rühre.*

Плеоназм в подобных выражениях заключается в том, что носитель признака по отношению к определяемому с помощью *свой* предмету уже известен — прежде всего благодаря семантическим пресуппозициям глагольного предиката. Скорее всего, в таких случаях *свой* реализует иные семантические функции, например, стилистическую или модальную. Так, выражение *продолжать свою болтовню*, в отличие от выражения *продолжать болтовню*, обладает, видимо, дополнительной экспрессивностью — усиливает негативную оценку говорящим описываемой ситуации. См. подобные примеры плеоназма:

- (114) *До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики...*
(А. Чехов).
- (115) *На службу вышли Ивановы В своих штанах и башмаках* (Н. Заболоцкий).
- (116) *А пьяный вес катал свою голову по груди* (А. Битов).

В первом высказывании употребление *свой* стилистически маркировано: с помощью его осуществляется вербальная характеристика личности — мальчика Егорушки. Во втором высказывании *свой* реализует эстетическую информацию — является средством выражения иронии, создания эффекта банальности (что в целом характерно для раннего творчества Н. Заболоцкого). В третьем высказывании *свой* косвенно участвует в создании метафоры.

В независимой синтаксической позиции (т.е. как элемент составного именного сказуемого) ПМ *свой* часто употребляется как маркер социативности, т.е. семантики близости, родства (см. также раздел 5):

- (117) *Janukowycz jest swój. Za Janukowycza Donbas zaczął się odbijać do dna* („Polityka”. 2004/50) = ‘Janukowycz jest nam bliski’.

Впрочем, в социативном значении могут употребляться — в независимой синтаксической позиции — также другие типы ПМ, например:

- (118) *Niebieski wschód już wie, na kogo będzie głosować 26 grudnia. Janukowycz jest jego* („Polityka”. 2004/50).

Одной из типологических характеристик русского и немецкого языков является наличие или отсутствие немаркированного в аспекте грамматического лица притяжательного местоимения, поэтому русское *свой* переводится немецкими словами *mein, dein, sein* и др., ср.:

- (119) *Я согревал свой озябший нос — Ich wärmte meine erfrorene Nase.*
- (120) *Оба они мне понравились — каждый в своем роде — Sie gefielen mir beide, jeder auf seine Art.*
- (121) *...Чтобы остановить потеху и дать почувствовать свою обиду — ...Dass ich beleidigt war — worauf sie ihr Gelächter einstellen.*
- (122) *Ну, что же ты сделаешь на свои деньги — Was gedenkst du mit deinem Geld anzufangen?*

С точки зрения русской грамматической семантики немецкие ПМ двузначны: например, *mein* означает и 'принадлежащий говорящему', и 'принадлежащий предмету данного сообщения'. Однако, поскольку специальная посессивная форма, соотносящаяся с подлежащим, в немецком отсутствует, нет и соответствующей ей семантики. Это значит, что в парадигматическом аспекте немецкая категория посессивности проще по сравнению с русской, но в синтагматическом аспекте, наоборот, она сложнее: носитель немецкого языка, употребляя маркер посессивности в том случае, когда определяемый предмет принадлежит подлежащему, обязательно должен соотносить подлежащее с говорящим, слушающим или третьим лицом, тогда как носитель русского языка освобожден от необходимости такого семантического согласования. В данной сфере языковой семантики немецкий выглядит более экономным на уровне языковой системы, а русский — на уровне речи.

При переводе немецких притяжательных местоимений на русский язык действует правило: если подлежащее дублирует грамматическое значение лица ПМ, то ему соответствует лексема *свой*, если же такого дублирования нет, в качестве переводных эквивалентов используются личные ПМ *мой*, *твой* и др. Впрочем, это правило имеет силу только для местоимений 1-го и 2-го лица. Например, высказывание

(123) *Die Großmutter liebte sehr ihre Enkelkinder*

может быть, в принципе, осмыслено двояко: либо как *Бабушка очень любила своих внуков*, либо как *Бабушка очень любила ее внуков* (т.е. внуков некоторого третьего лица, а не упомянутой бабушки). Интерпретация высказываний подобного типа обычно осуществляется с помощью дополнительных семантических признаков. Так, в приведенном выше немецком высказывании имеется семантическое согласование словоформ *die Großmutter* и *Enkelkinder*, которое при отсутствии контекста выступает фактором, обуславливающим, скорее, первую интерпретацию высказывания. Другими подобными факторами выступает текстовая анафора (упомянутасть предмета), а также семантические и прагматические пресуппозиции. Например, высказывание

(124) *Er wollte sein Schuller werden*

можно перевести как *Он хотел стать его учеником* (где *его* обозначает лицо, не тождественное референту подлежащего). Такая интерпретация, скорее всего, обусловлена пресуппозицией: в нормальном случае человек не обучает сам себя. Данная пресуппозитивная информация блокирует теоретически возможную интерпретацию предложения: **Он хотел стать своим учеником*.

4. Миф притяжательности

Подавляющее большинство грамматик славянских языков представляет ПМ как языковую категорию, в основе которой лежит признак принадлежности, т.е. посессивности (Норман 1999, 600). Как писал классик польской грамматической науки С. Шобер, ПМ *mój, twój, nasz, wasz, swój* «указывают на принадлежность лицам, которые принимают участие в разговоре или к подлежащему» (1963, 100; см. также: Miodunka 1974, 75; Laskowski 1992, 391). К. Писаркова, хотя обращает внимание на то, что формы выражения посессивности употребляются также как маркеры значений, не имеющих ничего общего с категорией посессивности, например: *tam samochód, tam siostrę, tam grupę*, однако рассматривает местоимения типа *mój* как специальные лексико-синтаксические показатели категории посессивности, а одним из критериев разграничения посессивных и непосессивных конструкций считает возможность/невозможность их преобразования в выражения с ПМ в вербальной группе, ср.: *mój dom — dom jest mój* (Pisarkowa 1992, 261).

П. Бонк, автор популярной грамматики польского языка, также определяет ПМ как слова, которые «замещают имя владельца предмета и отвечают на вопрос *чей?*» (Bąk 1987, 173). «Общим ядром является идея притяжательности», — пишет о данном грамматическом классе В. Н. Топоров (1986, 146).

Гипноз грамматической традиции при этом настолько силен, что, указывая на посессивность как категориальный признак ПМ, исследователи не замечают противоречия в содержании приводимых ими же иллюстраций. К примеру, в иллюстрациях Бонка:

(125) *W czasie zaćmienia słońce straciło swój blask*

(126) *Pies schował się do swojej budy*

(127) *Kaczka prowadzi swoje pisklęta na wodę* и др.

семантика принадлежности с очевидностью отсутствует: солнце не является владельцем света, собака не владеет будкой, а утята не являются собственностью утки.

Другой парадоксальный пример: Е. Б. Аристова рассматривает конструкции с агентивной синтаксемой в английском языке, например:

(128) *They could hear the roar of water* = ‘Они могли слышать шум воды’.

Ссылаясь на А. М. Пешковского, русская исследовательница пишет, что в выражениях данного типа сообщается (sic!) «о принадлежности действия деятелю» (1982, 58; разрядка моя. — А. К.).

Как видим, недифференцированный подход к описанию ПМ распространен не только в школьных и вузовских учебниках, но и в специальных научных работах, где они огульно рассматриваются как носители семантики посессивности. Ошибочность этого толкования подтверждают многочисленные языковые факты, например:

(129) *На следующий день после выхода из больницы Ольга начала снова шить сапоги... Евгений говорит, что Ольга – это обуза, но, по правде сказать, с своими сапогами она кормит и Евгения, и его жену* (Г. Миллер, пер. Г. Егорова).

(130) — *Сегодня буду мыться.*

Мать удивлена.

— *Что это? Разве сегодня суббота?*

— *Вечером будет кино. Там моя любимая актриска играет*

(Г. Гуэрра, пер. И. Заславской).

(131) — *Между прочим, на одном из столов в нашей бухгалтерии, под стеклом, – ваш вырезанный из журнала портрет...*

— *Как приятно! Еще приятнее было бы, если бы в нашей бухгалтерии* («Неделя». 1985/24).

(132) *В пять вечера наш американец может уходить с работы, но не уходит* («Литературная газета». 24 IV 1991).

Ни в одном из приведенных выражений притяжательные местоимения не передают семантики посессивности, ср. трансформации:

(133) *своими сапогами* = ‘сапогами, которые она шьет’

(134) *моя любимая актриска* = ‘актриска, которая мне нравится’

(135) *в нашей бухгалтерии* = ‘в бухгалтерии учреждения, где я работаю’

(136) *nasz amerykaniec* = ‘американец, о котором идет речь (о котором мы говорим)’

Ср. приводимую ниже группу предложений, в которых ПМ означает не принадлежность, а отношение близости, коллективности, физического и духовного родства и т.п.:

(137) — *Kto idzie?*

— *S w ó j.*

— *Kto s w ó j?* (J. Putrament).

(138) — *Pobici, — nie swoim głosem chrapnął Wołodkowicz...* (J. Iwaszkiewicz).

(139) *Mówił ojciec do swej Basi*

Cały zapłakany

Śluchaj jeno pono nasi

Biją w tarabany (J. Wybicki).

(140) *Ludzi w zakładach karmi się teraz tym, że mamy „nasz” rząd Mazowieckiego* („Polityka”. 1989/38).

(141) *Nuta sentymentalna (nasz ci on jest!) wzięła górę nad nudnym przestrzeganiem kodeksów* („Polityka”. 1996, nr 30).

(142) *Studs mówi, że pan jest s w ó j chłop. Więc niech pan będzie s w ó j chłop* (K. Zarzecki).

Если в содержании выражения с ПМ иногда и имеется посессивная семантика, то она обусловлена не местоимением, а лексическим значением существительного или контекстом (Nicolova 1996, 51; Киклевич 1996а, 209; см. об этом далее), ср.:

(143) *У тебя ест ь моя книга?*

(144) *У т е б я моя книга?*

В первом употреблении сочетание *моя книга* значит ‘книга, которую я написал’, во втором – ‘книга, которая мне принадлежит’. Второе, посессивное значение определяется лексическим значением существительного *книга*, а именно — семантическом признаком ‘может быть предметом владения’, а также структурой предложения — пропуском личной формы глагола и эмфатическим выделением посессора. В немецком языке это семантическое различие может быть выражено только интонационно:

(145) *H a s t du mein Buch?*

(146) *Hast du mein Buch?*

Лишь в немногочисленных работах в содержании ПМ отмечаются семантические признаки, не имеющие отношения к категории посессивности: Farke 1994, 193; Mayerthaler/Fliedl/Winkler 1996, 184 и др. Так, Дж. Лайонз пишет:

Es ist nur eine Minderheit von traditionell possessiv genannten Konstruktionen, die etwas mit Eigentum oder Besitz zu tun haben; und wir haben keinen Grund anzunehmen, dass diese Minderheit eine besonders wichtige oder grundlegende Teilklasse der Gesamtklasse darstellt (Lyons 1983, 327).

В польском языкознании впервые на очевидное недоразумение, а именно — игнорирование в грамматических исследованиях многозначности ПМ, обратили внимание авторы польской «Описательной грамматики» под ред. В. Дорошевского (Doroszewski 1959, 84). В данной работе указывается, что, хотя притяжательные местоимения обычно определяют принадлежность, данное определение слишком узко, потому что может относиться только к сочетаниям с предметным значением опорного существительного, например:

(147) *moja czapka*

(148) *twój ołówek*

Здесь притяжательные местоимения, действительно, обозначают принадлежность некоторых предметов лицам, они могут быть заменены определением *принадлежащий (-ая, -ее) кому-либо*. Однако в сочетаниях

(149) *moja praca*

(150) *twój brat*

(151) *nasza szkoła*

(152) *wasze miasto*

притяжательных местоимений таким определением заменить нельзя: *moja praca* — это *praca, którą ja wykonuję*; *twój brat* — это *członek tej samej rodziny, do której należysz*; *nasza szkoła* — это *szkoła, do której uczęszczamy lub w której się uczymy*; *wasze miasto* — это *miasto, w którym mieszkacie*.

В связи с этим заслуживают внимания наблюдения Б. Лигары, которая указывает, что местоименные словоформы родительного падежа (*mojego, jego, jej, ich*) функционируют как средства выражения семантической категории посессивности. При этом, что особенно важно, посессивная функция местоимений, как указывает Лигара, ограничивается «семантическим характером определяемого члена» (Ligara 1992, 212), ср.:

(153) *książka brata — jego książka*

(154) *dach domu — jego dach*

(155) *godzina odjazdu — *jego godzina*

В русской лингвистике одним из первых на многозначность ПМ в 1935 году обратил внимание М. Г. Долобко (см. 2001), при этом выражения с ПМ интерпретировались им с точки зрения «нового учения о языке», т.е. вульгарного социологизма, поэтому Долобко писал, что первоначально, к эпоху первобытного коммунизма, ПМ обозначали не принадлежность вещи человеку (эта семантика, по его мнению, появляется в классовом обществе), а принадлежность человека коллективу. Долобко писал также об этимологической близости местоимений *мы* и *мой*.

Несоответствие между категориальным признаком класса ПМ и семантикой посессивности стало наиболее очевидным при разработке семантического синтаксиса. Так, выдающийся польский лингвист С. Кароляк пишет о функционально-семантическом статусе конструкций с ПМ, которые возникают в результате «редуктивной трансформации», т.е. элиминирования из поверхностной структуры предложения синтаксемы с предикативным значением. Однако минимализации конструкций с личными местоимениями как основе выражений с ПМ пишет также Б. Ю. Норман (1999, 603), хотя данный исследователь подчеркивает, что ПМ обладают, кроме того, своим фондом идиоматики, а также во многом независимой от личных местоимений прагматикой.

Кароляк (1999, 656) определил ПМ как позиционные варианты личных местоимений, выступающие в приименной позиции. Этот параллелизм — притяжательных и личных местоимений — особенно подчеркивает возможность их транспозиции в некоторых типах семантических структур, ср.:

(156) *Монгол смотрит ему на руки и хохочет* (Вс. Иванов), ср.: *Смотрит на его руки и хохочет.*

- (157) *Вот — вы даже у меня из списков не вычеркнуты* (А. Битов), ср.: *Вы даже из моих списков не вычеркнуты.*
- (158) *Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах* (М. Булгаков), ср.: *Мой вид отравлял мое существование.*
- (159) *Поцеловал ее в чужую щеку* (А. Солженицын), ср.: *Поцеловал ее чужую щеку.*

Такое определение не совсем точно, потому что к разряду ПМ относятся не только притяжательно-личные местоимения, но также местоимения других подклассов (что признает и сам Кароляк), ср.:

№	Разряд	Лексемы	
		В русском языке	В польском языке
1	притяжательно-личные	<i>мой, твой, его, ее, наш, ваш, их</i>	<i>mój, twój, nasz, wasz, jego, jej, ich</i>
2	притяжательно-возвратное	<i>свой</i>	<i>swój</i>
3	притяжательно-вопросительное	<i>чей?</i>	<i>czyj?</i>
4	притяжательно-относительное	<i>чей</i>	<i>czyj</i>
5	притяжательно-неопределенные	<i>чей-то, чей-либо</i>	<i>czyjś, czyj bądź, czyjkolwiek, lada czyj</i>
6	притяжательно-отрицательное (кванторное)	<i>ничей</i>	<i>niczyj</i>
7	притяжательно-отрицательное (некванторное)	<i>чужой</i>	<i>obcy, cudzy</i>
8	притяжательно-обобщающее	<i>общий, всеобщий*</i>	<i> powszechny</i>

*ЗАМЕЧАНИЕ: в разговорной речи употребляется более точное соответствие польского *powszechny* — кванторное обобщающее местоимение *всехный/всехний*. Ср. несколько примеров:

- (160) *Слово «всехный» оказалось действительно всехным: теперь мне известны двадцать восемь «изобретателей» этого слова. В их числе — шестилетний сын Льва Толстого Ванечка. Когда Софья Андреевна показала Ванечке участок земли, предназначенный ему во владение, мальчик рассердился и — в качество природного толстовца — сказал: — Ах, мама, всё — всехнее* (К. Чуковский).
- (161) — *Это всехный огонь? — Всехный, всехный! Подходи, не бойся! Слово показалось мне таким выразительным, что в первую минуту я,*

помнится, был готов пожалеть, почему оно не сделалось «всехным», не вошло во «всехный» обиход и не вытеснило нашего «взрослого» слова «всеобщий». Я как вижу уличный плакат: Всехная работа на всехной Земле во имя всехного счастья! (К. Чуковский).

- (162) *Также обращаю всехнее внимание на то, что обсуждение судьбы Андфомкина продолжается уже сутки. Кажется, аргументы сторон (и самого героя к-а) иссякли. Но можно еще что-то добавить — впереди целых два дня* (В. Третьяков).
- (163) *У Христа не было «своего кошелька» — это факт. Кошелёк носил Иуда, и был этот кошелёк для нищих, всехний* (интернет).

При этом надо обратить внимание на факт, что ПМ соответствуют личным не только в конкретно-референтном, ситуативном, но и в обобщенном значении, на что указывают приводимые ниже предложения:

- (164) *Отдайте наши документы!*
- (165) *История нашего искусства не требует верификации.*

Если в первом предложении имеется в виду принадлежность документов говорящему и группе лиц, с которой он себя идентифицирует (ср. например: *мои документы и документы моих товарищей*), то во втором предложении имеется, скорее, виртуальное и эмергентное множество лиц, поэтому конструкцию с ПМ можно интерпретировать: 'история искусства моего народа (народа, частью которого я являюсь)' либо 'история искусства моей страны (страны, в которой я живу)'. Здесь следует заметить, что для ПМ множественного числа характерна неоднозначность, о которой исследователи пишут применительно к личным местоимениям, ср.: *мы* = 'я + ты' или *мы* = 'я + он' (Rittel 1985, 68). Поэтому ПМ *наши* не всегда «прозрачно» (если воспользоваться термином Ю. Дембовского) с точки зрения референции. Ср.:

- (166) *Я гляжу на наши окна* (Вал. Попов).

В отрыве от контекста трудно определить, какое «мы» кроется за ПМ. Другой семантической загадкой является определение отношения между аргументами *мы* и *окна*, ср. возможные варианты толкования:

- (167) *Я гляжу на окна дома, в котором мы (я и моя семья) живем.*
- (168) *Я гляжу на окна, которые мы остеклили.*
- (169) *Я гляжу на окна, из которых мы (я и ты) смотрели друг на друга и т.д.*

Существует принципиальное различие грамматического и лексикологического, особенно — лексикографического, подходов к категории ПМ. Грамматики (и даже новейшие) однообразно представляют ПМ как «притяжательные», тогда как в словарях наблюдается весьма пестрая картина их лексического содержания. Каждой лексеме из класса ПМ толковые словари обычно приписывают от четырех до восьми, а то и более значений: при этом речь идет не только о принадлежности, но также о семантике части, целого, исполнителя действия, отношения родства и др.

Вместе с тем семантическая информация, содержащаяся в толковых словарях, имеет несколько недостатков: во-первых, она не полна. Например, ни один польский словарь не фиксирует у ПМ *twój* значения ‘написать/послать’, хотя его наличие с очевидностью вытекает из содержания высказывания

(170) *Otrzymałem twój list* = ‘Я получил письмо, которое ты написал и выслал мне’.

Во-вторых, статья толкового словаря представляет лексическое значение в слишком обобщенном виде, а местоимению приписывается семантика всего именной словосочетания. Например, значение принадлежности в содержании именной группы

(171) *моя машина*

приписывается местоимению *моя*. При этом — что в целом характерно для традиционных толковых словарей — внутренняя семантическая структура таких словосочетаний не эксплицируется, поэтому остается неясным, какие компоненты языкового (а именно — посессивного) содержания именной группы непосредственно обусловлены семантикой ПМ, а какие зависят от синтагматических условий их реализации в речи, в частности, — лексическим содержанием существительного.

Трудности, связанные с грамматической и семантической категоризацией ПМ, во многом обусловлены тем, что само понятие принадлежности является не совсем ясным и очевидным. Ср. красноречивое признание одного из лингвистов:

Выделение признака посессивности соответствует языковой интуиции и логике, однако сам он с трудом поддается определению (Чинчлей 1990, 20).

Центральной для категории посессивности считается семантика обладания, владения. Предикат обладания является двуместным, его поле валентности включает аргумент с функцией посессора/бенефицианта и аргумент с функцией объекта принадлежности (Ницолова 1986, 76). В. Н. Топоров (1986, 150) описывал содержание посессивности следующим образом:

‘Обладать’ для ‘обладателя’ Р ‘обладаемым’ R значит и м е т ь (занимать) м е с т о R и д о м и н и р о в а т ь ... ‘Р имеет место R’ предполагает, что Р, имея свое собственное место, получает дополнительно и место R, причем последнее по отношению к месту Р выступает как ч а с т ь . ‘Р доминирует в месте R’ означает, что в данном месте определяющей ситуацией является точка зрения Р, а не R.

Признак ‘руководить’ для глагола *владеть* считает конститутивным также Ю. Д. Апресян (1995; 32 сл., 549 сл.), который в общем принимает дефиницию, предложенную ранее А. Вежбицкой: *Я обладаю вещью* = ‘Я имею право (общество хочет, чтобы я мог) сделать с вещью все, что захочу’.

Что же касается упоминаемой Топоровым пространственной смежности, а также отношения «часть — целое» (которое рассматривается также в работе: Иванов 1989, 44), то, как представляется, для семантики принадлежности данные признаки (отчасти, видимо, обусловленные этимологической близостью глаголов *принадлежать* и *лежать*) факультативны, ср. высказывание:

(172) *У него есть счет в Швейцарии.*

В данной работе принимается следующее толкование семантики посессивности: *X обладает Y-ом / Y принадлежит X-у* = ‘X имеет приоритетное право распоряжаться Y-ом, в том числе каузировать изменения Y-а’. Обратим внимание, что первый аргумент при предикате *владеть* и второй аргумент при предикате *принадлежать* обладают селективным признаком ‘одушевленное лицо, человек или группа людей’, в чем проявляется связь категорий посессивности и номинативной персональности.

Не совсем однозначно и установление лексического объема (состава) категории посессивности. Так, некоторые авторы рассматривают польские конструкции типа «S_{nom} + Praep_z + S_{instr}» или «S_{nom} + VF +

Prap_z + S_{instr}» как посессивные (Piernikarski 1990, 28). Одним из таких примеров может быть приводимое Ц. Перникарским высказывание:

(173) *Jan wychodzi z kufrem.*

Но в подобных высказываниях выражается вовсе не владение, а пространственная взаимосоотнесенность предметов, на что указывает трансформация: ‘В тот момент, когда Ян выходит, он держит в руках чемодан / чемодан находится в руках Яна’ (на возможность локативной интерпретации посессивных конструкций указывает Дж. Лайонз (Lyons 1983, 327). То же самое доказывается возможностью расширения высказывания:

(174) *Jan wychodzi z kufrem Anny.*

Здесь уже совершенно очевидно, что владельцем кофра является Анна, а не Иван. На практике для выделения посессивных конструкций (в том числе и включающих притяжательные местоимения) используется трансформационный критерий. Так, К. Писаркова (Pisarkowa 1992, 261) различает посессивные и квазипосессивные отношения. Их общность этих отношений состоит в том, что обычно они имеют одинаковые средства выражения, зато различия касаются плана содержания. Писаркова предлагает следующий способ идентификации посессивных конструкций польского языка: возможность их преобразования в сочетании с глаголом *być*, ср.:

(175) *dom Kowalskiego — dom jest Kowalskiego*

(176) *mój dom — dom jest mój*

(177) *serce Kowalskiego — *serce jest Kowalskiego*

(178) *palce ręki — *palce są ręki*

Писаркова определяет посессивность как определенное семантическое отношение, а с другой стороны, дает ей строгую структурную характеристику. Чаще всего, однако, встречаются работы (см. Чинчлей 1990, 27; Ницолова 1986, 77; Аристова 1982, 58; Rittel 1985, 228 и др.), в которых признается, что конструкции с притяжательными местоимениями и прилагательными не имеют единого номинативного содержания, но тем не менее все они рассматриваются как посессивные. А. М. Пешковский (1935, 201) даже писал о том, что в высказываниях типа

(179) *X был ленив*

выражается «спокойное обладание признаком». Вряд ли здесь можно говорить о посессивности в прямом смысле, ведь человек «не распоряжается» своими свойствами — чего следовало бы ожидать, имея в виду дефиницию посессивности (см. выше), тем более такими свойствами, как «быть ленивым».

К. Фандрих (Fandrych 1993, 132 ссл.), по моему мнению, ошибочно относит к числу посессивных немецкие адъективные композиты типа *aluminiumfrei*, *alkoholfrei*, *milchfrei*, *salzarm*, *nikotinarm*, *sduerarm*, *augenlos*, *handlos*, *buchlos* и др. В другой работе (Иванов 1989) как посессивные трактуются выражения типа:

(180) *рука человека*

(181) *болезнь Ивана*

(182) *цвет граната*

(183) *строение микромира*

(184) *смысл войны* и т.п.

Такая трактовка представляется безосновательной, а более точную, дифференцированную квалификацию подобных сочетаний с существительным в родительном падеже находим в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой (1988, 386):

(185) родительный посессивный: *коляска хозяина, дом отца*

(186) родительный агентивный: *запрос прокурора, приезд гости*

(187) родительный носителя признака: *зелень трав*

(188) родительный прикомпаративный: *бежать быстрее лани*

(189) родительный объекта при отглагольных именах: *чтение книги*

С семантической точки зрения конструкции с ПМ можно разделить на два типа:

1. позицию опорного элемента занимает синтаксема с семантической функцией *предиката*; в подобных выражениях выступает *транспозиция* — как предикативной синтаксемы, так и ПМ;
2. в позиции опорного элемента находится синтаксема с семантической функцией *аргумента*; в этом случае наблюдается *компрессия* поверхностной синтаксической структуры.

В конструкциях первого типа опорный элемент выражен абстрактным (в частности, отглагольным) существительным — примеры группы (а), или конкретным существительным, носителем релятивной семантики — примеры группы (б), ср.:

(а)

- (190) *его приезд*
- (191) *твое решение*
- (192) *ваше превосходство*
- (193) *ее болезнь*
- (194) *его слова*
- (195) *их гибель*

(б)

- (196) *ее мать*
- (197) *мой сосед*
- (198) *его начальник*

В этом разряде синтаксических конструкций ПМ семантически равнозначно личным местоимениям *я, ты, он, мы, они* и т.д. — различие заключается в том, что личные местоимения (в базовой синтаксической структуре) занимают приглагольную, а ПМ — приименную позицию:

- (199) *он приехал — его приезд*
- (200) *они погибли — их гибель*
- (201) *по отношению к ней является матерью — ее мать*
- (202) *соседствует со мной — мой сосед*

Выражения с транспозицией допускают два принципиально разных типа интерпретации — субъектную и объектную. При субъектной интерпретации (более частой) ПМ понимается как носитель семантики, соотносимой с первым аргументом при соответствующем, подразумеваемом предикате: $P(x_{pron...})$. Ср.:

- (203) *моя машина* = ‘я владею машиной’
- (204) *мой город* = ‘я живу в городе’
- (205) *мой приезд* = ‘я приехал/приеду’

Но встречается и объектное употребление ПМ в конструкциях типа $P(x, y_{pron...})$, например, в польском словосочетании

(206) *jego opis* ‘его описание’,

которую можно интерпретировать и как ‘то, что он описал’, и как ‘то, как он был описан’. Б. Ю. Норман указывает, что в этом случае местоимение соответствует субъекту пассивных конструкций (1999, 603). Ср. также приводимый им пример Г. Раппапорта:

(207) *jego rozumienie chrześcijaństwa*

(208) *chrześcijaństwo i jego rozumienie*

В первом случае ПМ употребляется в субъектном значении: ‘как он понимает христианство’, а втором — в объектном значении: ‘как понимают христианство; как понимается христианство’.

Болгарская исследовательница С. Димитрова (1994, 186) отмечает, что в известных строках из «Арбатского романса» Б. Окуджавы:

(209) *От любви твоей вовсе не излечишься,
Сорок тысяч других мостовых любя —*

с помощью местоимения *твоей* не выражается принадлежность, но данное местоимение нельзя интерпретировать и как первый аргумент при предикате *любить*: речь идет не о том, что *ты (Арбат) любишь (кого-то)*, а о *любви (кого-то) к тебе*, т.е. к *Арбату*. Такое употребление ПМ в сочетании с существительными эмоций надо, однако, признать окказиональным.

В сочетаниях с релятивными существительными ПМ следует интерпретировать как второй аргумент пропозиции, ср.:

(210) *моя мать* = ‘человек, который по отношению ко мне является матерью — она родила меня’

(211) *моя сестра* = ‘человек, который по отношению ко мне является сестрой’

(212) *мой сосед* = ‘человек, который по отношению ко мне является соседом — он соседствует со мной’

В художественных текстах встречается намеренное обыгрывание данной двусмысленности ПМ в конструкциях с предикативными словами. Такой характер имеет приводимое ниже предложение из эксцентричной прозы современного польского писателя Марка Слыка:

(213) *Odsyłam do mojej jego biografii.*

Автор сознательно сталкивает в одном синтагматическом контексте две формы ПМ — флексийную и нефлексийную, создавая кажущееся противоречие. На самом же деле эти формы имеют принципиально разные значения:

(214) *mojej biografii* = ‘я написал биографию’

(215) *jego biografii* = ‘биографии написана о нем’

(216) *mojej jego biografii* = ‘я написал его биографию, т.е. я описал его жизнь’

Ср. подобный языковой пример, только на этот раз, кажется, без элементов стилистического маньеризма:

(217) *Moja ich interpretacja może się wydawać ludziom co najmniej wątpliwa* («Polityka». 1989/33).

Интерпретация сочетаний ПМ с конкретными существительными опирается на принцип оптимальности: в первую очередь выбирается такое понимание конструкции, которое наиболее естественно вытекает из содержания опорного существительного, а точнее — из отношения между содержанием существительного и значением лица.

Семантика посессивности обусловлена значением вещности в содержании существительного — его дистрибутивного партнера, ср. некоторые примеры:

(218) *moi деньги* = ‘деньги, которые принадлежат мне’

(219) *наш участок* = ‘участок, который принадлежит нам’

(220) *твой велосипед* = ‘велосипед, который принадлежит тебе’

В сочетании с существительными, которые обладают локативным значением, подразумевается предикат ‘находится, живет, пребывает и т.д.’ (см. раздел 7), ср.:

(221) *моя деревня* = ‘деревня, в которой я живу (родился и какое-то время жил)’

(222) *его гнездо* = ‘гнездо, в котором он живет’

(223) *наша квартира* = ‘квартира, в которой мы живем’

Интерпретация конструкций с ПМ не только опирается на конвенциональную семантику опорного существительного, но может также иметь контекстуально обусловленный, о к к а з и о н а л ь н ы й характер. Это, в частности, касается случаев передачи эмоциональной и ак-

сиологической информации, когда местоимение означает нечто вроде ‘близкий, дорогой, хороший, приятный и т.п.’, например, в широко распространенной формуле обращения:

(224) *Mój друг!*

(225) *Друзья мои!*

или в формуле прощания в эпистолярном жанре:

(226) *твой Иван Иванов*

Ср. примеры этого типа из прозы современного польского прозаика Тадеуша Новака:

(227) *chłopcze mój* = ‘дорогой юноша’

(228) *Panie mój* = ‘господи, перед которым я преклоняюсь’

(229) *twój organista* = ‘органист, который предан тебе, преклоняется перед тобой’

Русское предложение

(230) *Пришла твоя пианистка*

может быть интерпретировано по-разному, в том числе и в эмотивно-аксиологическом смысле, ср.:

(231) *Пришла пианистка, которая тебе всегда аккомпанирует.*

(232) *Пришла пианистка, в которую ты влюблен.*

(233) *Пришла пианистка, о которой ты только что рассказывал* и т.д.

В некоторых случаях адекватное понимание ПМ без знания коммуникативной ситуации не возможно. Ср. характерный пример:

(234) — *W którym pokoju Pan mieszka?*

— *518.*

— *To znaczy w t o i t .*

Если у нас нет информации об участниках и о ситуации разговора, последнюю реплику в диалоге можно понять так: ‘Вы живете в комнате, в которой живу я’. При этом интерпретатор ориентируется на стандартное когнитивное содержание существительного *комната*, в котором доминирует семантический признак ‘место проживания’. В дей-

ствительности же приведенный диалог был записан мной в одной из краковских гостиниц, где горничная ведет разговор с клиентом. В этой ситуации мы понимаем, что горничная не живет в номере 518, а только убирает его.

Иногда мы имеем дело с характерным для нарративного типа коммуникации видом синтаксических конструкций с ПМ, в которых передается метаязыковая семантика. Местоимение при этом значит ‘упомянутый; такой, о котором уже неоднократно была речь; главный персонаж’. Примером такого употребления ПМ может быть басня И. Крылова «Тришкин кафтан»:

- (235) *У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали? [...] —
Наставил рукава, и весел Тришка мой [...]*

Ср. также аналогичные польские примеры из прозы Т. Новака:

- (236) *Borem i lasem szedł cesarski żołnierz. [...] Patrząc na to ubóstwo rzekł nasz żołnierz.*
(237) — *Na zimę cię przygarne, czerwony kozuch ci sprawię. [...] — Ten wasz kozuch młyn we mnie znowu rozkręcił.*

В немногочисленных случаях предикативное значение выражается с помощью соподчиненной формы прилагательного, например, в конструкции:

- (238) *мои бессонные ночи*

которую можно интерпретировать: ‘ночи, когда я не сплю/не спал’.

5. Семантическая классификация конструкций с ПМ

На основе анализа содержания выражений с ПМ в тексте повести Т. Новака «Diabły» («Черти») были выделены типы соответствующих им семантических структур. Сама операция установления таких

структур основывалась на синтаксических трансформациях базового предложения. Например, высказывания

(239) *Zewsząd słyszałam jego wołanie*

(240) *Zapominała o swoim kalectwie*

(241) *Moja ślepotą nie przyczyniła się do twojej śmierci* и т.п.

содержат включенную пропозицию с одной и той структурой:

Arg — Pred

При этом значение аргумента обусловлено местоименной, а значение предиката — субстантивной словоформой, ср. трансформации:

(242) *Zewsząd słyszałam jego wołanie* = ‘Zewsząd słyszałam to, jak on wołał’.

(243) *Zapominała o swoim kalectwie* = ‘Zapominała o tym, że jest kaleką’.

(244) *Moja ślepotą nie przyczyniła się do twojej śmierci* = ‘Ten fakt, że jestem ślepa, nie przyczynił się do tego faktu, że umarłeś’.

Поэтому формулу, которая символизирует семантический тип включенной пропозиции, можно дополнить указанием формально-грамматической информацией:

Arg_[Pron] — Pred_[S]

Всего было выделено (с учетом приведенного выше) десять типов семантических структур. Кратко охарактеризую их.

Arg₁ — Pred_[S] — Arg_{2 [Pron]}

Примеры:

(245) *Siedzi na ławce obok mojej matki* = ‘Siedzi na ławce obok tego, kto jest w stosunku do mnie matką / kto mnie urodził’.

(246) *A przy płocie jego sługa wierny stoi* = ‘Przy płocie stoi ten, kto w stosunku do niego jest sługą / któru służy mu’.

(247) *Boisz się przyjaciółki swojej* = ‘Boisz się tego, kto w stosunku do ciebie jest przyjaciółką’.

Arg_{1 [Pron]} — Pred_[S] — Arg₂

Примеры:

- (248) *Przypomniałem sobie Twoje dzieciństwo* = ‘Przypomniałem sobie te lata, kiedy (ty) byłeś dzieckiem’.
 (249) *Przypomniał moje widzenia wewnętrzne* = ‘Przypomniał to, co (ja) widziałam wewnątrz’.

$$\text{Arg}_1 [\text{Pron}] \text{— Pred — Arg}_2 [\text{S}]$$

Примеры:

- (250) *Wyczerpaliśmy wodę z naszej studni* = ‘Wyczerpaliśmy wodę ze studni, którą użytkowaliśmy’.
 (251) *Rozeszła się fama o naszej wsi* = ‘Rozeszła się fama o wsi, w której mieszkaliśmy’.
 (252) *Wspomnicie moje słowa* = ‘Wspomnicie to, co (ja) powiedziałam’.

$$\text{Arg}_1 [\text{S}] \text{— Pred — Arg}_2 [\text{Pron}]$$

Примеры:

- (253) *Poproś ich, Panie mój* = ‘Poproś ich, Panie, który jesteś dla mnie drogi’.
 (254) *Twój Michał zaraz po ożenku przyszedł od żniwa* = ‘Michał, który w stosunku do ciebie jest mężem, zaraz po ożenku przyszedł od żniwa’.
 (255) *Łatwo było mędrcom wyjąć z jego duszy obraz matki i obraz ojca* = ‘Łatwo było mędrcom wyjąć z duszy, który w nim istniała, obraz matki i obraz ojca’.

$$\text{Arg}_1 \text{— Pred — Arg}_2 [\text{S}] \text{— Arg}_3 [\text{Pron}]$$

Примеры:

- (256) *Jeszcze przed naszym weselem sołtysował wsi* = ‘Jeszcze przed tym, jak nam wyprawiono wesele, sołtysował wsi’.
 (257) *Ale zacierały mi się w oczach jego cyfry* = ‘Zacierały mi się w oczach cyfry, które malarz na nim (na obrazie) narysował’.

$$\text{Arg}_1 [\text{S}] \text{— Pred — Arg}_2 (\text{Arg}_1 [\text{Pron}] \text{— Pred — Arg}_2)$$

Примеры:

- (258) *Kazałam tylko zabrać cztery prosiaki dla naszych chłopców* = ‘Kazałam zabrać cztery prosiaki dla chłopców, które pochodzą ze wsi, w której mieszkam’.

(259) *Uzbroiłam w nie naszych nocnych stróżów* = ‘Uzbroiłam w nie stróżów, którzy pilnowali wies, gdzie mieszkam’.

(260) *Podszedł do mnie kierownik naszej szkółki* = ‘Podszedł do mnie kierownik szkółki, która znajduje się we wsi, gdzie mieszkam’.

$Arg_1 — Pred — Arg_{2[S]} (Arg_{1[Pron]} — Pred — Arg_2)$

Примеры:

(261) *W kilka tygodni później zjawił się w naszym domu* = ‘W kilka dni później zjawił się w domu, gdzie mieszkała rodzina, której częścią byłam’.

$Arg_1 — Pred — Arg_{2[Pron]}$

Примеры:

(262) *Ona jest moja* = ‘Ona jest droga dla mnie’.

(263) *Pistoletu nie oddam. On jest mój* = ‘On należy do mnie’.

(264) *Niedźwiedź będzie twój* = ‘Niedźwiedź będzie podporządkować się tobie’.

$Arg_1 — Pred — Arg_2 (Arg_{1[Pron]} — Pred — Arg_2)$

Примеры:

(265) *Ale panów w tej sztuce żaden z naszych jeszcze nie przeskoczył* = ‘Ale żaden z tych, kto mieszka we wsi, gdzie mieszkam, jeszcze nie przeskoczył panów’.

В приведенной ниже таблице представлены данные о количестве употреблений имеющих разную семантическую структуру конструкций с ПМ.

№	Тип семантической структуры	Количество сочетаний	%
1.	$Arg_{[Pron]} — Pred_{[S]}$	58	10,92
2.	$Arg_1 — Pred_{[S]} — Arg_{2[Pron]}$	78	14,69
3.	$Arg_{1[Pron]} — Pred_{[S]} — Arg_2$	2	0,38
4.	$Arg_{1[Pron]} — Pred — Arg_{2[S]}$	141	26,55
5.	$Arg_{1[S]} — Pred — Arg_{2[Pron]}$	221	41,62
6.	$Arg_1 — Pred — Arg_{2[S]} — Arg_{3[Pron]}$	4	0,75

№	Тип семантической структуры	Количество сочетаний	%
7.	$Arg_1 [S] — Pred — Arg_2 (Arg_1 [Pron] — Pred — Arg_2)$	14	2,64
8.	$Arg_1 — Pred — Arg_2 [S] (Arg_1 [Pron] — Pred — Arg_2)$	1	0,19
9.	$Arg_1 — Pred — Arg_2 (Arg_1 [Pron] — Pred — Arg_2)$	1	0,19
10.	$Arg_1 — Pred — Arg_2 [Pron]$	11	2,07
		531	100

Наиболее распространенными являются четыре синтаксических типа, при этом в двух из них местоименная словоформа соотносится с первым аргументом (это типы, которым в таблице соответствуют № 1 и № 4), а в других ПМ соотносится со вторым аргументом — типы № 2 и № 5. Общее же распределение сочетаний, в которых местоимение соответствует первому или второму аргументу включенной пропозиции, таково: $Arg_1 [Pron] = 217$ (41%); $Arg_2 [Pron] = 314$ (59%). Что касается опорного существительного, то оно определяет содержание либо одного из аргументов, либо предиката включенной пропозиции, распределение синтаксических конструкций с ПМ в зависимости от семантической функции существительного следующее: $Arg_1 [S] = 239$ (46%), $Arg_2 [S] = 142$ (27%), $Pred = 138$ (27%) (процентные величины определялись в объеме 519 именных групп с главным компонентом существительным).

Таким образом, можно сделать вывод, что для ПМ несколько более характерна семантическая функция второго аргумента, а для определяемого им существительного значительно более характерна функция первого аргумента. Впрочем, вопрос о синтаксической семантике существительного в сочетаниях типа «Pron + S» требует более детального рассмотрения, к которому я вернусь при анализе типов семантической актуализации предиката включенной пропозиции.

6. Классификация конструкций с ПМ по семантике включенного предиката

Семантическую основу каждого выражения с ПМ составляет включенный предикат, ср. выражение

(266) *Widziałam też przez jej światło obłoki cieńsze od lnianej przędzy*

где таким предикатом является *promieniować*, на что указывает трансформация: 'Widziałam przez światło, którym ona (korona słońca) promieniowała, obłoki'. Семантическое описание ПМ в толковых словарях, главным образом, и представляет собой экспликацию таких предикатов. Однако ошибка словарей заключается в том, что, во-первых, они искусственно сужают круг внутренних предикатов, а во-вторых, безосновательно связывают их семантику с языковым содержанием ПМ.

Одним из результатов проведенного мной наблюдения явилось выделение предикативных значений, составляющих семантическую структуру выражений с ПМ. В объеме 531 выражений с ПМ, excerptированных из повести Т. Новака «Черти», было выделено 122 предиката: *część* — 163, *mieszkać* — 52, *należać* — 25, *opiekować się* — 13, *właściwy* — 13, *bliski, drogi* — 10, *istnieć* — 12, *pisać* — 11, *włożyć* — 11, *matka* — 9, *ojciec* — 9, *mówić* — 11, *przewodzić* — 9, *żyć* — 9, *dziecko* — 8, *widzieć* — 8, *śługa, służyć* — 6, *stworzyć* — 6, *znajdować się* — 6, *odprawiać nabożeństwa* — 5, *pani, pan* — 5, *równieśnik, -nica* — 5, *brat* — 4, *dotyczyć* — 4, *dyszeć* — 4, *mąż* — 4, *syn* — 4, *mąż* — 3, *mieć* — 3, *pradziadek* — 3, *przyjaciel, -ciółka* — 3, *ślepy* — 3, *być* — 2, *kaleki* — 2, *kompan* — 2, *krzyczeć* — 2, *modlić się* — 2, *myśleć* — 2, *rządzić* — 2, *siostra* — 2, *skaleczyć się* — 2, *śpiewać* — 2, *traktować* — 2, *uczeń* — 2, *użytkować* — 2, *wyglądać* — 2, *wyprowadzić* — 2, *zdrowy* — 2, *babcia* — 1, *boleć* — 1, *chcieć* — 1, *ciasny* — 1, *cieszyć się* — 1, *czarować* — 1, *dobrodziejka* — 1, *dziadek* — 1, *dziedzic* — 1, *gość* — 1, *kawaler* — 1, *kontaktować* — 1, *kum* — 1, *lamentować* — 1, *małżonka* — 1, *miłoserny* — 1, *narysować* — 1, *odmówić* — 1, *odważny* — 1, *pamiętać* — 1, *paź* — 1, *pilnować* — 1, *pochodzić* — 1, *pochować* — 1, *polować* — 1, *pomóc* — 1, *popelnić zbrodnię* — 1, *popisać się* — 1, *pramatka* — 1, *produkować, wydzielać* — 1, *promieniować* — 1, *prosić* — 1, *przeżyć* — 1, *pryzwyczajony* — 1, *pyłować* — 1, *radzić się* — 1, *robić* — 1, *rodzice* — 1, *rozporządzać* — 1, *rzucać* — 1, *sekretarz* — 1, *skuteczny* — 1, *spać* — 1, *stać się* — 1, *szanować* — 1, *szukować* — 1, *śpiewać* — 1, *świecić* — 1, *trwożyć się* — 1, *trzymać* — 1, *uczyć* — 1, *ułomny* — 1, *umrzeć* — 1, *urodzić* — 1, *urodzić się* — 1, *uśmiechać się* — 1, *wdowa* — 1, *wejść* — 1, *wierny* — 1, *wierzyć* — 1, *winnien* — 1, *wołać* — 1, *wymyśleć* — 1, *wyobrażać* — 1, *zajmować* — 1, *zabawiciel* — 1, *zbierać* — 1, *zdobyć* — 1, *ziomek* — 1, *znajdować się* — 1, *żałować* — 1, *żebrać* — 1, *żona* — 1*.

*ЗАМЕЧАНИЕ: цифра указывает не на количество синтаксических конструкций, а на количество включенных пропозиций с данным предикатом; в некоторых

случаях одной именной группе с ПМ соответствуют две включенные пропозиции и два предиката, например: *Siedział na moim podolku* = 'Siedział na podolku, który był częścią sukienki, którą włożyłam'. В содержании именной группы *mój podolek* в данном случае имеются два предиката: *część* и *włożyć*. Этим же объясняется и общее количество употреблений предикатов 546, которое превышает общее число выражений с ПМ — 531.

Перечень внутренних предикатов показывает, что — вопреки традиционному представлению о ПМ как единицах, которые, главным образом, предназначены для реализации категории посессивности — языковые выражения с ПМ характеризуются чрезвычайным семантическим разнообразием. Степень этого разнообразия с учетом семантики включенных предикатов еще больше по сравнению с семантическими структурами включенной пропозиции: фактически каждая пятая синтаксическая конструкция в рассмотренном нами объеме материала содержит новый по значению предикат. Наиболее часто употребляемыми в сочетаниях с ПМ предикатами являются: *część* — 163 (29,9%), *mieszkać* — 52 (9,5%), *należać* — 25 (4,6%), *opiekować się* — 13 (2,4%), *właściwy* — 13 (2,4%), *istnieć* — 12 (2,2%), *pisać* — 11 (2,0%), *włożyć* — 11 (2,0%), *mówić* — 11 (2,0%), *bliski*, *drogi* — 10 (1,8%), *matka* — 9 (1,6%), *ojciec* — 9 (1,6%), *przewodzić* — 9 (1,6%), *żyć* — 9 (1,6%). Обратим внимание на то, что выражающие семантику посессивности предикаты *należać*, *mieć*, хотя и входят в тройку наиболее употребляемых, вместе с тем составляют лишь 4,6 % от общего количества содержащихся в сочетаниях с ПМ предикативных значений. Это наиболее убедительный аргумент в пользу того, что категориальный признак ПМ не имеет ничего общего с семантикой принадлежности.

Поскольку, как мы уже отмечал, лексико-семантическое толкование ПМ сводится к экспликации включенных предикатов, то с учетом той высокой дисперсии, которая обнаружилась в множестве этих предикатов, описание ПМ в толковых словарях весьма затрудняется, если вообще не становится невозможным — ведь составителю словаря пришлось бы фиксировать более сотни предикативных значений!

Выше речь была о парадигматической амбивалентности ПМ, т.е. о присутствии в их в содержании признаков нескольких разрядов местоимений. Однако можно утверждать и о синтагматической амбивалентности ПМ, которая составляет основу их общепринятого понимания: с одной стороны, согласно традиционному представлению, ПМ указывают на отношение аргументов, а с другой

стороны, указывают на референциальные параметры одного из них (говорящего, слушающего и т.д.). По своей предикативной семантике ПМ различаются незначительно — эта семантика, собственно, и составляет ядро образуемой ими категории (это — посессивность). По своим референциальным признакам ПМ различаются более существенно, представляя подклассы притяжательно-личных, притяжательно-возвратных, притяжательно-вопросительных и др. местоимений.

Однако предпосылка о синтагматической амбивалентности ПМ оказывается неверной. Об этом свидетельствует уже хотя бы тот факт, что в 136 именных группах с главным членом — существительным (что составляет 26% всех таких именных групп), семантика включенного предиката совпадает с лексическим содержанием существительного. Например, это — именные группы с семантической структурой $\text{Arg}_{[\text{Pron}]} — \text{Pred}_{[\text{S}]}$. В такого рода конструкциях опорный компонент выражен абстрактным, обычно — процессуальным отглагольным существительным или существительным со значением признака, свойства, ср.:

- (267) *moje widzenie*
- (268) *naszym zwyczajem*
- (269) *ich odwaga*
- (270) *jego wołanie*
- (271) *o swoim kalectwie*
- (272) *twój dech*
- (273) *przed twoją śmiercią*
- (274) *moja ślepotą*
- (275) *naszego pożycia*
- (276) *swój żal*
- (277) *jej uśmiechu*
- (278) *przed naszą pamięcią*
- (279) *jego krzyk*
- (280) *swoje wejście*
- (281) *w mojej wyobraźni u m.д.*

В конструкциях типа $\text{Arg}_1 — \text{Pred}_{[\text{S}]} — \text{Arg}_2_{[\text{Pron}]}$ предикативное значение выражено релятивными существительными (большинство из которых обозначает отношение родства) (на предикативный характер подобных существительных указывает С. Осуга, см. 1989, 83), ср.:

- (282) *mojego rodzica*
- (283) *twój synek*
- (284) *swojego brata*

- (285) *ich matki*
 (286) *panią swoją*
 (287) *sekretarz jego*
 (288) *z naszymi ziomkami*
 (289) *jego sługa przyjaciółki swojej*
 (290) *moich rówieśników* и т.д.

7. Типы актуализации предиката включенной пропозиции

Можно выделить несколько видов семантической обусловленности включенного предиката в конструкциях с ПМ (некоторые из этих типов выделены нами ранее на материале русского и немецкого языков, см. Киклевич 1996, 208). Одним из них является актуализация предикативной семантики, содержащейся в лексическом значении опорного существительного. Так, в значении существительных *dom, wieś, izba, chałupa, chata, gniazdo, namiot* и др. помимо локативного семантического компонента имеется также предикативный компонент ‘*mieszkać*’, в обобщенном же виде их семантика может быть представлена в виде толкования ‘*miejsce zamieszkania*’. Лексическое значение подобных существительных представляет собой частично актуализованную пропозицию — в ней дескриптивно определен предикат (*mieszkać*) и один из обязательных аргументов, а именно — второй аргумент со значением места (*dom, wieś, izba, chałupa, chata* и т.д.). Первый аргумент (субъект проживания) выражается с помощью ПМ в сочетаниях типа

- (291) *mój dom*
 (292) *naszej wsi*
 (293) *w naszych okolicach*
 (294) *twoja izba*
 (295) *nasza chałupa* и т.д.

Ср. трансформацию:

- (296) *Sprzed twojego domu słychać grające piszczalki* = ‘Sprzed domu, w którym mieszkasz, słychać grające piszczalki’.

Отдельную группу составляют «*функционализмы*» — существительные, которые обозначают референт с точки зрения его функ-

циональных признаков. В соответствии с этим интерпретация синтаксических групп с ПМ содержит тот или иной признак этого типа:

(297) *mоя школа* = 'школа, в которой я учусь (или учился, буду учиться)'

(298) *наш костел* = 'костел, в котором мы отправляем богослужение'

(299) *его могила* = 'могила, в которой погребено его тело'

Довольно большую группу синтаксических партнеров ПМ составляют конгломеративы и партитивы — в этом случае в содержании конструкции закодирована семантика части, ср.:

(300) *его улицы* = 'улицы, которые являются его частью'

(301) *ее голова* = 'голова, которая является частью ее тела'

(302) *его вершина* = 'вершина, которая является его частью'

В семантическом толковании подобных существительных имеются дескрипторы 'группа, совокупность' или 'часть', например: *ostrze* = 'тонкая, заостренная конечная часть чего-либо'; *noga* = 'одна из нижних частей (конечностей) человека или животного'; *korona* = 'верхняя разветвленная часть дерева вместе с сучьями и ветвями'; *ulica* = 'часть населенного пункта между двумя рядами домов для прохода или проезда' и т.д.

В сочетаниях с конгломеративами ПМ референциально характеризует первый аргумент, ср.:

(303) *Po wyjeździe do Krakowa dziedzica i jego rodziny zabezpieczyliśmy to wszystko* = 'Po wyjeździe do Krakowa dziedzica i rodziny, której częścią on był, zabezpieczyliśmy to wszystko'.

Примеры таких сочетаний, судя по речевому материалу, единичны. В сочетаниях с партитивами (общее количество таких сочетаний, напротив, достаточно велико), ПМ указывает на второй аргумент, ср.:

(304) *Chodzą po jej ilastym dnie* = 'Chodzą po ilastym dnie, które jest jej (rzeki) częścią'.

Собственно притяжательная семантика в конструкциях с ПМ реализуется при условии, что в содержании опорного существительного имеется сема 'предмет владения, имущество' (Киклевич 1996, 208-209). ; ср. конструкции с существительными, называющими материальные ценности:

- (305) *их деньги* ‘деньги, которые им принадлежат’
 (306) *его огромное состояние* ‘огромное состояние, которым он владеет’
 (307) *мои бриллианты* ‘бриллианты, которыми я владею’
 (308) *ее банковский счет* ‘банковский счет, которым она владеет’

Иногда семантика посессивности дополнительно обусловлена контекстом, ср.:

- (309) *Mat tam ląkę. Mój ląkę zapisaną mi w testamencie przez matkę.*

Здесь семантика принадлежности (‘луг принадлежит мне’) заключена, с одной стороны, в фоновом лексическом значении существительного *łąka* (‘может выступать как предмет владения, имущество, собственность’), с другой стороны — в основном лексическом значении глагола *mieć*, который выступает в контексте.

Достаточно значительную группу выражений с ПМ составляют такие, в которых опорное существительное называет артефакт, т.е. объект, являющийся результатом деятельности человека. Эта семантика закодирована, например, в таких словах, как *каша*, *скворечник*, *куст* или *стихи*, поэтому в конструкциях с подобными существительными легко обнаруживается генеративное значение (что, однако, не исключает также возможности другой интерпретации), ср.:

- (310) *твоя каша* ‘каша, которую ты приготовил’
 (311) *наш скворечник* ‘скворечник, который мы вместе построили’
 (312) *его куст* ‘куст, который он посадил’
 (313) *мои стихи* ‘стихи, которые я написал’

Ср. высказывание из газетной заметки:

- (314) *В одном из своих (своих ли?) стихов В. Герасимов писал...*
 («Литературная Россия». 12 IX 1980).

В данном случае, используя ПМ, автор намекает не на неоригинальность произведения; с лингвистической точки зрения здесь важно то, что в содержании ПМ актуализируется именно креативный предикат.

Очередной тип семантической актуализации включенного предиката основан на особой — аксиологической функции опорного существительного: его денотат воспринимается с положительной оценкой, благодаря чему основу соответствующей именной группе с ПМ семантической структуры составляет включен-

ный предикат со значением физической или духовной близости. Положительная оценка обусловлена фоновым (в частности, культурным) компонентом лексического значения существительного, его особой стилистической функцией (в случае с именами, которые используются в своих «домашних» вариантах), а также некоторыми ядерными элементами значения существительного. Для подобных конструкций с включенным предикатом духовной и физической близости характерна также устойчивая прагматическая функция — обращение, например:

(315) *chłopcze mój* = ‘chłopcze, który jesteś dla mnie drogi/bliski’

(316) *Panie mój* = ‘panie, który jesteś dla mnie bliski/drogi’

(317) *maju mój zielony* = ‘maju, który jesteś dla mnie drogi/bliski’.

Чаще в синтаксических конструкциях этого типа местоимение занимает постпозицию. Исключение составляют употребляемые при завершении письменных посланий выражения типа

(318) *twój organista* = ‘organista, który szanuje ciebie / który jest bliski tobie’

Имеется тип семантической обусловленности включенного предиката, который зависит от реляционного значения, актуализируемого в содержании имени собственного, выступающего в качестве опорного компонента, например:

(319) *mojego Michała* = ‘Michała, który w stosunku do mnie jest mężem’

Подобное содержание имени собственного, которое можно представить в виде толкования ‘Имя человека, который по отношению ко мне является мужем, есть Михаил’ окказионально, т.е. ограничено рамками данного текста/дискурса, хотя сам принцип семантической обусловленности включенного предиката в конструкциях типа «ПМ + имя собственное» является регулярным.

Очередной тип обусловленности значения включенного предиката основан на двух явлениях: синтаксической совместимости и кореферентности. Рассмотрим конкретный пример: высказывание

(320) *Na weselach, na odpustach, na jarmarkach rozlicznych [niedźwiedź] kmięcia twego zabawi*

может быть интерпретировано как ‘Zabawi kmiecia, z którym polowałeś na niedźwiedzia / czekałeś na niedźwiedzia w czasie polowania’. Эта интерпретация (а именно — употребление в толковании предиката *polować*) никак не связана с лексическим значением существительного *kmieć*, а обусловлена более широкими рамками текста. Несколькими абзацами выше читаем (речь идет об охоте на медведя):

(321) *Gdy tym sposobem wywabiony miś zapadnie się w jamę, czekaj nań z dworskim kmieciem.*

Синтаксическая совместимость (т.е. сочетаемость с одним и тем же предикатом) словоформ *nań* и *kmieciem*, а также их кореферентность (в первом и втором случае они обозначают одних и тех лиц) позволяют экстраполировать предикат высказывания

(322) *Czekaj nań z dworskim kmieciem*

на именную группу

(323) *kmiecia twego* = ‘kmiecia, z którym czekałeś na niedźwiedzia w czasie polowania / polowałeś na niedźwiedzia’

Ср. аналогичные примеры:

(324) *Pomysł zorganizowania w naszej wsi cyrku zrodził się w mojej głowie. Nie brakło też w naszym cyrku miejsca dla złodziei weselnych placów*, где *w naszym cyrku* = ‘w cyrku, który zorganizowałam’.

(325) *Żebrzą o chleb. Podkościelni żebracy okaleczyli im ręce i nogi, wydłubali oko albo nauczyli udawać kalectwo, żeby na ich cynowe talerzyki sypało się grosiwo*, где *na ich talerzyki* = ‘na talerzyki, z którymi żebrzą o pieniądze’.

Семантика включенного предиката в конструкциях с ПМ (чаще всего — местоимением *nasz*) может быть обусловлена фактором предупомянутости предмета — в этом случае включенный предикат имеет метаязыковую семантику (см. выше). Например, высказыванию

(326) *Patrząc na to ubóstwo rzekł nasz żołnierz*

предшествуют другие выражения с тем же существительным (которое обозначает одно и то же лицо):

- (327) *Borem i lasem szedł cesarski żołnierz.*
 (328) *Zawahał się żołnierz.*
 (329) *Żołnierz zobaczył przed sobą, jak wyrosły z ziemi.*

Поэтому именная группа *nasz żołnierz* может быть интерпретирована как ‘*żołnierz, o którym była mowa*’. Ср. также:

- (330) — [...] *Na zimę cię przygamę, czerwony kozuch ci sprawię.*
 — *Ten wasz kozuch młyn we mnie znowu rozkręcił* = ‘*Kozuch, o którym mówiliście, rozkręcił we mnie młyn*’.

Имеются немногочисленные выражения, в которых содержание включенного предиката обусловлено синтаксически совместимым с ПМ прилагательным, т.е. подчиненным одному и тому же существительному, ср.:

- (331) *moich bezsennych nocy* = ‘*nocy, kiedy nie spałam / nie miałam snu*’
 (332) *o moim widzianym wewnątrznie lesie* = ‘*o lesie, który widziałam w śnie*’

Семантическая специфика сочетаний с управляемым (обычно в прилагательной позиции) ПМ состоит в том, что местоимение здесь выступает как непосредственный носитель предикативного значения, ср.:

- (333) *przyjęliby nas jak swoich* = ‘*przyjęliby nas jak takich, którzy są w stosunku do nich bliscy*’
 (334) *siusiasz na swoim* = ‘*siusiasz na tym, co należy do ciebie*’

В подобных (кстати, весьма немногочисленных) выражениях) ПМ выступает в значениях, которые являются результатом семантической деривации — один селективных признаков существительного, который относительно устойчиво сочетается с ПМ, переносится на содержание местоимения. Подобная семантика субстантивированных ПМ в толковых словарях отражается в отдельных статьях, ср:

- (335) *mój, moja* ‘*mąż, żona*’
 (336) *moje* ‘*to, co należy do mówiącego*’
 (337) *moi* ‘*ludzie, bliscy temu, kto mówi, rodzina, przyjaciele, podwładni*’ и т.д.

8. ПМ как грамматическая категория языка

Итак, можно сделать вывод, что грамматический класс ПМ с категориальным семантическим признаком посессивности является научным фантомом, не имеющим реального существования. Деление местоимений на личные, возвратное, вопросительное, неопределенные, указательные и т.д. основано на характере их референциальной семантики: личные местоимения указывают на то, что референт аргумента соотносится с одним из участников речевого акта, указательные местоимения соотносят описываемый предмет с референтной рамкой говорящего (или источника информации), т.е. с тем, что он знает, тем, что он наблюдает, либо тем, что является предметом разговора; вопросительные местоимения указывают на то, что говорящий принуждает слушающего к идентификации референта данного аргумента и т.д. ПМ в этой системе семантических признаков не обладают каким-либо единством, с точки зрения типа референции они не представляют какого-либо целостного лексического класса, распределяясь между личными, вопросительными, возвратными, неопределенными и др. классами местоимений. Одним из принципиально приемлемых решений мог бы быть отказ от выделения ПМ как автономной совокупности языковых единиц — о лексемах *мой, твой, наш, ваш* можно было в этом случае говорить как о личных местоимениях, о лексеме *свой* — как о возвратном местоимении, о лексеме *чей* — как о вопросительном местоимении, о лексеме *ничей* — как об отрицательном местоимении и т.д.

Такое решение было бы, однако, недостаточно последовательным, потому что несмотря на различия типов референции выявленное нами разнообразие соответствующих выражениях с ПМ семантических структур и манифестирующих их предикативных отношений, у всех местоимений, именуемых традиционно «притяжательными», есть общее семантическое свойство, которое, как мне представляется, и составляет основу образуемой ими грамматической категории. Это свойство заключается в том, что все ПМ функционируют как операторы денотативного статуса аргументов в включенных (и только включенных) пропозициях. Этим признаком ПМ противопоставляются единицам других местоименных классов. Так, в высказывании

(338) *Он встретил твоего друга*

личное местоимение *он* характеризует первый аргумент ядерной пропозиции *Кто-то встретил кого-то*, а именно — указывает на то, что выполняющий эту функцию предмет тождествен некоторому третьему лицу, которое известно говорящему. Однако рассматриваемое высказывание полипредикативно, ср. трансформацию:

(339) *Он встретил того, который по отношению к тебе является другом.*

Как видим, в предложении имеется еще одна пропозиция: *Кто-то является по отношению к кому-то другом*. ПМ выступает как семантический оператор, который актуализирует один из аргументов включенной пропозиции (в данном случае — второй аргумент) по отношению к конкретному предмету (или классу предметов) одного из возможных миров.

Оппозиция, в рамках которой выделяются ПМ, состоит из трех членов: двух маркированных и одного немаркированного. Одним из маркированных членов оппозиции являются ПМ, которые в присубстантивной позиции всегда относятся к включенной пропозиции — на этом основании их можно было бы квалифицировать как референциальные операторы низшего порядка. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, рассмотрим высказывание:

(340) *У меня есть твоя книга.*

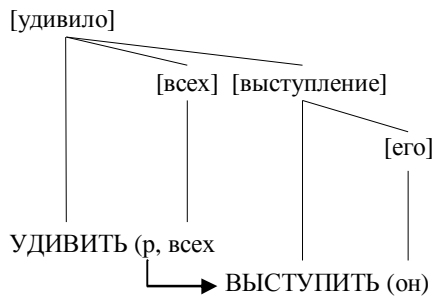
На языке логики предикатов данное высказывание представлено формулой:

ВЛАДЕТЬ (я, книга)
НАПИСАТЬ (ты, книга)

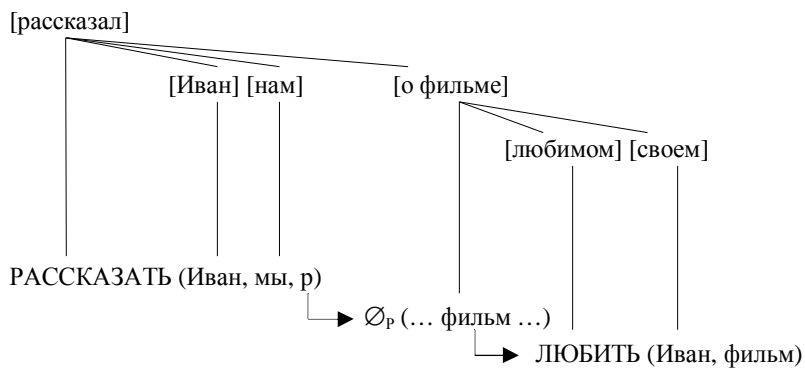
Формула читается: 'Предмет, который является говорящим («я»), владеет предметом, который является книгой, которую написал предмет, который является адресатом/слушающим («ты»)'. Если личное местоимение *у меня* характеризует — в аспекте категории определенности — один из аргументов главной пропозиции, а именно — первый аргумент ядерной пропозиции, то притяжательное местоимение *твоя* непосредственно используется для детерминативной актуализации первого аргумента зависимой пропозиции, основанной на предикате НАПИСАТЬ, и лишь косвенно конкретизирует содержание второго аргумента главной ядерной пропозиции.

Статус ПМ как элемента семантической структуры предложения на уровне включенной пропозиции особенно очевиден в конструкциях, где ПМ непосредственно сочетается с причастиями или отглагольными существительными — типичными маркерами включенных предикатов, ср. формально-грамматические и семантические интерпретации двух предложений:

(341) *Его выступление всех удивило.*

(342) *Иван рассказал нам о своем любимом фильме.*

Другим маркированным членом оппозиции в системе местоимений являются указательные местоимения, которые выступают как семантические актуализаторы первого порядка. Это свойство указательных местоимений распространяется и на их сочетания с предикатными аргументами, например, высказывание

(343) *Я слышал об этом разговоре Ивана с директором*

может быть интерпретировано: ‘Я слышал о том, что Иван разговаривал с директором; об этом (т.е. о факте разговора Ивана с директором) ты уже раньше вспоминал’. Содержание указательного местоимения отражено в пропозиции с делиберативным предикатом: ‘Об этом (т.е. о факте разговора Ивана с директором) ты уже раньше вспоминал’, которая соотносит второй аргумент ядерной пропозиции с референтной рамкой говорящего (и выражает в данном случае коммуникативную определенность аргумента). Более отчетливо это можно показать с помощью отображения семантической структуры данного высказывания на языке логики предикатов:

$$P_1(x_1, (Q_1(x_2, y_1))) \& P_2(x_3, (Q_1(x_2, y_1))).$$

Символические обозначения: P_1 ‘слышать’, Q_1 ‘разговаривать’, P_2 ‘вспоминать/упоминать’, x_1 ‘я’, x_2 ‘Петр’, y_1 ‘директор’, x_3 ‘ты’. Как видим, соответствующая содержанию указательного местоимения пропозиция с делиберативным предикатом P_2 непосредственно относится к пропозиции $Q_1(x_2, y_1)$, которая занимает позицию второго аргумента ядерного высказывания $P_1(x_1, (Q_1(x_2, y_1)))$.

Различие семантических операторов низшего и первого порядка можно показать с помощью субституции: замена указательного местоимения на ПМ в высказывании (233) невозможна, ср.:

(344) * *Я слышал о моем разговоре Ивана с директором.*

Причина состоит в том, что ПМ, в отличие от указательных, в сочетании с предикатными именами обозначают аргументы, а в данном случае эта функция уже выполняется существительными *Петр* и *директор*.

Местоимения всех остальных разрядов (личные, возвратное, вопросительные, относительные, неопределенные, обобщающие, отрицательные) являются в рассматриваемом аспекте немаркированными: они могут относиться как к ядерной, так и к неядерной пропозиции. Так, в высказывании

(345) *Я люблю ее улыбку,*

которое можно трансформировать в виде ‘Мне нравится то, как она улыбается’, личное местоимение 1-го лица характеризует первый аргумент основной пропозиции, а местоимение 3-го лица — первый ар-

гумент второй пропозиции. Ср. формальную запись семантической структуры данного предложения:

ЛЮБИТЬ (я, УЛЫБАТЬСЯ (она))

В позиции синтаксически независимого компонента предложения (сказуемого) различие между операторами денотативного статуса первого и низшего порядка нейтрализуется, ср. высказывания:

(346) *Эта книга — моя* = 'Книга, на которую я в данный момент указываю, принадлежит мне'.

(347) *Моя книга — эта* = 'Я указываю в данный момент на книгу, которая принадлежит мне'.

(236) ПРИНАДЛЕЖАТЬ (книга, я)
УКАЗЫВАТЬ (я, книга)

(237) УКАЗЫВАТЬ (я, книга)
ПРИНАДЛЕЖАТЬ (книга, я)

Как видим, одна семантическая структура представляет собой как бы зеркальное отображение второй.

Таким образом, в системе местоимений имеются две независимые подсистемы. Одна из них основана на типе референции и включает 8 разрядов: указательные, личные, возвратные, вопросительные, относительные, неопределенные, обобщающие, отрицательные. Другая подсистема включает три разряда местоимений: низшего, первого и разного порядка. С учетом взаимодействия подсистем общая система местоимений польского языка может быть представлена в следующем виде:

9. Амбисемия ПМ

Деление местоимений на личные, вопросительные, указательные, неопределенные и т.д. основано на характере их референциальной семантики: личные местоимения указывают на то, что референт аргумента соотносится с одним из участников речевого акта; указательные местоимения соотносят описываемый предмет с так называемой референтной рамкой говорящего (или источника информации), т.е. с тем, что он знает, наблюдает, либо с тем, что является предметом

разговора; вопросительные местоимения указывают на предметы и свойства, которые говорящий стремится идентифицировать посредством воздействия на адресата, а именно — посредством принуждения его к речи, и т.д. ПМ в этой системе семантических признаков не обладают каким-либо единством, не представляют собой какого-либо целостного лексического класса, а признак посессивности, как было показано, является не более чем **н а у ч н ы м м и ф о м**.

Чаще всего ПМ употребляются в присубстантивной позиции, т.е. в конструкциях типа *моя семья*. Реже встречается их употребление в независимой позиции (*эта машина — моя*) и приглагольной позиции (*думать о своем*). Конструкции, в которых ПМ занимает приименную позицию, мы разделили на два типа: с транспозицией и с конденсацией. В выражениях первого типа ПМ сочетаются с абстрактными существительными и семантически соотносимы с местоимениями других разрядов — личными или возвратным, ср.:

(348) *Ему мироволил партизанский начальник Ливерий Микулицын, клал его ночевать в свою палатку, любил его общество* (Б. Пастернак).

Сочетание *его общество* можно интерпретировать как ‘общение с ним; нахождение с ним в одном обществе’. Данное значение ПМ можно квалифицировать как **а р г у м е н т н о е**. Представим его следующим образом на примере местоимения *мой*:

мой₁ S_{abstr}

Местоимение указывает на первое лицо, т.е. на говорящего, который является исполнителем или (реже) объектом действия, субъектом состояния, процесса или отношения, носителем свойства.

а) **P_S (x_{pron...})**

мой приезд = ‘я приехал/приеду’

моя сила = ‘я силен’

мой страх = ‘я боюсь’

мое пробуждение = ‘я пробуждаюсь’

б) **P_S (x, y_{pron...})**

моя жена = ‘лицо, которое по отношению ко мне является женой’

В сочетании с конкретными существительными ПМ выражают два семантических признака: с одной стороны, они указывают на лицо или предмет, которые «имеются в виду», т.е. представлены в коммуникативной ситуации или упомянуты в речи — в этом заключается индексальный характер их семантики, т.е. зависимость от коммуникативного контекста. С другой стороны, в их содержании закодирован

также предикативный признак, который долгое время идентифицировался с принадлежностью, а на самом деле имеет широкую область варьирования, в том числе и окказионального, как в следующем примере из художественной прозы:

(349) *В тот же вечер трижды выводил в парк за клубом парней, осмелившихся пригласить ее на медленный танец, чтобы уточнить значение притяжательного прилагательного «моя»* (Ю. Буйда).

Все варианты основного значения ПМ можно представить в соответствии с принципом амбисемии, т.е. с учетом взаимодействия дескриптивной семантики слова с когнитивным и культурным контекстом (см. понятие амбисемии: Киклевич 2007, 150 ссл.). Таким образом, смысл местоимения в выражениях

- (350) *мой кошелек*
 (351) *моя квартира*
 (352) *моя книга*
 (353) *моя рука* и др.

можно обобщить в следующей дефиниции:

мой₂ S_{конкр}

Местоимение указывает на отношение первого лица, т.е. говорящего, к названному предмету/лицу; если в сообщении или в коммуникативной ситуации нет дополнительных сигналов о специфическом характере отношения между говорящим и названным предметом/лицом, выбирается отношение по умолчанию, т.е. нормальное, стандартное, наиболее естественное в данной культурной среде отношение между говорящим и названным предметом/лицом, наиболее известное коммуникативным партнерам.

Р.Е. (X_{pron}, YS...)

мой кошелек = 'кошелек, который принадлежит мне; все знают, что люди имеют кошельки'; окказионально: 'кошелек, который я подарил тебе' и др.

моя квартира = 'квартира, в которой я живу; все знают, что люди живут в квартирах'; окказионально: 'квартира, которую я строю' и др.

моя книга = 'книга, которую я написал; все знают, что люди пишут книги' или 'книга, которая принадлежит мне; все знают, что люди имеют/хранят у себя книги'; окказионально: 'книга, которую я подарил тебе' и др.

моя рука = 'рука, которая является частью моего тела; все знают, что тело человека имеет две верхние конечности'; окказионально: 'рука (модель руки), которую я вылепил из глины' и др.

мой Иван = 'Иван, который меня любит, дорожит мной, уважает меня' и др.

Данное, основное употребление местоимения следовало бы квалифицировать как релятивное, а класс лексем *мой, твой, наш, ваш, свой* и т.п. — как релятивные местоимения.

Кроме того в сочетании с конкретными существительными (обычно — названиями лиц) реализуется метакоммуникативное значение ПМ, условием которого является упоминание о предмете в предшествующем контексте (см. раздел 8).

мой₃ S_{конкр}

Местоимение указывает на отношение предупомянутости называемого предмета/лица в речи говорящего.

Р_{рассказывать} (X_{ргов}, Y_S...)

мой Тришка = 'Тришка, о котором я говорю в который раз; ранее неоднократно упомянутый Тришка'

Набор переносных значений у разных ПМ варьируется. Так, местоимение *свой* выражает переносное значение, которое в словарях отмечается как 'соответствующий, надлежащий', ср.:

(354) *Когда импорт кончится, будем называть вещи своими именами* = 'Будем называть вещи надлежащими, аутентичными именами'.

В синтаксически независимой позиции (т.е. в позиции сказуемого) реализуется только второе, релятивное, значение, при этом наиболее частой и естественной здесь является посессивная интерпретация, ср.:

(355) *Эта книга — моя* 'Эта книга принадлежит мне'.

(356) *Эта машина — твоя* 'Эта машина (отныне) принадлежит тебе'.

(357) *Эти компьютеры — наши* 'Эти компьютеры принадлежат нам'.

Ср. использование данной формы выражения посессивности с целью создания юмористического эффекта:

(358) *Зять лежит на диване. Теща:*

— Что ты лежишь, ничего не делаешь? Посмотри: забор покосился, дом облупился!

Зять:

— А оно мое?

Теща подумала-подумала и переписала дом на зятя. Решила: будет его, станет хозяином.

Снова лежит зять на диване.

Теща:

- *Что же ты теперь лежишь, ничего не делаешь? Забор покосился, дом еще больше облупился!*
 — *А оно в а ш е ?*

Существуют некоторые ограничения в реализации других значений в независимой позиции, ср.:

- (359) ? *Эта жена — моя.*
 (360) ? *Этот приезд — мой.*
 (361) ? *Эта рука — моя.*

Это дает основание некоторым исследователям (например, К. Писарковой) считать, что независимая позиция местоимения является диагностирующим контекстом ее посессивного значения, ср.:

- (362) *dom Kowalskiego* → *dom jest Kowalskiego*
 (363) *mój dom* → *dom jest mój*
 (364) *serce Kowalskiego* → **serce jest Kowalskiego*
 (365) *palce ręki* → **palce są ręki*

С этим мнением нельзя целиком согласиться, потому что и в независимой позиции ПМ реализуют разные (непосессивные) значения, ср. русские и польские иллюстрации:

- (366) (ситуация на автобусной остановке)
 — *Дедушка, а чем отличается автобус от троллейбуса?*
 — *Автобус — н а ш , а троллейбус — н е н а ш* = 'Автобус (маршрут автобуса) нам подходит, а троллейбус (маршрут троллейбуса) не подходит'.
 (367) *Мы снова стали целоваться, а потом я все с себя сбросила и сказала, что готова стать е го* (П. Кожевников) = 'Готова заниматься с ним любовью'.
 (368) *Książki są j e g o , konferencje j e g o* = 'Именно он написал эти книги, организовал эти конференции'.
 (369) *To jest bardzo j e g o , że to jest właśnie on* (R. Bratny) = 'Это очень свойственно ему'.
 (370) *I dlatego na tej ulicy jeszcze nie można się było dowiedzieć, który z twoich synów jest bardziej t w ó j* (J. Kawalec) = 'Который из них больше похож на тебя'.
 (371) *Nasze życie jest n a s z e* (S. Lost) = 'Нашу жизнь проживем мы сами — со всеми радостями и печальми'.

Ср. также текст анекдота, в котором обыгрывается одно из таких значений ПМ — социативное (см. раздел 3):

(372) *Едет новый русский на шестисотом «Мерседесе». Останавливается на перекрестке у светофора, а сзади в него врзается «Запорожец». Он выходит, подходит к «Запорожцу», а там сидит старый дедок. Ну, думает, что с него возьмешь? И поехал дальше. На следующем перекрестке снова сзади удар. Новый русский, злой, выходит, смотрит — тот же самый дедок, машет ему рукой из форточки и кричит: — Свои, свои!*

В болгарском языке семантическая интерпретация ПМ в независимой позиции обусловлена значением определенности/неопределенности местоимения, ср.:

(373) *Този портрет е не и н* = 'Этот портрет принадлежит ей'.

(374) *Този портрет е не и н и я т* = 'На этом портрете — ее изображение'.

Наименее регулярной является приглагольная позиция ПМ, в которой местоимение оказывается в результате с у б с т а н т и в а ц и и . В этом случае в славянских языках реализуется социативное значение (чуждое, например, немецкому), ср.:

(375) *М о й* *пришел* = 'Пришел мой муж'.

(376) *М о я* *еще на работе* = 'Моя жена еще на работе'.

(377) *Я остановлюсь у с в о и х* = 'Я остановлюсь у родственников, у близких мне людей'

(378) — *Кто идет?* — *С в о и* = 'Мы принадлежим к той же группе, что и вы'.

(379) *Как сыграли н а ш и ?* = 'Как сыграла команда государства (города, предприятия и т.д.), к которому принадлежу и я' .

Заключение

Подытоживая проведенное исследование, в первую очередь необходимо подчеркнуть многозначность ПМ, которые, во-первых, употребляются как аналоги местоимений других классов (личных, возвратного, отрицательных, относительных и т.д.) в составе включенной пропозиции; во-вторых, соединяют в себе семантику предикатов и аргументов, при этом предметная семантика выражается непосредственно лексической формой местоимения, а предикатная выводится с использованием инференции, т.е. актуализации знаний о мире или о частном,

описываемом положении дел. В-третьих, имеется широкий спектр переносных значений ПМ, когда они становятся носителями признаковой или предметно-признаковой семантики, например — значения родства в конструкциях типа *Мой еще не пришел*. Эти различные семантические употребления ПМ представлены в схеме.

Литература

- Апресян Ю. Д. (1986), Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [В:] Семиотика и информатика. 28, 5-32.
 Бенвенист Э. (1974), Общая лингвистика. Москва.
 Богданов В. В. (1985), Структурная схема и семантика предложения. [В:] Иссле-

- дования по семантике. Уфа, 18-26.
- Вейнрейх У. (1970), О семантической структуре языка. [В:] Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. Москва, 163-249.
- Виноградов В. В. (1972), Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва.
- Киклевич А. К. (1996), Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков). [В:] Супрун А. Е./Яхнов Х. (ред.), Славяно-германские языковые параллели. Минск, 190-213.
- Левицкий Ю. А./Шамова Г. А. (1985), Указатели ситуации. Местоимения. Пермь.
- Лещенко М. И. (1988), Виртуальный и актуальный аспекты предложения. Минск.
- Михайлова О. Э./Шендельс Е. Ч. (1972), Справочник по грамматике немецкого языка с упражнениями. Москва.
- Норман Б.Ю. (1994), Грамматика говорящего. Санкт-Петербург.
- Норман Б. Ю. (1978), Синтаксис речевой деятельности. Минск.
- Пальцев Г. В. (1984), Польский язык. Минск.
- Петрова О. В. (1989), Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж.
- Ревзин И. И. (1978), Структура языка как моделирующей системы. Москва.
- Тихомирова Т. С. (1988), Курс польского языка. Москва.
- Bąk P. (1987), Gramatyka języka polskiego. Warszawa.
- Bobrowski I. (1992), Czy istnieje zaimek przymiotny *swój* i czy ma on mianownik. [In:] Polonica. XV, 79-86.
- Bobrowski I. (1993), Językoznawstwo racjonalne. Z zagadnień teorii językoznawczej i metodologii opisów gramatycznych. Krakow.
- Bralczyk J. (1981), O języku polskiej propagandy politycznej. [In:] Współczesna polszczyzna. Warszawa, 336-354.
- Cienkowski W. (1970), Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców. II. Warszawa.
- Fandrych Ch. (1993), Wortart, Wortbildungsart und kommunikative Funktion. Am Beispiel der adjektivischen Privativ- und Possessivbildungen im heutigen Deutsch. Tübingen.
- Doroszewski W. (ed.) (1959), Gramatyka opisowa języka polskiego z ćwiczeniami. T. II. Flexja. Składnia. Warszawa.
- Grepl M., Karlík P. (1989), Skladba spisovné češtiny. Praha.
- Grzegorzczak R. (1986), Osobliwości zaimków jako części mowy. [In:] BPTJ. XL, 53-58.
- Helbig G. (ed.) (1978), Beiträge zu Problemen der Satzglieder. Leipzig.
- Jodłowski S. (1973), Ogólnojęzykoznawcza charakterystyka zaimka. Wrocław etc.
- Klemensiewicz Z. (1981), Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego. Warszawa.
- Kurcz I./Lewicki A./Sambor J. et al. (1990), Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej. Kraków.
- Laskowski R. (1992), Zaimki dzierżawcze. [In:] Urbańczyk S. (ed.), Encyklopedia języka polskiego. Wrocław etc., 391.
- Ligara B. (1992), Charakterystyka ilościowa kategorii gramatycznych zaimka. [In:] Miodunka W. (ed.), Język polski jako obcy. Programy nauczania na tle badań współczesnej polszczyzny. Kraków, 211-216.

- Miodunka W. (1974), Funkcje zaimków w grupach nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej. Kraków.
- Mülner W./Audehm H.-I./Bauer M. et. al. (1993), Die Valenz der durch Adjektive und Substantive gebildeten Prädikate und deren semantische Satztypen im Russischen [In:] Wortarten und Satztypen des Deutschen und Russischen. Frankfurt am Main etc., 37-114.
- Palmer F. (1974), Grammatik und Grammatiktheorie. Einführung in die moderne Linguistik. München.
- Pisarkowa K. (1969), Funkcje składniowe polskich zaimków odmiennych. Wrocław etc.
- Pisarkowa K. (1992), Posesywność. [In:] Urbańczyk S. (ed.), Encyklopedia języka polskiego. Wrocław etc., 261-262.
- Schmidt W. (1965), Grundlagen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin.
- Sommerfeld K. E./Starke G. (ed.) (1988), Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig.
- Szober S. (1963), Gramatyka języka polskiego. Warszawa.
- Weiss D. (1978), Identitätsaussagen im Russischen: ein Versuch ihrer Abgrenzung gegenüber anderen Satztypen. [In:] Slavistische Linguistik 1977. Referate des III. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, München, 224-259.

**КАТЕГОРИИ
ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
И АБСТРАКТНОСТИ/КОНКРЕТНОСТИ
В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ***

**1. Теоретические предпосылки анализа взаимодействия
грамматических категорий**

Одна из наиболее общих тенденций развития теории и практики современной лингвистической таксономии — переход от классификаций дискретного типа, базирующихся на дихотомическом критерии формальной логики «или — или», к «естественным» классификациям, которые осуществляются по принципу диалектической логики «и — и», что находит проявление в преимущественном внимании «к пограничным случаям, которые не могут быть с уверенностью помещены по ту или иную сторону рассматриваемой границы» (Лабов 1983, 134). Причины, лежащие в основе названного процесса, следует, видимо, искать в изменении общей парадигмы лингвистической науки, в частности, в широком распространении исследований функционального характера:

В настоящее время [...] мы столкнулись с необходимостью не только обратиться к характеристике функциональных аспектов грамматики языка, но и обогатить теорию языка за счет изучения речевой деятельности» (Кубрякова 1986, 7).

---

* Работа написана на основе предшествующей публикации автора: Категория абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в функциональном аспекте (на материале польского языка). [В:] Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1988, IV/1, 56-60.

Традиционное грамматическое описание регламентировало перечень грамматических категорий, значений, форм. Современные же лингвистические модели предполагают не только фиксацию иерархии классов грамматических явлений, но и описание их взаимодействия, взаимообусловленности для реализации главной функции языка — коммуникативной (Heinz 1968, 38).

Пионерскими в этом направлении следует считать исследования лексико-грамматического характера, описывающие лексико-семантические ограничения на функционирование грамматических категорий, граммем и грамматических форм либо определяющие место грамматики в реализации систем лексических значений. Одним из наиболее общих результатов исследований этого типа является вывод о том, что «грамматичность» и «лексичность» выступают как градуальные свойства, а граница между классами грамматических и лексических явлений расплывчата: «грамматический строй языка имеет «полевую» структуру с максимально грамматикализованным ядром и лексико-грамматической периферией» (Бондарко 1983, 21).

В данной работе предпринято подобного типа описание лексико-грамматических категорий абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности современного польского языка. Определим предмет исследования. Категория одушевленности/неодушевленности охватывает универсальное множество польских существительных, каждое из которых принадлежит либо к подмножеству имен, обладающих признаком одушевленности, либо к подмножеству имен, не обладающих данным признаком (Klemensiewicz 1981, 49). В оппозиции граммем одушевленности и неодушевленности первая является исходной, положительно определенной; соответствие между одушевленностью и значением синтаксического субъекта, на которое указывал Р. Якобсон (1985, 144 ссл.), сыграло решающую роль при зарождении категории одушевленности/неодушевленности, в основе которой лежало противопоставление класса имен со значением потенциального субъекта и класса имен без этого значения.

В рамках категории абстрактности/конкретности противопоставляются подкласс слов, содержащих признак абстрактности, и подкласс слов, не содержащих этого признака. Конкретные существительные, «денотация которых отлична от сигнификации» (Льюис 1983, 214), удовлетворяют условиям типичного наименования (Степанов 1985, 14) и в силу этого выступают как типичные, беспризнаковые имена. Абстрактные же существительные являются именами

особого типа — пропозициональными (или, по О. Есперсену, «некусными») словами: они обозначают атрибуты, качества, свойства предметов и даже предикативные связи между ними (Есперсен 1958, 151 ссл.). Типичная схема представления картины номинации в виде семантического треугольника применительно к абстрактным именам «не работает»: денотат сливается с сигнификатом, а существительное становится именем понятия (Люис 1983, 214; Степанов 1985, 15 сл.).

По совокупности признаков одушевленности и абстрактности, которые в каждой из рассматриваемых категорий являются положительно определенными, установим три класса слов: 1) одушевленные неабстрактные (для удобства будем их называть одушевленными конкретными), 2) неодушевленные неабстрактные (неодушевленные конкретные), 3) неодушевленные абстрактные. Граммемы одушевленности и абстрактности исключают друг друга в пределах одной и той же лексемы, поэтому четвертый класс, который составили бы одушевленные абстрактные существительные, невозможен.

Не подлежит сомнению, что категории абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности некоторым образом взаимосвязаны. Учитывая, что значения одушевленности и неодушевленности выделяются в рамках значения конкретности, а значения абстрактности и конкретности — в рамках значения неодушевленности, можно предполагать, что указанная взаимосвязь рассматриваемых категорий имеет характер иерархии. Определение структуры этой иерархии — задача данного исследования.

2. Эксперимент

Сделанные исходные замечания послужили основанием для психолингвистического описания категорий абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в аспекте их функционирования, а точнее — с точки зрения их дистрибуции. В качестве дистрибутивного полигона была выбрана сочинительная синтагма. Эксперимент носил направленный ассоциативный характер. Испытуемым (учащимся польских лицеев в возрасте 15-16 лет, общее количество — 200 человек) предлагались 12 сочетаний типа:

- (1) *żołnierz i...*
- (2) *okno i...*
- (3) *wygoda i...*

В задании предлагалось: «Поставьте в данные сочетания вместо многоточия какое-либо слово». Полнозначный компонент словосочетания именовался стимулом, вписываемое испытуемым слово — реакцией (или ассоциацией). Список стимулов составили три группы случайно выбранных лексем трех различных классов: а) одушевленные конкретные (ОК) — *król, książka, złodziej, żołnierz*; б) неодушевленные конкретные (НК) — *góra, młotek, nożyce, okno*; в) неодушевленные абстрактные (НА) — *kłopot, pamięć, sprawiedliwość, wygoda*. В результате эксперимента было получено около 2400 реакций.

В качестве одной из дистрибутивных характеристик использовалось понятие плотности (или веса, согласно другой терминологии) протокола, которое количественно определялось как отношение величины словника (т. е. числа разных реакций на тот или иной стимул) к числу всех словоупотреблений в рамках данного протокола.

Другой дистрибутивной характеристикой явилось число реакций, удовлетворяющих принципу логической соподчиненности со стимулом. Логически соподчиненными со стимулом определялись реакции, выступающие по отношению к стимулу как единицы одного и того же уровня гиперонимической иерархии, т. е. как видовые понятия в пределах одного рода (реакции *kowadło, pila, szczyrce* и т. п. на стимул *młotek*). Все остальные реакции, в том числе находящиеся к стимулу в отношении «часть — целое», «предмет — признак» и т. п., определялись как логически несоподчиненные со стимулом (реакции *kowal, żelazo, uderzenie* и т. п. на тот же стимул *młotek*).

Оба показателя сочетаемости являются важными параметрами протокола: первый из них свидетельствует о степени устойчивости направленной ассоциации, второй — о степени ее семантической однородности. Для того, чтобы стало возможным установить связь между тем или иным дистрибутивным признаком (каждый из которых имеет количественное измерение) и типом (ОК, НК или НА) стимулирующей лексемы, необходимо придать показателям типов числовое значение. Для каждого типа стимула рассчитаем среднее количество ОК-, НК- и НА-реакций (см. таблицу).

Стимул	Реакция		
	ОК	НК	НА
ОК	69	67	62
НК	9	150	39
НА	7	31	158

Используя данные таблицы, количественно определим ОК-стимул. Средняя величина однородных стимулу реакций в данном случае является наименьшей по сравнению с аналогичными реакциями на НК- и НА-стимулы: 69 против 150 и 158. С помощью специального t-критерия можно определить, что данное различие статистически достоверно: различие $M_{OK} = 69$ и $M_{НК} = 150$ значимо: $t = 5,98$ при уровне значимости 0,995. Следовательно, принадлежность лексемы к типу ОК определяется статистически низким числом реакций того же типа, что и стимул.

Установим соответствие между рядом величин, представляющих число реакций того же класса, что и стимул, и рядом величин логически соподчиненных реакций. Коэффициент корреляции +0,66 свидетельствует о наличии между данными рядами статистически достоверного положительного соответствия. Из этого факта следует вывод: реакции на ОК-стимул носят вероятностно-статистический несоподчиненный характер (т. е. принадлежат к разным парадигматическим лексико-семантическим классам), реакции же на НК- и НА-стимулы преимущественно удовлетворяют требованию логической соподчиненности со стимулом. Установим количественную специфику НК-стимула. Количество НК-реакций на НК-стимул значительно выше, чем число реакций этого же типа на ОК- и НА-стимулы (150 против 67 и 31). Данное различие средних статистически значимо (что определяется с использованием уже упоминавшегося t-критерия).

Вычислим степень корреляции между рядом величин НК-реакций для каждого типа стимула и рядом величин плотности каждого протокола. Высокий отрицательный коэффициент корреляции $-0,91$ позволяет трансформировать количественные данные обратно в качественные: лексемы типа НК статистически обуславливают протоколы с низкой плотностью, т. е. процесс ассоциирования носит в данном случае устойчивый характер. Лексемы типов ОК и НА стимулируют протоколы с высокой плотностью, а процесс ассоциирования в этом случае неустойчив.

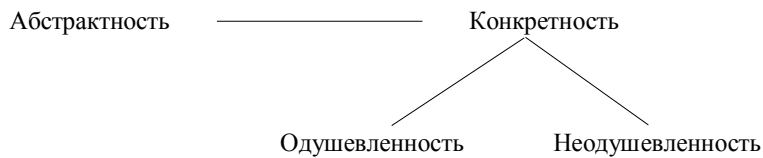
Качественные дистрибутивные свойства, соответствующие каждому типу стимулирующей лексемы, представлены в следующей таблице.

Стимул	Дистрибутивное свойство	
	Устойчивость	Однородность
ОК	–	–
НК	+	+
НА	–	+

Поскольку, как следует из таблицы, класс НА-лексем по своим дистрибутивным свойствам занимает промежуточное положение между классами ОК- и НК-лексем, а лексемы типов ОК и НК, содержащие граммему конкретности, не имеют общих дистрибутивных признаков, то можно заключить, что граммема конкретности выступает как функционально нерелевантная. Аналогичный вывод вытекает из сопоставления каждой из четырех рассматриваемых граммем с дистрибутивными признаками устойчивости и однородности (характер этого соответствия устанавливается на основании данных второй таблицы): одушевленность — неустойчивость, неоднородность; неодушевленность — устойчивость, однородность; абстрактность — неустойчивость, однородность; конкретность — устойчивость, неоднородность. Как видим, конкретность предполагает такую комбинацию свойств устойчивости и однородности, которая, судя по таблице, не подтверждается фактами речевой реальности.

Наконец, то же сопоставление показывает, что для лексем ОК-типа доминирующей является граммема одушевленности, для лексем НК-типа — граммема неодушевленности, для лексем НА-типа — граммема абстрактности. Граммема же конкретности оказывается функционально избыточной.

Чтобы дать объяснение установленным фактам, необходимо признать, что категории абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в польском языке взаимосвязаны и в целом представляют иерархическую структуру, в которой категория одушевленности/неодушевленности существует на фоне категории абстрактности/конкретности, а граммема конкретности по отношению к граммемам одушевленности и неодушевленности выступает как род по отношению к видам (см. схему):

Этим и объясняется то, что в условиях речевой актуализации видовых граммем происходит нейтрализация родовой граммемы, которая как бы растворяется в видовых.

Учитывая, что граммема конкретности в речевой деятельности практически не актуализируется, можно утверждать, что с функциональной точки зрения существует единая интегральная категория, представленная классами абстрактных, одушевленных и неодушевленных имен:

$$+ \text{ АБСТРАКТНОСТЬ } \rightarrow [+ \text{ одушевленность } \rightarrow - \text{ неодушевленность }]$$

В пределах данной категории класс абстрактных имен противопоставляется классам одушевленных и неодушевленных имен по признаку абстрактности, а класс одушевленных имен противопоставляется классу неодушевленных имен по признаку одушевленности. Аналогичного типа трехчленные морфологические структуры приводятся в «Грамматике современного польского языка» (Grzegorzewska et al. 1984, 108).

2. Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что механизмы речевой деятельности трансформируют, а в отдельных случаях редуцируют, базовые структуры языка. Языковые категории и классы выступают в речевой деятельности в деформированном, точнее, в интегрированном виде. Грамматическая категориальность, предполагающая строгую организацию группировок языковых единиц по грамматическим признакам и дискретность грамматической системы в целом, до некоторого порогового уровня нейтрализуется за счет взаимопроникновения, взаимовлияния различных категорий и классов.

Система языка, таким образом, характеризуется неразрывной диалектической связью устойчивости и изменчивости: с одной стороны, она программирует речевую деятельность или, как писал Ф. де Соссюр, вносит в речевую деятельность единство; с другой стороны, как указывал один из оппонентов Соссюра В. Н. Волошинов, в процессах производства и восприятия текстов «языковая форма важна не как устойчивый и себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак» (Волошинов 1929, 6). Все это свидетельствует о том, что наиболее приемлемым может быть признан такой подход к описанию языка, в рамках которого статический и динамический аспекты сочетались бы по принципу дополнительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. (1983), Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград.
- Волошинов В. Н. (1929), Марксизм и философия языка. Ленинград.
- Есперсен О. (1958), Философия грамматики. Москва.
- Кубрякова Е. С. (1986), Номинативный аспект речевой деятельности. Москва.
- Лабов У. (1983), Структура денотативных значений. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. 14. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 133-176.
- Льюис К. И. (1983), Виды значения. [В:] Степанов Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 211-224.
- Степанов Ю. С. (1985), В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). Москва.
- Якобсон Р. (1985), Избранные работы. Москва.
- Grzegorzczkova R. et al. (ed.) (1984), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa.
- Heinz A. (1968), Podstawowe założenia współczesnego językoznawstwa ogólnego. [In:] Biuletyn PTJ. XXVI, б. н. с.
- Klemensiewicz Z. (1981), Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego. Warszawa.

К ТИПОЛОГИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ*

Введение

Решение вопроса о классах (типах) количественных выражений (КВ) невозможно без определения понятия «количественное выражение», хотя здесь возникает серьезная проблема: истолковать КВ как «выражение со значением количества» нельзя, потому что, во-первых, такое объяснение тавтологично; во вторых, ссылка на категорию количества недостаточна — оно, видимо, не является элементарным понятием («семантическим примитивом»). В некоторых случаях количественная природа лингвистического объекта не тривиальна (ср. кванторные слова *часть, насквозь, настезь, вдребезги, дотла, догола* и др.), и для ее подтверждения (или отрицания) требуются специальные процедуры. В поисках единства основания класса КВ можно было бы опереться на содержание самого концепта «количество». Но, к сожалению, и эта опора оказывается ненадежной, потому что, с одной стороны, количество представлено двумя довольно самостоятельными субкатегориями — числа и множества. Собственно, эта нетривиальность количественной семантики отражается в словарной дефиниции существительного *количество*: «категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объема, числа и степени развития» (Евгеньева 1983, 73). С другой стороны, определения категории количества в философской литературе в силу их чрезмерной абстрактности для лингвистических целей оказываются малопригодными. Поэтому в данной работе ис-

---

* Исправленная версия статьи: К типологии количественных выражений в естественном языке. [В:] Jachnow H./Norman B./Suprun A. (eds.), *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien*. Wiesbaden 2001, 41-61.

пользуется «технический» прием, с помощью которого КВ определяются благодаря метаязыковым трансформациям, в составе которых имеется существительное *количество*. Этот эвристический подход в нашем случае оправдан, ведь предметом исследования является не содержание категории количества, а ее объем и внутренняя структура. Рассмотрим высказывание:

(1) *На фабрику сегодня опоздал на полчаса* (П. Кожевников).

Это высказывание можно интерпретировать следующим образом:

[Предмет *X* явился с опозданием *Y* в место *Z*];

[Предмет *X* является не упомянутым, но известным говорящему лицом в *количестве* одного экземпляра];

[Опоздание *Y* составило *количество* времени, равное получасу];

[Место *Z* является фабрикой и представлено в *количестве* одного экземпляра].

Выражения *на фабрику*, *на полчаса* и эллиптированное личное местоимение *я* выступают здесь как КВ, поскольку удовлетворяют сформулированному выше критерию.

1. Классы КВ в формальной грамматике

Исследование количества как единой категории естественного языка стало возможным благодаря функциональному подходу, который, основываясь на философии Б. Рассела, отождествлявшего множества и свойства (см. Quine 1995, 78-80). Это позволило включить в один интервал абстракции языковые единицы, в содержании которых обнаруживались общие семантические, а именно — количественные, признаки. Напротив, для традиционного языкознания категория должна обладать общими формальными признаками, поэтому нет ничего удивительного, что такие КВ, как, например, числительное *девять*, существительное *ребятня*, местоимение *каждый*, наречие *полностью*, прилагательное *многие* и др. традиционно рассматривались в разных разделах грамматики.

В грамматических классификациях слов по частям речи КВ представлены классом числительных, которые в системе частей речи обладают существенной грамматической — словоизменительной и словообразовательной — спецификой (Карпов 1992, 66). С лексико-семантической точки зрения, числительные противопоставляются

другим автосемантическим частям речи своей «количественной функцией» (Moskal'skaja 1971, 44). В другой классификации частей речи (Laskowski 1984, 30 ссл.), где основное внимание уделяется синтаксическим признакам слов, числительные определяются как

1. синтагматические (т.е. входящие в синтаксические связи с другими словами);
2. автосинтагматические (т.е. выполняющие функцию члена предложения);
3. занимающие позицию зависимого (не главного) члена высказывания;
4. входящие в именную группу;
5. обладающие двусторонней синтаксической связью.

При этом Р. Лясковский (Laskowski 1984, 36) подчеркивает, что синтаксический критерий достаточен только для выделения количественных и собирательных числительных. Сложности частеречной классификации с опорой на синтаксические признаки связаны также с наличием двух типов категорий — содержательных и формальных. В концепции Х. Ю. Зассе им соответствуют функциональные и фразовые категории (Sasse 1993, 200). Фразовые категории совместимы с такими понятиями генеративной грамматики, как *NP*, *VP*, *AP* и др. Функциональные категории, например, предикат и аргумент, не имеют строгих морфологических характеристик, поэтому их использование в парадигматических классификациях затруднительно. Ничего удивительного, что при определении частей речи преимущество отдается плану выражения. Так, П. Айзенберг (Eisenberg 1989; см. также: Schuch 1990) рассматривает категории конститuentов предложения («Konstituentenkategorien»), которые представляют собой некое подобие непосредственно составляющих: предложение последовательно разбивается на единицы все более мелкого формата. Айзенберг (*ibidem*, 41-42) выделяет 12 категорий: имя, именную группу, глагол, предлог, предложную группу, союз, инфинитивную группу, причастную группу, адъективную группу, адverb (наречие), адverbиальную группу и предложение. Части речи в этой системе синтаксических категорий понимаются как (определяемые формально-грамматически) субклассы. Числительные представляют собой (наряду с существительными, прилагательными, артиклями и местоимениями) субкласс в составе парадигмы имени. В некоторых частеречных классификациях числительные вообще не выделяются, см.: Flämmig et al. 1972, 129; Flämmig 1991, 358.

2. Классы КВ в формальной семантике

В разных версиях формальной семантики КВ представлены довольно фрагментарно. Это объясняется тем, что количество рассматривается в таких теориях как периферийная категория, проявляющаяся при актуализации базовых структур. Так, в теории «универсального семантического кода» ядерные синтаксические цепочки могут быть расширены «собственными средствами», к которым относятся и кванторные единицы. Другие способы расширения с использованием показателей количества не предусматриваются (Мартынов 1977, 34-36). Вообще следует отметить, что из всех видов языковых количественных категорий именно квантификация наиболее полно отражена в логической семантике, в частности, в математической логике, или логике предикатов.

В логической грамматике Ф. фон Кучеры (von Kutschera 1975, 223) предпринимается попытка установить соответствия между грамматическими и логическими категориями. Основными логическими категориями являются: σ — предложения/предикаты и ν — имена объектов, а также различные виды их дистрибуции: $\sigma(\nu)$ — одноместный предикат, например: *человек*, или $\sigma(\sigma)$ — функтор, превращающий одно предложение в другое и т.д. Числительные как грамматический класс соотносятся со следующими логическими категориями:

1. $\sigma(\sigma(\nu))$ — в сочетаниях типа *две книги*;
2. ν — в математических выражениях типа $2 + 2 = 4$ (имена чисел);
3. $\nu(\sigma(\nu))$ — порядковые числительные в конструкциях с существительными типа *Der erste Mensch, der den Mond betrat* — *Первый человек, ступивший на Луну*;
4. $\sigma(\sigma(\nu))$ — повторные количественные слова типа *Max fiel dreimal durch die Prüfung* — *Макс три раза провалил экзамен*; к этой же категории относятся и неопределенные количественные слова *vielmal* — *многократно*, *manchmal* — *иногда* и др.

Выражения с количественными словами получают соответствующее представление на языке логики предикатов.

Автор другой версии логической семантики естественного языка М. Крессвел (Cresswell 1979) при описании соответствий между логическими категориями и частями речи не упоминает КВ.

3. Классы КВ как понятийные категории

В ряде исследований количество рассматривается как понятийная категория. Истоки такого понимания количества следует искать в «Философии грамматики» О. Есперсена, который писал о понятийных категориях как об универсальных, не зависящих от фактов того или иного конкретного языка. Есперсен одним из первых предложил типологию КВ, выделяя 1) лексемы со значением грамматического числа, 2) собирательные существительные, 3) итеративные (фреквентивные) глаголы, 4) специальные глагольные конструкции и 5) количественные наречия (1958, 216-246).

А. Н. Полянский (1984), предпринявший первую в русистике попытку представления категории количества как системы, под категорией понимает множество «языковых единиц, характеризующихся единым понятийным содержанием». Количество понимается как определенность предметов, изменение которой осуществимо в пределах данного качества (что вряд ли удачно, ведь тогда темпоративные и локативные операторы, например, *тогда/сейчас, здесь/там* и др., не меняющие качества предметов и событий, следовало бы признать количественными). Теоретической предпосылкой систематизации количественных отношений в языке Полянский считает понятие *меры*, которое определяется через понятие *количественной нормы*.

Изначальным противопоставлением в системе количественных значений Полянский считает единичность и множественность. Множественность, в свою очередь, представлена двумя разновидностями: определенным и неопределенным множеством. Определенное множество отражает точное количество и включает два подкласса: 1) с признаком 'положительная степень', например: *два в квадрате, три в кубе* и 2) с признаком 'количество предметов больше одного', например: *семь яблок*. Неопределенное («нерасчлененное») множество представлено значением множественного числа существительных.

Другую разновидность КВ с семантикой неопределенного множества составляют «дифференцирующиеся ситуативно при помощи языковой меры» слова *много, мало, немного, немало* (в конструкциях типа *много снега*). Более конкретным содержанием обладает подкласс неопределенного множества, «измеряемого единицами совокупности чего-либо»: *табун, косяк, свора, толпа, рой* и др. Эта большая степень конкретизации количественного значения проявляется в возможности присоединения числительных: *табун из 30 лошадей, группа из пяти человек, отара из 20 овец*. Приблизительное

множество – еще один шаг в сторону определенности. Оно представлено значениями: 1) ‘меньше какого-то определенного количества’; 2) ‘больше какого-то определенного количества’; 3) ‘меньше или больше какого-то определенного количества, но в незначительной степени’, например: *около 17 миллиардов долларов, перевалило за четыре миллиона, человек пятьдесят.*

Слова типа *полк, дивизия, рота*, по мнению Полянского, в разряде «неопределенное множество» обладают наиболее конкретным количественным значением, «поскольку для каждого из понятий, стоящих за этими словами, существует свой верхний количественный предел» (1984, 39). Наличие верхней количественной границы позволяет использовать имя такого множества как единицы измерения, ср.: *сороковедерная бочка*. Полянский пишет о наличии градации множеств с разной верхней границей объема: *капля – лужа – пруд – озеро – море – океан*. По поводу данного субкласса неопределенного количества следует заметить, что, во-первых, верхняя граница объема множества не всегда имеет фиксированное значение: *ведро* может быть пяти-, восьми-, десяти- или двенадцатилитровым, русский *батальон* по численности солдат отличается от немецкого. Во-вторых, знание верхнего количественного предела не входит в языковую компетенцию человека. Полянский пишет: «Известно [...], что максимальное количество учеников в младших классах средней школы не должно превышать 45 человек» (1984, 39). Но эта информация не входит в лексическое значение существительного *класс*, а если уж и говорить об объеме класса, то типичный носитель языка, скорее, назовет величину 20-30 учеников. Точная информация об объеме множества отсутствует и в содержании военных терминов *отделение, взвод, рота, батальон*. Ср. лексикографическое описание: *Взвод — небольшое войсковое подразделение (в пехоте, кавалерии, кавалерии и др.)*. Информанты без специальных знаний оценивают объем батальона в довольно широком диапазоне — от 50 до 500 человек.

4. Типы количественной определенности аргументов и предикатов

Л. Крумова (Krumova 1989, 27 ссл.) рассматривает количество как вид определенности семантических конститuentов высказывания — аргументов и предикатов (это — общепринятый подход в работах последнего времени по референции высказывания). Она также

различает несколько видов абстракции при количественном определении именных групп: 1) на наиболее низком уровне абстракции противопоставлены значения ‘один’ и ‘много’, выражаемые в естественных языках грамматической категорией числа существительных, а также формами сравнительной степени прилагательных и наречий; 2) более обобщенный (но, кажется, наоборот — более конкретный. — А. К.) характер имеют такие субкатегории количества, как измерение и счет. Базовыми субкатегориями количества Крумова (*ibidem*, 28-29) считает:

1. счетность/несчетность — на основании признаков раздельность / нераздельность;
2. количественная определенность / неопределенность;
3. однородность/неоднородность.

При этом центральную зону категории количества занимают значения ‘единичность/множественность’ (для предметных именных групп) и ‘одноактность/многоактность’ (для событийных именных групп). Периферию категории занимают количественные отношения, связанные с определением неисчисляемых и неизмеряемых субстанций. Общая классификация значений количественной определенности предметных именных групп в версии Крумова представлена следующим образом (примеры из болгарского языка):

1. Количество

1.1. Счетное

1.1.1. Единичность: *стол*

1.1.2. Множественность

1.1.2.1. Неопределенное дискретное множество

1.1.2.1.1. Однородное множество: *столове*

1.1.2.1.1.1. С отклонением от нормы: *много столове*

1.1.2.1.1.2. Приблизительное количество: *над 10 стола*

1.1.2.1.2. Неоднородное множество: *маси и столове*

1.1.2.2. Определенное дискретное множество

1.1.2.2.1. Однородное множество: *пет стола*

1.1.2.2.2. Неоднородное множество: *пет стола и две маси*

1.2. Несчетное

1.2.1. Измеримость

1.2.1.1. Определенное количество субстанции: *5 кг брашно*

1.2.1.2. Неопределенное количество субстанции: *много брашно*

1.2.2. Измеримость

1.2.2.1. Индивидуальный единичный объект: *Иван, София*

1.2.2.2. Коллективное множество

- 1.2.2.2.1. Неопределенное множество: *библиотека*
- 1.2.2.2.2. Приблизительное количество: *ято*
- 1.2.2.2.2. Определенное множество: *трио*

Количественно определенной может быть также вербальная группа. Здесь исходной является оппозиция счетности и несчетности. Счетное количество выражается в n -актности действия (еще И. Бодуэн де Куртенэ — см. 1963, 316, писал, что у глаголов «количественность находит выражение в особых показателях многократности»), а несчетное — в его временной протяженности (длительности). Общая схема количественных значений в вербальной группе вслед за Крумовой можно представить так:

- 1. Количество
  - 1.1. Счетное
    - 1.1.1. Одноактность: *Отдых на лекции*
    - 1.1.2. Многоактность: *Ходя на лекции*
      - 1.1.2.1. Неопределенное многоактное действие: *Винаги ходя с автобус*
        - 1.1.2.1.1. С нарушением нормы: *Рядко ходя*
        - 1.1.2.2. Определенное многоактное действие: *Два пъти ходих*
  - 1.2. Несчетное (измеримость)
    - 1.2.1. Неопределенное недискретное количество: *Много спях*
      - 1.2.1.1. С нарушением нормы: *Много спях*
      - 1.2.1.2. Приблизительное количество: *От сноци спя*
    - 1.2.2. Определенное недискретное количество: *Спях 5 часа*

Некоторые положения данной концепции вызывают, однако, возражения. Спорной является трактовка квантификации темпоративного аргумента (*Я всегда думаю о ней*) как количественной определенности предиката или ситуации (иную точку зрения см.: Киклевич 1994; 1995а; 1995б; 1998, 60-67; Kiklewicz 1995, 36-42).

Крумова пишет об одноактности/многоактности как о количественных характеристиках действия, тогда как это — характеристики ситуации в целом, ведь, например, высказывание

(2) *Мы встречаемся в этом парке*

означает не только повторяемость действия, но и многократное участие в ситуации объектов *мы* и *этот парк*. Поэтому рассмотрение категории n -кратности в рамках вербальной группы неправомерно.

Партитивность Крумова (*ibidem*, 40) также рассматривает в рамках определенности предиката, а ведь она касается объема множественного референта именных групп (Киклевич 1998, 96 ссл.), ср.:

- (3) *Выпей молоко* = ‘Выпей имеющееся молоко без остатка’.
(4) *Выпей молока* = ‘Выпей некоторое количества имеющегося молока, обязательно – все молоко без остатка’.

5. Классы КВ как лексико-грамматические подкатегории

Поскольку, как показал К. Фелешко (Feleszko 1980, 5), содержательные и формальные признаки КВ не являются взаимосимметричными, наиболее оптимальная классификация КВ должна учитывать и те, и другие. Эта идея и является теоретической предпосылкой исследования КВ в работе: Чеснокова 1992. В общем виде классификацию Чесноковой, в которой насчитывается 14 типов КВ, можно представить так:

0. Количество

1. Единичность
  - 1.1. А. Числительные и существительные: *один, единица, раз*
  - 1.2. В. Грамматические категории единственного числа: *книга*
2. Множество
  - 2.1. Определенное множество
    - 2.1.1. Число целых
      - 2.1.1.1. С. Количественные и порядковые числительные и количественные существительные: *два, сорок, восьмой, двойка, десяток*
      - 2.1.1.2. D. Однородные члены и другие сочетания: *сын и дочь, мать с сыном*
    - 2.1.2. E. Число частей – дробные числительные и существительные: *две вторых, половина, треть*
  - 2.2. Приблизительное множество
    - 2.2.1. F. С начальной границей отсчета: *более 20 лет*
    - 2.2.2. G. С конечной границей отсчета: *не более 20 лет*
    - 2.2.3. H. С указанием на количественный промежуток: *дет 20-25*
    - 2.2.4. I. Указание на срединную точку отсчета: *лет 20*
  - 2.3. Неопределенное множество
    - 2.3.1. J. Широкого диапазона грамматические категории множественного числа и неопределенно-количественные числительные: *книги, сколько, столько*
    - 2.3.2. K. Оценочные неопределенно-количественные числительные и существительные: *много, мало, множество, большинство*
    - 2.3.3. Совокупности

- 2.3.3.1. *L.* Собирательное множество: *студенчество, развалины*
- 2.3.3.2. *M.* Множество с нижним пределом: *толпа, стая, стадо, кучка*
- 2.3.3.3. *N.* Множество с верхним пределом: *полк, рота, класс, мешок, ведро*
- 2.3.3.4. *O.* Метафорическое множество: *море цветов*

Основной в системе КВ Чеснокова считает оппозицию ‘единичность — множество’, при этом системообразующим элементом, по ее мнению, является значение ‘один’. Множество определяется с опорой на это значение, в частности, как «то, что больше единицы» (1992, 9). Если единичность – определенное количество, то множество может быть определенным, неопределенным и приблизительным. Определенное множество «может мыслиться без указания на предметы, подвергающиеся счету», что проявляется в арифметических высказываниях:

- (5) *К пяти прибавить одиннадцать* и т.п.

Неопределенное множество не может мыслиться «в чистом виде» и к тому же оно иногда сопровождается оценочной семантикой:

- (6) *Принес несколько книг.*
- (7) *Много дней прошло.*
- (8) **Много прибавить несколько.*

Приблизительное количество обозначает неопределенное множество «с указанием определенных границ этого множества» (Чеснокова 1992, 11). Однако хотелось бы отметить, что семантика приблизительности сама по себе в содержание количества, видимо, не входит, ср.:

- (9) *Мы прошли около четырех километров* = ‘Я не знаю, какое точное расстояние мы прошли; я предполагаю, что это расстояние или равнялось четырем километрам, или незначительно отличалось от этой величины’

Слово *около* выступает как оператор модальности проблематичности и равнозначно таким операторам, как *не знаю, предполагаю* и т.п.

Оппозиция ‘единичность – множество’ может нейтрализоваться, например, в содержании существительных меры *килограмм, минута, километр* и т.п.:

по отношению к более мелким единицам той же измерительной системы та или иная единица обозначает множество: килограмм = 1000 граммов, минута = 60 секундам, метр = 100 сантиметрам и т.д.; по отношению к более крупным единицам той же системы та же единица выступает как единица: килограмм — это одна сотая центнера, минута — одна шестидесятая часа и т.д. (Чеснокова 1992, 12).

В этом суждении не учитываются два момента: во-первых, дуалистическая (единично-множественная) семантика свойственна всем конкретным существительным. Ср.: *этот дом, каждый дом* и *весь дом* — в первом случае существительное выступает носителем семантики единичности, во втором — семантики множественности ('предмет, входящий в множество домов'), в третьем — сочетает в себе оба значения. Во-вторых, наблюдаемый количественный дуализм объясняется наличием у слова *двух типов семантики* — лексической и грамматической. Грамматическое значение словоформы *метр* указывает на единичность, ее лексическое значение — на множественность.

Большой по объему класс составляют КВ с семантикой совокупности (собирательности). Л. Д. Чеснокова не определяет понятия «совокупность», зато подробно характеризует каждую из четырех групп КВ, реализующих данную семантику. Существительные *листва, учительство, студенчество* и т.п. выражают идею количества неразрывно от идеи качества и обозначают «множество однотипных предметов, которому противостоит элемент с единичным количественным значением» (1992, 14), ср.: *листва — лист, учительство — учитель*. О неразрывности количества и качества можно говорить применительно к собирательным существительным типа *посуда, мебель*, однако по отношению к существительным *листва, учительство, детвора* и т.п., которые обладают отчетливой морфологической структурой (*лист-в-а, учитель-ств-о, дет-вор-а*), эта характеристика не уместна. Что касается количественных оппозиций типа *листва — лист*, то они актуальны и для несобирательных множеств: *листья — лист*. Таким образом, сущность собирательности остается неясной. Категориальной характеристикой К. Фелешко (Feleszko 1980, 15) считает определенность множественного объекта, ср. польские выражения:

(10) **To jest kierownictwo — To jest kierownictwo mojego zakladu.*

Вторую группу совокупностей представляют «множества с нижним пределом», выражаемые словами *толпа, стая, табун, семья* и др. (Чеснокова 1992, 14-15). Однако обратим внимание на то, что множества данной группы имеют также верхний предел, ведь объем толпы, стаи или семьи нельзя увеличивать до бесконечности. Что касается «нижнего предела», то в большинстве случаев он не имеет никакой конкретной величины (вспомним «парадокс лысого» или «парадокс кучи зерна»), самого же факта, что множество имеет *какой-то* нижний предел, для выделения данной группы недостаточно, ведь множеств без нижней границы объема не существует, иначе противопоставление единичности — множественности не имело бы смысла.

В третью группу субкатегории совокупности включаются «множества с верхним пределом», о которых речь уже шла в разделе 3. Четвертую группу совокупностей составляет «метафорическое неопределенное множество», выражаемое сочетаниями *море цветов, океан слез, бездна дел* и др. Выделение такой группы в рамках субкатегории совокупности вряд ли правомерно, потому что КВ типа *море цветов* выражают, скорее, «оценочное неопределенное количество», ср. *много/множество цветов* (Чеснокова сама пишет об этом словом параллелизме), и, следовательно, должны быть интерпретированы иначе.

Система КВ Чесноковой состоит из нескольких уровней. Наиболее общие оппозиции (единичность — множественность, определенность — неопределенность, расчлененность — нерасчлененность), встречающиеся и в других исследованиях, не вызывают сомнений. Но чем меньше формат класса, тем менее очевидна достаточность основания, по которому выделяется его дифференциальный признак. Значительным упущением автора является также то, что в системе количественных значений фактически не отражена категория квантификации.

6. Классы КВ в функциональной грамматике

В. В. Акуленко (1990, 17 ссл.) представляет категорию количества в виде функционально-семантического поля полицентрического типа (см. также: Бондарко 1996, 161). Макрополе КВ делится на два поля «второго ранга»: определенного и неопределенного количества. Каждое из них также представлено двумя вариантами (полями «третьего ранга»): определенность — нумеральностью и единичностью,

а неопределенность — множественностью и оценочностью, которая включает два поля «четвертого ранга»: неопределенно большого и малого количества. При этом «различные участки микрополей взаимодействуют внутри макрополя и отчасти переходят одно в другое»; так, собирательность представляет собой микрополе в зоне соприкосновения полей единичности и множественности.

Нумеральность объединяет КВ с семантикой числа. Центром микрополя являются количественные числительные, а на периферии находятся их дериваты типа *дважды*, *двойной*, *удвоить* и порядковые числительные.

Микрополе единичности состоит из двух взаимодействующих секторов: лексического и грамматического. В первый входят разнообразные лексико-фразеологические и словообразовательные средства выражения сема 'один'. Например, таковы по содержанию русские суффиксы *-ин(a)*, *-инк(a)*, ср.: *картофелина*, *горошинка*. Периферия сектора представлена КВ, в значениях которых сема 'один' вторична, ср. англ. *to unite*, *union*, *to unify*, *unification* и др. Грамматический сектор поля единичности строится вокруг категории единственного числа существительного. В зоне пересечения с полем множественности находятся местоимения *каждый*, *всякий*, *любой* и др.

Поле множественности включает морфологический центр (множественное число существительных и местоимений) и периферию, представленную синтаксическими, лексико-фразеологическими и словообразовательными средствами. Так, периферийными считаются избыточные формы множественности: личные глаголы, прилагательные, порядковые числительные, адъективные местоимения. К этой же зоне относятся наименования партитивных множеств типа *ножницы*, *брюки*, лексические и грамматические средства выражения повторности типа *перевидать*, *наседеться*, наименования «пространственной множественности типа *снега*, *пески* и др.

Собирательность, которая, как указывалось, занимает промежуточное положение между единичностью и множественностью, представлена несколькими «слоями»:

1. собственно собирательные существительные типа *листва*, *солдатня*, *студенчество* — они имеют только форму единственного числа;
2. названия совокупностей — групповые существительные типа *семья*, *бригада*, *нация*, которые допускают формы обоих чисел;

3. названия совокупностей, в содержании которых отсутствуют семы, указывающие «на объединяемые в совокупность объекты», например: *группа (людей), куча (камней)*.

Множественность вместе с семантикой «неполной мощности множества» выражают также неопределенно-количественные местоимения и наречия *несколько, сколько-то, кое-кто, некоторые, большинство, львиная доля* и др. Акуленко пишет, что

логически вся сфера неполной мощности множества, то есть фактически вся сфера языковой количественности, находится между наименованиями полной мощности множества и пустого множества (1990, 29).

При этом с Акуленко нельзя согласиться, когда, во-первых, вслед за Ю. С. Степановым он пишет, что кванторы применяются не к именам, а к предложениям (это противоречит языковым фактам типа *все дети, каждый ребенок, в любом месте* и др.), во-вторых, исключает квантификацию из сферы категории количества: «Естественный язык не трактует всеобщность и отрицание существования чего-либо как количественные отношения» (1990, 29) — последнее утверждение не согласуется с фактами конкретных языков: известно, что в словенском языке КВ с семантикой полного, приближенного к полному, неполного, приближенного к пустому и пустого множества составляют единую градуальную парадигму местоимений.

Микрополю множественности Акуленко противопоставляет поле оценки неопределенного количества. Оценка ничего общего с нумеральностью не имеет, зато «основана на сопоставлении признаков чего-либо с нормой» (1990, 30) (а разве нумеральность можно представить вне такого соотношения? — А.К.; ср. понятие «эталоны арифметического ряда» у А. Богуславского — Bogusławski 1966, 55). Оценочные КВ делятся на 1) КВ с семантикой большого количества и КВ с семантикой малого количества, 2) КВ с первичной оценочной семантикой (*много, немного, большое число*) и КВ с вторичной оценочной семантикой. В последнем случае различается непрямая и косвенная номинация. При непрямой номинации оценочное слово «сохраняет автономную направленность своего смысла на действительность», ср.: *сотня, тысяча, пуд* и т.п. При косвенной номинации значение «имеет фразеологически связанный характер», ср.: *ты ему слово, а он тебе десять 'много'; подожди десять минут 'немного, недолго'*.

Микрополя большого и малого количества имеют дисперсную структуру. В их ядре сосредоточены КВ, «применимые на первом или ближайших следующих шагах в дефинициях всех прочих конститuentов поля» (Акуленко 1990, 37), например: *много, многие, большое число, в большом числе*. Ядро окружено несколькими слоями, при этом каждый очередной слой все более удален от ядра:

1. КВ с косвенным или ограниченным в употреблении выражением доминанты: *мириады, не счесть; тьмы, и тьмы, и тьмы*;
2. КВ с ограничениями семантической сочетаемости: *гора (чего-либо)*;
3. КВ, сочетающие сему большого/малого количества с другими: *часто* ‘+ во времени’, *тысячами* ‘+ поступательно’;
4. КВ, в содержании которых сема большого/малого количества является второстепенной: *купаться в золоте* ‘иметь деньги + много’;
5. КВ, для которых сема большого/малого количества потенциальна: *горсть, мешок, вагон, полк*;
6. КВ на границе с другими микрополями, например, качественности или интенсивности: *море восторга, вулкан страстей*.

Акуленко показывает, что микрополя количественной семантики,

отчетливо вычлениаясь по доминантным признакам, [...] взаимодействуют в языке и в речи, [...] создавая гибкое, живое, динамическое построение языка не как знакового механизма, а как творчества его носителей (1990, 40).

Динамический характер является сильной стороной данной концепции. Вместе с тем в ней не учтен ряд важных деталей. Например, единичность у Акуленко противопоставлена нумеративности, при этом никак не доказывается, что, хоть «понятие ‘один’ является лишь одним из равных по значимости понятий в бесконечном ряду чисел, но языковое мышление ставит его на особое место» (1990, 21) — ссылка на языковое мышление здесь не уместна, ведь психолингвистическая реальность оппозиции единичность – нумеративность никак не подтверждается. Скорее, правы исследователи, рассматривающие единичность в оппозиции к множественности. К тому же надо обратить внимание на то, что значение ‘один’ противопоставлено не только значению ‘много’, например, в формах единственного

числа, но и значению ‘пустое множество’ (Кошевая/Лукашенко 1972, 50-52), ср.:

- (11) *Один философ сказал...*
(12) *Ни один философ так не скажет.*

Неопределенно-количественные местоимения типа *несколько* Акуленко рассматривает в рамках субкатегории множественности, тогда как они передает нумеративную семантику (Супрун 1969, 34-35). С другой стороны, множественность выступает как дистрибутивный семантический признак, который слова типа *несколько* коннотируют в содержании существительного.

Акуленко неоднократно подчеркивает функционально-семантическое содержание своей классификации, однако зачастую решающим является формально-грамматический критерий. Так, глаголы типа *удвоить*, *утроить* попадают в один класс с производными от числительных существительными, прилагательными и наречиями *удвоение*, *дважды*, *двойной*, *вдвоем*. Но как раз с функциональной точки зрения они более соотносимы с глаголами изменения количества: *увеличить*, *уменьшить*, *помножить*, *суммировать* и т.п.

Наконец, следует отметить, что макрополе количества в версии Акуленко включает такое большое число мелких по объему классов и переходных зон, что ссылка автора на «отчетливую вычленимость» микрополей «по доминантным признакам» выглядит натяжкой. В этом случае мы, пожалуй, попадаем в знакомую ловушку, когда степень сложности модели начинает превышать сложность оригинала и вместо описания языка мы должны заниматься интерпретацией модели.

7. Классы КВ в теории функционального моделирования

В построенной мной (см. Kiklewicz 1998; Киклевич 1999) теории функционального моделирования КВ рассматриваются как операторы аргументов высказывания. При этом количественные операторы используются для реализации двух функций аргументов: дименсивной и квантитативной. Дименсивная функция, представленная значениями ‘единичный предмет’ и ‘множество предметов, т.е. предметы в количестве больше одного’, обязательна: если существительное выполняет аргументную функцию, т.е. обо-

значает предмет/событие, оно по необходимости должно быть маркировано (прямо или косвенно – через своих дистрибутивных партнеров) с этой точки зрения. В соответствии со значениями дименсивной функции различаются единичные и множественные аргументы. В высказывании

(13) *Родители купили сыну велосипед*

аргументы *сыну* и *велосипед* являются единичными, а аргумент *родители* — множественным. Для реализации дименсивной функции аргументов регулярно используется морфологическая категория числа существительных, изредка – прилагательных или глаголов, ср.:

(14) *ночное такси — ночные такси*

(15) *Такси отъехало — Такси не останавливались.*

Дименсивность и число – отнюдь не конгруэнтные категории:

(16) *В ваших тезисах имеется три тезиса, посвященных этой проблеме построения марксистской лингвистики* (В. М. Фриче).

Форма множественного числа *тезисы* обозначает здесь единичный предмет — список основных положений научного доклада, а форма единственного числа (родительного падежа) *тезиса* в сочетании с числительным – счетное множество предметов.

Значения дименсивной функции могут выражаться также словообразовательными средствами (ср. собирательные существительные *студенчество, зверье, матросня* и т.д., сингулятивные существительные *изгибина, рыба, винограда*) и лексическими средствами (ср. «массовые термины» *просо, песок, мука, толпа* и т.п.).

К в а н т и т а т и в н а я ф у н к ц и я распространяется только на множественные аргументы и заключается в том, что множество характеризуется с точки зрения объема. Квантитативная функция включает три частные функции (Киклевич 1998, 72-73): номинальное количество — определяется по отношению к арифметической норме множества, градуальное количество — по отношению к ситуативной норме множества, реальное количество — по отношению к экзистенциальной норме множества. Ср. примеры каждого типа квантитативной семантики:

- (17) *Катя съела две сливы* = ‘Количество слив, которые съела Катя, равно эталонному множеству из двух элементов’.
- (18) *Катя съела много слив* = ‘Количество слив, которые съела Катя, превышает количество слив, которые обычно она съедает / которые съедает ребенок в ее возрасте’.
- (19) *Катя съела все сливы* = ‘Количество слив, которые съела Катя, равно количеству имевшихся слив’.

Кроме того существует класс квантитативных предикатов типа *равняться, увеличить, уменьшить, утроить, большой, малый, больше, меньше, высокий, низкий, высота* и т.д., в содержании которых имеется указание на количество, которое в соответствии с терминологией функционального моделирования можно трактовать как значение дескриптивной функции предиката.

К этому же классу, видимо, относятся и аппроксимативные предикаты *около, почти, приблизительно* и т.п. Их содержание базируется на признаках ‘больше’, ‘меньше’, но здесь одним из аргументов количественного сравнения обязательно является *разница* объемов, ср.:

- (20) *Петя съел почти десять яблок* = ‘Разница между объемом множества яблок, которые съел Петя, и объемом эталонного множества из десяти элементов, мала по сравнению с объемом множества яблок, которые съел Петя, или по сравнению с объемом эталонного множества из десяти элементов’.

Количественные предикаты *равняется, уменьшить, высокий/высота, тяжелый/вес, почти, около* и др., как правило, сопровождаются квантитативной именной группой, ср. именные группы *drei Unzen, mit 75 Kilo* при предикате *schwer* в высказываниях:

- (21) *Das ist drei Unzen schwer.*
- (22) *Mit 75 Kilo ist sie viel zu schwer.*

В данной работе нет возможности подробно *описать* отдельные субклассы в рамках названных пяти субкатегорий количественной семантики, поэтому мы сошлемся лишь на уже имеющуюся научную информацию: Акуленко 1992; Берестнев 1999; Копыленко 1993; Красильникова 1990, 63-89; Реформатский 1987, 76-87; Чеснокова 1992; Швачко 1981; Pianka 1997 и др. Отметим лишь, что КВ представлены в естественных языках двумя формами: номинативными единицами (лексемами и их сочетаниями) и коммуникативными единицами (предложениями, ср.: *Высота башни составляет 50 метров*).

Если на коммуникативном уровне количество обусловлено лексическим значением ядерного предиката (*ist schwer, высота составляет*), то на номинативном уровне количество реализуется несколькими способами:

1. как фонетическое значение слова — признаки ‘большой / маленький’ релевантны в фоносемантике (Журавлев 1974, 46);
2. как грамматическое словоизменительное значение слова, например, в содержании субстантивных форм единственного/множественного числа;
3. как грамматическое словообразовательное значение, например, в содержании собирательных существительных типа *детвора*;
4. как лексическое значение — номинативный признак, например, в содержании кванторных местоимений *все, каждый, любой, всякий*;
5. как лексическое значение — селективный признак, например, в содержании множественных предикатов бел. *папазбіраць, папавазіць, папанасіць, папаварыць* и т.п.;
6. как синтаксическая функция квантитатива, ср. *Выпил чашку* [квантитатив] *чая* в отличие от *Разбил чашку* [пациентив];
7. как синтаксическая операция, например, сочинительное дублирование в конструкциях типа *пишет, пишет, пишет*.

При содержательной классификации КВ необходимо, во-первых, различать количество как функцию аргументов и как функцию предикатов. Этот параметр отражен в выделенных выше пяти функциональных классах КВ. Каждая из данных субкатегорий количества допускает дальнейшую классификацию, например, числительные делятся на количественные (основные), дробные, собирательные, порядковые; кванторные слова представлены классами абсолютной / относительной и синтетической/аналитической квантификации; фреквентивные слова представлены разрядами маркеров большого и малого количества.

Во-вторых, количество реализуется либо как значение общей функции языковой единицы — и тогда отмечается на первом шаге функционального моделирования, либо как значение частной функции — и тогда для его представления необходим анализ «внутреннего синтаксиса» слова (понятия общей / частной функции см. в работе: Киклевич 1999, 136). Иными словами, есть КВ, передающие количество как основное содержание (например: *пять, все, много*),

и КВ, для которых количество — дополнительный семантический признак (например: *трио, подросток, ведро, треуголка, квадрат*).

В-третьих, КВ дифференцируются в зависимости от присоединяемых к основному количественному значению дополнительных качественных или количественных признаков, ср. построенную по данному принципу классификацию кванторных слов (Киклевич 1998, 159-200).

8. Количество — определенность — референция

Часто количество рассматривается в общем ряду с категориями определенности и референции. В логической семантике принято разграничение индивидуальных (сингулярных) и общих терминов (см. Kraszewski 1975, 51; Tokarz 1986, 133; Горский 1985, 12; Дорошевский 1973, 108; Черч 1960, 17 и др.), при этом — в соответствии с теорией дескрипций Б. Рассела (1982, 48; 1993, 26 ссл.) — индивидуальные термины трактуются как референтные, а общие — как генерические (см. Войшвилло 1989, 14 ссл.). Как пишет А. Г. Баранов, «референция понимается как функция, ставящая в соответствие выражению языка один и только один объект» (1993, 128; см. также: Vater 1994, 176). Согласно Л. Д. Чесноковой, единичность противопоставляется множественности как определенное количество неопределенному (1992, 8 сл.). Однако трактовка, согласно которой только имена собственные обладают референтностью и которую справедливо считают проявлением номинализма (Колесов 1993, 41), применительно к естественному языку является ошибочной. На это указывает языковая практика, в которой именоваться могут не только единичные объекты, но и множества объектов, ср.: *этот студент — эти студенты* 'эта наблюдаемая группа студентов'. Противопоставление референтности — нереферентности базируется, таким образом, скорее на оппозиции генерического содержания и партитивного (Heusinger 1997, 11; Theofilidis 1991, 16).

С другой стороны, существительные в формах единственного числа используются также в обобщенном значении. Обобщенное единственное число широко встречается в текстах загадок, например:

- (23) *Ела, ела дуб
и сломала зуб* (Пила).

Существительное *пила* употребляется здесь обобщенно: имеются в виду не свойства конкретной пилы, а свойства виртуального множества пил.

Д. И. Руденко различал несколько типов генерических именных групп в единственном числе (1990, 193 ссл.):

1. родовое единственное число;
2. эталонное единственное число;
3. дистрибутивное единственное число.

Родовое единственное число реализуется, например, в предложениях типа:

- (24) *Человек смертен.*
(25) *Человек стремится к знаниям.*
(26) *Человек благороден.*

В этом случае возможно присоединение к существительному кванторного слова или замена единственного числа множественным, хотя такие трансформы, считает Руденко, не тождественны базовым высказываниям, ср.:

- (27) *Каждый человек смертен.*
(28) *Люди смертны.*

В генерическом значении употребляется единственное число эталона, например:

- (29) *Иван может убить медведя.*
(30) *Я играю на скрипке.*
(31) *Он похож на слона.*

В этом случае употребление кванторного слова исключено, а замена единственного числа на множественное изменяет значение слова, ср.:

- (32) **Иван может убить каждого медведя.*
(33) **Я играю на каждой скрипке.*
(34) **Он похож на каждого слона.*
(35) **Он похож на слонов.*
(36) *Иван может убить (много) медведей.*
(37) *Я играю на (старых) скрипках.*

В высказываниях с «единственным числом эталона» подразумевается известная говорящему и слушающему как членам одной культур-

ной общности «совокупность признаков эталонного объекта», которые не эксплицируются в высказывании именно в силу своей очевидности, принадлежности к «нормам общего значения» (термин К. Гуссерля). В тех случаях, когда существительное указывает на класс предметов, целью высказывания является экспликация признака, который «не входит в круг наиболее очевидных признаков класса» (Руденко 1990, 196). Связь признака и класса вводится при этом в фонд знаний носителя языка.

В данном случае имеется в виду не какой-то конкретный предмет (например, медведь), а предмет как некоторый символ — например, медведь как носитель признака большой физической силы и агрессивности. В данном случае глагол и существительное в единственное число следует рассматривать как один семантический комплекс — идиоматическое сочетание, ср.:

- (38) *Иван — очень сильный.*
 (39) *Я — скрипач.*
 (40) *Он — толстый и неуклюжий.*

Даже при лексической экспликации признака метафорическое употребление существительного сохраняется, ср.:

- (41) *Иван сильный как медведь.*

Можно сомневаться в корректности имплицитивной интерпретации этого высказывания: 'Если *x* является Иваном, а *y* является медведем, то *x* является таким же сильным, как *y*'. Существительное *медведь* передает в этом контексте семантику интенсивности признака, ср. более верную интерпретацию: 'Иван является очень сильным; физическая сила Ивана проявляется в большой степени и явно превышает норму'.

Во всех рассматриваемых высказываниях возможно введение оператора референции, например, указательного местоимения или анафорического личного местоимения третьего лица, ср.:

- (42) *Иван может убить этого медведя.*
 (43) *Я играю на этой скрипке.*
 (44) *Он похож на этого слона.*
 (45) *Хотя это молодой и сильный медведь, Иван может убить его.*
 (46) *Это очень старая скрипка, я играю на ней.*

(47) *Посмотрите — слон танцует! Иван очень похож на него, когда танцует.*

Впрочем, такие субституции в высказываниях с эталонным единственным числом возможны не всегда. Рассмотрим высказывания:

(48) *Иван живет за городом.*

(49) *Костя приехал из деревни.*

(50) *Соня сидит под замком.*

Существительные *город*, *деревня* и *замок* употреблены здесь неререферентно, но степень идиоматичности при этом так высока — скорее всего в связи с употреблением предлога или переносным значением глагола, так что замена существительного местоимением принципиально невозможна.

(51) **Иван живет за этим городом.*

(52) ¹ *Костя приехал из этой деревни.*

(53) **Соня сидит под этим замком.*

(54) **Хотя наш город очень уютный, Иван живет за ним.*

(55) **Деревня называлась Красное; из нее приехал Костя.*

(56) ¹ *На двери постоянно висит замок, а под ним сидит Соня.*

Подобные фразеологические сочетания характеризуются, таким образом, «вечной» неререферентностью.

Местоименная субституция невозможна также в конструкциях неререферентного употребления множественного числа, которые трактуются в литературе как в инклюзивные (Ві́ў 1988, 71), ср.:

(57) *Он собирается в летчики — *Он собирается в них — *В кого он собирается?*

(58) *Он рвался в начальники — *Он рвался в них — *В кого он рвался?*

На неререферентность имени существительного во множественном числе указывает то, что возможны синтаксические трансформации с формами единственного числа того же существительного, ср.:

(59) *Он хотел стать летчиком.*

(60) *Он стремился стать начальником.*

В речевой практике встречается также дистрибутивное единственное число, не выражающее конкретного предметного значения:

- (61) *Кто за это предложение — поднимите руку.*
(62) *Многие никарагуанские патриоты отдали свою жизнь за родину.*

Такое употребление форм единственного числа нельзя, однако, квалифицировать как генерическое, потому что в данном случае имеется в виду конкретное подмножество предметов, а основной функцией подобных выражений, как пишет Д. И. Руденко,

является просто снятие неопределенности, указание на то, что каждому из некоего множества объектов соответствует лишь объект другого множества, обозначаемого именем в форме единственного числа (ibidem, 209).

Важно обратить внимание на то, что граница между родовым и эталонным единственным числом не является жесткой. В одних случаях родовое единственное число охватывает весь объем обозначаемого класса, например:

- (63) *Человек смертен.*

В других же случаях сообщаемый признак распространяется только на часть класса:

- (64) *Человек стремится к знаниям ≠ Каждый человек стремится к знаниям.*
(65) *Сегодня зритель хорошо принял наш спектакль.*

9. Заключение

Благодаря функциональному подходу в конце XX в. сформировалось представление о категории количества как о макромножестве разноразмерных единиц, объединенных общностью значения. Благодаря использованию семантических оппозиций ‘определенный — неопределенный’, ‘дискретный — адискретный’, ‘однородный — неоднородный’ и др. исследователям удалось классифицировать эти единицы, построив разные по полноте и точности системы КВ. Вместе с тем типология КВ нуждается в дальнейшей оптимизации, которая должна быть направлена на то, чтобы все релевантные семантиче-

ские признаки были соотнесены с *функционированием* слова в предложении и предложения в тексте. Каждый количественный признак должен получить интерпретацию в рамках предикатно-аргументной структуры, отображенной в виде некоторой формальной модели, а в соответствие ему должны быть поставлены определенные конститuentы — аргументы, предикаты или операторы, включая тип процедуры, позволяющей отобразить количественную семантику.

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко В. В. (ed.) (1990), Категория количества в современных европейских языках. Киев.
- Берестнев Г. И. (1999), Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании. [В:] Вопросы языкознания. 6, 83-99.
- Бодуэн де Куртене, И. А. (1963), Избранные труды по языкознанию. Т. 2. Москва.
- Бондарко А. В. (ed.) (1996), Качество. Количественность. Санкт-Петербург.
- Евгеньева А. П. (ed.) (1983), Словарь русского языка. II. Москва.
- Есперсен О. (1958), Философия грамматики. Москва.
- Журавлев А. П. (1974), Фонетическое значение. Ленинград.
- Карпов В. А. (1992), Язык как система. Минск.
- Киклевич А.К. (1995а), Рец.: В.Косеска-Тошева, Г.Гаргов. Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност / неопределеност. София, 1990. [В:] Славяноведение. 2, 110-111
- Киклевич А. К. (1995б), Квантификация и определенность. [В:] Slavia Orientalis. XLIV/3, 409-423.
- Киклевич А. К. (1994), О двух дистрибутивных свойствах кванторных слов в русском и польском языках: субстанциональность и множественность [В:] Wiener Slavistisches Jahrbuch. 40, 37-51.
- Киклевич А. К. (1998), Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München.
- Киклевич А. К. (1999), Лекции по функциональной лингвистике. Минск.
- Копыленко М. М. (1993), Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата.
- Кошечкина И.Г./Лукашенко И.Г. (1972), Категория числа. [В:] Československá rusistika. XVII/2, 49-53.
- Красильникова Е. В. (1990), Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. Москва.
- Мартынов В. В. (1977), Универсальный семантический код. Минск.

- Полянский А.Н. (1984), План содержания категории количества в русском языке. [В:] Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1, 34-41.
- Реформатский А. А. (1987), Лингвистика и поэтика. Москва.
- Супрун А. Е. (1969), Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск.
- Чеснокова Л. Д. (1992), Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог.
- Швачко С. А. (1981), Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. Киев.
- Bogusławski A. (1966), Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim. Wrocław etc.
- Eisenberg P. (1989), Grundriß der deutschen Grammatik. Stuttgart.
- Cresswell M. J. (1979), Die Sprache der Logik und die Logik der Sprache. Berlin — New York.
- Feleszko K. (1980), Charakterystyka ilościowa grupy imiennej w języku polskim. II. Liczba gramatyczna a liczba arytmetyczna; nazwy zbiorowe. [In:] Laskowski R./Topolińska Z. (eds.) Studia gramatyczne. III, 5-17.
- Flämmig W. et al. (1972), Skizze der deutschen Grammatik. Berlin.
- Flämmig W. (1991), Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin.
- Kiklewicz A. K. (1995), Über die Quantifikation von Situationen (am Material der russischen und der polnischen Sprache). [In:] Anzeiger für slavische Philologie. XXIII, 35-44.
- Kiklewicz A. K. (1998), Zur funktionalen Modellierung der Aussage. [In:] Papiere zur Linguistik. 59/2, 157-179.
- Krumova L. (1989), Kategoria ilości i jej wyrażanie w języku bułgarskim i polskim. [In:] Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. T. 3. Ilość. Gradacja. Osoba. Wrocław etc., 27-44.
- Kutschera von F. (1975), Sprachphilosophie. München.
- Laskowski R. (1984), Podstawowe pojęcia morfologii. [In:] Grzegorzyczkowa R./Laskowski R./Wróbel H. (eds.) Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 9-58.
- Moskal'skaja O. I. (1971), Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau.
- Pianka W. (1997), Związki formalne między fleksyjną a słowotwórczą kategorią liczby w językach słowiańskich. [In:] Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego. Nr 1617. Język wobec przemian kultury. Katowice, 26-39.
- Quine W. V. O. (1995), Różności. Słownik prawie filozoficzny. Warszawa.
- Sasse H.-J. (1993), Das Nomen — eine universelle Kategorie? [In:] Sprachtypologie und Universalienforschung. 46, 187-221.
- Schuch G. von (1990), Einführung in die Sprachwissenschaft. München.

ДВА ТИПА КВАНТИФИКАЦИИ*

В логической семантике различаются генерические и универсальные именные группы (далее — ИГ), например, *дети* и *все дети* в высказываниях:

- (1) *Дети любознательны.*
- (2) *Все дети любят сладкое.*

С учетом того, что и в первом, и во втором случае предикативный признак распространяется на полный объем обозначаемого ИГ множества, что, в частности, подтверждается возможностью трансформаций

- (3) *Все дети любознательны*
- (4) *Дети любят сладкое*

различие генерических и универсальных ИГ выглядит не вполне очевидным. Не всегда очевидны и языковые правила, определяющие возможность или невозможность подстановки к генерической ИГ маркера абсолютной квантификации, ср. примеры:

- (5) *Киты — млекопитающие.*
- (6) *? Все киты млекопитающие.*
- (7) *Люди смертны.*
- (8) *Все люди смертны.*
- (9) *Птицы летают.*
- (10) ** Все птицы летают.*

---

* Исправленный вариант статьи: О понятиях виртуальной и актуальной квантификации. [В:] Киклевич А. К. и др. (ред.), Число — язык — текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск 1998, 119-126.

В данной работе предлагается версия решения проблемы разграничения генеричности и универсальности, в связи с чем вводятся понятия пропозициональной и термовой квантификации — ср. понятия счетной и референциальной квантификации (*kwantyfikacja numeryczna vs. referencyjna*) у С. Кароляка (1989) или понятия количественной и статусной квантификации (*kwantyfikacja ilościowa i statutowa*) в одной из моих недавних работ — Kiklewicz 2009, 46.

Логика различают ограниченную и неограниченную квантификацию. При неограниченной квантификации все переменные имеют одну и ту же область значений, а при ограниченной квантификации каждая связанная переменная сопровождается выражением, определяющим конкретную область значений, которую она охватывает (МакКоли 1983, 179-180; см. также: Дюкро 1982, 261-277). Ср. две различные логические интерпретации высказывания (пример Дж. МакКоли):

(11) *All linguists are insane*

$\forall x$

(Linguist $x \supset$ insane x)

(1)

($\forall x$: Linguist x) insane x

(2)

Формулы читаются: (1) Для каждого предмета верно, что если он является лингвистом, то он является ненормальным; (2) Для каждого предмета, который является лингвистом, верно, что он является ненормальным.

Формула (2) рассматривается в современной логической семантике как более предпочтительная, потому что она в более эксплицитном виде отражает семантическую структуру языкового выражения, в частности, тот факт, что переменная x имеет два типа определения: качественное — с помощью дескриптора *linguist*, и количественное — с помощью универсального квантора *all*. При этом логики рассматривают только те случаи, когда переменная определяется однократно, т.е. когда заданная предметная область никак не ограничена. В этом проявляется характерный для логики интерес к дихотомии «множество — элемент множества», которой соответствуют генерические и индивидуальные (сингулярные) термины (Tokarz 1986, 133). Однако в повседневной практической и интеллектуальной деятельности мы чаще имеем дело с подмножествами, которые в естественном языке отражаются с помощью многократного качественного определения переменной, в частности —

в виде именных словосочетаний типа *хорошие лингвисты*. Увеличение содержания термина, как известно, приводит к сужению его объема, т.е. к ограничению соотносимого со знаком экстенционала.

Поскольку качественное определение переменной включает понятие множества/подмножества, то в нем изначально заложена количественная семантика, вполне самостоятельная по отношению к той количественной семантике, которая выражается присоединяемым к существительному (в сочетаниях типа *все дети*) кванторным словом. Автономное существование двух типов количественной характеристики ИГ — дескриптивной и кванторной — отражается в том, что имеются кванторные выражения с разным денотативным статусом — референтные и нереферентные, например:

(12) *Все дети уснули.*

(13) *Все дети любят сказки.*

В высказывании (13) квантифицируется генерическое множество, которое совпадает с объемом значения переменной *дети*. Такие ИГ называются универсальными. «ИГ может трактоваться как универсальная только при условии, что она построена на базе общего имени с открытым интенционалом» (Падучева 1985, 96). В высказывании (12) квантор применяется к подмножеству (у Падучевой — к «конкретному множеству»), объем которого уже области значения переменной — имеются в виду не дети вообще, а какая-то наблюдаемая или имеющаяся в виду подгруппа детей.

Е. В. Падучева (1985, 96) указывает, что истинность выражений с абстрактными (генерическими) множествами устанавливается не эмпирически, а дедуктивно, что, пожалуй, требует уточнения: во-первых, такое утверждение неверно, если термин *истинность* понимается как «истина», а не как «истинностное значение», потому что ложность высказываний с неограниченной квантификацией типа (13), в принципе, может быть доказана эмпирически — нахождением хотя бы одного подстановочного примера, по отношению к которому высказывание не выполняется, ср.:

(14) — *Все дети любят сказки.*

— *Неправда, наш Дарий не любит сказок.*

Во-вторых, нередко истинность высказываний с неограниченной квантификацией устанавливается индуктивно, а именно — в виде обобщения по неполной индукции, ср.:

- (15) *Железо электропроводно.*
Алюминий электропроводен.
Олово электропроводно.
Медь электропроводна.
ВСЕ МЕТАЛЛЫ ЭЛЕКТРОПРОВОДНЫ.

В выражениях с неограниченной квантификацией для определения области применения квантора достаточно рамок синтагмы и лексического значения синтаксически связанного с ним имени существительного, а в выражениях с ограниченной квантификацией рамок синтагмы не достаточно — необходима дополнительная информация. Рассмотрим предложения:

- (16) *Все вопросы являются общими или частными.*
(17) *Референт ответил на все вопросы.*

В первом выражении квантор определяет объем исходного множества, которое задано с помощью существительного вопросы: ‘Для всех x -ов, которые являются вопросами, верно, они являются общими или частными’. Второе выражение не может быть интерпретировано по этой схеме — трансформация ‘Для всех x -ов, которые являются вопросами, верно, что y , который является референтом, ответил на x ’ отражает лишь часть смысла базового предложения. Высказывание (17) следовало бы, скорее всего, прочесть так: ‘Для всех x -ов, которые являются вопросами, такими, которые были заданы y -у, верно, что y , который является референтом, ответил на x ’. В этом случае имеется многократное качественное определение переменной x : во-первых, ‘такие, которые являются вопросами’, во-вторых, ‘такие, которые были заданы референту’. Если первый признак выражен существительным вопросы, то второй подобной экспликации не имеет и выявляется благодаря семантическому анализу высказывания или же благодаря контексту, хотя в отдельных случаях могут быть эксплицированы все дескриптивные признаки переменной:

- (18) *Референт ответил на все заданные ему вопросы.*

Уточнение исходного множества в поверхностно-синтаксической структуре высказывания достигается с помощью разного рода распространителей существительного — морфологизованных и неморфологизованных атрибутов, а также придаточных предложений:

- (19) *Тщательно проверялась каждая написанная страница.*
(20) *Аспирант изучил все новые работы по биохимии.*
(21) *Рабочие перенесли все ящики, которые лежали у склада.*

Существование языковых выражений с ограниченной и неограниченной квантификацией дает основание утверждать, что кванторная семантика (и категория квантификации в целом) имеет два различных аспекта: она относится либо к сфере определения исходного множества (вне его ситуативной актуализации), либо к сфере определения референтного множества, т.е. множества предметов того или иного рода, которые участвуют в описываемой высказыванием ситуации. Так, в высказывании (12) кванторная семантика закодирована дважды: 'Для всех рассматриваемых предметов, которые являются детьми, верно, что они уснули; только для части предметов, которые являются детьми, верно, что они рассматриваются / имеются в виду в связи с произнесением данного сообщения'. Термовая квантификация применяется к ИГ (т.е. к термам), при этом целью данной операции является определение исходного объема ИГ, а именно того, рассматривается ли исходное множество в полном или частичном объеме. Это определение осуществляется, конечно, в связи с необходимостью коммуникации, хотя само по себе имеет не коммуникативную, а номинативную (докоммуникативную) природу, почему и возможна реализация данного типа кванторной семантики на уровне словосочетания, т.е. на уровне номинации, т.е. определения того, что лингвисты называют денотативным статус ИГ. Прагматическая сторона термовой (статусной) квантификации состоит в том, что область значений переменной определяется по отношению к говорящему, а именно — по отношению к тому множеству, которое говорящий имеет в виду, рассматривает как «область рассуждения».

Пропозициональная квантификация указывает на ту часть (ограниченного или неограниченного) исходного множества, которая участвует в ситуации и которая описывается высказыванием, реализующим определенную пропозициональную структуру. В предложении (13) пропозициональная квантификация имеет значение: 'Множество предметов, которые являются детьми, такими, которые любят сказки, полно'.

Такое понимание квантификации находим в математической логике, где она рассматривается как операция, применяемая к пере-

менным в структуре пропозиции; результатом этой операции является превращение открытой пропозиции в закрытую, т.е. в высказывание, обладающее истинностным значением (Ивин/Переверзев/Петров 1994, 196).

Теперь, когда основные понятия определены, необходимо установить характер их соотношения друг с другом. Меня, прежде всего, будет интересовать вопрос: зависит ли актуализация кванторного слова от предварительной количественной определенности ИГ?

При решении этого вопроса я исхожу из предпосылки, что термовая квантификация выступает как фактор определенности связанных ИГ, которые, подчеркнем, всегда имеют множественную семантику, и, таким образом, представляет собой одно из синтагматических условий реализации квантификации другого типа — пропозициональной.

В известной концепции Падучевой универсальные ИГ считаются нереферентными — их денотат не индивидуализирован. Так, в высказывании (13) не имеются в виду какие-либо конкретные дети, а дети вообще. Но обратим внимание на то, что множество детей является в этом случае совершенно определенным: и для говорящего, и для слушающего, и для некоторого третьего лица (свидетеля коммуникации) в высказывании (13) вполне достаточно информации, чтобы, пользуясь дескриптором *дети*, соотносить высказывание с любым подстановочным примером (для этого нужно, собственно, лишь знать лексическое значение данного существительного). Одним из постулатов элементарной математики является положение, согласно которому множество является определенным, если известно общее для его элементов характеристическое свойство или если известен его поэлементный состав.

При ограниченной квантификации, когда рассматривается подмножество предметов, определенность связанной ИГ может достигаться двумя путями: либо соотносением референта ИГ с речевым актом (что и учитывается Падучевой), либо (чего современная теория референции вовсе не принимает во внимание) уточнением содержания или объема подмножества с помощью дополнительных дескрипций. Таким образом, можно различать коммуникативную, или окказиональную (реализуемую местоимениями и контекстом), и атрибутивную, или перманентную (реализуемую дескрипторами), определенность ИГ. В высказывании (12), которое в конкретном речевом акте может, например, значить *Все дети к этой комнате уснули*, сообщается о конкретном множестве детей, определенность которого

обусловлена ссылкой на речевой акт: 'Для всех предметов, которые являются детьми, такими, которые находятся в этой комнате (т.е. там же, где и говорящий), верно, что они уснули; рассматриваются не все предметы, которые являются детьми'. В этом случае можно говорить о коммуникативной определенности ИГ *дети*, которая выражается индексальными средствами, ср.: *эти дети, дети в этой комнате* и т.д. В высказывании (13) квантифицируемое множество также определено — но уже не посредством ссылки на речевой акт, а дескриптивно: 'Для всех предметов, которые являются детьми, верно, что они любят сказки; рассматриваются все предметы, которые являются детьми'. Фактором, который обуславливает определенность ИГ в данном случае, является универсальное значение виртуальной квантификации: 'Рассматриваются все предметы, которые являются детьми'. Тот же тип определенности связанной переменной имеется в высказывании (22):

(22) *Некоторые литературные произведения являются плагиатом.*

Это выражение можно интерпретировать: 'Для всех предметов, которые являются произведениями, таких, которые относятся к области литературы, верно, что они являются плагиатом; рассматриваются все предметы, которые являются произведениями, такие, которые относятся к области литературы'. Связанная ИГ *литературные произведения* характеризуется в данном случае атрибутивной определенностью, поскольку термовая квантификация имеет здесь универсальное значение.

Итак, предварительным условием актуализации кванторного слова является определенность множественной ИГ, которая может иметь либо коммуникативный характер и основываться на отношении референта ИГ к коммуникативному акту, либо атрибутивный характер и основываться на универсальной номинации множества или подмножества. Если ИГ содержит значение неопределенности, у нее нет никаких шансов на то, чтобы войти в одну и ту же синтагматическую группу вместе с квантором, что доказывает предложение:

(23) **Рабочие перетащили все какие-то ящики на склад.*

В последние десятилетия исследователи синтаксической и лексической семантики естественного языка потратили немало усилий на то, чтобы описать отношения между содержательно близкими, но не

тождественными категориями определенности, референтности и квантификации, см.: Булыгина/Шмелев 1988; Косеска-Тошева/Гаргов 1990; Кронгауз 1984; Падучева 1985; Сулейменова 1985; Тополинська 1987-1988; Giusti 1982; Topolińska 1984; Grzegorzczukowa 1990; Karolak 1990; Křížková 1968; 1971; Lalewicz 1972; Lehfeldt 1996; Sadziński 1983; Sawicka 1978; Wunderlich 1991; Sgall 1986 и др. Исследователи согласились в том, что квантификация представляет собой составную часть категории определенности (см. Kiklewicz 2009). Неприемлемость такого решения подтверждается, однако, уже тем очевидным фактом, что кванторные слова и операторы определенности могут одновременно актуализироваться в одном и том же синтагматическом контексте (ср.: все эти ящики), а значит, реализуют семантические признаки разного типа и относятся к разным языковым категориям.

Если рассматривать отношения категорий в парадигматическом аспекте, то речь должна идти о корреляции детерминативности (определенности), денотативного (референтного) статуса и термовой квантификации, которая (термовая квантификация) выступает как одна из разновидностей выражения определенности, а именно — атрибутивной определенности ИГ.

Если же рассматривать отношение категорий детерминативности и квантификации в синтагматическом аспекте, то речь должна идти об пропозициональной квантификации, реализация которой предполагает предварительную окказиональную или перманентную определенность ИГ. На эту функциональную особенность кванторных слов в своей лучшей книге 1969 г. обратил внимание известный исследователь категории количества А. Е. Супрун. Выделяя из ряда числительных лексему *оба* как аналог выражения *все два*, он писал: «Слово *оба* подобно местоимениям и тем, что в нем выражается дейктический характер значения: оно указывает обычно на уже упоминавшиеся предметы» (Супрун 1969, 37).

ЛИТЕРАТУРА

- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1988), Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки. [В:] Референция и проблемы текстообразования. Москва, 5-19.
- Дюкро О. (1982), Неопределенные выражения и высказывания. [В:] Новое и зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 263-291.
- Ивин А. А./Переверзев В. Н./Петров В. В. (ред.) (1994), Логический словарь. Дефорт. Москва.

-
- Косеска-Тошева В./Гаргов Г. (1990), Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. София.
- Кронгауз М. А. (1984), Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый*. [В:] Семиотика и информатика. 23, 107-123.
- МакКоли Дж. (1983), Логика и словарь. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 177-200.
- Падучева Е. В. (1985), Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Москва.
- Сулейменова О. А. Местоименные актуализаторы *весь и целый* в современном русском языке. [В:] Филологические науки. 4, 78-82.
- Супрун А. Е. (1969), Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск.
- Karolak S. (1989), Kwantyfikacja referencyjna a kwantyfikacja numeryczna. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. III. Pość, gradacja, osoba. Wrocław etc. 1989, 7-26.
- Kiklewicz A. (2009), Kwantyfikacja a determinacja. O jednym micie logiczno-semantycznym. [In:] Mańczak W./Wawrzyńczyk J. (eds.), *Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie*. Warszawa, 37-51.

ПРИРОДА КВАНТИФИКАЦИИ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА^{*}

Введение

Одной из характерных черт современной лингвистики, особенно последних десятилетий XX в., является ее тесная связь с логикой (Петров 1986, 6). Использование логики в европейском средневековом языкознании осуществлялось с целью экспликации универсальных и рациональных элементов плана содержания естественных языков. Игнорирование этнической специфики языков, а также многих элементов эмпирической языковой семантики, одним из первых противников которого был арабский мыслитель X в. Абу Хайян (1988, 59 ссл.), привело к кризису и, позднее, краху логической доктрины в языкознании в конце XIX в. (Шухардт 1960, 283 ссл.). Монстр логицизма до сих пор внушает страх многим лингвистам.

Нельзя не усмотреть исторических реминисценций в дихотомии логической, т.е. абстрактной («чистой»), и лингвистической, т.е. эмпирической, семантики, которую предлагает Р. Фройндлих (Freundlich 1972, I). Согласно Х. Э. Брекле, логическая семантика исследует универсальные способы интерпретации содержания формальных языков, которые являются неизменными в любой «специальной» семантике, а лингвистическая семантика сосредоточена на эмпирическом описании содержания языковых знаков в речевых актах (Brekle 1972, 20; см. также: Смир-

---

^{*} Здесь публикуется обновленный фрагмент монографии: Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München: Otto Sagner Verlag, 1998, 10-67.

нова 1990, 10). С. Ульманн подчеркивал, что дисциплинарное взаимодействие логики и лингвистики возможно только при посредничестве психологии (Ullmann 1967, 22).

И все-таки, несмотря на довольно сложную и противоречивую историю, логический анализ языка, который, вслед за Е. В. Падучевой (1979, 74), можно понимать как структурное моделирование языковых единиц разной степени сложности с помощью формул «той или иной логики», занимает значительное место в современных лингвистических исследованиях, составляя основу лингвистической теории референции, семантического синтаксиса, герменевтической семантики (семантики понимания), ситуативной семантики, модальной семантики, прагматической семантики (семантики употребления) и др. Так, А. Т. Кривоносов считает, что «путь исследования текста — только в интеграции языкознания и логики. Этот путь — центральное направление в изучении структуры текста» (1993, 21).

Интерес современной лингвистики к логическим методам описания языка обусловлен несколькими факторами. Одним из них является объективное существование сферы языкового содержания, которое отражает логические формы мышления и которую В. З. Панфилов называл логико-грамматическим уровнем языка (1963, 74). Другим фактором является развитие самой логики, которая теперь уже не ограничивается описанием идеальных систем (вроде языка математики), а обращается к естественным знаковым системам, прежде всего — к естественным языкам. При этом современную логическую семантику характеризует двуединство экстенционального и интенционального подходов. Первый состоит в изучении онтологического аспекта языковых знаков или, как пишет Б. Палек (Palek 1975, 207), в выявлении отношений в триаде: множество языковых выражений (язык) — множество индивидов (универсум) — множество истинностных значений ('истина' и 'ложь'). Интенциональный подход заключается в экспликации способов сигнификации («осмысления») знаков, т.е. характеристики их денотатов, и отражает гносеологический аспект знаковых систем.

Современный логический анализ языка является одной из наиболее сбалансированных лингвистических дисциплин. С одной стороны, его достоинством является д и с к у р с и в н ы й характер — ориентированность на отношения языка (или текста) к элементам его психологической и онтологической ниши. С другой стороны, логический анализ языка лишен нередко встречающихся в исследованиях по прагмалингвистике или лингвистике текста интуитивизма и со-

зерцательности — благодаря использованию развитого концептуального и формального аппарата сохраняется унаследованная от структурализма способность к моделированию языка. В данной работе я сознательно стремлюсь к тому, чтобы для описания языковых выражений с кванторами последовательно использовать метод моделирования, а именно — их представление в виде формул логики предикатов. Поскольку КС естественного языка выполняют семантическую функцию, отчасти сходную с функцией логических кванторов, привлечение формального аппарата для семантического представления маркеров категории квантификации является обоснованным. Формальное представление высказываний с КС позволяет обобщить их содержательные сходства и различия в эксплицитном виде, открывает возможности наблюдения над моделями, их сопоставления (эти символические модели приводятся в тексте лишь при особой необходимости, но в ходе исследования их роль была исключительно важной). Формулы логики предикатов выступают в работе, прежде всего, как субститутивные модели и выполняют объяснительную функцию.

Под моделью мы, вслед за Р. Г. Пиотровским (1966, 16), понимаем «систему некоторых объектов, структура или поведение которой соответственно воспроизводит структуру или функцию другой системы объектов». По А. Ф. Лосеву (1968, 28), «модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой». В процессе познания субститутивная модель ценна не своим структурным или функциональным подобием с оригиналом, а возможностью ее интерпретации. Г. П. Щедровицкий пишет:

В некоторых (хотя и довольно редких) случаях научное познание строится на основе операций с самими объектами. Чаще всего (и всегда, когда мы имеем дело с так называемым множественными или массовыми объектами) оно вырабатывается на основе познавательных операций с моделями объектов (1967, 31).

Именно использование формул логики предикатов как субститутивных моделей языковых выражений с КС позволяет представить их содержание в аналитическом виде, эксплицировать место квантификации в семантической структуре высказывания, сопоставить кванторную семантику с семантикой других категорий.

В меньшей степени формулы логики предикатов будут использоваться как порождающие модели — даже в адаптированном виде они все-таки отражают семантическую структуру высказы-

вания достаточно фрагментарно. Именно по этой причине формальный аппарат символической логики будет применяться, преимущественно, в первой, теоретической, главе и лишь эпизодически привлекаться при анализе конкретных выражений.

Квантификация — одна из содержательных категорий естественного языка, которые, можно сказать, были открыты благодаря проникновению в лингвистическую семантику идей экстенциональной логики. Конечно, составляющие эту категорию единицы, прежде всего — классы обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений, изучались и в рамках традиционной лингвистики (а именно — традиционной грамматики), однако представление о квантификации как о самостоятельной семантической категории языка сформировалось только в последние десятилетия.

Категориальная характеристика КС определяется их ролью семантических операторов (функторов) высказывания, т.е. таких компонентов его содержательной структуры, которые не имеют прямых номинативных корреляций с индивидами той или иной области того или иного возможного мира, а выступают маркерами отношений между высказыванием в целом и той (известной до коммуникативного акта) совокупностью индивидов, по отношению к которой высказывание имеет силу истинного или ложного констатива или силу перформатива.

Без применения точных субститутивных моделей, которые могут предложить науке о языке логика и математика, успешное развитие современной семантики вряд ли возможно, однако влияние логики на языкознание не ограничивается только распространением ее метаязыка — оно иногда принимает формы беззастенчивой колонизации. В лингвистическую семантику проникают чуждые ей элементы, а механистическое калькирование матриц логического анализа зачастую приводит к искажению научной картины языка, что проявляется и в области исследования языковых кванторов. Поэтому особую значимость для современного учения о содержании языка представляет лингвистически адаптированная логическая семантика, репрезентативные свойства которой позволили бы осуществить адекватное моделирование плана содержания языковых знаков. Как справедливо указывает А. В. Бондарко,

в настоящее время при широко распространенном увлечении лингвистов логическими аспектами семантики особенно важно подчеркнуть необходимость и актуальность исследования собственно языковых значений (1978, 169).

Заимствованная из математической логики лингвистическая теория квантификации испытывает сильнейшее влияние постулатов логической семантики, многие из которых противоречат объективным фактам естественного языка, но тиражируются под гипнотическим воздействием традиции и отдельных авторитетов. Здесь, в частности, имеется в виду широко распространенное, хотя ошибочное теоретическое положение, согласно которому кванторы присоединяются к нереферентным терминам, т.е. обладающим неопределенным «денотативным статусом». Вслед за логиками многие лингвисты рассматривают передачу кванторной информации как обязательную операцию, без которой высказывание остается «голой» синтаксической схемой и не способно функционировать как коммуникативная единица, ориентированная относительно некоторой индивидуальной области одного из возможных миров. Следуя логическим постулатам, лингвисты неправомерно объединяют кванторы с операторами «денотативного статуса» (артиклями, указательными местоимениями и др.), ошибочно квалифицируют КС как включающие метаязыковые предикаты, искусственно ограничивают универсум кванторных единиц, рассматривая лишь незначительную подгруппу избранных форм — местоимения *все, некоторые, каждый, любой, всякий, никто, ничто, никогда, нигде* и некоторые другие.

Нельзя не отметить и того факта, что внимание к логическому (референциальному) аспекту семантики КС отвлекает лингвистов от их морфологических, синтаксических, словообразовательных, прагматических и некатегориальных лексико-семантических признаков, которые составляют важную и необходимую часть их языкового содержания. С другой стороны, грамматическое описание КС (например, в таких фундаментальных исследованиях, как академические грамматики национальных языков) зачастую проводится в отрыве от логической семантики и выглядит несколько архаичным.

Более тридцати лет тому назад У. Вейнрех писал:

То, как представляются в естественных языках операции, аналогичные связыванию переменных в логических исчислениях, еще нуждается в специальном исследовании (1970, 184).

Однако и сегодняшнее состояние разработки лингвистической теории квантификации в целом вряд ли можно признать удовлетворительным. Вместе с тем в современной лингвистике, как представляется, накоплены предпосылки, необходимые для интегрального моделирования категории квантификации, которое включало бы описа-

ние ее общекатегориальных парадигматических и синтагматических свойств, описание манифестирующих ее внутреннюю структуру конструктивных признаков (лексико-семантических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, прагматических), описание динамических процессов с участием кванторных единиц в языке и речи. Эта научная задача и составила ядро проекта функционального исследования семантической категории квантификации в естественном языке, который реализован в данном исследовании.

Квантификация последовательно рассматривается нами как самостоятельная семантическая категория естественного языка (хотя и взаимодействующая с другими категориями). Под категорией понимается «любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства» (Ярцева 1990, 215). Как верно отмечено в польской академической грамматике, категория представляет собой не объединение отдельных языковых единиц, а объединение целых «функциональных классов», между которыми устанавливаются семантические оппозиции (Torońska 1984, 24). В отличие от морфологических (грамматических) категорий, которые характеризуются, прежде всего, обязательностью актуализации значения одного из функциональных классов категории (другими словами, обязательной квалификацией принадлежности языковой единицы к одному из функциональных классов), а также наличием регулярных средств выражения (Дегтярев 1973, 90), лексико-семантические категории обладают единством, преимущественно, в сфере плана содержания. Языковые единицы, составляющие такие категории, как правило, характеризуются различными грамматическими признаками и принадлежат к различным частям речи.

КС в целом разнородны по своим поверхностно-синтаксическим, словообразовательным и словоизменительным свойствам, однако составляют целостную семантическую категорию как единицы с общей семантико-синтаксической функцией, которая заключается в определении количественного отношения актуального множества участников ситуации к исходному множеству объектов, известных говорящему до коммуникативного акта.

1. Системные параметры категории квантификации

Парадигматические и синтагматические характеристики знаков неразрывно связаны между собой, что, в частности, нашло отражение в известной формулировке В. Г. Гака: «синтаксис семантичен, а семантика синтаксична» (1972, 367). Наиболее успешное воплощение этот принцип лингвистического анализа получил, как представляется, в дистрибутивной методике, которая объединила преимущества структурного и функционального подходов.

Единство парадигматики и синтагматики является поэтому необходимым условием функционального лингвистического моделирования языка. Это правило верно не только для отдельных знаков, но и для совокупностей знаков — языковых (грамматических и семантических) категорий. Синтагматические свойства семантической категории обусловлены регулярными правилами сочетаемости составляющих ее единиц, в частности, такими параметрами, как семантико-синтаксический (категориальный) статус дистрибутивных партнеров, активные и пассивные валентности, выполняемая в линейной структуре высказывания (текста) типовая функция и др. Парадигматический план семантической категории составляет множество категорий, содержательно либо формально соотносимых с ней по своим синтагматическим признакам. В этом аспекте проявляется значимость категории в системе языка, а именно — те свойства, которые характеризуют ее как автономную группировку языковых знаков.

В соответствии с данными теоретическими предпосылками далее будут описаны синтагматические и парадигматические характеристики категории квантификации.

1.1. Квантификация в синтагматическом аспекте

Генезис лингвистической теории квантификации восходит к логике. Оттуда заимствована и концептуальная база описания кванторных единиц естественных языков, и формальный аппарат моделирования линейных структур с квантификацией (метаязыковые трансформации), и значительная часть культивируемой терминологии. Поэтому краткий анализ квантификации в логическом высказывании позволил бы выделить важнейшие постулаты логики в этой сфере семантики, без которых ни современная лингвистическая теория значения, ни, в частности, теория квантификации не могут быть корректно и удов-

летворительно истолкованы. Нельзя не согласиться с С. А. Крыловым в том, что «системного рассмотрения квантификации можно достичь лишь в том случае, если исчислить ее логически возможные типы» (1984, 140).

Анализ важнейших положений логической теории квантификации необходим и для того, чтобы, изучив особенности КС в естественных языках, установить, в какой степени современная логика способна адекватно моделировать данную сферу языковой семантики, а в какой — она бессильна перед (пользуясь метафорой Р. Барта) «шумом языка».

С другой стороны, категория квантификации должна быть представлена в широком контексте языковой структуры, все ее параметры должны быть согласованы с важнейшими элементами языкового механизма и языковых функций. Далее будут рассмотрены общие субстанциональные, структурные и функциональные признаки предложения как коммуникативной языковой единицы, в рамках которой реализуется кванторная семантика, будут выделены и систематизированы основные типы функций предложения, чтобы иметь представление о той среде, в которой употребляются кванторные единицы естественных языков, и о причинах, по которым их употребление (в естественных языках) всегда характеризуется не только единством, но и поразительным разнообразием.

1.1.1. Квантификация в логическом высказывании

Современная теория квантификации в математической логике и лингвистике вытекает из теоретико-множественной парадигмы аристотелевской логики (Wunderlich 1991, 460). В традиционной формальной логике понятие квантификации отсутствует, однако концепт этой категории содержится в теоретико-множественном представлении простого атрибутивного суждения, где квантификация соответствует объему субъекта суждения, что проявляется в прямых корреляциях формул обеих логик (Ajdukiewicz 1960, 17; Klaus 1973, 265).

Классификация суждений по объему (или количеству) включает единичные, частные и общие суждения (иногда единичные суждения не выделяются), которые различаются в зависимости от того, распространяется предикат на единичный объект, подмножество (часть) объектов или все объекты некоторого множества (класса) (Асмус 1947, 80; Бакрадзе 1951, 159; Городецкий 1912,

18; Горский 1963, 115; Кириллов/Старченко 1987, 57; Кондаков 1954, 169; Мчедлишвили 1978, 24-26; Свинцов 1987, 84; Таванец 1953, 67; Фогараши 1959, 227). Обычно с учетом количества и положительно-го или отрицательного качества выделяют четыре типа суждений: общеутвердительные (А), общеотрицательные (Е), частноутвердительные (I) и частноотрицательные (О). Т. Липпе предлагал классификацию атрибутивных суждений, в которой учитывался также качественный или эмпирический тип определения субъекта (1902, 46 ссл.).

Описание суждений по объему основывается на логике классов. Теоретико-множественный подход к содержанию высказывания в формальной логике заключается в представлении субъекта и предиката как взаимодействующих классов. Все типы атрибутивных суждений можно интерпретировать в терминах отношений между множествами:

$$\begin{aligned} A &— (M_1 \subset M_2) \text{ или } (M_2 = M_1); \\ I &— (M_1 \cap M_2); \\ O &— (M_1 - M_2); \\ E &— (M_1 \cap M_2) = \emptyset \end{aligned}$$

Поскольку и субъект, и предикат суждения представляют собой классы, то вполне естественно, что оно может быть описано также с точки зрения объема предиката. Общей характеристикой объема термина в суждении является его распределенность. Термин считается распределенным, если он актуализируется в полном объеме, и нераспределенным, если он участвует в суждении частью объема. Общепринятая типология суждений по признаку распределенности терминов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Тип суждения	S	P
A	+	-
I	-	-
O	-	+
E	+	+

Поскольку распределенность/нераспределенность характеризует не только субъект, но и предикат атрибутивного суждения, то в содер-

жащем такое суждение высказывании всегда возможна конверсия терминов, т.е. преобразование высказывания, в результате которого субъект становится предикатом, а предикат — субъектом (Мартынов 1966, 50; Уемов 1961, 21), ср.

- (1) *Некоторые химические элементы не являются металлами ↔ Все металлы являются химическими элементами.*

Возможность конверсии субъекта и предиката была для Ф. Линде фактором, свидетельствующим о принципиальной ошибочности общепринятого деления терминов суждения на субъект и предикат (1915, 56).

Введение понятия распределенности термина позволяет расширить классификацию суждений. Так, в формальной логике выделяются два типа общеутвердительного суждения (Кондаков 1967, 144; Уемов 1961, 21):

- (2) *Все S суть P.*
 (3) *Все S, и только они, суть P.*

В высказываниях второго типа предикат распределен, а это значит, что прямое и конвертированное суждения имеют общий объем, ср.:

- (4) *В этом смысле всякая революция есть смута и всякая смута есть революция (Л. Франк).*

Распределенность/нераспределенность предиката варьируется в формальной логике только для общеутвердительных суждений. В действительности же это варьирование не ограничено ни качеством, ни количеством суждения. Так, К. Бакрадзе (1951, 194) иллюстрировал нераспределенность предиката высказывания

- (5) *Все люди суть (некоторые) животные*

возможностью его трансформации в высказывание

- (6) *Некоторые животные суть (все) люди.*

Это косвенно указывает на распределенность предиката в данном частноутвердительном высказывании (в логике частноутвердитель-

ные суждения содержат нераспределенный предикат, см. таблицу 1).
А. И. Уемов принимает во внимание трансформацию

- (7) *Некоторые химические элементы не являются металлами $\leftrightarrow$ Все металлы являются химическими элементами,*

которая указывает на распределенность предиката в частноотрицательном суждении (1961, 21). Однако в других случаях частноотрицательное суждение не допускает общеутвердительной трансформации, например:

- (8) *Некоторые дети не любят томатный соус $\leftrightarrow$ Некоторые из тех, кто не любит томатный соус, являются детьми.*

Приведенные факты позволяют расширить систему типов атрибутивных суждений с учетом распределенности предиката. Рассмотрим высказывания с частичным объемом субъекта:

- (9) *Некоторые школьники — коллекционеры.*
(10) *Некоторые животные — хищники.*

В первом выражении предикат не распределен, а во втором — распределен, ср. трансформации:

- (11) *Некоторые коллекционеры — школьники.*
(12) *Все хищники — животные.*

Различие между выражениями данных типов можно показать с помощью логики классов: в первом случае реализуется отношение $M_1 \cap M_2$ — пересечение (произведение) классов, а во втором — отношение $M_2 \subset M_1$ — включение объема предиката в объем субъекта.

В общеотрицательных суждениях предикат, видимо, всегда распределен, однако и они могут иметь двоякий логический смысл в зависимости от наличия эксклюзивной или инклюзивной частицы. Так, высказывания

- (13) *Никто из детей тоже не спал*
(14) *Только никто из детей не спал*

содержат распределенный предикат и могут иметь одну и ту же трансформацию:

(15) *Никто из тех, кто спал, не был ребенком.*

Однако при сохранении отрицательного качества предиката исходного высказывания трансформации будут различаться:

(16) *Никто из детей тоже не спал $\leftrightarrow$ Некоторые из тех, кто не спал, были детьми.*

(17) *Только никто из детей не спал $\leftrightarrow$ Все те, кто не спал, были детьми.*

Понятие логической распределенности термина используется при описании дистрибутивно-семантических свойств квантификации.

Понятие квантификации возникло в математической логике, в частности, в ее разделе — логике предикатов. Стандартный язык логики предикатов составляет множество символов с фиксированными семантическими свойствами:

1) предикаты P, Q, R, S (математическая логика различает предикаты первого и второго (высокого) порядка; предикаты первого порядка применяются к индивидуальным аргументам, а предикаты высокого порядка (например, модальные операторы) — к пропозициональным аргументам (или к высказываниям);

2) индивидуальные константы a, b, c, d ;

3) индивидуальные переменные x, y, z ;

4) юнкторы (пропозициональные связки, или логические союзы) $\&, \vee, \rightarrow, \equiv, =$;

5) кванторы $\forall, \exists$;

6) оператор отрицания $\neg$ (Горский 1962, 72; Дюкро 1982, 272; Ивлев 1988, 30; Клини 1957, 67; 1973, 93; Коссек/Костюк 1982, 50; Костюк 1975, 5; Осуга 1989, 79; Попович 1975, 153; Тондл 1975, 65-67; Шиханович 1965, 150; Чарняк 1983, 177; Черч 1960, 44; Bachmann 1985, 121-124; Grzegorzcyk 1975, 25; Hall Partee 1978, 84; Klaus 1973, 256; Rasiowa 1975, 211; Schnelle 1973, 95-96; Stanosz 1985, 44; Wall 1973, 92).

Основными компонентами в структуре высказывания на языке логики предикатов являются предикаты и аргументы, причем последние могут выступать в виде переменных или констант:

$P(x, y)$ (1)

$P(a, b)$ (2)

Формула 1 отражает открытую пропозицию, которая обладает только смыслом и лишена конкретной локализации в одном из воз-

можных миров. Формула 2 отражает закрытую пропозицию, которая обладает не только смыслом, но и значением, т.е. существует хотя бы один возможный мир, по отношению к которому она может быть истинной или ложной.

Поскольку переменная обладает значением, в область которого входит группа констант (иногда логики называют их возможными мирами), например, $x = \{a, b, c\}$, то превращение открытой пропозиции в закрытую может быть достигнуто в результате замены переменной на соотносимые с ней константы:

$$P(x) \rightarrow P(a) \quad (3)$$

Другой способ актуализации истинностного значения высказывания — количественное определение той области значения переменной, которая участвует в описываемой ситуации. Так, если известно, что $x \in M$ и $P(x)$, то, ограничив область M , мы получим закрытую пропозицию, например:

(18) *Для всех x -ов из области M верно, что x обладает свойством P .*

Такие операторы, присоединение которых к переменным превращает предикатную формулу в высказывание с истинностным значением, называют кванторами (или квантификаторами) (Тарский 1948, 39). Кванторы применяются только к переменным (к общим терминам), ср.:

(19) *каждый Петр I

(20) *каждый я

Замена переменной на константу при наличии квантора невозможна, поэтому переменные закрытых пропозиций называют связанными. Открытая пропозиция содержит свободные переменные. Если хотя бы одна переменная в формуле свободна, то считается, что формула лишена истинностного значения и не является высказыванием.

Обычно выделяют два вида кванторов: квантор всеобщности и квантор существования. Квантор всеобщности (абсолютный, большой, общий, универсальный квантор) означает 'для всех x -ов верно, что...'. Высказывание с квантором всеобщности истинно тогда и только тогда, когда оно истинно для всех констант в области значения связанной переменной, и ложно тогда и только тогда, когда

оно ложно хотя бы для одной из констант в области значения связанной переменной. Формула с квантором всеобщности может иметь вид:

$$\forall x \quad P(x) \quad (4)$$

$$x \in M$$

Она читается как ‘Для всех x -ов, которые входят в множество M , верно, что они обладают свойством P ’.

К в а н т о р с у щ е с т в о в а н и я (относительный, малый, частный, экзистенциальный квантор) означает ‘существует по крайней мере один x , для которого верно, что...’. Высказывание с квантором существования истинно тогда и только тогда, когда оно истинно хотя бы для одной из констант в области значения переменной, и ложно тогда и только тогда, когда оно ложно для всех констант в области значения переменной. Формула с квантором существования может иметь вид:

$$\exists x \quad P(x) \quad (5)$$

$$x \in M$$

Она читается как ‘Существуют x -ы, которые входят в множество M , такие, для которых верно, что они обладают свойством P ’.

В отдельных случаях различаются два варианта квантора существования: $\exists$ — ‘по крайней мере для одного x -а верно, что...’ и $\exists!$ — ‘только для одного x -а верно, что...’ (Дюкро 1982, 279).

В некоторых редакциях логики предикатов употребляется также квантор единичности, или йота-оператор:

$$\iota x \quad P(x) \quad (6)$$

$$x \in M$$

где ι означает, что высказывание $P(x)$ верно только для одного элемента из заданного множества M (Bachmann 1985, 125; Schwarz/Chur 1993, 220). Понятие йота-оператора активно используется в некоторых лингвистических работах, в том числе и при описании языковых кванторов (Косеска-Тошева 1987, 402; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 34 ссл.; Grzegorzczkova 1976, 195; Weinsberg 1983, 172).

1.1.2. Квантификация в языковом высказывании

Благодаря возникновению и развитию математической логики и логической семантики лингвисты получили не только формальный аппарат для моделирования языковых знаков в аспекте их содержания, но и принципиально новую концептуальную систему описания языковой семантики. Однако влияние логики на семантическое моделирование естественного языка имеет, как мы уже указывали, и ряд негативных сторон. Характерное для многих современных исследований языкового значения механическое перенесение постулатов логической семантики в область естественного языка приводит к существенному снижению коэффициента подобия лингвистической модели, потому что логическая и языковая семантика вовсе не конгруэнтны. С одной стороны, можно говорить о большей синтагматической сложности высказывания в математической логике. Скудность словаря и грамматики логики предикатов компенсируется линейным объемом высказывания. При этом, когда его структура усложняется за счет введения многоместных предикатов, логическое высказывание практически теряет опору в обыденном сознании и в языке, который призван это сознание отражать. Как пишет А. Т. Кривоносов,

математическая логика оперирует формальными знаковыми системами, которые настолько отвлечены от содержания мышления, что для возврата к своей «исходной точке» требуется специальная процедура интерпретации (1993, 47).

Причина подобной коллизии между логикой и языком — не в сложности метаязыка математической логики, а в сложности самой логико-семантической структуры, в высокой степени абстрактности логического высказывания, в конце концов — в том, что, как писал А. Реньи, «математика изучает понятия, которые сама же и создает» (1980, 33).

С другой стороны, языковая семантика характеризуется чертами, которые не отражены в математической логике. Языковое высказывание включает не только такие параметры, как смысл и значение, но также множество видов интерпретации (например, модальность), многочисленные варианты подтекстовой информации, выполняет разнообразные коммуникативные (прагматические) функции. Кванторы в логике являются единственным классом актуализаторов высказывания, соотносящих его с конкретной референтной ситуацией.

В естественном же языке таких классов несколько и их семантические свойства дифференцированы.

Корректное описание квантификации в естественном языке возможно лишь при учете собственно языковых семантических признаков, а также в системе семантических категорий, которые в том или ином виде манифестируются в речевом материале.

1.1.2.1. Пропозиция и референция

Согласно одному из постулатов современной ситуативной семантики, «значение простого декларативного предложения состоит в отношении между выражением и описываемой ситуацией» (Barwise, Perry 1987, 24; см. также: Бондарко 1992, 30). Нерешенным, однако, остается вопрос о статусе высказывания как имени или описания ситуации (Витгенштейн 1985, 50; Drozdek 1986, 168; Geach 1972, 17).

Пропозициональная функция высказывания соотносит его с типом ситуации. В ситуативной семантике он описывается с помощью понятий «индивиды» (символически a, b, c) и «отношения» (символически p, r, q, s) (Barwise/Perry 1987, 65; Schwarz/Chur 1993, 177). Например, высказывание

(21) *Дерево растет*

относит описываемую ситуацию к ситуативному типу (a, p) , а высказывание

(22) *Кошка пьет молоко*

— к типу (a, b, p) . Часть содержания высказывания, которая указывает на тип обозначаемой ситуации, называется пропозицией (Арутюнова 1976, 34; Горский 1962, 72; Ионице/Потапова 1982, 26; Клини 1973, 93 ссл.; Льюис 1983, 217; Панкрац 1992, 12; Столнейкер 1985, 421; Черч 1960, 33). Пропозиция выражает сигнификативное значение, или смысл, высказывания, она лишена соотношенности с конкретной ситуацией, а также таких компонентов содержания высказывания, как коннотация, интерпретация и др., поэтому некоторые исследователи трактуют пропозицию как когнитивный инвариант утверждения, вопроса, приказа, предположения, обещания и т.д. Так, высказывания

- (23) *Я приказываю вам взять город*
(24) *Я запрещаю вам брать город*
(25) *Я сомневаюсь во взятии города*

содержат разные прагматические функции, но общую пропозицию, соотносимую с ситуативным типом (*a, b, r*). Один и тот же смысл, писал Л. Витгенштейн, допускает и истинное, и ложное употребление — значит, смысл высказывания отражает возможное положение вещей (1985, 115). Пропозиция потенциально соотносима с множеством однотипных ситуаций, которое составляет ее объем. Все референты в объеме знака, в том числе — пропозиции, задаваемые дескриптивными условиями, а именно — его смыслом, называются *возможными мирами*. Р. Монтегю трактует возможные миры как «возможные ситуации использования» языковых знаков (1981, 224). Поскольку один и тот же смысл соотносится с множеством возможных миров, то пропозицию можно определить как класс возможных миров, по отношению к которому смысл актуализируется в виде истины или лжи (см.: Столнейкер 1985, 421; Wunderlich 1991, 72 ссл.).

Термин *возможные миры* широко употребляется в современной лингвистике, и это отражается на его семантической неоднозначности. Можно различать, по крайней мере, пять важнейших значения этого термина:

1. *дескриптивные возможные миры* представляют собой объекты, входящие в объем знака;
2. *дискурсивные возможные миры* составляют контекст описываемого события (Киклевич 1992g, 45);
3. *эпистемические возможные миры* — «возможные состояния дел или направления развития событий, совместимые с рассматриваемой установкой некоторого определенного лица» (Хинтиikka 1980, 87);
4. *альтернативные (пропозициональные) возможные миры* — положения дел, не совместимые с реальным (Николаева 1985, 31-33; Хинтиikka 1981, 43);
5. *логические возможные миры* — условия истинности сложного суждения.

С содержательной точки зрения высказывание характеризуется двумя важнейшими свойствами: *композициональность* отражает зависимость значения целого высказывания от значений его компонентов (Wunderlich 1991, 40), а *эмергентность* — несводи-

мость смысла высказывания к механическому суммированию значений составляющих его словоформ (Бенвенист 1974, 15; Бозанкет 1914, 91; Бондарко 1978, 51; Кубрякова/Панкрац 1982, 14; Миллер 1972, 34; Фреге 1987, 364; Мауенова 1979, 135).

Принцип композициональности обусловлен особым характером номинации высказывания, в основе которой лежит изоморфизм между структурой означаемого (референциальной ситуации) и структурой означающего (высказывания) (Арутюнова 1976, 27; Богданов 1983, 8; Витгенштейн 1985, 97; Freundlich 1972, 2; Helbig 1992, 7; Mauro 1982, 65). Составляющим структуру ситуативных типов индивидам (партиципантам) и отношениям между ними в высказывании соответствуют аргументы (именные группы, термы, тайгены, предметные имена) и предикаты (ёгены) (Богданов 1977, 17; Гаргов 1987, 455; Мартынов 1977, 18; Ревзин 1978, 135-136). Семантическая функция (или семантический падеж) компонента высказывания — это его номинативное отношение к определенному элементу ситуативного типа.

Предикат составляет семантическое ядро высказывания (Куррилович 1962, 52; Мартынов 1966, 75-76; Теньер 1988, 118). Под семантической валентностью (полем интенции) предиката понимается количество и качество окружающих его аргументов (Богданов 1977, 51; Теньер 1988, 250; Helbig 1992, 7; Wunderlich 1991, 36).

В полипредикативном (т.е. семантически сложном) высказывании выделяются включающее (главное) и включенное (зависимое) высказывания. Принято говорить также о включающем и включенном предикатах. Полипредикативными считаются синтаксические структуры, имеющие хотя бы одну включенную пропозицию, например:

(26) *Jan umarł bezdzietnie* = 'Ян умер, и у Яна не было детей'.

Предикатными аргументами являются компоненты высказывания, занимающие типичную для аргументов синтаксическую позицию (как правило, приглагольного элемента), но выполняющие предикативную семантическую функцию (Гуревич 1989, 97; Pisarkowa 1965, 83), ср.:

(27) *Приезд брата порадовал нас* = 'Брат приехал, и этот факт доставил нам радость'.

Классификация аргументов — один из спорных вопросов современного семантического синтаксиса. Ч. Филлмор, основатель теории семантических падежей, выделял агентив, инструменталис, датив, фактитив, локатив и объектив (1981, 405 ссл.), добавив впоследствии реципиент, источник, результатив и контрагентив. В работах других исследователей приводятся различные по объему и качеству списки семантических функций аргументов (Богданов 1977, 52-55; Левицкий 1988, 40; Лещенко 1988, 40-41; Никитин 1988, 126; Панкрац 1992, 48 ссл.; Nelbig 1992, 180; Panevová 1980, 45 и др.). Один из наиболее обширных перечней семантических функций аргументов высказывания приведен Золотовой (1988, 430 ссл.) — он и взят в данной работе за основу.

Пропозиция — это, как указывалось, соотношенность высказывания с ситуативным типом, набор признаков, которыми должна обладать ситуация, чтобы быть потенциально обозначенной данным высказыванием. Но помимо пропозициональной, высказывание выполняет также референциальную (референтную) функцию, которая заключается в указании на конкретную, индивидуализированную ситуацию в одном из возможных миров.

В силу принципа композициональности (см. выше) референтная функция высказывания в целом зависит от референции его компонентов, а именно — аргументов. Это положение ситуативной семантики заимствовано из математической логики, где область истинности пропозиции $P(x)$ совпадает с множеством значений переменной x , при которых пропозиция истинна (Шиханович 1965, 144). Денотативный статус аргумента зависит от наличия либо отсутствия конкретной индивидной области одного из дискурсивных возможных миров, по отношению к которой аргумент выполняет номинативную функцию (Падучева 1985, 83; Бондарко 1992, 237; Giusti 1982, 4). В зависимости от денотативного статуса именные группы представлены двумя типами: 1) референтными (индивидуализированными, выделенными) и 2) генерическими (нереферентными, невыделенными, предикатными). Ср. высказывания:

(28) *Ученый открыл новый закон.*

(29) *Жених Терезы — ученый.*

В первом высказывании аргумент с семантической функцией субъекта имеет референтное употребление — подразумевается конкретный исполнитель действия; во втором высказывании та же словоформа

употреблена нереферентно, поскольку обозначает не конкретное лицо, а признак, ср.: 'Жених Терезы принадлежит к классу ученых'.

Референтность — сложное понятие, включающее, помимо предметности, конкретность, т.е. выделенность объекта из класса (Гуревич 1983, 55; Topolińska 1984, 303; Grzegorzczkova 1996, 32; Sawicka 1978, 55). Референтная функция основана на идентификации объекта:

Говорящий [...] апеллирует к соответствующей части идентифицирующего знания слушающего для того, чтобы указать ему, к какому из объектов в области его идентифицирующего знания относится сообщаемая в этом высказывании информация (Стросон 1982b, 114).

Различие денотативных статусов словоформ связано с семантической структурой знака, которую составляют два компонента: указание на означаемое и способ представления означаемого в знаке, которым в разных работах соответствуют термины денотация — сигнификация, значение — смысл, экстенционал — интенционал, объем — содержание и др. (Джемс 1981, 15; Жинкин 1965, 10; Липпс 1902, 46; Льюис 1983, 211; Рассел 1982, 41 ссл.; Ревзин 1978, 185; Тондл 1975, 29; Фреге 1977, 181 ссл.; Ajdukiewicz 1960, 140; Brekle 1972, 56; Mayenowa 1979, 125; Schifko 1975, 67 ссл.; Wunderlich 1991, 8; Ullmann 1967, 65). Благодаря сигнификативному компоненту осуществляется характеристика объекта, т.е., по П. Ф. Стросону (1982а, 75), передается предикативная информация, в частности, о том, что объект включен в некоторый таксономический класс. Напротив, денотативный компонент значения слова обуславливает его референтное употребление, т.е. — по Стросону — позволяет осуществить идентификацию объекта, или выделение из класса. В связи с общепринятым разграничением идентификации и характеристики хотелось бы заметить, что иногда ответы на вопросы «О чем вы говорите?» (идентифицирующий) и «Что вы говорите об этом?» (характеризующий) совпадают — это имеет место в высказываниях с автореферентией (Киклевич 1994b, 104-105), например:

(30) *Россия пока делает то, что она делает* (ТВ «Останкино». «Новости». 22 III 1992).

(31) *Я был против того, чтобы экономическую реформу начинать таким образом, каким она начата* («Комсомольская правда». 22 II 1992).

- (32) *Если бы не «Серафита», я сильно сомневаюсь, что моя авантюра с Мориканом закончилась бы так, как она закончилась* (Г. Миллер).

Оппозиции референтных — нереферентных именных групп соответствует логическое противопоставление единичных (сингулярных) и общих терминов (Горский 1985, 12; Дорошевский 1973, 108; Черч 1960, 17; Kraszewski 1975, 51), языковыми коррелятами которых считаются собственные и нарицательные имена. В известной теории Рассела единичным и общим терминам соответствует дихотомия имени и дескрипции (1993, 26-27). Дескрипция, в отличие от имени, представляет собой описание предмета и обозначает характеризующий его признак, т.е. символизирует интервал абстракции (Новоселов 1978, 199 ссл.), в котором объекты не различимы. В логике предикатов ту же оппозицию составляют константы и переменные.

Семантические особенности номинативных знаков отражаются на их синтаксических функциях. Так, согласно тезису Б. Рассела, имена выполняют в высказывании функцию аргументов, а дескрипции — функцию предикатов (1982, 50; см. также: Арутюнова 1982, 9; Grzegorzczukowa 1990, 121; Kotarbiński 1958, 218; Tokarz 1986, 133).

Референтный денотативный статус аргументов сопровождается дейксисом: ведь если референция основывается на выделенности объекта, то должен существовать субъект, для которого эта выделенность очевидна, к сфере «идентифицирующего знания» или к «рамке референтности» которого принадлежит объект. Рамка референтности, как пишет Е. Нёргор-Сёренсен,

включает в себя все, что собеседник в данный момент, в данной речевой ситуации может идентифицировать однозначно на основе контекста, конситуации или личного социально-культурного базиса (1987, 156).

Подчеркивая субъективный характер референтной функции, П. Ф. Стросон указывал, что эта функция характеризует не выражение языка, а его употребление в речи (1982а, 63; см. также: Линский 1982, 162).

Лексическими формами референтных именных групп являются имена собственные и определенные дескрипции. Считается, для одним из условий референции является значение, т.е. дескриптивная квалификация объекта как элемента некоторой совокупности (Серль 1982, 197), поэтому в лингвистической семантике существует поня-

тие актуализации — применение к неопределенной дескрипции маркеров референтности. Собственно, такие маркеры и называются актуализаторами (или операторами денотативного статуса). В функции актуализаторов выступают артикли, некоторые местоимения (прежде всего — указательные, личные и притяжательные) и прилагательные, например: *мой знакомый, этот город, упомянутая работа*, болг. *старецът, дървото* и др.

Изложенные здесь постулаты современной теории референции, однако, не исчерпывают круга проблем, связанных с описанием экстенциональной семантики высказывания и его компонентов. В этой области имеется ряд сложных, нерешенных вопросов, и один из них — соотношение категорий референтности и определенности.

Референтность и определенность имеют ряд общих свойств, например, общую функцию — актуализации и детерминации имени, а также ряд общих форм манифестации (артикли, местоимения и др.). Определенность/неопределенность основывается на признаке идентификации объекта или класса объектов, ср.:

- (33) *Приходила твоя знакомая* = ‘Приходила женщина, которую я идентифицировал как твою знакомую’.
(34) *Приходила какая-то женщина* = ‘Приходила женщина, которую я не могу идентифицировать’.

Идентификация объекта при определенности обозначаемой его именной группы может быть обусловлена коммуникативными, эмпирическими и энциклопедическими факторами. Коммуникативные факторы основаны на семантической связности текста (диалога) и заключаются в предупоминании обозначаемого референта. Эмпирическая определенность возникает благодаря указанию на непосредственный перцептивно-практический контакт между речевым субъектом и референтом знака. Энциклопедическая определенность обусловлена наличием устойчивого образа референта, хранящегося в долгосрочной памяти субъекта.

Имя обозначает конкретный предмет путем о с т е н с и в н о г о у к а з а н и я, субъектом которого выступает либо говорящий, либо информант, у которого говорящий ранее получил информацию. В теории каузальных цепочек С. Крипке имена собственные характеризуются как жесткие десигнаторы, семантическое определение которых возможно только благодаря возвращению к моменту «крещения» предмета. Это значит, что референтное употребление именных

групп возможно только в том случае, когда один из участников речевого акта является свидетелем номинации объекта. Но Дж. Серль писал, что

в обычной речи слушающий может вообще не требовать никакой идентифицирующей дескрипции и может удовлетвориться высказыванием с неидентифицирующим выражением (1982, 193; см. также: Стросон 1982а, 72; Доннелан 1982, 140).

Ср. ситуацию, когда некто рассказывает о незнакомом нам господине Коврове. Допустим, (не имея никакого представления о личности Коврова) мы спрашиваем рассказчика:

(35) *И все это сделал Ковров?* = 'И все это сделал тот, кого вы назвали Ковровым?'

Не зависимо от того, включен ли *Ковров* в нашу референтную рамку или нет, данная именная группа будет иметь референтное употребление. Но тогда возникает закономерный вопрос: на чем же основывается референтность именной группы и существуют ли относительно строгие критерии ее определения?

Отношения между категориями референтности/генеричности и определенности/неопределенности, с нашей точки зрения, наиболее точно описал немецкий славист В. Гладров (Gladrow 1979), который исходит из того, что речь идет о двух различных семантических категориях, одна из которых (референтность) обусловлена логико-семантическими, а другая (определенность) — коммуникативными признаками высказывания. Связь данных категорий такова: для генерических именных групп не существенна оппозиция определенности — неопределенности, а это значит, что данная оппозиция выделяется только в рамках референтности. Чтобы быть определенной или неопределенной, указывает Гладров, аргумент должен иметь конкретный, выделенный денотат, который существует в описываемой ситуации (Gladrow 1979, 33 ссл.). При первом упоминании предмета в артиклевых языках употребляется неопределенный артикль, при следующих упоминаниях — определенный артикль. Если же именная группа употреблена генерически, то подобная замена артиклей не происходит, ср.: нем.

(36) *Weigert langweilte sich jetzt häufig. Er suchte einen Hund, der ihm Gesellschaft leisten sollte... Als er schließlich einen Hund gefunden hatte, konnte er*

sich nicht mit ihm anfreunden (Вайгерт теперь часто скучал. Он искал собаку, которая бы составила ему общество... Но когда он, наконец, нашел собаку, он не мог с ней подружиться).

Следует обратить внимание на то, что данные наблюдения касаются только аргументов, которые обозначают единичные объекты. В лингвистике получила широкое распространение точка зрения, согласно которой «референция понимается как функция, ставящая в соответствие выражению языка один и только один объект» (Баранов 1993, 128). Согласно Л. Д. Чесноковой (1992, 8-9), единичность противопоставляется множественности как определенное количество неопределенному. Эта идея заимствована из теории дескрипций Б. Рассела (1982, 48), ее же более широким философским контекстом является *н о м и н а л и з м*, исключающий возможность именованя сущностей.

Это лингвистическое положение, однако, с очевидностью противоречит естественной речевой практике, в которой могут именоваться не только единичные предметы, но и совокупности предметов, и даже свойства и признаки предметов, ср.:

- (37) *Этот студент написал талантливую научную работу.*
- (38) *Эти студенты посещают кружок зарубежной литературы.*
- (39) *Кто это сделал?*
- (40) *Этот твой прыжок был очень красивым и т.д.*

Если мы ограничим универсум референтов именных групп только множеством единичных предметов, мы искажим картину реальности, о которой А. Пуанкаре писал (1990, 213):

Физиологи учат нас, что организмы образуются из клеточек; химики прибавляют, что сами клеточки образуются из атомов. Значит ли это, что эти атомы или клеточки составляют реальность или по крайней мере единственную реальность? Тот типичный способ, по которому упорядочиваются эти клеточки и который порождает единство индивидуума, не есть ли также реальность, гораздо более интересная, чем реальность отдельных элементов?

К о л и ч е с т в е н н а я характеристика лексической номинации аргументов позволяет выделить *е д и н и ч н ы е* и *м н о ж е с т в е н н ы е* аргументы (Булыгина/Шмелев 1987, 204), ср.:

- (41) *Ученик читает книгу.*
- (42) *Ученики прочли книги.*

Множество в языковом сознании предстает как совокупность объектов того или иного таксономического класса в количестве больше одного. А. А. Холодович (1978, 174) различал 12 типов множественных объектов, отраженных в естественном языке: конечное — бесконечное, конкретное — дискретное, однородное — неоднородное, арифметическое — алгебраическое, тотальное — партитивное множество, а также предметное множество — множество предметов (ср. классификации других авторов: Булыгина/Шмелев 1987; Горский 1962, 67; Крумова 1987, 15-16; Уемов 1978; Feleszko 1978, 6; Leinfellner 1978). В данной работе предлагается классификация множеств, которая адаптирована к целям описания квантификации:

1. Множество

1.1. Партитивное множество.

1.2. Гипонимическое множество — *люди*.

1.1.1. Дискретное множество.

1.1.2. Адискретное множество — *вода*.

1.1.1.1. Упорядоченное множество.

1.1.1.2. Неупорядоченное множество — *листья*.

1.1.1.1.1. Статическое множество.

1.1.1.1.2. Динамическое множество — *спектакль*.

1.1.1.1.1.1. Объект-система.

1.1.1.1.1.2. Система объектов — *команда*.

1.1.1.1.1.1.1. Однородное множество — *бусы*.

1.1.1.1.1.1.2. Неоднородное множество — *город*.

Гипонимическое (виртуальное) множество в данной системе соответствует тотальному множеству у Холодовича, а под динамическим понимается сентенциальное множество.

Приведенная выше типология множеств построена с учетом их имманентных признаков. Функциональные свойства характеризуют множество как единую совокупность объектов и, в частности, проявляются в его отношениях к другим множествам (Горский 1985, 67; Любищев 1977, 135; Марков 1982, 47; Панфилов 1982, 312; Пете 1981, 342; Смирнов 1978, 80; Ферстер 1965, 8). По функциональным признакам можно различать: суммативные — интегративные, дистрибутивные — коллективные множества. Суммативные множества функционально не отличимы от составляющих их элементов, но функция множества является результатом суммирования функций подмножеств. Эта характеристика суммативных множеств называется

ся аддитивностью. Так, объем книги складывается из объемов глав, размер квартиры — из размеров отдельных комнат и т.д. Интегративные множества не сводимы к механической сумме их составляющих и, помимо аддитивных, характеризуются эмергентными признаками, которые не совпадают с признаками частей, например:

- (43) *Большая Медведица имеет форму ковша — *Часть звезд Большой Медведицы имеет форму ковша.*

Дистрибутивные (разделительные) множества характеризуются возможностью применения признака множества к его элементам, ср.:

- (44) *Дети уснули.*
 (45) *Павлик уснул.*

Коллективные (собираательные) множества не допускают трансфера признака совокупности на уровень элементов, например:

- (46) *Дети переговаривались — *Павлик переговаривался.*

С точки зрения границ множества различаются четкие и нечеткие множества. В нечетких неоднородных множествах элементы обладают разным коэффициентом совместимости с общим характеристическим свойством множества (Заде 1976, 10). В нечетких однородных множествах варьируется коэффициент совместимости объема и содержания множества, что нашло отражение в известных парадоксах «лысого» и «кучи зерна» (Борель 1923, 85; Ajdukiewicz 1960, 138).

Вслед за А. Тарским (1948, 107) можно также различать множества по степени сложности: множества 1-й степени состоят из первичных элементов, множества 2-й степени — из множеств 1-й степени сложности, множества 3-й степени — из множеств 2-й степени сложности и т.д.

Имеются два типа представления множества: термовое (эмпирическое), которое задается списочно (т.е. перечислением его элементов), и дескриптивное (качественное), которое характеризуется общим признаком (Греллинг 1935, 7; Караулов 1976, 109; Липпс 1902, 46; Лейкина 1979, 38; Степанов 1981, 15; Schwarz/Chur 1993, 143). Ср.:

- (47) *Сижу на пятом этаже,
И все мое добро —
Табак, коробочка ТЭЖЭ
И мягкое перо* (Б. Корнилов),

где сочинительная конструкция *Табак, коробочка ТЭЖЭ и мягкое перо* реализует термовое, а существительное *добро* — дескриптивное представление одного и того же множества.

В отличие от дескриптивных маркеров множества, для которых характерно, что объем обратно пропорционален содержанию, содержание и объем множества при термовом определении не различаются. Поэтому сочинительная конструкция как способ термового представления множества всегда сохраняет внутреннюю форму и не подвержена деэтимологизации.

Существуют синтетические и аналитические формы множественных аргументов. К первым относятся: грамматические значения (преимущественно) множественного и обобщенного единственного числа, ср.:

- (48) *Тигры опасны*
(49) *Белый медведь живет на севере*

а также собирательные существительные типа *листва*. Корреляции между грамматической и референциальной множественностью являются предметом обсуждения в обширной научной литературе (Булатова 1983, 120; Булыгина 1977, 156; Булыгина/Шмелев 1987, 204; Дегтярев 1987, 59; Кошечкина/Лукашенко 1972, 50; Красильникова 1983, 107 ссл.; Крумова 1987, 14 и др.). Синтетическими формами множественных аргументов являются также слова, в лексическом значении которых содержится компонент 'множество', которые У. О. Куайн называет «массовыми терминами» (1986, 60), например, *вода, обувь, город, армия, стадо* и др. К аналитическим формам множественных аргументов относятся: 1) конструкции с сочинительной связью, например, *отец и мать*; 2) конъюнктивные по содержанию конструкции с подчинительной связью, например, *отец с матерью*. Оператор конъюнктивности, таким образом, служит не только средством когезии высказываний в тексте, но и формой экспликации множественных аргументов, на что обращалось внимание в литературе (Бюлер 1993, 292; Wierzbicka 1969, 122).

С учетом разграничения единичных и множественных аргументов можно уточнить рассмотренную выше взаимосвязь категорий

референтности и определенности. Как уже было показано, Gladrow рассматривает оппозицию определенности — неопределенности только в рамках референтности. На этом основании можно выделить три типа именных групп:

1. референтные определенные, например: *Я знаю этого артиста;*
2. референтные неопределенные, например: *Я встретил какого-то артиста;*
3. нереферентные, например: *Владимир Андреевич — артист.*

Система множественных именных групп несколько сложнее. Во-первых, следует разграничивать понятия множества и подмножества. Во-вторых, номинативные характеристики множества и подмножества различаются. Множество, которое включает универсум объектов, обладающих указанным свойством, не представляет собой конкретного выделенного денотата, а значит, соотносимые с таким множеством аргументы являются нереферентными терминами. Вместе с тем генеричность обуславливает определенность подобных терминов, потому что множество является определенным в двух случаях: либо когда задано общее характеристическое свойство, либо когда перечислен его поэлементный состав (см. выше понятия дескриптивного и термового множества). Если о некотором множестве объектов известно, что условием вхождения в него является наличие признака 'быть артистом', то символ такого множества, например, существительное *артисты* обладает семантикой определенности, ведь мы всегда можем идентифицировать объект как элемент данного множества благодаря этому дескриптивному признаку. С. А. Крылов определяет символы генерических множеств как символы с «перманентной известностью» (1984, 124-154).

В высказывании

(50) *Киты — млекопитающие*

словоформа *киты* обладает генерической определенностью: каждый предмет, идентифицируемый как кит, обладает свойством 'быть млекопитающим' (*Если x является китом, то x является млекопитающим*). Иная ситуация в высказывании

(51) *Киты подплыли к самому кораблю,*

которое нельзя трансформировать в виде импликации

(52) *Если x является китом, то он подплыл к самому кораблю.

В этом случае существительное *киты* обозначает уже не универсальное множество, а подмножество китов. Для того, чтобы символ этого подмножества был определенным, требуется его дополнительная характеристика, например, с помощью местоимения:

(53) Наши знакомые киты подплыли к самому кораблю.

Реализацию категории определенности/неопределенности в системе множественных именных групп можно представить в виде следующей иерархии:

1. Множество.
  - 1.1. Определенное множество.
  - 1.2. Неопределенное множество: *множество, группа, совокупность, (какие-то) предметы.*
    - 1.1.1. Дескриптивное множество: *дети.*
    - 1.1.2. Термовое множество: *Миша, Коля, Маша и Лена.*
      - 1.1.1.1. Определенное подмножество: *эти дети.*
      - 1.1.1.2. Неопределенное подмножество: *какие-то дети.*

1.1.2.2. Определение квантификации

Лингвистические определения квантификации, главным образом, основываются на постулатах логической семантики, в частности, логики предикатов. При этом не всегда учитываются особенности собственно языкового содержания КС, что, естественно, приводит к существенным теоретическим просчетам. Покажем это на конкретных примерах.

Большинство исследователей связывает квантификацию с понятием экстенционала (экстенсии) предиката — множества индивидов, по отношению к которым предикат, по терминологии Тарского, выполняется. Если имеется формула $P(x)$ и область значений переменной x составляют индивидные константы a, b, c , то экстенционал предиката P конгруэнтен подмножеству множества индивидных констант a, b, c , относительно которого высказывание с этим предикатом имеет истинностное значение, т.е. истинно или ложно. Косеска-Тошева, Гаргов рассматривают кванти-

фикацию как свойство предиката, а именно — «наложение (или установление) ограничений на экстенсию предиката в различных ситуациях, в которых он участвует» (1990, 21; см. также: Dörrke 1985, 45; Slavsa 1975, 72). Однако данный подход и сам термин «квантификация предиката», по нашему мнению, некорректны: КС семантико-синтаксически связаны непосредственно с аргументами, ср.

- (54) *весь день*
- (55) *каждое лето*
- (56) *некоторые ошибки*

Это касается и кванторных словоформ, которые занимают приглагольную синтаксическую позицию:

- (57) *Всегда опаздывает* = 'Каждый раз, когда приходит, опаздывает'.

У. Чейф справедливо подчеркивает, что КС — особые маркеры значений существительных (1975, 234).

Другим существенным недостатком определений приведенного типа является то, что в них не уточняется характер ограничения экстенсии предиката, в чем также нельзя не усмотреть влияния логики: кванторы в логике предикатов (как указывалось выше) являются единственной категорией операторов, выполняющих функцию ограничения области значений переменной. В отличие от логики, в естественном языке понятие, выраженное дескрипцией, может быть ограничено несколькими способами, ср. ряд примеров с нарицательным существительным *книги*:

- (58) *новые книги*
- (59) *какие-то книги*
- (60) *четыре книги*
- (61) *эти книги*
- (62) *мои книги*
- (63) *все книги*
- (64) *некоторые книги*
- (65) *много книг*
- (66) *несколько книг* и т.д.

Эта особенность языковой семантики не отражена в определении И. И. Ревзина, который включал в категорию квантификации «элементы, ограничивающие ту область, на которую распространяется

высказывание», т.е. определял квантификацию слишком широко (1978, 142).

Наконец, некорректно связывать квантификацию только с экстенсией предиката, потому что КС определяют ту долю исходного, известного говорящему до акта передачи информации множества, которая участвует в событии, а ведь событие является референтом всего высказывания в целом. Так, в высказывании

(67) *Некоторые люди постоянно опираются о дверной проем КС некоторые*

обозначает не частичный объем универсального множества людей в экстенсии предиката *опираться*, а относительное количественное участие множества *людей* в ситуации *Х-ы постоянно опираются о дверной проем*, которая обозначается высказыванием как целостной коммуникативной единицей.

В понимании Ревзина КС определяют, «для каких термов из соответствующей предметной области выполняется предикат» (1978, 142). Из этой характеристики не вытекает, что квантификация представляет собой именно категорию количественной, а не качественной семантики. Казалось бы, этого недостатка лишены приводимые далее определения:

Пропозиции соответствует класс высказываний, получаемых в результате подстановочной операции: $P(x) — P(a), P(b), P(c)$ и т.д. Квантификация устанавливает, какое количество высказываний из этого множества истинно (Tokarz 1986, 134).

Кванторами будем называть каждое выражение X естественного языка, которое указывает на определенное количество элементов множества, представленного в высказывании переменной V , к которой относится выражение X (Vertulani 1990, 180).

Эти выражения (КС. — А.К.) обозначают, для какого количества предметов выполняется высказывание, произносимое после них (Grzegorzczuk 1975, 25; см. также: Karolak 1986, 65).

Общим недостатком определений этого ряда является то, что они не позволяют различать единицы семантически нетождественных подклассов категории количества, прежде всего — КС и числительные.

Как считает М. Лакова (Lakowa (1987, 102), смысл квантификации состоит в том, что из ограниченного или неограниченного множества объектов выбирается один или все объекты, которым

с помощью предиката приписывается некоторое свойство. Однако, во-первых, высказывание здесь отождествляется с предикатом, а во-вторых, объем категории квантификации неоправданно ограничивается только всеобщностью и единичностью — из рассмотрения исключаются маркеры относительной квантификации, например, такие, как местоимение *некоторые*.

В концепции, которую предлагает С. Кароляк,

квантор обозначает множество индивидных предметов, к которым в соответствии с истиной можно произносить данный предикат, или множество значений аргументной переменной, для которых предикат выполняется (Karolak 1986, 66; см. также: 1989, 22).

Помимо неприемлемого отождествления предиката и высказывания, Кароляк, как и А. Вежбицкая (Wierzbicka 1969, 126), трактует квантификацию как метаязыковой предикат. Так, высказывание

(68) *Все дети пошли в кино*

в соответствии с данным подходом получит интерпретацию: 'Предикат *пойти* может быть при условии истинности произнесен по отношению ко всему множеству детей'. Подобные интерпретации носят, однако, чисто «технический» характер и могут быть использованы лишь как металингвистическое средство представления языкового материала. Объективное языковое сознание не оперирует концептами типа «предикат» или «произносится при условии истинности» — сами эти понятия и соответствующие им термины могут быть носителем языка неизвестны и даже недоступны.

Вторым существенным недостатком определения Кароляка и многих подобных является заимствованная из логики экспансия признака истинностного значения: денотативный статус высказывания признается только тогда, когда оно обладает значением истины или лжи. Это положение применительно к естественному языку представляется ошибочным. Истина/ложь являются лишь фрагментом семантической структуры высказывания-констатива (декларативного высказывания), а именно — составляют категорию эпистемической модальности. Высказывания с аргументами в референтном значении могут быть лишены истинностного значения, если они функционируют в качестве перформативов, ср.

(69) *Руки вверх!*

Такие высказывания могут содержать также КС, например:

(70) *Все поднимите руки вверх!*

Одно из наиболее точных определений квантификации, с нашей точки зрения, предложил С. А. Крылов (1984, 124 ссл.). В его концепции кванторная семантика состоит в установлении отношения актуального множества, о котором сообщается в высказывании, и исходного множества объектов, характеризующегося перманентной или окказиональной известностью для коммуникантов. Вместе с тем автор не уделил внимания именно количественной стороне этого отношения, а ведь множества могут быть сопоставлены как по содержанию, так и по объему. Автор выделяет три типа отношений актуального и исходного множеств: сужение, отождествление и расширение, — однако комментирует и иллюстрирует только первое из них (1984, 140-141). Если сужение может рассматриваться как тип представления относительной квантификации, то отождествление и расширение, с нашей точки зрения, лишены корреляций с кванторной семантикой. Так, абсолютная квантификация основана на отношении исходного множества к референтному, а не актуальному (см. далее), ср.:

(71) *Все дети Ивана — музыканты*

где общекванторная семантика устанавливает равенство объемов множеств {дети Ивана} и {дети Ивана, которые являются музыкантами}. Поскольку исходное множество в сфере квантификации выступает экзистенциальной нормой референтного множества, а относительный объем референтного множества, маркируемый КС, не превышает этой нормы, то выделяемое Крыловым отношение расширения также оказывается за пределами собственно кванторной семантики (впрочем, из-за отсутствия примеров трудно судить, какой конкретный смысл вкладывал автор в понятие расширения).

Из высказанных здесь замечаний вытекает, что квантификация нуждается в новом лингвистическом определении. С одной стороны, это определение должно учитывать ту общую семантическую основу, которая характеризует квантификацию в логике и в естественном языке; с другой стороны, необходимо отразить и те «сокровенные» языковые свойства КС, которые проявляются в речевом материале, но отсутствуют в системах логической семантики.

КС выполняют в структуре высказывания семантическую функцию, которую нельзя представить без анализа ее синтагматического контекста. Этот контекст составляют синтаксическая (пропозитивная), дескриптивная, референтная (денотативная) и детерминативная функции. Определим их с помощью формального языка логики предикатов.

Синтаксическая функция аргумента (семантическая функция в узком значении):

$$x = f_1 P \quad (7)$$

Синтаксическая функция, контрагентом которой является предикат, обуславливает место аргумента в пропозиции:

$$P(x) \quad (8)$$

что означает: 'Предмет x обладает свойством P '. Дескриптивная функция аргумента:

$$x = f_2 (P(x)) \quad (9)$$

Эта функция, контрагентом которой является открытая пропозиция, характеризует аргумент посредством его отнесения к некоторому виртуальному онтологическому классу, ассоциирует его с понятием, представлением или образом:

$$\begin{array}{l} P(x) \\ Q(x) \end{array} \quad (10)$$

где участвующий в событии с отношением P объект характеризуется как такой, который обладает свойством Q . Благодаря дескриптивной функции аргументы входят в таксономические (семантические) классы (лексико-семантические группы) — парадигматические ряды с общей тематической семантикой (Щерба 1974, 203; Караулов 1976, 36; 1981, 148-151), ср.: *сутки* — тема "Время", *город* — тема "Место", *страх* — тема "Чувство" и т.д. Словоформы одного и того же таксономического класса могут выполнять в высказывании разные синтаксические функции, что убедительно показал Helbig (1992, 164-165). Ср. высказывания, в которых существительные одного и того же таксономического класса ("Место") обозначают различные типы аргументов:

- (72) *Der Zug fuhr nach München* (Поезд уехал в Мюнхен) — директив.
(73) *Die Bomben zerstörten die Stadt* (Бомбы разрушили город) — пациентив.
(74) *Helmut arbeitet in München* (Гельмут работает в Мюнхене) — локатив.

Независимость семантико-синтаксических функций словоформ от их принадлежности к таксономическому классу, однако, лишь относительна — эти семантические признаки в определенной степени взаимосогласованы, например, агентивная синтаксическая функция коррелирует с таксономической семантикой одушевленности (Гак 1972, 375). Ограничения, которые накладываются в высказывании на таксономические характеристики аргументов, называются их селективными признаками (Міхневіч 1976, 130 ссл.; Богданов, 1983, 7; Topolińska 1984, 53). Нарушение селективных правил построения высказывания обусловлено либо метафорическим употреблением отдельных словоформ (Богданов 1977, 75; Макапетян 1990, 24-25), либо изменением онтологического дискурса (Киклевич 1992g, 43-46; Киклевич 1993d, 17-18).

Дескриптивная функция обуславливает потенциальную истинность высказывания. Ср. выражения:

- (75) *Нечто обладает каким-то свойством.*
(76) *Железо электропроводно.*
(77) *Фарфор электропроводен.*

В первом предложении аргумент (как и предикат) дескриптивно не определен, поэтому высказывание не может быть ни истинным, ни ложным — отсутствует возможный мир, с которым оно могло бы быть потенциально соотнесено. Второе и третье высказывания обладают истинностным значением (одно — истиной, другое — ложью), потому что их аргументы содержат указание на определенный таксономический класс одного из возможных миров (физической реальности). Проблема истинностного значения в высказываниях с дескриптивными аргументами зависит только от того, способен ли субъект идентифицировать таксономический класс и найти тот возможный мир, с которым соотносимо высказывание, но само существование такого возможного мира уже предусматривается дескриптивной функцией.

Лексемы *полный* и *пустой*, несмотря на семантическое сходство с КС типа *весь* и типа *ничто*, выполняют именно дескриптивную функцию и в семантической структуре высказывания могут быть

представлены как включенные предикаты (в традиционной терминологии их можно характеризовать как качественные атрибуты), ср.:

(78) *Девушка принесла полное ведро воды = 'Девушка принесла воду, которая находилась в ведре, которое было полным'.*

Референтная функция аргумента:

$$x = f_3 \left(\begin{array}{l} P(x) \\ Q(x) \end{array} \right) \quad (11)$$

Эта функция, контрагентом которой является открытая пропозиция с дескриптивным аргументом, определяет денотативный статус аргумента. Если дескриптивная функция обуславливает потенциальную истинность высказывания, то от референтной зависит то, какой именно характер будет иметь истинностное значение. В высказываниях с нереферентными терминами реализуется *аналитическая истина*, которая основывается на логических связях, в частности, на содержании пропозициональных связок (логических союзов), как, например, в выражении

(79) *Кит — млекопитающее*

которое можно трансформировать в виде импликации: 'Если предмет является китом, то он является млекопитающим'. Высказывания с нереферентными аргументами отражены в следующей формуле:

$$P(x) = Q(x) \rightarrow P(x) \quad (12)$$

В высказываниях с референтными именными группами реализуется *синтетическая истинность*, которая основана на эмпирической соотнесенности высказывания с конкретной ситуацией и конкретными, индивидуализированными объектами. Такая истинность достигается в результате актуализации высказывания и его аргументов, ср. формулу (13), где [A] — актуализатор:

$$\begin{array}{l} P(x) \\ Q(x) \\ [A](x) \end{array} \quad (13)$$

Формула читается: ‘ x , который обладает свойством Q , такой который индивидуализирован (соотнесен с референтной рамкой говорящего), обладает свойством P ’.

Детерминативная функция аргумента:

$$x = f_4 \left(\begin{matrix} P(x) \\ Q(x) \\ [A](x) \end{matrix} \right) \quad (14)$$

Для символов подмножеств (и единичных объектов) эта функция устанавливает конкретное значение актуализирующего предиката (условно говоря — раскрывает в формуле квадратные скобки). Если аргумент включен с референтную рамку говорящего, т.е. коммуникативно, энциклопедически или ситуативно известен ему, то он обладает семантикой определенности (можно говорить о референтных определенных аргументах):

$$x = f_4 \left(\begin{matrix} P(x) \\ Q(x) \\ A(x) \end{matrix} \right) \quad (15)$$

Примером такого аргумента является словоформа *преступники* в высказывании

(80) *Эти преступники разоблачены.*

Другой подкласс актуализаторов, который выделяется благодаря детерминативной функции, обозначает неизвестность объекта одному из участников коммуникативного акта, ср.:

(81) *Приходила какая-то женщина.*

Актуализатор *какая-то*, с одной стороны, указывает на то, что речь идет о подмножестве женщин (собственно, о подмножестве, состоящем из одного элемента). Это — референтная часть семантики данного неопределенного местоимения. С другой стороны, *какая-то* обозначает неспособность речевого субъекта идентифицировать это подмножество — ничего более того, что упомянутый объект принадлежит к классу женщин, он сообщить не может. Это — детерминативная часть лексического содержания данного местоимения. Выска-

звания с неопределенными референтными аргументами обобщены в формуле:

$$x = f_4 (P(x) \quad (16) \\ Q(x) \\ \neg A(x))$$

Значение неопределенности реализуется также в тех случаях, когда идентификатор подмножества или единичного референта именной группы вообще отсутствует, как, например, в высказывании

(82) *За домом был сад*

где словоформа *за домом* характеризуется коммуникативной определенностью, а словоформа *сад* — неопределенностью, ср. трансформацию: 'То, что находилось за домом, был сад'.

В случае генерической определенности имеется ссылка на множество предметов, обладающих заданным свойством, т.е. детерминативная функция в данном случае совпадает с дескриптивной:

$$P(x) = P(x) \quad (17) \\ Q(x) \quad x \in M = \{x \mid Q(x)\}$$

Формула означает: 'x-ы, такие, которые относятся к множеству предметов, которые обладают свойством Q, обладают свойством P'.

К в а н т о р н а я ф у н к ц и я а р г у м е н т а, контрагентом которой является открытая пропозиция с определенным аргументом, состоит в уточнении информации об идентифицированном множестве или подмножестве индивидов, которые являются участниками описываемого события. Например, в высказывании

(83) *В наши дни редко кому удастся придумать новую и интересную математическую игру*

КС *редко кому* используется для количественной конкретизации значения аргумента *живущие в наше время люди, которым удастся придумать новую и интересную математическую игру*. В целом же данное высказывание означает: 'Существуют люди, которые живут в наше время, такие, которым удастся придумать новую и интересную математическую игру, и количество таких людей мало'.

Кванторной функцией обладают генерические или конкретно-референтные аргументы. В первом случае она может быть представлена так:

$$\begin{aligned} x = f_5 (P(x)) \\ x \in M = \{x \mid Q(x)\}. \end{aligned} \quad (18)$$

Например, в высказывании

(84) *Все люди ошибаются*

квантор ограничивает предметную область, совпадающую с генерическим множеством людей: 'Все такие, которые являются людьми, ошибаются'. Применительно к аргументам с конкретно-референтным значением кванторная функция может быть представлена так:

$$\begin{aligned} x = f_5 (P(x)) \\ Q(x) \\ A(x) \end{aligned} \quad (19)$$

Итак, для реализации кванторной функции необходимо, чтобы аргумент высказывания был определен в синтаксическом, дескриптивном, референтном и детерминативном аспектах, т.е. КС применяются к аргументам с фиксированным отношением к конкретному предикату, конкретному таксономическому классу и конкретной определенной индивидуальной группе.

Сущность квантификации, таким образом, заключается в том, что она уточняет референциальную характеристику аргумента высказывания посредством указания на относительный объем обозначаемого им множества индивидов, в котором оно участвует в ситуации, описываемой высказыванием. Если под термином Тарского «выполнение высказывания» понимать его употребление в качестве констатива или перформатива, то квантификацию можно определить и как категорию слов, которые ограничивают тот объем множественного референта определенного аргумента, по отношению к которому высказывание выполняется как констатив или перформатив.

Значение категории квантификации имеет и градуальный аспект. С этой точки зрения кванторная семантика может быть определена как количественная степень участия соотносимого с аргументом множества индивидов одного из возможных миров в ситуации, описываемой высказыванием.

Мы установили, что КС выполняют функцию особых референциальных операторов, а именно — операторов количественной определенности множественных аргументов. Предстоит, однако, уточнить, в чем заключается семантическая специфика таких операторов, а также тот способ, которым КС достигают ограничения актуализованной предметной области. Для решения этой задачи будет использована теоретико-множественная модель.

В содержании высказывания с КС можно выделить три типа множеств:

1. исходное множество (M_1) — известная говорящему совокупность индивидов, содержание которой совпадает со значением связанного аргумента. Так, в высказывании *Некоторые жесты при рукопожатии нежелательны* имеется исходное множество {жесты};
2. актуальное множество (M_2) — класс индивидов, содержание которого определено посредством указания на его участие в ситуации, ср. {то, что нежелательно при рукопожатии};
3. референтное множество (M_3) — результат объединения содержаний исходного и актуального множеств, ср. {жесты, которые нежелательны при рукопожатии}.

В качестве количественных определителей КС применяются к референтным множествам, но по характеру конкретизации их объема КС существенно отличаются от других количественных определителей — числительных и фреквентивных слов. Числительные сопоставляют объем референтного множества с объемом эталонного множества. Так, высказывание

(85) *Двое студентов в нашей группе — спортсмены*

может быть интерпретировано как ‘Количество студентов нашей группы, которые являются спортсменами, равно эталонному множеству из двух элементов’. Фреквентивные слова характеризуют объем референтного множества с точки зрения его соответствия некоторой ситуативной норме; например, высказывание

(86) *В нашей группе мало спортсменов*

можно представить в трансформации ‘Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются

спортсменами, невелико, т.е. меньше ожидаемой нормы'. КС определяют референтное множество посредством сопоставления его объема с объемом исходного множества. Так, в одной из известных работ указывается, что КС «показывают, какую часть от общего количества членов совокупности составляет количество участвующих в событии объектов» (Селиверстова 1964, 80). Т. В. Бульгина и А. Д. Шмелев трактуют квантификацию как категорию количественной оценки множества, которая определяет «количественное соотношение референта именной группы с «исходным» («объемлющим») множеством» (1988а, 5; см. также: Труб 1990, 195).

Характер этого «количественного соотношения» для разных подклассов КС, однако, варьируется — это касается и содержания операторов сопоставления, и его участников. Для одного типа кванторной семантики, который в дальнейшем будет определен как синтетическая квантификация, оператор количественного сравнения имеет значения 'равняться' или 'не равняться', а в качестве элементов количественного отношения выступают исходное и референтное множества. Функция КС в этих случаях состоит в указании на то, совпадает или не совпадает объем референтного множества с объемом исходного. Ср.:

- (87) *Все студенты нашей группы — спортсмены* = 'Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, равен объему множества предметов, которые являются студентами нашей группы'.
- (88) *Только некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = 'Объем множества предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, не равен объему множества предметов, которые являются студентами нашей группы'.

В тех случаях, когда реализуется иной тип кванторного значения, в дальнейшем именуемый аналитической квантификацией, КС функционируют как операторы со значениями 'пересекаться' и 'не пересекаться', которые характеризуют отношения исходного и актуального множеств. Ср.:

- (89) *По крайней мере некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = 'Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, и множество предметов, которые являются спортсменами, пересекаются, т.е. имеют общие элементы'.
- (90) *Ни один студент нашей группы не является спортсменом* = 'Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, и множество

предметов, которые являются спортсменами, не пересекаются, т.е. не имеют общих элементов’.

Поскольку референтное множество само по себе является результатом пересечения объемов исходного и актуального множеств, то при аналитической квантификации фактически определяется, является оно пустым или не пустым, ср.:

- (91) *По крайней мере некоторые студенты нашей группы — спортсмены* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, не пусто’.
- (92) *Ни один студент нашей группы не является спортсменом* = ‘Множество предметов, которые являются студентами нашей группы, таких, которые являются спортсменами, пусто’.

Таким образом, кванторная семантика указывает на ту часть исходного множества, которая актуализирована в ситуации. Например, высказывание

- (93) *Все эти квартиры проданы*

можно истолковать как ‘Для всех предметов, которые являются квартирами, такими, которые известны говорящему, верно, что они проданы’, что отражает формула:

$$\begin{array}{l} \forall x Q(x) \\ P(x) \\ A(x) \end{array} \quad (20)$$

Поскольку наличие свойств у объектов обуславливает их принадлежность к классам (в логике свойства отождествляются с классами), то это же выражение можно интерпретировать с помощью понятия множества: ‘Для всех известных говорящему предметов, которые принадлежат к множеству квартир, верно, что они принадлежат также к множеству проданных предметов’:

$$\begin{array}{l} \forall x \quad x \in M_2 \\ x \in M_1 \quad M_2 = \{x \mid Q(x)\}. \\ M_1 = \{x \mid P(x)\} \end{array} \quad (21)$$

Приведенные выше предикатные формулы отражают семантическую бивалентность КС в естественном языке: их ре-

лизация обязательно учитывает виртуальную и актуальную информацию о множестве. Это дает основание квалифицировать кванторную функцию в семантической структуре высказывания как регулятор отношений исходного и актуального множеств:

$$x = f(M_n R M_m) \quad (22)$$

Категориальное свойство семантической бивалентности КС является важным дифференциальным признаком этого класса лексических единиц. Семантическая бивалентность не позволяет употреблять кванторную семантику в качестве предикативного признака — КС реализуются как определители аргументов только в контексте уже актуализованных предикатов. Числительные, количественные (фреквентивные) наречия и количественные существительные этой бивалентности лишены, что позволяет употреблять такие слова в качестве предикатов (именных частей составных сказуемых), например:

- (94) *Их было четверо.*
- (95) *Их было много.*
- (96) *Их была тьма.*
- (97) **Они были многие.*
- (98) **Они были все.*

1.1.3. Дистрибутивные свойства квантификации

В естественном языке квантификация реализуется при выполнении ряда синтагматических и трансформационных условий, которые зависят от содержательных характеристик связанных кванторами аргументов. В качестве категориальных свойств КС далее будут рассмотрены: 1) экзистенциальность; 2) множественность; 3) аддитивность; 4) факультативность; 5) дескриптивность; 6) определенность.

1.1.3.1. Условие экзистенциальности

Одно из важнейших свойств всех количественных слов естественного языка, включая квантификацию, — условие экзистенциальности, которое состоит в том, что предметная область связанной переменной не должна быть пустой (Brykczyński 1990, 213; Reis 1977, 132; Weiss 1977, 242). Это означает, что связанный аргу-

мент обязательно выступает в качестве субъекта экзистенциальной пресуппозиции или, как пишет Я. Хинтика (1981, 47), пустые термы исключены из рассмотрения, ср.:

(99) *В некоторых мифах овца выступает как искупительная жертва, пресуппозиция Существуют мифы.*

Характеризация объекта может включать указание на то, что́ они есть, и на то, что они ёсть (Слинин/Сергеев 1979, 86). Условие экзистенциальности в выражениях с КС обусловлено номинативной природой высказывания: пропозиция, составляющая семантический каркас высказывания, представляет собой функцию, устанавливающую «соответствие между предметами некоторой предметной области, для которой она имеет смысл, и истиной или ложью» (Горский 1962, 72). Из этого определения вытекает существование «предметов некоторой предметной области», для которой высказывание имеет смысл. Экзистенциальная пресуппозиция осуществляет презентацию онтологического «меню», ориентирует высказывание относительно конкретного возможного мира.

К особенностям реализации свойства экзистенциальности в естественном языке следует отнести то, что в высказываниях с квантором существования экзистенциальный глагол дублируется в ассерции и пресуппозиции, ср.:

(100) *Существуют нерадивые студенты, пресуппозиция Существуют студенты.*

Однако его семантико-синтаксический статус различен. Во-первых, экзистенциальный глагол выполняет кванторную функцию и может быть заменен квантором другого грамматического типа (см. (Селиверстова 1988, 104; Karolak 1990, 108)), например:

(101) *Некоторые студенты нерадивы.*

В этом случае, отмечает Х. Ч. Паде (1985, 20), часть противопоставляется целому. Во-вторых, экзистенциальный глагол может выполнять также функцию бытийного предиката (Аругюнова/Ширяев 1983, 28-30) и тогда замены на КС не допускает, ср.:

(102) **Некоторые студенты.*

Если высказывание имеет несколько экзистенциальных пресуппозиций и в их содержании дублируются общие элементы, то проквантифицирован может быть каждый из экзистентов, однако многократная квантификация (во избежание тавтологии) здесь нежелательна. Особенность данных выражений заключается в том, что варианты высказывания с квантификацией разных аргументов (например, агента и темпоратива) оказываются семантически сходными. На явления этого типа обратила внимание Р. Гжегорчикова (Grzegorzczkova 1987, 137). Ср. (ее пример): выражения

(103) *Ciało puszczone spada zawsze na dół*

(104) *Każde puszczone ciało spada na dół*

являются результатом применения КС к аргументам высказывания

(105) *Puszczone ciało spada na dół*, пресуппозиция *Istnieją puszczone ciała u Istnieją odcinki czasu, kiedy się puszcza ciało.*

Высказывание с темпоративным квантором

(106) *Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином...* (Н. Гоголь)

может быть преобразовано в высказывание с субстанциональным квантором

(107) *Все дома были с мезонином.*

Отношение экзистенциальных пресуппозиций, как, впрочем, и всех других, к истине/лжи особое: в рамках данного онтологического дискурса они обладают «вечной» истинностью, которая не изменяется в зависимости от истинностного значения ассертивной части. Кроме этого, экзистенциальные пресуппозиции обладают также элементом субъективной истины — уверенностью говорящего в верности предпосылок сообщения. Анализ специальных эпистемических предикатов (пропозициональных установок), инкорпорируемых в экзистенциальные пресуппозиции выражений с КС, проведен нами в работе (Киклевич 1994b, 101-104).

Требование истинности пресуппозиций (включая экзистенциальные) выполняется не всегда, например, в высказываниях, на которые (хотя и в несколько ином аспекте) обратил внимание В. А. Ицкович (1982, 54-55; см. также: Апресян 1990, 39-42; Бэбби 1985, 468;

Филлмор 1988, 88-89; Birkenmaier 1979, 122 ссл.; Růžička 1981, 4 ссл.). Ср. выражения:

- (108) *Сток талых вод не наблюдался*, пресуппозиция *Был сток вод*.
 (109) *Стока вод не наблюдалось*, пресуппозиция *Стока вод не было*.
 (110) *Мороз не чувствовался*, пресуппозиция *Мороз был*.
 (111) *Мороза не чувствовалось*, пресуппозиция *Мороза не было*.

С логической точки зрения пресуппозиции являются консеквентами импликации

- (112) *Если сток вод наблюдался, то сток вод был*.

При этом отношения между антецедентом и консеквентом соответствуют стандартным импликативным формулам логики высказываний:

$$p \rightarrow q \quad (23)$$

$$\neg p \rightarrow q \vee \neg q \quad (24)$$

$$\neg q \rightarrow \neg p \quad (25)$$

$$q \rightarrow p \vee \neg p \quad (26)$$

Ср. языковые иллюстрации:

- (113) *Сток вод наблюдался* $\rightarrow$ *Сток вод был*.
 (114) *Стока вод не наблюдался* $\rightarrow$ *Сток вод был или стока вод не было*.
 (115) *Стока вод не было* $\rightarrow$ *Сток вод не наблюдался*.
 (116) *Сток вод был* $\rightarrow$ *Сток вод наблюдался или не наблюдался*.

Истинная пресуппозиция *Сток вод был* является предпосылкой совокупности возможных миров, в том числе и альтернативных ($p \vee \neg p$). Ложная пресуппозиция *Стока вод не было* — это, собственно, уже не пресуппозиция, а условие, при котором определенное событие не наступает:

- (117) *Стока вод не наблюдалось* = ‘Сток вод не наблюдался, потому что его не было’.

В зависимости от наличия/отсутствия отрицания в пресуппозитивной части высказывания меняется обоснование ложности его асертивной части, ср.:

(118) *Мы не видели там ни одного фонаря, пресуппозиция Там были фонари.*

(119) *Мы не видели там ни одного фонаря, потому что там не было ни одного фонаря.*

В первом случае ложность высказывания обусловлена субъективными, а во втором — объективными факторами (подробнее см. в работе: Киклевич 1994b, 106-109), ср.:

(120) *Несмотря на то, что там были фонари, мы их не видели.*

(121) *Поскольку фонарей там объективно не было, мы их не видели и не могли видеть.*

КС дифференцируются в зависимости от контекста истинной или ложной пресуппозиции. Ср. высказывания

(122) *Мы не увидели всех горящих там фонарей.*

(123) *Мы не увидели ни одного горящего там фонаря.*

Первое выражение содержит истинную пресуппозицию *Там были горящие фонари*, а второе — ложную пресуппозицию *Там не было горящих фонарей*. Возможностью актуализации в высказываниях с отрицанием при ложности экзистенциальной пресуппозиции характеризуются только отрицательные местоимения, хотя ложная пресуппозиция не является обязательным условием их употребления, ср.

(124) *Мы не увидели ни одного из горящих там фонарей, пресуппозиция Там были горящие фонари.*

1.1.3.2. Условие множественности

КС применяются только к аргументам, которые обозначают множества индивидов (Селиверстова 1964, 80), и в этом заключается их дистрибутивное свойство множественности. Так, в высказывании

(125) *Принесите кто-нибудь воды*

предполагается, что адресатом является группа лиц. При несоблюдении этого условия употребление высказывания считается некорректным:

- (126) — *Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.*
— *Да ведь на твоей планете больше и нет никого!* (А. Экзюпери).

В современной лингвистической семантике, однако, распространен другой подход, при котором оппозиция единичных — множественных аргументов подменяется оппозицией единичных и общих терминов. Так, в польских и болгарских высказываниях

- (127) *Jakiś chłopiec pyta już drugi raz, gdzie jest Anna*
(128) *On zobaczył pewną kobietę w czarnej sukni*
(129) *Тя няма никакъв талант*
(130) *Утре ще се срещна с един адвокат*

усматривается квантификация аргументов *chłopiec, kobieta, адвокат, талант* (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 91). Ю. С. Степанов интерпретирует высказывание

- (131) *Некоторые студенты — философы*

как ‘Существует такой x , что x является как студентом, так и философом’ (1981, 170-171), при этом, однако, не учитывая, что квантифицируемый аргумент имеет множественный характер, т.е. количество x -ов, являющихся студентами и философами, больше одного.

Данный подход может быть объяснен тем, что свойства и множества в логике не различаются, поэтому дескрипция ошибочно отождествляется с множеством.

Лишенное связи с множеством, КС может использоваться как оператор неопределенности, например, местоимение *jakiś* в высказывании

- (132) *Jakiś chłopiec pyta już drugi raz, gdzie jest Anna*

в котором Р. Гжегорчикова усматривает относительную квантификацию (Grzegorzczukowa 1976, 195).

Структурным критерием разграничения КС и маркеров качественной определенности/неопределенности аргументов является тест на отрицание: поскольку малый квантор является отрицанием большого и наоборот, то квантификация в высказывании может фиксироваться только тогда, когда, во-первых, ее форма до-

пускает отрицание и, во-вторых, при отрицании сохраняется категориальная кванторная семантика. Ср.:

(133) *Nieprawda, że Anna zna osobiście przynajmniej niektórych pracowników biura — Anna osobiście nie zna nikogo z pracowników biura.*

(134) *Nieprawda, że o to pyta jakiś chłopiec — o to pyta pijany sąsiad.*

В первом случае в высказывании выражается кванторная семантика, а во втором случае в содержании высказывания кванторного значения нет.

Для того, чтобы в семантическом представлении высказываний с квантификацией формулами логики предикатов выделить дескрипции, которые выступают в качестве общего характеристического свойства исходного множества, мы используем символическое выражение $\{x \mid P(x)\}$ со значением ‘множество x -ов, таких, которые обладают свойством P ’, например:

$$\begin{array}{l} \forall x Q(x) \\ x \in M = \{x \mid P(x)\} \end{array} \quad (27)$$

На объективный характер условия множественности указывает и «отрицательный» материал — сочетаемость КС с единичными аргументами приводит к семантической деривации КС, т.е. к изменению их категориальной семантики (Падучева 1985, 210), например:

(135) *Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет* (Н. Гоголь).

Здесь КС *никакой* в сочетании с единичным аргументом (именем собственным) употребляется в значении оператора категоричности. Количество переносных значений КС в формах единственного числа значительно превышает количество аналогичных значений форм множественного числа.

В выражениях с глаголами *переболеть*, *перебраниться*, *перебывать* и т.п., как указывает Ю. Д. Апресян (1974, 85), содержится кванторное значение, однако только в том случае, если подразумевается множественный аргумент — в противном случае происходит «зачеркивание» семантики глагола:

(136) **Он перебивал в Москве.*

1.1.3.3. Условие факультативности

Будучи единственным средством конкретизации значения переменной в логике предикатов, кванторы выполняют функцию оператора истинностного значения высказывания и, поскольку логическое высказывание обязательно характеризуется истиной или ложью, являются облигаторными компонентами логических выражений. В формулах с многоместными предикатами требуется, чтобы каждая переменная была связанной (проквантифицированной). Квантификация всех имеющихся в высказывании с многоместным предикатом аргументов называется многократной (Гаргов 1987, 456; Кинэн 1982, 244; Лакофф 1981, 313; Макколи 1983, 182; Чарняк 1983, 178; Dörpke 1985, 138; Lyons 1984, 153; Nozsiscka 1988, 133 ссл.; Stanosz 1985, 43 ссл.).

Это положение математической логики механически переносится некоторыми лингвистами и в область естественного языка. Его можно сформулировать так: в каждом высказывании с общими именами выражается квантификация (Dörpke 1985, 126; Grzegorzczukowa 1973, 84; 1976, 195; Slavsa 1975, 73).

Однако естественный язык не укладывается в эту схему, потому что отнюдь не каждое употребление аргумента сопровождается употреблением КС. В высказывании

(137) *Покупки Чичикова сделались предметом разговора* (Н. Гоголь)

отсутствует количественная конкретизация множественного аргумента *покупки* — это высказывание неверно было бы интерпретировать как

(138) *Все покупки Чичикова сделались предметом разговора.*

(139) *Некоторые покупки Чичикова сделались предметом разговора.*

Аргументы *Чичиков, предмет, разговор* не проквантифицированы как не имеющие множественного статуса. Ср. также отрезок текста, в котором только один из аргументов (*острова*) проквантифицирован:

(140) *Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они были нам близки. Они, наверное, пели. И песни их были слышны за озером и по всем островам. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около них двигались темные точки толпы. Воды, бурные днем, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике носились по озеру силуэты челнов* (Н. Рерих, «О старине моления»).

Чтобы включить подобные (кстати сказать, многочисленные) языковые факты в общую семантическую парадигму, некоторые исследователи вводят понятие «скрытой» («невыраженной»), квантификации (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 33-35). Существительное, таким образом, оказывается «обреченным» на квантификацию.

В идее криптоквантификации есть, конечно, рациональное зерно: квантификация, как и другие семантические категории языка, может быть выражена имплицитно, т.е. вытекать из семантических отношений между компонентами высказывания, а также из содержания, имеющегося в контексте. Так, в высказывании

(141) *Соседство этой женщины возбуждало во мне беспокойство совершенно напрасное*

которому в тексте предшествует:

(142) *Кресло мое приходилось рядом с ложей первого яруса, в которой помещалась девица, предъявлявшая такое изобилие телесных форм, которое невольным образом отвлекало меня от представления (М. Е. Салтыков-Щедрин)*

квантификацию выделять нельзя, потому что ни один из имеющихся аргументов не имеет множественного характера. Однако если намеренно изменить контекст и модифицировать семантическую структуру высказывания, то в ней появится элемент темпоральной квантификации, например:

(143) *В пансионате моей соседкой по этажу была девица, предъявлявшая такое изобилие телесных форм, которое невольным образом отвлекало меня от работы. Соседство этой женщины возбуждало во мне беспокойство; ср.: Соседство этой женщины всегда/постоянно (пока я жил в пансионате) возбуждало во мне беспокойство.*

Условие факкультативности при реализации КС заключается в том, что квантификация в естественном языке не принадлежит к числу грамматических категорий, которые должны быть с необходимостью выражены в речи — ее актуализация зависит от намерения речевого субъекта.

Практически во всех случаях исследователи рассматривают только экзистенциальное значение «скрытой квантификации»

кации» (Freundlich 1972, 29; Karolak 1990, 132; Quine 1990, 125-128), например:

(144) *Петя купил книгу* = 'Существует книга, которую купил Петя'.

Такая интерпретация, однако, не является кванторной: во-первых, не выполняется условие множественности: книга, которую купил Петя, не сопоставляется с каким-либо исходным множеством книг. Во-вторых, не выполняется условие определенности (о котором речь пойдет дальше): книга, которую купил Петя, не известна корреспонденту сообщения. В-третьих, семантика квантификации не проявляется при отрицании высказывания, ср.:

(145) *Неправда, что Петя купил книгу — он купил набор открыток.*

Свойство факультативности КС проявляется также в том, что получение сведений о квантификации множества может иметь вид принуждения к уточнению отсутствующей в одной из предшествующих реплик диалога информации о количественном участии того или иного объекта (объектов) в обсуждаемом событии, ср.:

(146) — *Надо убрать снег с тротуаров.*
— *Со всех?*

Многократная квантификация в естественном языке реализуется чаще всего при условии дублирования типа количественного значения КС (полноты/неполноты, наличия/отсутствия), ср.:

- (147) *Всегда везде были камеры* (А. Солженицын).
(148) *Он всегда принимает все близко к сердцу* (В. Житинский).
(149) *My wszyscy musimy całkiem zgolić wszystko* (S. Mrozek).
(150) *Wszystko jest we wszystkim* (S. Lem).

Однотипность кванторной семантики является основанием для их введения в сочинительную конструкцию (Киклевич 1982, 86), например:

- (151) *Мы все и повсюду — не такие, какие были раньше* («Литературная газета». 11 IV 1990).
(152) *Było źle, ale nie zawsze i nie każdemu* (D. Passent).

Обязательность КС проявляется лишь в отдельных сочетаниях, например, с именными группами со значением дименсива: обозначение меры времени и пространства при этом сопровождается употреблением кванторов *весь, целый, каждый* (Золотова 1988, 153), Ср.:

- (153) *Помилуйте, у Телякова совсем нельзя останавливаться! Шум, гвалт всю ночь* (А. Чехов) — **Шум, гвалт ночь.*
(154) *И снова тишина, готовая каждую секунду испугать чем-то* (М. Горький) — **И снова тишина, готовая секунду испугать чем-то;*
(155) *...Он возил за собой чуть ли не всю войну* (А. Битов) — **Он возил за собой чуть ли не войну.*

1.1.3.4. Условие аддитивности

Условие аддитивности ограничивает актуализацию КС контекстом суммативных множеств. Для множеств этого типа характерно, что имеющееся у них общее функциональное свойство может быть экстраполировано на любое подмножество, ср.:

- (156) *Весь город сгорел.*
(157) *Пятый квартал города сгорел.*

Лингвистический смысл аддитивности в высказываниях с КС состоит в том, что они представляют собой результат семантического объединения (индуктивного обобщения, суммирования, «слияния») высказываний с аргументами, которые являются обозначениями отдельных подмножеств рассматриваемого множества, например:

- (158) *Весь город сгорел, т.е. первый квартал города сгорел, второй квартал города сгорел, третий квартал города сгорел и т.д.*

Условие аддитивности означает, что высказывания с общим и частным квантором взаимопреобразуемы, составляют бинарную парадигму, например:

- (159) *Весь город сгорел.*
(160) *Часть города сгорела.*

Данная характеристика квантификации позволяет квалифицировать ее как категорию р е л я ц и о н н о г о т и п а . Напротив, если параллелизм большого и малого кванторов невозможен, в большинстве случаев квантификация не может быть вообще актуализирована, ср:

(161) *Город называется Вена — *Весь город называется Вена — *Часть города называется Вена.*

Именно отсутствие условия аддитивности запрещает присоединение адвербиальных темпоративных КС к качественным предикатам типа *знать, любить, понимать* и т.п. (Булыгина/Шмелев 1989, 55), ср.:

(162) **Лена всегда/иногда знает английский язык.*

В высказываниях с нарушением условия аддитивности содержатся ложные пресуппозиции, поэтому высказывание не корректно, ср.:

(163) **Он снял с пальца часть кольца, пресуппозиция Невозможно снять с пальца только часть кольца.*

(164) **Иван повернул всю голову, пресуппозиция Нельзя повернуть только часть головы.*

Поскольку аддитивность и интегративность являются ф у н к ц и о н а л ь н ы м и характеристиками множества, то употребление КС связано не с конкретным списком существительных множественного числа, а с типами семантических отношений между исходным и актуальным множествами. Одно и то же множество в разных высказываниях может допускать либо не допускать возможность квантификации, ср.:

(165) *Вы испачкали все усы — *Мне нравятся все Ваши усы.*

Это же касается и лексического выбора предикатов:

(166) **Мне нравятся все Ваши усы — Мне нравятся все Ваши стихи.*

Имеются языковые факты, которые, казалось бы, противоречат свойству аддитивности КС. Ср. высказывания:

(167) *Некоторые химические элементы — металлы — *Все химические элементы — металлы;*

(168) *Все люди смертны — *Некоторые люди смертны.*

Квантификация проявляет себя в этом случае как нереляционная категория, однако квантифицируемое множество остается аддитивным. Так, высказывание

(169) *Некоторые химические элементы — металлы*

может быть получено в результате умозаключения по неполной индукции:

(170) *Если железо — металл, и алюминий — металл, и платина — металл, то некоторые химические элементы — металлы.*

Высказывания типа

(171) *Все химические элементы — металлы*

некорректны не в языковом, а в энциклопедическом аспекте — их правильность или неправильность зависит от онтологического дискурса или фрейма. Например, высказывание

(172) *Бабушка сварила весь суп*

некорректно, если имеется в виду приготовление супа из свежих натуральных ингредиентов, и, напротив, корректно, если имеется в виду приготовление супа из консервированного концентрата. Корректность высказывания

(173) *Все граждане имеют доступ к средствам массовой информации*

варьируется в зависимости от демократического или тоталитарного типа политической системы в государстве.

Таким образом, выражения с КС могут выступать в роли индикаторов возможных миров и индикаторов культур. Принципиально возможно поэтому построение кванторной модели культуры.

Одним из сопутствующих признаков условия аддитивности является объем исходного множества, ср.:

(174) *Он написал весь роман / *всю записку.*

(175) *Он прошел все 2 километра / *все два метра.*

(176) *Он прождал весь час / *всю секунду.*

Высказывание в этих случаях корректно только по отношению к множеству, объем которого субъективно оценивается как относительно большой. Например, высказывание

(177) *Он прошел все два метра*

некорректно применительно к здоровому взрослому человеку, но вполне корректно, если, например, речь идет о ребенке, который начинает ходить. Другим сопутствующим признаком свойства аддитивности является сложность объекта, ср.:

(178) *Он раскрутил весь пылесос/*все ножницы.*

При актуализации КС учитывается также однократный или многократный, мгновенный или продолжительный характер действия:

(179) **Вася случайно/вдруг порвал всю газету.*

(180) *Несколькими движениями Вася порвал всю газету на мелкие куски.*

1.1.3.5. Условие дескриптивности

Если аргумент не содержит дескриптивной функции, он не имеет полноценной лексико-семантической реализации — в этом случае аргумент выражен местоимением неизвестности или так называемым нулевым местоимением, ср.:

(181) *Я что-то нашел* = ‘Я нашел предмет, который я не могу идентифицировать’.

(182) *В дверь постучали* = ‘В дверь постучал человек, и мне не было известно, кто стучит’.

О семантических корреляциях неопределенно-личных высказываний и некоторых неопределенных местоимений см.: Бондарко 1991, 45. Применение КС к недескриптивным аргументам в естественных языках исключено, что и дает основание применительно к квантификации говорить о дистрибутивном свойстве дескриптивности. На объективный характер этого свойства квантификации указывают языковые примеры, в которых опорное существительное при КС отсутствует, что при дефиците контекстных факторов приводит к непониманию сообщения:

- (183) — *O, Mawrykij Nikolaewicz все знает, его не конфузьтесь! — Что же знает?* (Ф. Достоевский).
- (184) *Неужели все кончено?.. Что — кончено? Что — все?* (А. Битов).
- (185) — *Że co?*
— *Wszystko.*
— *Dajżeż spokój, co to znaczy wszystko?* (J. Andrzejewski).
- (186) — *Co pan oferuje ludziom, którzy chcą zorganizować kongres?*
— *Wszystko.*
— *Co to znaczy: wszystko?* („Polityka”. 1992/17).

На первый взгляд, рассматриваемое свойство КС кажется тривиальным. Целесообразность его описания объясняется принципиально иной ролью этого параметра в логической семантике.

Квантор в логике предикатов изначально вводится как оператор ограничения дескриптивно заданной предметной области, составляющей значение переменной в пропозиции, при этом исходная предметная область фиксируется в формуле, например:

$$\begin{array}{l} \forall x P(x) \\ x \in M \end{array} \quad (28)$$

Поскольку же множество в логике отождествляется с общим характеристическим признаком, то символ множества в формуле обычно заменяется символом предиката. Однако на этом логическая абстракция не заканчивается: указание на исходное множество элементов вообще редуцируется:

$$\forall x P(x) \quad (29)$$

Эта операция объясняется тем, что область значений связанной переменной при исчислении кванторов, а также в рамках других структурных отношений между ними не существенна (Rasiowa 1975, 212). В формулах типа (28) квантор применяется к недескриптивному аргументу, о котором известно только его место в пропозициональной структуре: «Запись $\forall x P(x)$ означает, что ‘всякий x обладает свойством P », — пишет В. Н. Костюк (1975, 44). С. Осуга (1989, 97-98) указывает, что истинностное значение предикатной формулы со связанными переменными можно определить и без подстановки вместо переменных единичных терминов, например, в формуле:

$$\forall x \exists y P(x, y) \quad (30)$$

Однако совершенно очевидно, что данное логическое выражение, как и его языковой аналог

(187) *Все субъекты выполняют действие P над некоторыми объектами*

даже при наличии кванторов не может быть ни констативом, ни перформативом — предметная область (множество индивидов), которая соотносится с переменными x и y и которая является контрагентом функции истинности, не задана.

В логике предикатов широко употребляются формулы с комбинированием кванторов и пропозициональных связок (Горский 1985, 90; Клини 1973, 165; Степанов 1981, 170; Dahl 1978, 95; Freundlich 1972, 31; Hall Partee 1978, 84-85; Karolak 1990, 92; Lyons 1984, 152; Schnelle 1973, 95; Wunderlich 1991, 40; Wall 1973, 100-103; Weinsberg 1983, 187):

$$\forall x P(x) \leftrightarrow \forall x P(x) \rightarrow Q(x) \quad (31)$$

$$x \in M$$

Первая часть формулы читается как ‘Для всякого x -а, такого, который обладает свойством P , верно, что он обладает свойством Q ’, а вторая часть формулы — как ‘Для всякого x -а верно, что если он обладает свойством P , то он обладает свойством Q ’. Высказывания с квантором существования интерпретируются с помощью формул, включающих оператор конъюнкции; вторая часть формулы (32) читается как ‘Существуют x -ы, которые обладают признаком P и признаком Q ’:

$$\exists x P(x) \equiv \exists x P(x) \& Q(x) \quad (32)$$

$$x \in M$$

Однако при подобном семантическом представлении выражений с КС различия между тем, что называют «областью рассуждения», и областью предикации нейтрализуются, поскольку пропозиции, соотносимые с исходным и актуальным множеством, локализуются на одном уровне семантической структуры высказывания. Формула (32) в силу симметричности конъюнкции может быть инвертирована:

$$\exists x P(x) \& Q(x) \leftrightarrow \exists x Q(x) \& P(x) \quad (33)$$

что является еще одним доказательством игнорирования логикой предикатов иерархичности семантики высказывания. На очевидность градации исходного и актуального множеств в высказывании указывают трансформации типа:

- (188) *Некоторые дети опоздали в школу — Некоторые опоздавшие в школу — дети.*
 (189) *Некоторые люди любят сидеть со скрещенными лодыжками — *Некоторые из тех, кто любит сидеть со скрещенными лодыжками, — люди.*

При инверсии исходного и актуального множеств в естественном языке либо трансформируется смысл высказывания, либо оно становится некорректным.

Семантическое представление высказываний естественного языка с помощью предикатных формул типа (28) и типа (29) справедливо критикует О. Дюкро (1982, 272).

Применение пропозициональных связок в предикатных формулах с кванторами некорректно еще и потому, что пропозициональные связки и кванторы выполняют хотя и сходные, но не одинаковые референциальные функции. Первые устанавливают истинностное значение сложного высказывания с учетом истинностных значений всех составляющих, ср. матрицу истинностных значений высказывания

- (190) *Если данный химический элемент является металлом, то он электропроводен.*

Таблица 2

	<i>электропроводен</i>	<i>не электропроводен</i>
<i>является металлом</i>	1	0
<i>не является металлом</i>	1	1

В отличие от коннекторов, кванторы актуализируются при условии, что исходное множество обязательно существует в одном из дискурсивных возможных миров, а значит, логические предпосылки квантификации иные. Так, содержание квантора *все* в высказывании *Все металлы электропроводны* не имеет ничего общего с указанием на отношение к свойству «электропроводность» элементов, не яв-

л я ю щ и х с я металлами. Матрица истинностных значений высказывания с КС имеет вид:

Таблица 3

	<i>электропроводен</i>	<i>не электропроводен</i>
<i>является металлом</i>	1	0

Поскольку кванторы рассматриваются в логике в условиях ненедескриптивных аргументов, то закономерно, что они квалифицируются как референциальные актуализаторы высказывания, или операторы истинностного значения (Осуга 1989, 97; Kotarbiński 1986, 148; Rasiowa 1975, 211; Ziemiński 1987, 59). Эту точку зрения некоторые лингвисты необоснованно экстраполируют на область естественного языка (Падучева 1985, 134; Karolak 1989, 13). Так, П. Сгалл считает, что чешское высказывание

(191) *Mladý člověk došel včera do města*

не имеет истинностного значения, а высказывание

(192) *Každý mladý člověk se musí učit u starších*

обладает им именно благодаря употреблению КС (Sgall 1986, 74-75). В данной работе принимается другая точка зрения, согласно которой кванторы естественного языка нельзя квалифицировать как операторы истинностного значения высказывания, поскольку, во-первых, истинностное значение в естественном языке не является единственным показателем референтности, а во-вторых, КС не является гарантом применимости высказывания к конкретной ситуации, если предметная область связанного аргумента заранее не известна носителю языка. Приведенное чешское высказывание с КС содержит дескрипцию *mladý člověk*, которая соотносит аргумент с определенным таксономическим рядом, известным говорящему. Если заменить эту дескрипцию, например, символом *x*, то даже квантор будет бессилен спасти высказывание от неопределенности:

(193) *Každý x se musí učit u starších.*

Заданность исходного множества как условие введения квантора предусматривается в некоторых концепциях современной логики. Это множество называется «областью рассуждения» (Павилёнис 1975, 100), «предметной областью выбора» (Белнап/Стил 1981, 105), «областью поиска» (Хинтиikka 1980, 281), «интересующей нас областью» (Гладкий/Дрейзин 1983, 130), «исходным множеством» (Булыгина/Шмелев 1988а, 5-6). Актуализация области рассуждения является также условием употребления вопросительных (Рахилина 1990, 29) и других типов местоимений.

В теории кванторов Я. Хинтиikka высказывание, содержащее семантику квантификации, без уточнения предметной области понять нельзя (см. 1981, 261), ср.:

(194) **Существуют стулья.*

Если переменная не определена, то выражение с квантором не имеет истинностного значения, подчеркивает Д. Скотт (1981, 288 ссл.). Если же выделить в предметной области D некоторые «точки соотнесения» (эти «точки соотнесения» называются также возможными мирами), то высказывание получит истинностное значение применительно к этим точкам.

В теоретико-игровой семантике Хинтиikka истинностное значение высказывания с квантором устанавливается в процессе диалога Субъекта с Природой. Задача Субъекта состоит в том, чтобы для выражения

$$\begin{array}{l} \forall x P(x) \\ x \in D \end{array} \quad (34)$$

доказать истинность множества подстановочных примеров $P(a)$, $P(b)$, $P(c)$ и т.д. благодаря наличию известной ему индивидуальной области $D = \{a, b, c... n\}$, которая включает значения переменной x (1981, 281 ссл.). Подобную методику описания квантификации предлагают также другие исследователи (Асанидзе 1981, 37; Белнап/Стил 1981, 105; Малкольм 1981, 272).

1.1.3.6. Условие определенности

Применение квантора к аргументу в высказывании $P(x)$, указывает Ю. А. Шиханович, не зависит от x , но зависит от P и от множества x -ов. Если исходное множество не «фиксировано», то выражение $P(x)$ не является высказыванием (1965, 148). Одним из аспектов данной «фиксированности» является дескриптивная функция связанного аргумента, другим — его детерминативная функция. Условие определенности заключается в том, что квантификация актуализируется только применительно к определенным аргументам. Ср. пример:

- (195) — *Что там такое?*
— *Все мальчики дерутся*

Связанный аргумент *мальчики* является не только дескриптивно заданным («такие, которые являются мальчиками»), но и качественно определенным — имеется в виду некоторое выделенное подмножество известных говорящему мальчиков. Ср. ряд аналогичных примеров:

- (196) *...Приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам* (Н. Гоголь).
(197) *Привозная площадь была величиной с большое поле. В прежнее время по базарным дням крестьяне уставляли ее всю своими телегами* (Б. Пастернак).
(198) *Целуйтесь, никто не дрожи!* (Н. Заболоцкий).
(199) — *Всем понятно?*
— *Всем, — сказали все* (А. Платонов).
(200) *Кто-нибудь дайте ей лук* (А. Володин).
(201) *Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум* (В. Гауф).

Необходимо отметить, что определенность связанного аргумента далеко не всегда выражается с помощью специальных актуализаторов, наоборот — очень часто она обусловлена контекстом. Причем именно контекст является тем фактором, от которого зависит конкретно-референтный, а не генерический характер связанного аргумента, например:

- (202) *Иван-царевич перелез через каменную стену и прокрался в белокаменные конюшни. Все сторожа спали* (фольклор).

Выражение *все сторожа* не обозначает, конечно же, всех живших во времена Ивана-царевича сторожей, а лишь подмножество сторожей, которые находились в белокаменных конюшнях. Символ этого подмножества — аргумент *сторожа*, является определенным благодаря предупомянутости *белокаменных конюшен*. Этот же принцип лежит в основе определенности связанного аргумента *придворные* в высказывании

(203) *Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные* (Братья Гримм).

Речевые факты этого типа, при всей их, казалось бы, очевидности и бесспорности, не согласуются, однако, с основными положениями господствующей в современной лингвистической семантике доктрины. Общепринятым считается подход, согласно которому КС применяются к неопределенным аргументам. «Квантифицированными являются имена предметов, конкретное участие которых в действии нельзя определить при речевом акте», — указывает Ф. Джюсти (Giusti 1982, 4; см. также: Grzegorzczkova 1987, 133; Karolak 1990, 121; Palek 1965, 258; Weiss 1977, 242).

Данная концептуальная модель заимствована из логики, в которой кванторы применяются только к общим терминам (переменным) и которая вообще не интересуется выражениями, значение которых зависит от индивидуальных констант (Kotarbiński 1957, 147). В текстах на естественном языке как раз наоборот — подавляющее большинство высказываний имеет не качественную, а ситуативную семантику. В частности, ранее на материале корпуса выражений с сочинительной связью мы установили, что количественное соотношение ситуативных и общих высказываний приблизительно таково: 80,5 % — 19,5 % (Киклевич 1990b, 129).

В лингвистической семантике распространен подход, согласно которому КС трактуются как детерминаторы (операторы) денотативного статуса аргументов (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 21; Падучева 1985, 85; Кронгауз 1984, 107; Крылов 1984, 139; Сулейменова 1985, 78; Giusti 1982, 5; Grzegorzczkova 1987, 133; Karolak 1989, 7-9; Sgall 1986, 74). По определению Е. В. Падучевой,

актуализаторы — это те слова [...] которые превращают общее имя в актуализованную именную группу. Например, из общего имени *молодой человек* можно получить именные группы *этот молодой человек*, *все молодые люди*, *какой-нибудь молодой чело-*

век, которые либо предназначены для соотнесенности с объектом, либо имеют какой-то другой денотативный статус (1985, 85).

К лексемам, которые выражают референтный денотативный статус, относятся: 1) местоимения неизвестности, 2) слабоопределенные, 3) экзистенциальные, 4) универсальные, 5) отрицательные, 6) вопросительные местоимения. Среди нереперентных аргументов выделяются: 1) экзистенциальные, 2) универсальные, 3) атрибутивные, 4) родовые, 5) предикатные (Падучева, 1985, 90 ссл.). Нельзя не заметить противоречивости этих классификаций: экзистенциальные и универсальные местоимения относятся и к числу референтных, и к числу нереперентных операторов.

Данная трактовка неминуемо приводит к признанию функционального единства категорий квантификации и определенности (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 33; Sawicka 1978, 55). Р. Гжегорчикова даже предложила вовсе отказаться от термина и понятия «квантификация», заменив его термином «референция» (Grzegorzczukowa 1992, 273; 1995, 120-123).

Можно различать два аспекта отношения этих категорий: 1) определенность в рамках квантификации и 2) квантификация в рамках определенности.

Первый подход заключается в построении «кванторной модели определенности», а именно — в типологии кванторных значений по признакам определенности/неопределенности (Косеска-Тошева/Гаргов 1990, 33-35). В данной модели кванторному значению единичности (которое фактически не является кванторным, а рестриктивным значением) приписывается семантика определенности, а кванторным значениям экзистенциальности и универсальности — семантика неопределенности. При этом на материал естественного языка механически переносится идея Б. Рассела о нереперентности неединичных терминов. Применительно к естественному языку эта идея непродуктивна, поскольку и множественные аргументы способны обладать конкретной референцией, например: *эти шарики, мои книги*.

К недостаткам «кванторной модели определенности» следует отнести и то, что, с одной стороны, кванторы трактуются как референциальные актуализаторы высказывания, а с другой стороны, допускается, что они могут быть носителями семантики неопределенности.

«Кванторная модель определенности», далее, нерепрезентативна: ее положение о том, что в высказываниях с квантором всеобщности выражается неопределенность (см. также: Hlavsa/Svozilová 1969, 123; Ingarden 1972, 48), противоречит объективному речевому материалу, ср.:

(204) *Все поднимите руки вверх!*

Другой подход характеризуется описанием маркеров категории определенности в терминах категории квантификации. Так, в артиклевых языках артиклям приписываются значения КС (Giusti 1982, 7; Schwinn 1989, 82; Wunderlich 1991, 42). Например, в немецких высказываниях

(205) *Ein Mann schläft*

(206) *Jeder Mann, der einen Esel hat, schlägt ihn*

усматривается относительная и абсолютная квантификация, что позволяет описать их с помощью формул:

$$\begin{array}{l} \exists x Q(x) \\ \{x | P(x)\} \end{array} \quad (35)$$

где P — *ein Mann*, Q — *schlafen*;

$$\begin{array}{l} \forall x \quad \forall y R(x, y) \\ \{x | P(x)\} \{y | Q(y)\} \end{array} \quad (35)$$

где P — *ein Mann*, Q — *ein Esel, den ein Mann besetzt*, R — *schlagen*. И. И. Ревзин критиковал такой подход, считая, что артикли обладают коммуникативным, а не когнитивным значением (1978, 165).

В безартиклевых языках кванторную интерпретацию получают указательные и неопределенные местоимения. Так, Р. Гжегорчикова (Grzegorzczukowa 1976, 193) трактует указательные местоимения *tam*, *tu*, *wtedy* как маркеры единичной квантификации, аналогично поступает З. Хлавса (Hlavsa 1975, 15). Неопределенные местоимения в лингвистических работах устойчиво ассоциируются с выражением кванторной семантики экзистенциальности.

Уже в предыдущих разделах на конкретном фактическом материале мы показали, что неопределенные местоимения как носители семантики неидентифицированности объекта не имеют никакого

отношения к квантификации. Хотя следует отметить, что местоимения этого типа способны манифестировать и кванторную семантику, однако уже без значения неопределенности (Giusti 1982, 4-5). Так, в высказывании

(207) *Кто-то из сотрудников остался в лаборатории, а кто-то ушел в бизнес*

словоформа *кто-то* выполняет кванторную функцию: 'Существуют сотрудники, которые остались в лаборатории, и существуют сотрудники, которые ушли в бизнес'. Неопределенные местоимения с кванторной функцией обозначают наличие элементов исходного множества в референциальной ситуации высказывания и при негации преобразуются в отрицательные, ср.:

(208) *Неправда, что кто-то из сотрудников лаборатории ушел в бизнес ↔ Ни один из сотрудников лаборатории не ушел в бизнес.*

Недифференцированную трактовку неопределенных местоимений как экзистенциальных КС справедливо критикует Г. Врубель (Wróbel 1987, 168 ссл.). Н. Б. Мечковская указывает, что качественная неопределенность и количество референтов в системах славянских местоимений противопоставлены друг другу:

Достаточно высокая степень неопределенности предполагает и количественную неопределенность и, следовательно, плохо совмещается с указанием на количество референтов. Таким образом, дифференциация местоимений по признаку количества референтов [...] и дифференциация по признаку неопределенности в указании — это две разнонаправленные градации (1988, 390).

Предлагаемая в данной работе модель квантификации основывается на постулате, согласно которому одним из условий актуализации КС является семантика генерической или конкретно-референтной определенности связанного аргумента. Напротив, КС не могут применяться к неопределенным именованным группам. Мы следуем утверждению Ч. Морриса, согласно которому кванторы в естественных языках «указывают, какое количество из класса, определенного тем или иным характеризующим признаком, надо учитывать» (1983, 60). С различными оговорками эта идея высказывается и другими исследователями (Булыгина/Шмелев 1988а, 9; Крылов 1984, 140; Ницолова 1986, 183; Бондарко 1992, 202; Wunderlich 1991, 51; Vertulani 1990, 180). Так, высказывание

(209) *Вся соль кончилась*

корректно только при условии, что имеется в виду некоторое подмножество соли, о котором говорящему известно больше, чем только то, что это — подмножество соли. Условие определенности связанного аргумента как категориальное дистрибутивное свойство квантификации подразумевается в концепции С. А. Крылова, который рассматривает функцию КС как установление отношений между актуальным и исходным множествами объектов, причем под исходным множеством понимается

заранее известное множеством объектов (разрядка моя. — А.К.), находящихся в общем поле зрения коммуникантов и выступающее в качестве смыслового источника для мысленного построения актуального множества (1984, 140).

Автор выделяет перманентную и окказиональную известность исходного множества, при этом окказиональная известность представлена дейктической определенностью — на основе «актуального соприсутствия исходного множества в речевой ситуации», и анафорической определенностью — возникающей в результате предупомянутости референта.

Дж. Лайонз разграничивает три типа операторов: детерминаторы, квантификаторы и классификаторы (Lyons 1989, 77-78). Для детерминаторов (например, артиклей) характерна семантическая функция конкретизации отнесения именных групп к объектам, функция идентификации обозначаемых объектов. Результатом применения актуализатора к именной группе является значение определенности. Квантификаторы, которые, как подчеркивает Лайонз, ни в коем случае нельзя отождествлять с детерминаторами, выражают признаки, касающиеся объема множества или количества субстанций. Если детерминатор указывает на то, какой элемент или какое подмножество данного множества имеется в виду, то квантификатор информирует о том, к какому количеству фактов относится сообщение (1989, 79-80; см. также: Bednarek 1994, 15).

Некорректность часто встречаемого в литературе отождествления детерминаторов и КС имеет также дистрибутивно-структурное обоснование: единицы этих типов допускают параллельную актуализацию в одном и том же синтагматическом контексте, т.е. находятся в отношении контрастной дистрибуции, ср.:

- (210) *все ее статьи*
 (211) *все предшествующие события*
 (212) *всегда в это время года*
 (213) *каждый такой поступок*

Контрастная же дистрибуция, как известно, является показателем отнесенности языковых единиц к разным категориям. В. Медунка вполне обоснованно рассматривает кванторные местоимения (обобщающие, отрицательные и некоторые виды неопределенных) в одной группе, отдельно от других типов местоимений, в том числе — определительных, указательных и притяжательных (Miodunka 1974, 79).

Условие субъективной определенности квантификации проявляется также в «отрицательном» материале. Так, В. Биркенмайер объясняет несочетаемость копулятивных глаголов типа *наловил, нарвал* с КС (ср.: **наловил всей рыбы*) тем, что эти глаголы требуют неопределенных объектов (Birkenmaier 1979, 112).

Субъект бытийных высказываний, как известно, не определен (Арутюнова/Ширяев 1983, 21). Поэтому вполне естественно, что КС не сочетаются с такими субъектами, на что обратила внимание Ницолова (1982, 41-43), ср. болг.:

- (214) **Всеки тигър съществува.*
 (215) **Някой тигър съществува.*

КС может быть введено в высказывание с бытийным глаголом только при условии, что аргумент дополнительно конкретизирован маркером объективной определенности, ср. болг.:

- (216) *Всички тези тигри съществуват.*
 (217) *Всички тигри там още съществуват-*
 (218) *Всички построени от Кольо Фичето църкви съществуват.*

Местоимение *целый* сочетается с существительными, денотат которых не конкретизирован, и именно на этом основании данная лексема не включается в число КС (Булыгина/Шмелев 1988а, 9; Косеска-Тошева, Гаргов 1990, 122; Сулейменова 1985, 80), ср.:

- (219) *У прапорицка была целая банка консервов — *У прапорицка
 была вся банка консервов.*

Оценочную семантику в сочетании с неопределенными именами может выражать и польское местоимение *cały* (Chojak/Zaron 1991, 116-117; Schabowska 1967, 20-21).

В семантической концепции И. И. Ревзина КС трактовались как когнитивные, а не коммуникативные единицы (1978, 143). Однако наблюдения над речевым материалом показывают, что КС не безразличны к коммуникативному статусу аргументов: помимо эпистемической или ситуативной определенности, КС характеризуются, как правило, также коммуникативной определенностью, которая состоит в упомянутах исходного множества в предшествующем контексте или в его тематичности, ср.:

(220) *Несколько баб из Сурса — все надели красные башмаки* (Н. Орбели).

(221) *Mamy tu kilku prawników. Wszyscy pracują przy łopatach* (J. Hen).

Причем данным свойством КС отличаются от числительных, которые добавляются и к неопределенным терминам.

Связанный квантором аргумент не должен входить в тематическую часть высказывания. Ср. высказывание

(222) *Я ожидал, что в комнате взрослые, но оказалось, что там — дети.*

Если множество детей предварительно не характеризуется, применение к нему кванторного определителя невозможно:

(223) **Я ожидал, что в комнате взрослые, но оказалось, что там — все дети.*

По этой причине нельзя согласиться с О. Дюкро, который усматривает в высказываниях типа

(224) *Пьер купил книги*

экзистенциальную квантификацию объекта: ‘Существуют книги, такие, которые купил Пьер’ (1982, 274). Аргумент *книги* в этом случае не определен и составляет ядро высказывания, которое могло бы быть интерпретировано в виде: ‘То, что купил Пьер, есть книги’.

Неопределенностью предикатного аргумента объясняется и невозможность употребления КС в некоторых высказываниях с союзных подчинением, ср.:

(225) **Я не заметил всего того, что в дом вошли какие-то люди.*

Невозможность употребления КС характерна для назывных высказываний, потому что здесь объекты впервые вводятся в фокус рассмотрения, ср.:

(226) *Зеркальные шкафы. Комоды. Диваны. В обоях клопы. На столах тараканы* (А. Холин) — **Все зеркальные шкафы; *Некоторые диваны.*

Я уже указывал на то, что генерическая определенность базируется на заданности множества, т.е. на некотором дескриптивном признаке, который без ограничения может быть применен ко всем элементам данного множества. Наличие в только что приведенной дефиниции КС *ко всем* — сигнал того, что в самом содержании генеричности, быть может, имеется кванторная семантика. В самом деле, ведь высказывание

(227) *Киты — млекопитающие*

подразумевает, что имеется в виду не какое-то подмножество китов, а все существующие киты, т.е. возможна трансформация: ‘Киты (а я имею в виду все предметы, такие, которые являются китами), являются млекопитающими’. КС в данной трансформе по своей семантической функции напоминает детерминатор, а именно — актуализатор значения определенности. Только применительно к подобным фактам и подобным трансформам можно было бы вслед за некоторыми исследователями (см. например: Zanon 1995, 20) относить КС к метаязыковым операторам. Однако с содержанием КС в естественном языке такая квалификация не имеет ничего общего. Во-первых, потому, что в высказывании (227) нет ни одного КС. Во-вторых, потому, что КС являются единицами асертивной части высказывания, а квантификация в контексте метаязыкового предиката относится к пресуппозитивной семантике высказывания. Так, в высказывании

(228) *Все хорошие философы имеют плохих жен*

квантификация реализуется дважды — как собственно квантификация и как метаквантификация, ср. трансформу: ‘Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами, и все предметы, такие, которые являются хорошими философами, имеют плохих жен’. При этом, являясь пресуппозицией высказывания, выражение

(229) *Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами*

сохраняет свою истинность при отрицании ассертивной части высказывания: 'Имеются в виду все предметы, такие, которые являются хорошими философами, и не все предметы, такие, которые являются хорошими философами, имеют плохих жен'.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу Хаййан ат-Таухиди (1988), Диалоги (Из "Книги услады и развлечения"). [В:] Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 40-85.
- Апресян Ю. Д. (1974), Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва.
- Апресян Ю. Д. (1990), Словарная фиксация синтаксических свойств лексем: взаимодействие словаря и грамматики. [В:] Wiener Slawistischer Almanach. 25/26, 31-51.
- Арутюнова Н. Д. (1976), Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. Москва.
- Арутюнова Н. Д. (1982), Лингвистические проблемы референции. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 5-40.
- Арутюнова Н. Д./Ширяев Е. Д. (1983), Русское предложение. Бытийный тип. Москва.
- Асанидзе Г. З. (1981), О диалогическом обосновании логики. [В:] Логико-семантические исследования. Тбилиси, 37-54.
- Асмус В. Ф. (1947), Логіка. Київ.
- Бакрадзе К. (1951), Логика. Тбилиси.
- Баранов А. Г. (1993), Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону.
- Белнап Л./Стил Т. (1981), Логика вопросов и ответов. Москва.
- Бенвенист Э. (1974), Общая лингвистика. Москва.
- Богданов В. В. (1977), Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград.
- Богданов В. В. Роль предикатов и непередикатов в семантике предложения. [В:] Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 2. Ленинград, 3-9.
- Бозанкет Б. (1914), Основания логики. Москва.
- Бондарко А. В. (1978), Грамматическое значение и смысл. Ленинград.
- Бондарко А. В. (ред.) (1990), Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.
- Бондарко А. В. (ред.) (1991), Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-Петербург.

- Бондарко А. В. (ред.) (1992), Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. С.-Петербург.
- Борель Э. (1923), Случай. Москва — Петроград.
- Булатова Л. Н. (1983), Еще раз о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке. [В:] ПСЛ 1981. Москва, 120-130.
- Булыгина Т. В. (1977), Проблемы теории морфологических моделей. Москва.
- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1987), Когнитивные характеристики языковых выражений. [В:] Язык и логическая теория. Москва, 203-209.
- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1988а), Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки. [В:] Референция и проблемы текстообразования. Москва, 5-19.
- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1988b), Несколько замечаний о словах типа *несколько*. [В:] Язык: система и функционирование. Москва, 44-54.
- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1989), Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения. [В:] Вопросы языкознания. 3, 51-61.
- Булыгина Т. В./Шмелев А. Д. (1990), «Возможности» естественного языка и модальная логика. [В:] Язык логики и логика языка. Москва, 135-167.
- Бэбби Л. (1985), Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. Москва, 464-474.
- Бюлер К. (1993), Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва.
- Вейнрейх У. (1970), О семантической структуре языка. [В:] Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. Москва, 163-249.
- Витгенштейн Л. (1985), Философские исследования. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва, 79-128.
- Гак В. Г. (1972), К проблеме семантической синтагматики. [В:] Проблемы структурной лингвистики 1971. Москва, б. н. с.
- Гаргов Г. (1987), Именни групи с информация за екзистенциална квантификация в българското изречение. [В:] Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 3. Съвременен български език. София, 455-461.
- Гладкий А. В./Дрейзин Ф. А. (1983), К семантике русского отрицания. [В:] Wiener Slawistischer Almanach. 11, 123-152.
- Городецкий И. Д. (1912), Логика. Москва.
- Горский Д. П. (1962), Формальная логика и язык. [В:] Философские вопросы современной формальной логики. Москва, 53-91.
- Горский Д. П. (1963), Логика. Москва.
- Горский Д. П. (1985), Обобщение и познание. Москва.
- Греллинг К. (1935), Теория множеств. Москва — Ленинград.
- Гулыга Е. В. (1975), О семантике предложения. [В:] Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Ленинград, 21-29.
- Гуревич В. В. (1983), О семантике неопределенности. [В:] ФН. 1, 54-60.
- Гуревич В. В. (1989), Модальность, истинностное значение, референция. [В:] ВЯ. 6, 95-101.
- Дегтярев В. И. (1973), Основы общей грамматики. Ростов-на-Дону.

- Дегтярев В. И. (1987), Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков. [В:] ВЯ. 5, 59-73.
- Джемс У. (1981), Мышление. [В:] Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва, 11-20.
- Доннелан К. С. (1982), Референция и определенные дескрипции. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 134-160.
- Дорошевский В. (1973), Элементы лексикологии и семиотики. Москва.
- Дюкро О. (1982), Неопределенные выражения и высказывания. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 263-291.
- Жинкин Н. И. (1965), Четыре коммуникативные системы и четыре языка. [В:] Теоретические проблемы прикладной лингвистики. Москва, 7-37.
- Заде Л. (1976), Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. Москва.
- Золотова Г. А. (1988), Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва.
- Ивлев Ю. В. (1988), Курс лекций по логике. Москва.
- Ионице М. П./Потапова М. Д. (1982), Проблемы логико-семантической организации предложения. Кишинев.
- Ицкович В. А. (1982), Очерки синтаксической нормы. Москва.
- Караулов Ю. Н. (1976), Общая и русская идеография. Москва.
- Караулов Ю. Н. (1981), Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва.
- Киклевич А. К. (1982), Семантика союза *и* и синтаксическая неоднородность. [В:] Семантика служебных слов. Пермь, 82-90.
- Киклевич А. К. (1990), О типах вхождения множественного актанта в поле интенции предиката. [В:] Деривация в речевой деятельности. Пермь, 123-132.
- Киклевич А. К. (1992), Художественный текст и теория возможных миров. [В:] Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов, 39-47.
- Киклевич А. К. (1993), Язык — личность — диалог (Некоторые экстраполяции социометрической концепции М.М.Бахтина). [В:] Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1 (2), 9-20.
- Киклевич А. К. (1994), Модальность в семантике кванторных слов. [В:] Jachnow H. (ed.), *Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slawischen*. Wiesbaden, 91-113.
- Кинэн Э. Л. (1982), К универсальному определению подлежащего. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. Москва, 236-276.
- Кириллов В. И./Старченко А. А. (1987), Логика. Москва.
- Клаус Г. (1960), Введение в формальную логику. Москва.
- Клини С. К. (1957), Введение в метаматематику. Москва.
- Клини С. К. (1973), Математическая логика. Москва.
- Кондаков Н. И. (1954), Логика. Москва.
- Кондаков Н. И. (1967), Введение в логику. Москва.

- Косеска-Тошева В. (1987), О кванторной модели описания семантических категорий в болгарском и польском языках. [В:] Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 3. Съвременен български език. София, 401-409.
- Косеска-Тошева В./Гаргов Г. (1990), Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. София.
- Косек Н. В./Костюк В. Н. (1982), Слабое и сильное отрицание в русском языке. [В:] ПСЛ 1980. Москва, 50-62.
- Костюк В. Н. (1975), Логика. Киев — Одесса.
- Кошева И. Г./Лукашенко И. Г. (1972), Категория числа. [В:] *Československá rusistika*. XVII/2, 49-53.
- Красильникова Е. В. (1983), Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи. [В:] ПСЛ 1981. Москва, 107-120.
- Кривоносов А. Т. (1993), Естественный язык и логика. Москва — Нью-Йорк.
- Кронгауз М. А. (1984), Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый*. [В:] Семиотика и информатика. Вып. 23. Москва, 107-123.
- Крумова Л. (1987), Грамматическата категория на число в историята на съвременния български книжовен език. [В:] Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 2. История на български език. София, 14-22.
- Крылов С. А. (1984), Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы. [В:] Семиотика и информатика. Вып. 23. Москва, 124-154.
- Куайн У. О. (1986), Слово и объект. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. Москва, 24-98.
- Кубрякова Е. С./Панкрац Ю. Г. (1982), О типологии процессов деривации. [В:] Теоретические аспекты деривации. Пермь, 7-20.
- Курилович Е. (1962), Очерки по лингвистике. Москва.
- Лакофф Дж. (1981), О порождающей семантике. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Москва, 302-349.
- Левицкий Ю. А. (1988), Предложение и высказывание. Пермь.
- Лейкина Б. М. (1979), Некоторые функции союза *и*. [В:] Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 4. Ленинград, 38-46.
- Лещенко М. И. (1988), Виртуальный и актуальный аспекты предложения. Минск.
- Линде Ф. (1915), Строение понятия. Петроград.
- Линский Л. (1982), Референция и референты. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 161-178.
- Липс Т. (1902), Основы логики. С.-Петербург.
- Лосев А. Ф. (1968), Введение в общую теорию языковых моделей. Москва.
- Льюис К. И. (1983), Виды значения. [В:] Степанов Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 211-224.
- Любищев А. А. (1977), Понятия системности и организменности. [В:] Труды по знаковым системам. Вып. 9. Тарту, 134-141.

- МакКоли Дж. (1983), Логика и словарь. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 177-200.
- Максапетян А. Г. Каузация (лингвистические и экстралингвистические аспекты). Ереван.
- Малкольм Н. (1987), Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю». [В:] Философия. Логика. Язык. Москва, 234-263.
- Марков Ю. Г. (1982), Функциональный подход в современном научном знании. Новосибирск.
- Мартынов В. В. (1966), Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск.
- Мартынов В. В. (1977), Универсальный семантический код. Минск.
- Мечковская Н. Б. (1988), Различия между системами местоимений в словенском и восточнославянских языках. [В:] *Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura*. VIII, 383-397.
- Миллер Дж. А. (1972), Некоторые пролегомены к психолингвистике. [В:] Психолингвистика за рубежом. Москва, 31-44.
- Міхневіч А. Я. (1976), Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск.
- Монтегю Р. (1981), Прагматика и интенциональная логика. [В:] Семантика модальных и интенциональных логик. Москва, 223-253.
- Моррис Ч. У. (1983), Основания теории знаков. [В:] Степанов Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 37-89.
- Мchedlishvili Л. И. (1978), Некоторые понятия традиционной формальной логики с современной точки зрения. [В:] Логика, семантика, методология. Тбилиси, 23-39.
- Нёргор-Сёренсен Е. (1987), К вопросу о линейной организации предложения. На материале русского, польского, болгарского и немецкого языков. [В:] *Studia gramatyczne*. VIII, 155-179.
- Никитин М. В. (1988), Основы лингвистической теории значения. Москва.
- Николаева Т. М. (1985), Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). Москва.
- Ницолова Р. (1982), Някои въпроси на квантификацията в екзистенциалните изречения. [В:] *Studia gramatyczne*. V, 39-45.
- Ницолова Р. (1986), Българските местоимения. София.
- Новоселов М. М. (1978), Категория тождества и ее модели. [В:] Кибернетика и диалектика. Москва, 183-211.
- Осуга С. (1988), Обработка знаний. Москва.
- Павилёнис Р. (1975), Язык и логика. Вильнюс.
- Паде Х. Ч. (1985), Глагол *быть* и количественная характеристика объекта. [В:] *Russian Linguistics*. 9/1, 17-25.
- Падучева Е. В. (1979), Об одной проблеме логического анализа языка: сфера действия кванторов. [В:] Логический анализ естественных языков. Москва, 74-77.
- Падучева Е. В. (1985), Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва.
- Панкрац Ю. Г. (1992), Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. Минск — Москва.

- Панфилов В. З. (1963), Грамматика и логика. Москва — Ленинград.
- Панфилов В. З. (1982), Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. Москва.
- Пете И. (1981), Семантические типы количественных отношений. [В:] Die Welt der Slawen. XXVI, 338-345.
- Петров В. В. (1986), Язык и логическая теория. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. Москва, 5-23.
- Пиотровский Р. Г. (1966), Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. Москва — Ленинград.
- Попович М. В. (1975), Философские вопросы семантики. Киев.
- Пуанкаре А. (1990), О науке. Москва.
- Рахилина Е. В. (1990), Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München.
- Рассел Б. (1982), Дескрипции. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 41-54.
- Рассел Б. (1993), Мое философское развитие. [В:] Аналитическая философия. Избранные тексты. Москва, 11-27.
- Ревзин И. И. (1978), Структура языка как моделирующей системы. Москва.
- Реньи А. (1980), Трилогия о математике. Москва.
- Свинцов В. И. (1987), Логика. Москва.
- Селиверстова О. Н. (1964), Опыт семантического анализа слов типа и *все* и типа *кто-нибудь*. [В:] ВЯ. 4, 79-90.
- Селиверстова О. Н. (1988), Местоимения в языке и речи. Москва.
- Селиверстова О. Н. (ред.) 1982), Семантические типы предикатов. Москва.
- Серль Дж. (1982), Референция как речевой акт. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 179-202.
- Скотт Д. (1981), Советы по модальной логике. [В:] Семантика модальных и интенциональных логик. Москва, 280-318.
- Слинин Я. А./Сергеев К. А. (1979), Различные виды существования и способы их выражения в языке. [В:] Логический анализ естественных языков. Москва, 86-90.
- Смирнов С. Н. (1978), Элементы философского содержания понятия «система» как ступени развития познания и общественной практики. [В:] Системный анализ и научное знание. Москва, 60-82.
- Смирнова Е. Д. (1990), Основы логической семантики. Москва.
- Степанов Ю. С. (1981), Имена. Предикаты. Предложения. Москва.
- Столнейкер Р. С. (1985), Прагматика. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва, 419-438.
- Стросон П. Ф. (1982а), О референции. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 55-86.
- Стросон П. Ф. (1982b), Идентифицирующая референция и истинностное значение. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 109-133.

- Сулейменова О. А. (1985), Местоименные актуализаторы *весь* и *целый* в современном русском языке. [В:] ФН. 4, 78-82.
- Таванец П. В. (1953), Суждение и его виды. Москва.
- Тарский А. (1948), Введение в логику и методологию дедуктивных наук. Москва.
- Теньер Л. (1988), Основы структурного синтаксиса. Москва.
- Тондл Л. (1975), Проблемы семантики. Москва.
- Труб В. М. (1990), К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастного отрицания. [В:] Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. Москва, 194-204.
- Уемов А. И. (1961), Выводы из понятий. [В:] Логико-грамматические очерки. Москва, 5-25.
- Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. Москва.
- Ферстер Г. (1965), Био-логика. [В:] Проблемы бионики. Москва, 7-23.
- Филлмор Ч. (1981), Дело о падеже. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Москва, 369-495.
- Филлмор Ч. (1988), Фреймы и семантика понимания. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Москва, 52-92.
- Фогараши Б. (1959), Логика. Москва.
- Фреге Г. (1977), Смысл и денотат. [В:] Семиотика и информатика. VIII, 181-210.
- Фреге Г. (1987), Мысль: логическое исследование. [В:] Философия. Логика. Язык. Москва, 18-47.
- Хинтиikka Я. (1980), Логико-эпистемологические исследования. Москва.
- Хинтиikka Я. (1981), Виды модальности. [В:] Семантика модальных и интенциональных логик. Москва, 41-59.
- Холодович А. А. (1977), Проблемы грамматической теории. Ленинград.
- Храковский В. С. (ред.) (1985), Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В.С.Храковского. Ленинград.
- Чарняк Ю. (1983), Умозаключения и знания. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. Москва, 272-317.
- Чейф У. Л. (1975), Значение и структура языка. Москва.
- Черч А. (1960), Введение в математическую логику. Москва.
- Чеснокова Л. Д. (1992), Категория количества и способы ее выражения. Таганрог.
- Шиханович Ю. А. (1965), Введение в современную математику. Начальные понятия. Москва.
- Щедровицкий Г. П. (1967), О методе семантического исследования знаковых систем. [В:] Семиотика и восточные языки. Москва, 19-47.
- Щерба Л. В. (1974), Языковая система и речевая деятельность. Ленинград.
- Ajdukiewicz K. (1960), *Język i poznanie*. T. 1. Warszawa.
- Bachmann H. (1985), *Der Weg der mathematischen Grundlagenforschung*. Bern — Frankfurt am Main — New York.
- Barwise J./Perry J. (1987), *Situationen und Einstellungen*. Grundlage der Situationssemantik. Berlin — New York.
- Bednarek A. (1994), *Leksykalne wykładniki parametryzacji świata*. Toruń.
- Birkenmaier W. (1979), *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache*. München.

- Brekle H. E. (1972), *Semantik. Eine Einführung in die sprachwissenschaftliche Bedeutungslehre*. München.
- Brykczyński P. (1990), Uwagi o znaczeniu zdań ogólnych z kwadratu logicznego. [In:] *Studia Semiotyczne*. XVI-XVII, 213-216.
- Chojak J./Zaron Z. (1991), Szkic do portretu leksykograficznego wyrażenia *cały*. [In:] *Words are Physicians for an Ailing Mind*. München, 113-120.
- Dahl O. (1978), Quantifikation. [In:] *Logic and the formal Theory of natural Language*. Hamburg, 95-101.
- Döppke W. (1985), *Kasus, Sachverhalte und Quantoren. Beitrag zur formalen Semantik*. Tübingen.
- Drozdek A. (1986), Zdania i sądy. [In:] *Studia gramatyczne*. XIV-XV, 165-172.
- Feleszko K. (1978), Charakterystyka ilościowa grupy imiennej w języku polskim. [In:] *Studia gramatyczne*. II, 5-16.
- Freundlich R. (1972), *Einführung in die Semantik*. Darmstadt.
- Geach P. T. (1972), Czemu zdanie nie jest nazwą. [In:] *Studia Semiotyczne*. III, 13-21.
- Giusti F. (1982), Неопределенные показатели имени нарицательного. [In:] *Russian Linguistics*. 7/1, 3-19.
- Gladrow W. (1979), *Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen*. Leipzig.
- Grzegorzczak A. (1975), *Zarys logiki matematycznej*. Warszawa.
- Grzegorzczak R. (1973), Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej. [In:] *Liczba, ilość, miara*. Warszawa, 83-99.
- Grzegorzczak R. (1976), Aktualizacja wypowiedzi poprzez kwantyfikację argumentów i predykatu. [In:] *Otázky slovanské syntaxe*. IV/1, 195-200.
- Grzegorzczak R. (1986), Osobliwość zaimków jako części mowy. [In:] *Biuletyn PTJ*. XL, 53-58.
- Grzegorzczak R. (1987), Zaimki uogólniające a mechanizmy tworzenia zdań ogólnych. [In:] *Прилози XII/2. Одделение за лингвистика и литературна наука*. Скопје, 133-140.
- Grzegorzczak R. (1990), *Wprowadzenie do semantyki językowej*. Warszawa.
- Grzegorzczak R. (1992), Problemy dyskusyjne w opisie zjawiska referencji. [In:] *Etudes de linguistique Romane et Slave*. Kraków, 271-281.
- Grzegorzczak R. (1995), Funkcje modalne niektórych zaimków nieokreślonych we współczesnej polszczyźnie. [In:] *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*. Toruń, 143-149.
- Grzegorzczak R. (1996), *Wykłady z polskiej składni*. Warszawa.
- Hall Partee B. (1978), *Fundamentals of Mathematic for Linguistics*. Dordrecht.
- Helbig G. (1992), *Probleme der Valenz- und Kasustheorie*. Tübingen.
- Hlavsa Z. (1975), *Denotace objektu a její prostředky v současné češtině*. Praha.
- Hlavsa Z./Svozilová N. (1969), K povaze významu u zájmen. [In:] *SaS*. XXX, 120-124.
- Ingarden R. (1972), *Z teorii języka i filozoficznych podstaw logiki*. Warszawa.
- Karolak S. (1986), Kwantyfikacja a temporalizacja. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. I. Temporalność*. Wrocław etc., 65-82.

- Karolak S. (1989), Kwantyfikacja referencyjna a kwantyfikacja numeryczna. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. III. Ilość. Gradacja. Osoba. Wrocław etc.*, 7-26.
- Karolak S. (1990), Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych. Warszawa.
- Klaus G. (1973), *Moderne Logik*. Berlin.
- Kotarbiński T. (1957), *Wykłady z dziejów logiki*. Łódź.
- Kotarbiński T. (1958), *Wybór pism*. T. 2. Warszawa.
- Kotarbiński T. (1986), *Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk*. Warszawa.
- Kraszewski Z. (1975), *Logika. Nauka rozumowania*. Warszawa.
- Lakowa M. (1987), Informacja kwantyfikatorska i niekwantyfikatorska w zdaniu bułgarskim. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. II. Określoność/nieokreśloność*. Wrocław etc., 83-104.
- Leinfellner E. & W. (1978), *Ontologie, Systemtheorie und Semantik*. Berlin.
- Lyons J. (1984), *Semantyka*. T. 1. Warszawa.
- Lyons J. (1989), *Semantyka*. T. 2. Warszawa.
- Mauro Tullio de. (1982), *Einführung in die Semantik*. Tübingen.
- Miodunka W. (1974), *Funkcje zaimków w grupach nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej*. Kraków.
- Mayenowa M. R. (1974), *Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka*. Wrocław etc.
- Nozsicska A. (1988), *Die Grammatik der Negation. Am Beißpiel des Deutsche und Russischen*. Wien.
- Palek B. (1965), Zájímavé podněty pro lingvistickou sémantiku. [In:] *SaS. XXVI*, 250-262.
- Palek B. a kol. (1975), Intenzionálné logika a sémantika přirozeného jazyka. [In:] *SaS. XXXVI*, 205-218.
- Panevová J. (1980), *Formy a funkce ve stavbě česke věty*. Praha.
- Pisarkowa K. (1965), *Prędykatywność określeń w polskim zdaniu*. Wrocław etc.
- Rasiowa H. (1975), *Wstęp do matematyki współczesnej*. Warszawa.
- Reis M. (1977), *Präsuppositionen und Syntax*. Tübingen.
- Růžička R. (1981), Маркированность применительно к парности отрицательных предложений в современном русском языке. [In:] *Russian Linguistics*. 6/1, 1-14.
- Sawicka I. (1978), Referencijalna kvantifikacija rečenice. [In:] *Зборник за филологију и лингвистику*. Нови Сад, 55-61.
- Schabowska M. (1967), *Rzeczowniki ilościowe w języku polskim*. Wrocław etc.
- Schifko P. (1975), *Bedeutungstheorie. Einführung in die linguistische Semantik*. Stuttgart — Bad Cannstatt.
- Schnelle H. (1973), *Sprachphilosophie und Linguistik*. Reinbeck.
- Schwarz M./Chur J. (1993), *Semantik. Ein Arbeitsbuch*. Tübingen.
- Schwenk H.-J. (1991), *Studien zur Semantik des Verbalaspekts im Russischen*. München.
- Schwinn M. (1989), *Semantische Interpretation syntaktischer Kategorien und die Zeichentheorie von C. S. Peirce*. Heidelberg.
- Sgall P. a kol. (1986), *Úvod do syntaxe a sémantiky*. Praha.
- Stanosz B. (1985), *Wprowadzenie do logiki formalnej*. Warszawa.

- Tokarz M. (1986), Semantyka bez pojęcia denotacji. [In:] *Studia semiotyczne*. XIV-XV, 133-146.
- Topolińska Z. (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.
- Ullmann S. (1967), *Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin.
- Vertulani Z. (1990), O kwantyfikatorze zerowym. [In:] *Studia Semiotyczne*. XVI-XVII, 179-187.
- Wall R. (1973), *Logik und Mengenlehre*. Kronberg Ts.
- Weinsberg A. (1983), *Językoznawstwo ogólne*. Warszawa.
- Weiss D. (1977), *Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen*. Bern etc.
- Wierzbicka A. (1969), *Dociekania semantyczne*. Wrocław.
- Wiśniewski M. (1990), Czy liczebnik może być uznany za nadrzędnik dystrybucyjny szeregu rzeczownikowego?. [In:] *Studia gramatyczne*. IX, 87-98.
- Wunderlich D. (ed.) (1991), *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Berlin New York.
- Zaron Z. (1995), Interpretacja składniowa struktur złożonych. [In:] *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*. Toruń, 17-26.
- Ziemiński Z. (1987), *Logika praktyczna*. Warszawa.

КВАНТИФИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА^{*}

Введение

Одним из недостатков современной логической семантики является то, что часто квантификация объединяется с другими семантическими категориями языка, прежде всего с определенностью и референцией (подробнее см.: Kiklewicz 2009). Но, с другой стороны, в этом факте есть и нечто позитивное: он косвенно указывает на существование объективных парадигматических отношений, в которые вступает квантификация в системе языка.

Каждая языковая единица амбивалентна: она одновременно входит в некоторое количество различных парадигм, которые могут быть сгруппированы в зависимости от степени абстрактности характеризующего их признака. Так, применительно к гласным звукам В. М. Солнцев различает большие и малые парадигмы (1977, 77-78). В зависимости от формата, можно различать языковые микро-, мезо-, макро-, мегапарадигмы и т.д. Например, структура «лингвистического универсума» у В. А. Карпова включает множество иерархически упорядоченных парадигм: культура — литература — текст — композиция — словоформа — морфема и др. (1992, 44).

Одной из актуальных задач современной лингвистики является переход от описания отношений между отдельными знаками внутри языковых парадигм, с которым неплохо справи-

---

^{*} Данная работа представляет собой фрагмент монографии: Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München: Otto Sagner Verlag, 1998, 67-84.

лась структурная лингвистика, к описанию отношений между парадигмами, а именно — между микропарадигмами внутри мезопарадигм, между мезопарадигмами внутри макропарадигм и т.д., т.е. к описанию отношений между отношениями (см. статью *Категории одушевленности/неодушевленности и абстрактности/конкретности*, опубликованную в данном сборнике).

Далее будет проанализировано место квантификации в структуре семантических макропарадигм количества, степени и истинности.

1. Квантификация и количество

Некоторые исследователи причисляют КС (кванторные слова) к маркерам категории количества, которая включает также числительные, грамматические формы числа, количественные местоимения, наречия и существительные, а также количественные синтаксические конструкции (Ильин/Смирнова 1973, 75; Bednarek 1994; Schabowska 1967, 5; Корещу́ 1962, 86 и др.). Так, Э. Сепир писал, что квантор — это «выражение, представляющее некоторое количество» (1993, 386; см. также: Панфилов 1982, 231; Пете 1981, 340; Уфимцева 1974, 162; Чеснокова 1992, 103; Nozsicska 1978, 211; Vertulani 1990, 180; Weinrich 1976, 199). Количественный характер КС проявляется в возможности их текстовой (анафорической) соотнесенности с вопросительным количественным местоимением, ср.:

- (1) — *Сколько месяцев в году имеют 28 дней?*
— *Все.*

Место квантификации в макропарадигме количества объясняется тем, что КС эксплицируют результат количественного сравнения исходного, актуального и референтного множеств объектов. Например, в высказывании

- (2) *Из пяти участников соревнований медали получили только трое*

объем исходного множества равен пяти элементам ('количество участников соревнований равно пяти элементам'), а объем референтного множества — трем элементам ('количество получивших медали равно трем элементам'). Это неравенство объемов множеств и лежит в основании относительной квантификации. Приведенное выше высказывание может быть преобразовано в выражение с малым квантором:

(3) *Только некоторые участники соревнований получили медали.*

Для описания квантификации в парадигматическом аспекте важны ее дифференциальные признаки в оппозициях к другим категориям. Ср. с этой точки зрения КС и числительные. Достаточно часто КС и числительные объединяются в один класс с общей категориальной семантикой (Максимова 1984, 457; Döppke 1985, 118; Grzegorzczukowa 1973, 89; Vertulani 1990, 180 и др.). Е. А. Земская (1992, 146) называет «квантификаторами» композиты с числительными типа *девятиэтажка*, *десятитомник*. Одной из предпосылок такого теоретического решения является то, что некоторые КС, как отмечают А. А. Зализняк и Е. В. Падучева (1974, 32), подобно числительным, имеют только формы одного числа.

Я рассматриваю отношения между КС и числительными иначе: данные классы слов, несмотря на содержательное сходство, составляют автономные языковые парадигмы с существенными дифференциальными признаками (ср. также: Уфимцева 1974, 162; Komárek 1978, 9; Lakowa 1987, 91; Karolak 1986, 65; Nozsicska 1978, 213; Weinsberg 1983, 143). Обоснованием такого подхода может быть известный структурный принцип контрастной дистрибуции: КС и числительные могут параллельно употребляться в одной и той синтагматической группе, ср.:

(4) *Возьмите все пять шариков*

где *все* — маркер относительного, а *пять* — абсолютного количества. Такая возможность параллельного употребления свидетельствует о том, что КС и числительные отражают разные аспекты количественного содержания аргумента и принадлежат к разным микропарадигмам в парадигме ‘количество’. На эту дистрибутивную сторону отношений между КС и числительными обращал внимание А. Богуславский (Bogusławski 1966, 50).

Дистрибутивная самостоятельность КС и числительных касается также их сочетаемости с объектом копулятивных глаголов, на что указывает В. Биркенмайер (Birkenmaier 1979, 109), ср.:

- (5) *нарвал три охапки цветов*
- (6) **нарвал 100 цветов*
- (7) **нарвал все цветы*
- (8) **нарвал все охапки цветов*

С другой стороны, КС могут сочетаться с именами адискретных множеств, а числительные — нет, например:

- (9) *Весь сахар кончился.*
 (10) **Три сахара кончились.*

М. Вишневский (Wiśniewski 1990, 95 ссл.) отмечает различие КС и числительных в конструкциях с сочинительными союзами, ср.:

- (11) *Kupiłem pięć róż i goździków.*
 (12) *Kupiłem wszystkie róże i goździki.*

В отличие от высказывания с КС, первое выражение неоднозначно: имеется в виду, что субъект купил либо пять роз и пять гвоздик (всего — десять цветов), либо пять роз и гвоздик вместе (всего — пять цветов).

Вне счетности, как известно, нет количества, и это правило строго соблюдается при сочетаемости числительных. Однако КС образуют синтагматические группы и с существительными, счетность которых не очевидна, например:

- (13) *Все переживания оказались напрасными / *пять переживаний.*

Очевидным дифференциальным признаком КС и числительных является то, что категория числительных включает бесконечное множество количественных значений, а категория квантификации — только два: абсолютную квантификацию (в содержании лексем типа *все, каждый, любой, всякий*) и относительную квантификацию (в содержании лексем типа *некоторые, часть, иногда, местами*). Как писал В. А. Карпов,

в силу чисто количественной (числовой) семантики числительные обладают максимальной деривационной способностью [...] Есть ряд базовых числительных от 1 до 10, все производные могут быть или словосложениями, или комплексами из двух, трех и более словоформ (1992, 66).

Для морфологии КС эта характеристика не пригодна.

Категории КС и числительных различаются также своим отношением к семантике определенности (хотя З. Хлавса, см. Hlavsa 1975, 46-47, рассматривает КС, числительные, количественные наречия, указательные местоимения в рамках категории определенности).

Для квантификации, как показано в предыдущих разделах, характерно условие качественной определенности связанного аргумента, тогда как числительные могут применяться и к неопределенным аргументам, которые, в частности, занимают положение в семантической части высказывания, например:

- (14) — *Что купил?*
— *Два килограмма бананов / *все два килограмма бананов / *все килограммы бананов.*

Условие определенности не позволяет присоединять КС к аргументам совместно с маркерами аппроксимативности, например:

- (15) **Я купил все две-три книги.*
(16) **Я купил все приблизительно три книги.*

Если принять деление атрибутов на качественные и количественные, как предлагал Ф. Копечный (Kopečný 1953, 115-116), числительные следует отнести к классу маркеров дескриптивной функции аргументов, которая реализуется в аспекте количества. В таком случае числовым выражениям в высказывании будет соответствовать статус включенных предикатов — синтаксическое свойство, присущее и для качественных атрибутов, ср.:

- (17) *По пустынной дороге ехали три велосипедиста* = 'По дороге, которая была пустынна, ехали велосипедисты, которых было трое'.

Именно такую модель синтаксической интерпретации числительных предложил А. Богуславский (Bogusławski 1966, 52). Но КС требуют слишком большого количества разнообразных условий своей актуализации (т.е. дистрибутивно-семантически они слишком зависимы), чтобы функционировать в качестве предикатов, пусть и включенных. Так, в высказывании

- (18) *Все велосипедисты ехали по пустынной дороге*

нельзя выделить включенную пропозицию

- (19) **Велосипедисты, которые были все, ехали по пустынной дороге.*

Синтаксическая совместимость КС и числительных возможна при условии, что аргумент обладает семантикой определенности, ср.:

(20) *На витрине было пять книг. Настя купила все эти пять книг.*

В первом высказывании *пять книг* является неопределенным термином (и КС применить к нему нельзя), а во втором — определенным термином, который упомянут в предыдущем сообщении ('пять книг, которые были на витрине и о которых шла речь'). Кстати, высказывание

(21) *На витрине было пять книг*

интересно тем, что дистрибутивно-грамматической формой указания на неопределенность аргумента (субъекта существования, или экзистента) является единственное число глагольного предиката *было*. При замене грамматического значения единственного числа на множественное в высказывание вводится значение определенности аргумента, что позволяет применить к нему КС, ср.:

(22) *На витрине были все пять книг*

— здесь предполагается, что о книгах уже шла речь в предыдущем дискурсе.

Языковая система требует сочетаемости КС с определенными именными группами и допускают подобную сочетаемость числительных. Некорректность некоторых выражений числительных с личными местоимениями, таких, как **пять нас*, **десять их*, **сто вас* и др., И. А. Мельчук объясняет тем, что

местоимение-заместитель 3-го лица (*он, она, оно, они*) [...] выполняет функцию всей именной группы, т.е. замещает *S*, взятое вместе взятое со всеми его рестриктивными определениями и атрибутами, а также дополнениями; следовательно, подобные зависимые и не должны выступать при местоимении (1985, 74).

Однако с этой точки зрения нельзя объяснить выражений типа

(23) *Их было пятеро.*

(24) *Возьмите все эти пять шариков.*

(Подобные предложения приводит и сам Мельчук). В данном случае аргумент определен, однако его семантическая сочетаемость с числительным вполне корректна. Для объяснения подобных языковых фактов следует, видимо, принять другую версию, которую допускает

Мельчук: сочетания числительных с личными местоимениями регулируются собственно синтаксическими правилами (1985, 73).

Если рассмотреть определенность в рамках макропарадигмы количества, как это делал Э. Сепир (1993, 395; см. также: Пете 1981, 344; Šikra 1991, 85), то окажется, что количественные значения в этом аспекте можно структурировать в виде градуальной оппозиции.

Таблица 1

Тип количественного значения	Характеристика количественного значения	Тип выражения
Номинальное количество	Соотношение с числовым рядом	Числительные
	Единичность / множественность	Грамматическое число
Реальное количество	Соотношение с исходным множеством	Кванторные слова

Наиболее конкретную количественную информацию о множестве передают числительные, а наименее конкретную — КС.

Спорным является вопрос о принадлежности к категории квантификации количественных наречий *несколько*, *много*, *мало*. По мнению П. Ондруса (Ondrus 1969, 14-17), количественные наречия не соответствуют грамматическим признакам числительных. Как считал А. Е. Супрун (1969, 24-25), будучи количественными словами, данные единицы не имеют фиксированного отношения к числовому ряду: *много* вообще не имеет верхнего числового предела, числовые значения *несколько* варьируются в интервале между 3 и 20, а значения аналогичных лексем в других славянских языках — в интервале между 3 и 10 (Тополиньска 1987-1988, 32). Однако, как и числительные, количественные наречия, в отличие от КС, не характеризуются условием определенности и в высказывании могут быть преобразованы в предикаты, ср.:

- (25) *В этом направлении идет много электричек* = ‘Электричек, которые идут в этом направлении, много’ или ‘Количество электричек, которые идут в этом направлении, большое’.

Напротив, если условие определенности соблюдается, количественное слово выражает кванторную функцию, например:

(26) *Многие дамы были хорошо одеты и по моде...* (Н. Гоголь)

где имеются в виду дамы известного нам города NN. Кроме того, количественные наречия, как правило, соотносят объем референтного множества не с объемом исходного множества, а с количественной нормой данного множества в ситуациях данного типа, другими словами, выражает так называемое оценочное количество. Так, в высказывании

(27) *В этом году мы собрали много грибов*

словоформа *много* означает, что количество грибов, которые мы собрали в этом году, превышает ситуативную норму, т.е. количество грибов, которое обычно собирается или которое было собрано в прошлом году и т.д.

В макропарадигме «количество» можно выделить три основных подкласса, которые различаются нормой (или эталоном) количественного признака.

Номинальное количество (выражаемое числительными) соотносит объем множества с эталоном арифметического ряда. Как определяет А. Богуславский (Bogusławski 1966, 55), L — понятие арифметического ряда, которое актуализируется после произнесения некоторого числа. Например $L = 1, 2, 3$ после произнесения числа *три* (см. также: Супрун 1969, 5). Высказывание

(28) *В корзине пять яблок*

можно интерпретировать как ‘В корзине находится такое количество яблок, которое равняется объему эталонного множества из пяти элементов’. Семантику номинального количества в обобщенном виде отражает формула, где M_m — эталонное множество:

$$\begin{array}{l} \text{Num } x \quad \text{Ж Num } x \\ \text{P } (x) \quad \quad x \in M_m \\ \text{Q } (x). \end{array} \quad (1)$$

Оценочное количество (которое выражается фреквентивными наречиями и существительными) соотносит объем данного

множества с эталоном ситуативного ряда. Аристотель (1978, 64) квалифицировал это значение как ‘соотнесение’ и не рассматривал его в рамках категории количества. Высказывание, содержащее такое количественное значение, сопровождается эпистемической пресуппозицией о норме объема множества для ситуаций подобного типа (Чеснокова 1992, 101). Так, исходной предпосылкой высказывания

(29) *В доме было мало мебели*

является некоторое количество мебели в доме, которое говорящий квалифицирует как норму. Ср. обобщенное представление этого количественного значения:

$$\begin{array}{ccc} \text{Num } x & \text{Э} & \text{Num } x \\ P(x) & & P(x) \\ Q(x) & & \delta Q(x) \end{array} \quad (2)$$

которую можно прочесть как ‘Количество предметов, которые обладают свойством P , таких которые обладают свойством Q , больше/меньше количества предметов, которые обладают свойством P , таких, которые в соответствии с нормой должны обладать свойством Q ’.

Реальное количество соотносит объем данного множества с эталоном экзистенциального ряда — объемом исходного множества. Реальное количество может быть представлено формулой (при генерически определенном связанном аргументе актуализирующая пропозиция $A(x)$ избыточна):

$$\begin{array}{ccc} \text{Num } x & \text{Э} & \text{Num } x \\ P(x) & & Q(x) \\ Q(x) & & A(x), \\ & & A(x) \end{array} \quad (3)$$

которая означает: ‘Количество известных говорящему предметов, которые обладают свойством P , таких, которые обладают свойством Q , равно/не равно количеству известных говорящему предметов, которые обладают свойством Q ’. Так, в высказывании

(30) *Только некоторые издатели отдают предпочтение массовой литературе*

множество издателей, отдающих предпочтение массовой литературе, количественно сравнивается с множеством существующих издателей. С помощью КС *некоторые* (в сочетании с рестриктором *только*) реципиент информируется о том, что эти множества не конгруэнтны. Маркеры абсолютной квантификации (обобщающие местоимения), напротив, обозначают равенство актуального и исходного (экзистенциального) множеств. Это сохранение экзистенциальной нормы в высказывании с абсолютной квантификацией отражается в семантической деривации некоторых КС: так, местоимение *cały*, помимо кванторного значения, в выражениях типа

(31) *On wrócił cały*

обладает вторичной семантикой ‘аутентичный, неповрежденный, соответствующий своей норме’.

2. Квантификация и степень

Парадигматические корреляции между квантификацией и степенью очевидны: квантификация может быть определена как количественная степень участия исходного множества индивидов в описываемой ситуации. (Чеснокова (1992, 145) считает, что степень является разновидностью количественной семантики). Между некоторыми маркерами квантификации и степени имеется даже прямая этимологическая или словообразовательная связь, ср. *все* — *вовсе* — *совсем*; *cały* — *całkiem* — *wcale* — *całkowicie*.

Одним из примеров родственности рассматриваемых категорий являются отношения между квантификацией и грамматическим значением превосходной степени прилагательных и наречий. Кванторная семантика в качестве базового семантического компонента входит в представление выражений с суперлативом, например:

(32) *В этой деревне Макар самый богатый* ↔ *В этой деревне Макар богаче всех* = ‘Макар превосходит всех других жителей этой деревни богатством’.

Кванторный семантический компонент выполняет функцию оператора, превращающего значение компаратива в значение суперлатива. Некоторые польские формы суперлатива представлены в русском

языке сочетаниями с КС, ср.: *najwięcej* — *больше всего*, *najlepiej* — *лучше всего*.

Отдельные исследователи трактуют это подобие КС и интенсификаторов как категориальное тождество и включают слова степени *большой, полный, почти, совсем, весьма* и др. в состав квантификации (Литвак 1984, 103; Разлогова 1980, 65). Такое решение, однако, не приемлемо, ведь общность квантификации и степени проявляется на уровне макропарадигмы, однако эти группировки слов обладают принципиально самостоятельными свойствами на уровне парадигмы. Так, согласно И. Червенковой, интенсификаторы с семантико-синтаксической точки зрения относятся к предикату, а КС — к аргументу (1975, 41; см. также: Beličová 1992, 119). Ср. высказывания:

(33) *Корабль полностью погрузился в воду.*

(34) *Пловец совершенно выбился из сил.*

В первом выражении словоформа *полностью*, несмотря на приглагольную синтаксическую позицию, выполняет кванторную функцию — она семантически характеризует подлежащее, ср. семантически сходное высказывание

(35) *Весь корабль погрузился в воду.*

Во втором выражении словоформа *совершенно* как в поверхностно-синтаксическом, так и в глубинно-семантическом аспекте определяет предикат, преобразование в выражение с КС было бы в этом случае некорректным:

(36) **Весь пловец выбился из сил.*

(37) **Пловец весь выбился из сил.*

Слова степени могут актуализироваться в контексте неаддитивных множеств, а КС, напротив, требуют условия аддитивности. Так, системный объект, референт существительного *прораб* как носитель окказионального признака 'быть пьяным' характеризуется интегративностью, что отражается в плане его дистрибуции с КС и интенсификаторами:

(38) *Прораб был совсем пьян.*

(39) *Прораб был немного пьян.*

- (40) *Прораб был нисколько не пьян.*
 (41) **Прораб был полностью пьян.*
 (42) **Весь прораб был пьян.*
 (43) **Прораб был частично пьян.*
 (44) **Часть прораба была пьяной.*

На некорректность объединения КС и слов степени в одну парадигму указывает и возможность их прямой сочетаемости друг с другом — контрастная дистрибуция, ср. *почти все, ровно ничего, абсолютно всегда*. Семантика степени, которая, в частности, является функцией редупликации словоформ в высказывании, сопровождает и повтор КС, ср. *все-все-все, ничего-ничегошеньки, nic a nic, nigdy przenigdy*. В письменном тексте для дополнительного выражения семантики предельности употребляются специальные невербальные средства, например, разрядка или изменение шрифта, ср.:

- (45) *Kiedyś przeżył taką chwilę, w której mi się wydawało, że w s z y s t k o z r o z u m i a ł (J. Hen).*

Имеется оппозиция глаголов со значением каузации малой и максимально большой степени изменения состояния объекта, например: *притушить — затушить, пригасить — загасить, приоткрыть — закрыть*. Эту оппозицию, скорее всего, можно квалифицировать как кванторную. В семантическом толковании этих глаголов присутствуют кванторные элементы, ср.:

- (46) *Притушите фонарь* = ‘Сделайте так, чтобы часть пламени в фонаре не горела’.
 (47) *Затушите фонарь* = ‘Сделайте так, чтобы все пламя в фонаре не горело’.

Поскольку кванторное значение инкорпорировано в содержание глагола, то, естественно, что поверхностно-синтаксическое дублирование КС не корректно, ср.:

- (48) **Затушите весь фонарь.*

Впрочем, это правило имеет оговорки. Ср. высказывания:

- (49) *Затушите костер.*
 (50) *Затушите фонарь.*

В первом выражении объект квантификации и объект каузации совпадают — это пламя костра, во втором — могут не совпадать, если субъект непосредственно воздействует не на пламя фонаря, а на имеющуюся на его корпусе специальную вращаемую головку. Далее, в первом выражении предполагается многократное воздействие на пламя костра, во втором — однократное воздействие на пламя фонаря. Наконец, в первом высказывании весь костер охвачен пламенем, а во втором — только часть фонаря — фитиль. Эти семантические факторы обуславливают возможность либо невозможность употребления КС в контексте предиката *затушить* и т.п., ср.:

(51) *Затушите весь костер.*

(52) **Затушите весь фонарь.*

В принципе допустимо и корректное выражение

(53) *Затушите весь фонарь*

— если имеется в виду, что горит фонарь как целостный объект (например, кто-то поджег его, облив бензином).

Аналогичные семантические характеристики имеют глаголы *приоткрыть*, *закрыть* и их адвербиальные соответствия *настежь* и *наглухо* (Кіклевіч 1993, 33). Высказывания

(54) *Окно раскрыто настежь*

(55) *Окно закрыто наглухо*

обозначают положения дел, которые получены в результате воздействия на окно, однако не прямо на раствор окна (который и является объектом квантификации), а на конструктивные элементы окна как агрегата (например, в результате воздействия на ручку и створки окна). Если говорящий произносит высказывания:

(56) *Вы закрыли все окно*

(57) *Откройте все окно*

— они будут корректны только в том случае, когда объект каузации и объект квантификации различаются — объект каузации совпадает с инструментом, который не принадлежит окну как агрегату, ср.:

- (58) *Она раздвинула шторы и открыла все окно.*
 (59) *Отодвиньтесь — своей головой вы закрыли все окно.*

Некоторые глаголы изменения функционального состояния составляют только конверсивные оппозиции, например: *запечатать — распечатать, настроить — расстроить, задержать — отдержать, запахнуть — распахнуть* и т.п. (Копыленко/Попова 1989, 42-43), отсутствие градуальности в подобных оппозициях означает отсутствие кванторной семантики в содержании их компонентов.

Если обобщить некоторые лингвистические исследования степени (Кржижкова 1974, 124; Червенкова 1977, 123; Beličová 1992, 120; Šikra 1991, 100-101), то можно дифференцировать несколько функциональных классов этой категории:

1. чрезмерная — достаточная — недостаточная степень (*чрезмерно, достаточно, недостаточно*);
2. высокая — низкая степень (*очень, не очень*);
3. превышающая норму — не достигающая нормы степень (*много, мало*);
4. предельная — не предельная степень (*совершенно, почти*);
5. достигшая — не достигшая нормы степень (*абсолютно, не совсем*).

Кванторные значения также могут быть структурированы в аспекте семантики степени (Тондл 1975, 105): семантика обобщающих местоимений соотносится с максимальной степенью — как писал Э. Сепир (1993, 387), «в данном контексте квантифицируемое не следует мыслить как способное к количественному росту»; семантика неопределенных местоимений соотносится со средней, а семантика отрицательных местоимений — с минимальной степенью. При этом необходимо отметить, что максимальная степень означает экзистенциальную норму множества.

3. Квантификация и истинность

В макропарадигме истинности, кроме кванторов, имеются рестрикторы и юнкторы. **Рестрикторы**, которые выражаются частицами, определяют отношение высказывания к альтернативным дескриптивным возможным мирам. Например, в выражении

- (60) *Только плохой врач затрудняется в постановке диагноза*

частица *только* выполняет рестриктивную семантическую функцию: она соотносит высказывание с множеством врачей, которые не являются плохими, и указывает, что по отношению к этому возможному миру данное высказывание ложно, ср.:

(61) *Хороший врач не затрудняется в постановке диагноза.*

Напротив, частица *и то*, как отмечает В. З. Санников (1990, 217), не передает информации об остатке множества, ср.:

(62) *Петя — отличник, и то он не решил задачу* = ‘Петя — отличник; Петя не решил задачу; ожидалось, что Петя решит задачу’.

Частицам посвящена большая лингвистическая литература. Один из наиболее авторитетных специалистов в этой области Т. М. Николаева отмечает, что для функционирования языковых единиц данного типа обязателен пресуппозитивный фон (1985, 82-99; см. также: Щур 1988, 74; Nozsicska 1988, 129; Wierzbicka 1991, 379), например:

(63) *В нашем классе только Машиа носит длинные волосы, пресуппозиция Другие девочки нашего класса носят короткие волосы.*

Благодаря наличию пресуппозитивного фона, считает Р. Ратмайр (Rathmaug 1983, 198), высказывание может функционировать как косвенный речевой акт.

В структуре содержания частиц исследователи усматривают также элементы с другими семантическими функциями, например, модальные. И. Червенкова отмечает, что различие частиц *лишь* и *только* заключается в том, что первая предполагает градуированность множества и невысокую позицию выбранного элемента на шкале (1990, 78). В семантической интерпретации высказываний с частицей *даже* Падучева усматривает компонент деонтической модальности (1985, 73), ср.:

(64) *Даже первоклассники меня поняли, пресуппозиция От первоклассников это труднее всего было ожидать.*

Высказывания с частицами *и КС* имеют сходное семантическое представление. Например И. М. Богуславский (1985, 86) предлагает формальную запись семантической структуры высказывания

(65) *Мальчик съел только персик:*

$$P(x, y) \text{ И } \neg \exists (y) \quad (P(x, y) \text{ И } y \neq \text{персик}) \quad (4)$$

На естественный язык эта формула может быть переведена как ‘Мальчик съел персик, и не существует предмета, который не являлся бы персиком, такого, который съел мальчик’.

Элемент отрицательной абсолютной квантификации усматривает в содержании нем. *nur* В. Дёрке (Dörcke 1985, 125), ср.:

(66) *In der Kiste liegen nur zwei Bälle* = ‘В ящике лежат только два мяча и ничего больше’.

Такие случаи Дёрке квалифицирует как качественное ограничение. Принципиально не отличается от этой интерпретация *только* Г. Гарговым (1987, 457): ‘Существует объект со свойством *P*, и всякий другой объект со свойством *P* совпадает с ним’.

Рестрикторы непосредственно сочетаются только с маркерами относительной квантификации (*только некоторые, даже некоторые, *только все, *только никто, *даже все, *даже никто*) и играют важную роль в процессе функционирования КС (см. Киклевич 1989, 52-54).

Можно различать эксклюзивные и инклюзивные рестрикторы. Первые исключают истинность высказывания по отношению к альтернативному возможному миру, а вторые — включают возможный мир в число тех, по отношению к которым высказывание истинно. Типичными представителями этих групп являются частицы *только* и *даже*. Их семантика может быть в обобщенном виде отображена формально:

$$\text{Только } x \ P(x) = P(x) \ \& \ \neg P(\neg x) \quad (5)$$

$$\text{Даже } x \ P(x) = P(x) \ \& \ P(\neg x) \quad (6)$$

При отрицании маркеров относительной квантификации рестрикторы регулируют его направление: эксклюзивные рестрикторы сохраняют качество суждения, а инклюзивные изменяют, ср.:

(67) *Неверно, что только некоторые хорошие философы имеют плохих жен*
 $\leftrightarrow$ *Все хорошие философы имеют плохих жен.*

- (68) *Неверно, что хотя бы некоторые кондитеры жарят хворост на газовой плите ↔ Ни один кондитер не жарит хворост на газовой плите.*

Функция КС и рестрикторов в сообщении заключается в том, чтобы соотносить актуальные положения дел с виртуальными рядами их потенциальных участников. Аналогичную функцию, в сущности, выполняют и союзы: они фиксируют истинностные параметры сложного высказывания в логических возможных мирах типа: «все составляющие истинны»; «часть составляющих истинна, а часть ложна»; «все составляющие ложны».

Связь между союзами и КС имеет и более конкретные контуры. В подстановочной интерпретации кванторов высказывание с КС трансформируется в высказывание с пропозициональной связкой, т.е. элементы логики терминов интерпретируются с помощью элементов логики высказываний (Асанидзе 1981, 37; Белнап/Стил 1981, 252; Павилёнис 1975, 90; Bachmann 1985, 127; Klaus 1973, 257; Tokarz 1986, 134). Так, выражения с абсолютной квантификацией преобразуются в конъюнкцию простых высказываний, а выражения с относительной квантификацией — в их дизъюнкцию:

$$\forall x \quad Q(x) \equiv Q(a) \& Q(b) \& Q(c) \dots \& \dots Q(n) \quad (7)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

$$\exists x \quad Q(x) \equiv Q(a) \vee Q(b) \vee Q(c) \dots \vee \dots Q(n) \quad (8)$$

$$P(x) \quad P(a) \quad P(b) \quad P(c) \quad P(n)$$

На этом основании квантификация квалифицируется как обобщение пропозициональных связок (Бессонов 1985, 55). Одни исследователи считают, что подстановочная интерпретация КС возможна только для конечных (регистрающих) множеств (Клаус 1960, 286), другие, напротив, указывают, что, когда множество бесконечно, использование квантора “позволяет удовлетвориться конечным выражением” (Grzegorzczuk 1975, 109; Kotarbiński 1957, 150). Горский отмечает, что квантификация бесконечных множеств реализуется в рамках умозаключения по неполной индукции (1985, 19), ср.:

- (69) *Толя любит “Мамбу”, Коля любит “Мамбу” — все любят “Мамбу”.*

П. Хиншт (Hinst 1974, 133) предложил обратную операцию — использование КС как элементов семантического представления сою-

зов. При этом, однако, следует учитывать, что союз как маркер квантификации должен сопровождаться пресуппозитивной информацией о существовании исходного множества индивидов. Так, в выражениях с союзом *и* эта информация отсутствует, и, напротив, она является неотъемлемым компонентом выражений с союзом *и... и*, ср.:

(70) *Пришли X и Y* = 'Множество тех, кто пришел, состоит из X и Y'.

(71) *Пришли и X, и Y*, пресуппозиция *Имеется множество из X и Y* и пресуппозиция *Ожидалось, что придет X или Y*.

В целом второе высказывание можно интерпретировать как 'Все объекты множества, состоящего из *X* и *Y*, пришли, и это больше ожидаемого объема'. Таким образом, в выражениях с союзом *и... и*, помимо, конъюнкции, содержится абсолютная квантификация и оценочное значение 'больше ожидаемого'. Абсолютная квантификация соотносит объем участников ситуации с их экзистенциальной нормой (*X и Y*), а оценочное значение — с их пропозициональной нормой (*X или Y*).

На кванторные свойства некоторых союзов (*и... и*, *или... или*, *ни... ни* и др.) обратил внимание В. З. Санников (1989, 196). Он, в частности, указывает, что союз *и... и* включает значения 'больше нормы' и 'все'.

Если соединительный союз *и... и* коррелирует с семантикой абсолютной квантификации и может быть употреблен в контексте обобщающих местоимений, ср.

(72) *Пришли все: и X, и Y, и Z*

то разделительные союзы *или... или*, *либо... либо* коррелируют с семантикой относительной квантификации, ср.:

(73) *Придет кто-нибудь один: или X, или Y, или Z*.

Спорной является логико-семантическая интерпретация союза *ни... ни*. Широко распространена трактовка этого союза как соединительного (Шведова 1980, 618; Санников 1989, 197-198). Однако, как представляется, имеется больше оснований для того, чтобы трактовать *ни... ни* как разделительный союз с обязательной отрицательной дистрибуцией (Киклевич 1990, 52-55; исключения и их условия см. там же). Санников указывает, что «союз *ни... ни* синонимичен союзу *и... и*, но употребляется в отрицательном контексте», и называет его

кванторный коррелят — отрицательные местоимения типа *никто*, *ничто*, *никогда* (1989, 198). Однако союзы *ни... ни* и *и... и* не являются семантически тождественными субститутами, ср.:

(74) *Не щадил ни себя, ни других.*

(75) *Не щадил и себя, и других.*

Первое высказывание может быть интерпретировано как ‘Неверно, что щадил хотя бы одного из множества, состоящего из себя и других’, а второе — как ‘Для каждого из множества, в которое входили он и другие, было верно, что он не щадил их’. Логическое содержание первого высказывания включает антидизъюнкцию, а содержание второго высказывания — обратную конъюнкцию, ср. формулы:

$$\neg \exists x \quad Q(x) \equiv Q(a) \neg \vee Q(b) \neg \vee Q(c) \dots \neg \vee \dots Q(n) \quad (9)$$

P(x)   P(a)   P(b)   P(c)   P(n)

$$\forall x \quad \neg Q(x) \equiv \neg Q(a) \& \neg Q(b) \& \neg Q(c) \dots \& \dots \neg Q(n) \quad (10)$$

P(x)   P(a)   P(b)   P(c)   P(n)

Обобщающие и неопределенные местоимения как кванторные корреляты союзов *и... и* и *ни... ни* не являются взаимоотрицаемыми — это контрадикторные единицы. Их семантическое сходство основано на том, что они выражают абсолютную квантификацию, однако обобщающим местоимениям свойственно значение полноты класса, а отрицательным — значение пустоты класса, которое является результатом отрицания неопределенного местоимения, ср.:

(76) *Неправда, что хотя бы часть населения поддержит такого президента*
 $\leftrightarrow$ *Ни одна часть населения не поддержит такого президента.*

Таким образом, основным функциональным классам в рамках категории квантификации (прежде всего — классам обобщающих, неопределенных и отрицательных местоимений) соответствуют три типа союзов: соединительные, разделительные и отрицательные.

Симметричность систем КС и союзов проявляется также в том, что в их лексическом содержании повторяются и некоторые дополнительные семантические признаки, например союз *ли... ли*, который обозначает, что «для описываемой ситуации различия между X-м и Y-м (членами, которые связаны союзом. — А.К.) не существенны — она имеет место при любых условиях» (Санников 1989, 117), се-

мантически соотносим с КС типа *всякий, кто угодно, лишь бы кто, кто попало*, в содержании которых имеется признак качественной невыбранности элементов. «Особым случаем» употребления *и... и*, по Санникову, являются выражения, «где этот союз сближается по значению с разделительными союзами» (1989, 197). Именно в этом значении *и... и* может соответствовать КС *любой*, которое сочетает в себе семантику абсолютной и относительной квантификации (о чем речь пойдет в следующей главе), ср.:

(77) *Он уживется и с одним, и с другим, и с третьим ↔ Он уживется с любым из них.*

Семантическое различие между союзами *или... или* и *либо... либо* можно, видимо, объяснить их корреляциями с КС: *либо... либо* означает ‘говорящему известно, что только один элемент множества входит в ситуацию’, что соответствует значению сочетания *только один* (где *один* — маркер относительной квантификации с дополнительным значением единичности), а *или... или*, кроме указанного выше, имеет значение ‘говорящему не известно, какой из элементов множества примет участие в ситуации’, что соответствует семантике КС типа *кто-то*, которые, помимо квантификации, выражают субъективную неопределенность. Вполне объяснимой является некорректность выражений типа (пример Санникова)

(78) **Кто-то, либо Ньютон, либо Паскаль уже описывал это явление*

— в таких случаях семантика субъективной истины в содержании союза противоречит семантике неопределенности в содержании КС.

Специфика союзов как маркеров квантификации заключается в том, что, в отличие от ее других форм, они сочетаются с символами, которые обозначают элементы множества, т.е. когда множество задано эмпирически, тогда как другие КС (*все, каждый, некоторые, никто*) сочетаются, преимущественно, с символами, обозначающими множество в целом. т.е. когда множество задано дескриптивно.

Семантические отношения между КС и союзами имеют и другую сторону. В высказываниях с КС можно выделить как минимум две пропозиции: *включающую*, которая характеризует актуальный план высказывания, и *ключенную*, которая характеризует виртуальный план высказывания, например:

- (79) *Все монеты были разложены по номиналу* $\leftrightarrow$ *Все монеты, которые имелись, были разложены по номиналу.*

Интерпретация подобных выражений в логике основана на сочетании квантора и юнктора, ср.: ‘Для всех x -ов верно, что если они являлись монетами, то они были разложены по номиналу’. Однако не вызывает сомнений, что данная интерпретация не соответствует объективному языковому смыслу высказывания. Во-первых, в высказывании подразумеваются имеющиеся у некоторого известного лица монеты, а не вообще предметы, которые являлись монетами. Во-вторых, трансформа содержит значение потенциальности, тогда как базовое высказывание ее лишено. В-третьих, трансформа, благодаря юнктору *если... то*, соотносится со всеми логическими возможными мирами, т.е. учитывает и те объекты, которые не являются монетами (хотя и союзы естественного языка не всегда выражают канонические, полные пропозициональные связки (Санников 1989, 104; Киклевич 1991, 187-188), тогда как в высказывании с КС

- (80) *Все монеты были разложены по номиналу*

вообще не сообщается об объектах, которые не являются монетами.

Необходимо также учесть и то обстоятельство, что высказывания с абсолютной квантификацией при распределенном и нераспределенном сказуемых соотносятся с разными пропозициональными связками, ср.:

- (81) *Все металлы электропроводны* — импликация (1011).
(82) *Все прямоугольники с равными сторонами* — квадраты — эквивалентность (1001).

Общим содержательным признаком этих высказываний являются истинностные значения в первых двух возможных мирах (10), что и является логико-семантической основой абсолютной квантификации.

Таким образом, если выражения с КС интерпретировать в терминах логики высказываний и в качестве простых высказываний рассматривать включающую (актуальную) и включенную (виртуальную) его части, то квантификация может быть представлена в виде набора нестандартных («усеченных») пропозициональных связок, см. приведенные ниже таблицы.

Таблица 2

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Все монеты были разложены по их номиналу</i>
1	истинно	истинно	истинно
2	истинно	ложно	ложно

Таблица 3

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Часть монет была разложена по их номиналу</i>
1	истинно	истинно	истинно
2	истинно	ложно	истинно

Таблица 4

Возможные миры	<i>Имелись монеты</i>	<i>Монеты были разложены по их номиналу</i>	<i>Ни одна монета не соответствовала своему номиналу</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Наконец, третий аспект отношений между КС и союзами касается их взаимодействия в семантической структуре высказывания (вместе с другими категориями — такими, как совместность, прерывность действия и т.п.). Результатом этого взаимодействия является логическое содержание высказывания, которое не всегда соответствует стандартному значению имеющейся в нем пропозициональной логической связки. Так, в высказываниях с соединительным союзом *и* может содержаться не только конъюнкция, как это общепринято в логической и лингвистической литературе, ср.:

(83) *Иван с утра ушел на охоту, и Петр ушел вместе с ним*

— но также эквивалентность и констелляция, ср.:

- (84) *Иван иногда зимой ходит на охоту, и Петр иногда зимой ходит на охоту, причем всегда они охотятся вместе.*
 (85) *Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда охотится вместе с ним.*

Более того, при этом содержание высказываний с одной и той же пропозициональной связкой может варьироваться. Рассмотрим высказывания:

- (86) (a) *Иван с утра ушел на охоту, и Петр ушел вместе с ним.*
 (b) *Иван ушел на охоту, и Петр ушел на охоту.*
 (c) *Иван всю эту зиму жил на даче, и Петр всю эту зиму жил на даче.*

Во всех трех высказываниях содержится конъюнкция, однако их интерпретация с помощью логики высказываний не тождественна:

- (a) $(p \equiv q) \& (p \vee q)$ (11)
 (b) $p \& q$ (12)
 (c) $(\neg (p \rightarrow q) \& \neg (q \rightarrow p)) \vee (p \& q)$ (13)

Содержащие союз *и* высказывания с констелляцией также могут различаться логической структурой:

- (87) (a) *Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда охотится вместе с ним.*
 (b) *Иван иногда ходит на охоту, и Петр иногда ходит на охоту.*

- (a) $(p \equiv q) \vee \neg (p \& q)$ (14)
 (b) $(p \equiv q) \vee (p \vee q)$ (15)

Подробнее логическое содержание сложных высказываний с комбинированием КС и союзов описано в работе: Киклевич 1991, 181 ссл.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель (1978), Сочинения. Т. 2. Москва.
 Асанидзе Г. З. (1981), О диалогическом обосновании логики. [В:] Логико-семантические исследования. Тбилиси, 37-54.
 Белнап Л./Стил Т. (1981), Логика вопросов и ответов. Москва.
 Бессонов А. В. (1985), Предметная область в логической семантике. Новосибирск.

- Гаргов Г. (1987), Именни групи с информация за екзистенциална квантификация в българското изречение. [В:] Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 3. Съвременен български език. София, 455-461.
- Горский Д. П. (1985), Обобщение и познание. Москва.
- Земская Е. А. (1992), Словообразование как деятельность. Москва.
- Киклевич А. К. (1989), Отрицание кванторов и модальные пресуппозиции. [В:] Веснік Белар. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. IV/3, 50-55.
- Кіклевіч А. К. (1990), Польскі злучнік *ani* з сінхранічнага і дыяхранічнага пункту гледжання. [В:] Веснік Белар. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. IV/3, 52-55.
- Киклевич А. К. (1991), „Логическая интерпретация союза *и* в семантической структуре предложения и текста. [В:] Проблемы лингвистики текста. Минск, 181-197.
- Кіклевіч А. К. (1993), Аб некаторых сінтаксічных уласцівасцях квантарных лексем. [В:] Веснік Белар. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. IV/2, 30-34.
- Клаус Г. (1960), Введение в формальную логику. Москва.
- Копыленко М. М./Попова З. Д. (1989), Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Воронеж.
- Кржижкова Е. (1974), Количественная детерминация прилагательных в русском языке. [В:] Синтаксис и норма. Москва, 122-144.
- Литвак С. Я. (1984), Классы множественности существительных как языковые и подязыковые универсалии. [В:] Лингвистические исследования. Грамматика и семантика предложения. Москва, 103-114.
- Максимова Г. (1984), Средства выражения категорий общности и множественности в русском языке. [В:] *Slavia Orientalis*. XXXIII/4, 451-458.
- Мельчук И. А. (1985), Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Вена.
- Николаева Т. М. (1985), Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). Москва.
- Павилёнис Р. (1975), Язык и логика. Вильнюс.
- Падучева Е. В. (1985), Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва.
- Панфилов В. З. (1982), Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. Москва.
- Пете И. (1981), Семантические типы количественных отношений. [В:] *Die Welt der Slawen*. XXVI, 338-345.
- Разлогова Е. А. (1980), Лексика количественного сравнения и лексическая интенсификация. [В:] Исследования в области грамматики и типологии языков. Москва, 65-116.
- Санников В. З. (1989), Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. Москва.
- Санников В. З. (1990), Два русских сочинительных союза: *и*; *и то*. [В:] *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 211-220.

- Супрун А. Е. (1969), Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск.
- Тондл Л. (1975), Проблемы семантики. Москва.
- Тополинска З. (1987-1988), Количествена информација во именската синтагма во јужномакедонските говори. [В:] Македонски јазик. XXXVII-XXXIX, 27-45.
- Уфимцева А. А. (1974), Типы словесных знаков. Москва.
- Червенкова И. (1975) О показателях меры признака // Годишник на Софийския университет. Фак. по слав. филологии. LXVIII/1, 5-110.
- Червенкова И. (1977), Адвербиальные показатели степени признака в русском языке. [В:] Годишник на Софийския университет. Фак. по слав. филологии. LXVII/3, 123-188.
- Червенкова И. (1990), О частицах *только* и *лишь*. [В:] *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 75-82.
- Чеснокова Л. Д. (1992), Категория количества и способы ее выражения. Таганрог.
- Шведова Н. Ю. (ред.) (1980), Русская грамматика. Москва.
- Щур М. Г. (1988), Коммуникативная организация высказываний с частицей *только*. [В:] ФН. 1, 72-76.
- Bachmann H. (1985), *Der Weg der mathematischen Grundlagenforschung*. Bern — Frankfurt am Main — New York.
- Bednarek A. (1994), *Leksykalne wykładniki parametryzacji świata*. Toruń.
- Běličová H. (1992), Kvantifikující adverbialní určení v současných slovanských jazycích. [In:] *SaS*. LXI/2, 119-136.
- Birkenmaier W. (1979), *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache*. München.
- Bogusławski A. (1966), *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*. Wrocław etc.
- Döppke W. (1985), *Kasus, Sachverhalte und Quantoren. Beitrag zur formalen Semantik*. Tübingen.
- Grzegorzczak A. (1975), *Zarys logiki matematycznej*. Warszawa.
- Grzegorzczakowa R. (1973), *Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej*. [In:] *Liczba, ilość, miara*. Warszawa, 83-99.
- Hinst P. (1974), *Logische Propädeutik*. München.
- Hlavsa Z. (1975), *Denotace objektu a její prostředky v současné češtině*. Praha.
- Karolak S. (1986), *Kwantyfikacja a temporalizacja*. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. I. Temporalność*. Wrocław etc., 65-82.
- Klaus G. (1973), *Moderne Logik*. Berlin.
- Komárek M. (1978), *Sémantická struktura deiktických slov v češtině*. [In:] *SaS*. XXXIX/1, 5-14.
- Kopečný F. (1953), *Kvantitativní přívlastek a určené míry*. [In:] *SaS*. XIV, 115-121.
- Kopečný F. (1962), *Základy české skladby*. Praha.
- Kotarbiński T. (1957), *Wykłady z dziejów logiki*. Łódź.
- Lakowa M. (1987), *Informacja kwantyfikatorska i niekwantyfikatorska w zdaniu bułgarskim*. [In:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. II. Określoność/nieokreśloność*. Wrocław etc., 83-104.

- Nozsicska A. (1978), Bemerkungen zur Quantifikation, Konjunktion und Negation im Russischen. [In:] Wiener Slawistischer Almanach. 2, 209-239.
- Nozsicska A. (1988), Die Grammatik der Negation. Am Beißpiel des Deutsche und Russischen. Wien.
- Ondrus P. (1964), Morfologia spisovnej slovenčiny. Bratislava.
- Ondrus P. (1969), Číslovky v súčasnej spisovnej slovenčine. Bratislava.
- Rathmayr R. (1983), Zur Polyfunktionalität kleiner Wörter am Beißpiel von russisch *только*. [In:] Wiener Slawistischer Almanach. XI, 113-132.
- Schabowska M. (1967), Rzeczowniki ilościowe w języku polskim. Wrocław etc.
- Šikra J. (1991), Sémantika slovenských prísloviok. Bratislava.
- Stanosz B. (1985), Wprowadzenie do logiki formalnej. Warszawa.
- Tokarz M. (1986), Semantyka bez pojęcia denotacji. [In:] Studia semiotyczne. XIV-XV, 133-146.
- Vertulani Z. (1990), O kwantyfikatorze zerowym. [In:] Studia Semiotyczne. XVI-XVII, 179-187.
- Weinrich H. (1976), Sprache in Text. Stuttgart.
- Weinsberg A. (1983), Językoznawstwo ogólne. Warszawa.
- Wierzbicka A. (1991), Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin — New York.
- Wiśniewski M. (1990), Czy liczebnik może być uznany za nadrzędnik dystrybucyjny szeregu rzeczownikowego?. [In:] Studia gramatyczne. IX, 87-98.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ *

1. К понятию функционального глагола

Функциональными считаются глаголы, которые не входят в базовую предикатно-аргументную структуру предложения, т.е. не являются пропозициональными предикатами. Пропозициональная структура представляет собой номинативное ядро предложения, к которому добавляются разного рода элементы интерпретативной, в частности, модальной семантики. Если номинативная семантика является функцией языковых форм — с точки зрения их отношения к субстанциям и психическим отражениям субстанций, то интерпретативная семантика является функцией языковых значений — с точки зрения их отношения к языковым субъектам.

Термины *функциональные слова* и *функциональные глаголы* восходят к западной лингвистической традиции, в которой значение рассматривается как виртуальная, парадигматическая характеристика знака, а функция — как актуальная, синтагматическая характеристика (подобная дифференциация принята в синтаксической — не разделяемой мной — концепции Г. А. Золотовой). Это различие, однако, весьма условно, потому что значение (в частности, лексическое значение) также представляет собой функцию, а именно — номинативную функцию знака (К. Бюлер писал о «репрезентативной функции» знаков). Поэтому, с моей точки зрения, более приемлемо распространенное в славянской лингвистической традиции против-

---

* Исправленный вариант ранее опубликованной статьи: Опыт классификации функциональных глаголов. [В:] Rycielska M./Lisowska G. (red.), Wschód — Zachód. Słowiańsko-germańskie badania literaturoznawcze, językoznawcze i glotodydaktyczne na przełomie milenium. Słupsk 2002, 225-234.

поставление знаменательных и служебных слов (или частей речи), в основе которого лежит 1) признак наличия/отсутствия лексического значения и 2) признак авто-/синсемантичности. Ср. русские глаголы *читать*, *быть*, *надеяться*:

- (1) *Иван читает книгу — Иван (что-то) читает.*
- (2) *Иван будет читать книгу — *Иван будет.*
- (3) *Иван надеется, что я прочту книгу — ? Иван надеется.*

Следует отметить, что возможны перифразы с квазиавтосемантическими позициями функционального глагола — подобное явление наблюдается при эмфатическом выделении субъекта-подлежащего или же в ситуации эллипсиса:

- (4) — *Кто будет участвовать в выборах?*
— *ИВАН будет.*
- (5) *Яне буду участвовать в выборах, а ИВАН — БУДЕТ.*
- (6) — *Кто из вас надеется, что новое правительство изменит ситуацию?*
— *ИВАН надеется.*
- (7) — *Тамара не надеется, что новое правительство изменит ситуацию.*
— *А ИВАН — НАДЕЕТСЯ.*

Если глагол *читать* является автосемантическим и относится к классу знаменательных слов, то глаголы *быть* и *надеяться* являются синсемантическими и относятся к классу служебных слов. Некоторые многозначные глаголы употребляются и как знаменательные, и как служебные, например, глагол *думать*:

- (8) *Иван часто думает обо мне.*
- (9) *Иван думает, что Маши скоро вернется.*

В первом случае глагол выражает значение ‘размышлять, предаваться раздумью’, а во втором — значение ‘полагать, считать, предполагать’. Если многозначность глагола *думать* отражена в толковом словаре (можно сослаться на академический «Словарь русского языка»), то авто- и синсемантическое употребление глагола *существовать* в толковом словаре не отражено: словарь указывает на значение ‘быть в действительности, быть в наличии, иметься; иметь какое-л. назначение’, которое, например, представлено в предложении:

- (10) *Здесь существуют такие порядки.*

Однако глагол *существовать* употребляется и как кванторное слово:

- (11) *Существуют капризные дети ↔ Некоторые дети являются капризными*
↔ Множество капризных детей не является пустым.

В данном случае синсемантическая проявляется в том, что невозможно элиминирование компонента (а именно — прилагательного *капризные*), который не вступает с глаголом в прямую синтагматическую связь.

Другим поверхностно-синтаксическим проявлением синсемантической (и служебности) является невозможность эллипсирования компонента, который непосредственно (семантически и формально-грамматически) подчиняется глаголу:

- (12) *Некоторые европейские страны являются участниками Шенгенского соглашения* — **Некоторые европейские страны являются.*

В теории функционального моделирования предложения (Киклевич 1999; Kikiewicz 2004) предложена немецким славистом Х. Яхновым система трех рангов языковых единиц: 1) конструктивных, 2) номинативных и 3) коммуникативных. Номинативными единицами в составе высказывания являются аргументы и предикаты, а высказывание в целом представляет собой коммуникативную единицу. Что касается конструктивных единиц, то они представлены несколькими типами:

1. на уровне морфемы — фонемами, обладающими смысловоразличительной функцией;
2. на уровне лексемы — аффиксами, т.е. носителями релятивных грамматических значений;
3. на уровне предложения — служебными/функциональными словами, иначе — синтаксическими операторами, которые используются для реализации функций номинативных и коммуникативных единиц.

Таким образом, терминологически удобно различать глагольные предикаты (типа *читать, разливать, информировать, спать* и т.д.) и глагольные операторы (типа *быть, стать, надеяться, существовать, перестать* и т.д.).

2. Глагольные операторы в разных синтаксических концепциях

В академической польской грамматике 1984 г. к полнзначным относятся глаголы — носители предикативного содержания, не требующие обязательного присутствия при себе других носителей предикативного содержания (Grzegorzyczkowa et al. 1984, 173). В семантической структуре высказывания такие глаголы функционируют как предикаты первого порядка. Что касается неполнзначных глаголов, они, как указывается в грамматике, представлены несколькими разрядами. Во-первых, это служебные глаголы-связки, например, *быть* или *являться* в высказываниях типа (12). Во-вторых, это глагольные компоненты устойчивых аналитических конструкций типа *оказать влияние*, *выполнить прыжок*, *отправить в ссылку*, *иметь значение* и т.п., которые могут иметь в системе языка синтетические — лексические соответствия, ср.: *влиять*, *прыгнуть*, *сослать*, *значить*. В-третьих, различные по содержанию, а именно — каузативные, фазовые, модальные и др. глаголы в функции предикатов второго порядка, т.е. такие, которые требуют пропозиционального заполнения позиции хотя бы одного аргумента, например: *обусловить*, *совершить*, *начать*, *закончить*, *мочь*, *хотеть* и др.

Следует отметить, что в различных системах грамматических классов слов глагольным операторам уделяется довольно мало внимания. Так, О. И. Москальская (Moskał'skaja 1971, 44) выделяет в отдельную группу только связочные глаголы — синсемантические маркеры сказуемого, «обладающие синтаксической функцией, которая не тождественна функции предложения». Последняя характеристика, однако, не релевантна по отношению к другому подклассу глагольных операторов — модальных слов, которые, по мнению некоторых грамматистов, «имеют статус предложения» (Flämmig 1972, 129; 1991, 358). Впрочем, Р. Лясковский считает, что модальные слова являются автосинтагматичными (см. Grzegorzyczkowa et al. 1984, 32).

Значительным шагом вперед в разработке типологии функциональных глаголов явилась работа Ц. Перникарского (Piernikarski 1990, 129 ссл.), в которой сочетаются элементы дистрибутивного и семантического анализа. Глагольные операторы составляют подкласс лексем, которые в первичной функции связаны с формальным субъектом и обладают аналитическим способом выражения грамматических категорий. При этом различаются несколько разрядов таких операторов:

1. V, которые могут выступать без других V.
  - 1.1. В конструкциях типа V + S: *mieć (wpływ), wywierać (wpływ)*.
  - 1.2. В конструкциях типа V + AdS: *jest (zdrów)*.
2. Могут выступать вместе с другими V: *przekazywać (wiadomość)*.
3. Имплицируют другой V: *podjąć (decyzję), powziąć (postanowienie)*.

Кроме того к глагольным операторам следует отнести лексемы, которые в первичной функции связаны с формальным субъектом и обладают синтетическим способом выражения грамматических категорий, имплицитно другой V. Подобные глаголы представлены двумя разрядами: лексемами, которые сочетаются с AdV без ограничений, например, *zdecydować, postanowić*, и лексемами, которые сочетаются с AdV с ограничениями, например, *przypuszczać, wątpić, sądzić*.

Дистрибутивно-семантические классы в теории Перникарского лишь частично совпадают с традиционными частями речи. Так, фазовые и модальные глаголы, имеющие, как и AdV, глагольную коннотацию, ср.: *хочет/начинает/хорошо писать*, — Перникарский отнес к классу AdV, ядро которого составляют традиционные наречия.

В детальной грамматической классификации Ю. А. Левицкого (1987) лексемы, которые обычно относятся к классу служебных глаголов, распределены по нескольким категориям. Первая категория — модальные слова, которые квалифицируются как неэмоциональные, некатегорические, независимые заместители предложений (1987. 47). Вторая категория — трансляторы, или слова-преобразователи, которые используются в процессе синтагматической транспозиции. Сущность этого явления состоит в том, что слово, формально-грамматически принадлежащее к одной части речи, занимает синтаксическую позицию, характерную для другой части речи. Ср. английские предложения:

(13) *Tom is a pupil.*

(14) *Tom is clever.*

Существительное *pupil* и прилагательное *clever* функционируют здесь как сказуемые. Формальным показателем этой вторичной функции является служебный глагол *is* — типичный транслятор.

Трансляторы — маркеры, применяемые к именам. Но имеются и глагольные маркеры. Они подразделяются на два подкласса: форман-

ты и операторы. Форманты (это уже третья категория функциональных глаголов в классификации Левицкого), которые в грамматической традиции называются вспомогательными глаголами, используются для образования разного рода аналитических форм глагола, например, *быть* как элемент аналитических форм будущего времени глаголов в русском языке (1987, 55). Четвертый класс — операторы, которые используются для образования усложненных форм сказуемого. Это аспектно-фазисные и модальные глаголы.

3. Типы глагольных операторов

Предлагаемая в данной работе классификация глагольных операторов опирается на упомянутую теорию функционального моделирования, в соответствии с которой различаются 1) операторы высказывания, 2) операторы предиката и 3) операторы аргумента.

3.1. Коннотативные операторы

Область значения коннотативной (стилистической) функции состоит из множества конситуаций — типов социального взаимодействия посредством речевого информационного обмена (Киклевич 1999, 156). Информацию об обстоятельствах употребления высказывания могут передавать и глагольные лексемы, хотя, видимо, нет случаев, когда бы эта функция для глагольного оператора была специфической. В качестве коннотативных операторов косвенно могут употребляться модальные глаголы, например, *хотеть*:

(15) *Хочу подарить Вам...*

(16) *Хочу сказать, что...*

(17) *Хотел бы попросить Вас...*

(18) *Хотелось бы обратить Ваше внимание...*

(19) *Bardzo proszę Pana, żeby z e s h c i a ł Pan zgodzić się z tym terminem.*

К перформативной семантике ‘дарю’, ‘говорю’, ‘прошу’, ‘обращаю внимание’ здесь добавляется (иногда граничащая с маньеризмом) семантика вежливости, а также информация о социальной «чуждости» коммуникантов. Экспансия подобных операторов — характерная черта официально-делового стиля.

3.2. Иллокутивные операторы

Они указывают на тип речевого акта. Их отличие от ядерных пропозициональных предикатов состоит в том, что иллокутивные операторы синсемантически — они актуализируются на фоне импликатуры *Я произношу данное высказывание, тем самым я осуществляю речевой акт*. Например:

- (20) *Приказываю начать уборку урожая* = ‘Я произношу данное высказывание, тем самым я осуществляю акт приказа, ожидаемым эффектом которого является начало уборки урожая’.

Как представляется, различие между перформативами и константами состоит именно в наличии/отсутствии упомянутой импликатуры, ср.:

- (21) — *Иван Петрович, что Вы делаете?*
— *Я приказываю начать уборку урожая* = ‘Я осуществляю акт приказа, ожидаемым эффектом которого является начало уборки урожая’.

Если в высказывании (20) глагол *приказываю* выступает как иллокутивный оператор, то в высказывании (21) — как предикат ядерной пропозиции.

Операторами являются только те перформативные глаголы, которые выступают как предикаты второго порядка, например, глагол *приказываю*. Заслуживает серьезного научного обсуждения вопрос о том, имеются ли также перформативные глаголы, которые функционируют как предикаты первого порядка, например:

- (22) *Отпускаю тебе твои грехи.*
(23) *Нарекаю это судно «Федор Достоевский».*

К числу побуждающих перформативов относится и русский глагол *дать* в форме 2-го лица повелительного наклонения (академический «Словарь русского языка» квалифицирует глагол в этом употреблении как «побудительную частицу»), например:

- (24) *Дай/дайте сказать/скажу/рассмотреть/потрогать/передохну* и т.д.

Содержание этого оператора — просьба о позволении, разрешении, предоставлении возможности: ‘прошу дать мне возможность осуществить далее указанное действие’. В отличие от дай форма глагола

несовершенного вида *давай/давайте* содержит призыв к коллективному выполнению действие — с участием говорящего и слушающего:

(25) *Давай/давайте поедем на Балатон.*

Обычно перформативный глагол имеет форму 1-го лица ед. числа индикатива, однако встречаются и другие морфологические формы иллюкутивных операторов, например, употребляемая в качестве вводного слова русская безличная форма спрашивается, ср.:

(26) *А зачем, спрашивается, этой стране министерство культуры?*

Чаще всего безличные перформативные глаголы употребляются в рамках официального и книжного стилей речи: *настоящим подтверждается/предписывается, требуется, запрещается, не разрешается и т.д.*

3.3. Модальные операторы

Единицы данного класса выражают интерпретацию референциальной ситуации говорящим. Среди модальных слов имеется варьирующая в разных языках свой объем подгруппа глаголов, прежде всего маркеров алетической модальности мочь, быть должным, исключать возможность и др., а также деонтической модальности разрешать, запрещать, хотеть, требовать и т.д. К сфере деонтической модальности относятся, видимо, все побуждающие глаголы (с семантикой обязательства, обещания, уверения, гарантии, клятвы, согласия, отказа, ручательства, угрозы, приказа, требования, распоряжения, разрешения, запрещения, предписания, просьбы, совета, предложения, приглашения и т.д.) в их неперформативном употреблении. Деонтическую, в частности, волюнтаривную семантику может выразить русский глагол взять в конструкциях типа:

(27) *Маша взяла помыла пол.*

С помощью глагольного оператора *взяла* ситуация интерпретируется как результат автопобуждения, как личная инициатива агенса. Наиболее явно эта семантика проявляется при сопоставлении с побуждающим глаголом:

(28) *Иван потребовал, чтобы Маша помыла пол.*

(29) **Иван потребовал, чтобы Маша взяла и помыла пол.*

Высказывание (28) может быть трансформировано в перформатив:

(30) *(Иван Маше) Требую, чтобы ты помыла пол.*

Однако высказывание (27) подобной трансформации, видимо, не допускает. Впрочем, в разговорной речи возможно модальное употребление глагола *взять* в форме повелительного наклонения, например:

(31) *Маша, возьми помой пол.*

(32) *Возьми поспи.*

В этом случае семантика автопобуждения накладывается на значение императивности, результатом чего является семантика мягкой просьбы, скорее — предложение осуществить действие, которое, согласно установке говорящего, не противоречило бы планам поведения адресата. *Возьми помой* здесь значит 'если хочешь/если не имеешь ничего против, то помой'.

Семантику «собственной решимости к какому-л. действию» (как указывает «Словарь русского языка») выражает также форма повелительного наклонения глагола *дать*, ср.:

(33) *Дай, думаю, зайду к старому знакомому.*

Одно из значений нормативной модальности — паранормативность, т.е. отклонение события от нормы или от ожиданий субъекта. В русском языке это значение может маркироваться синтагматической группой с глаголом *взять*:

(34) *Все ждали его диссертации, а он взял да и уехал корреспондентом*

(35) *в Чечню.*

(36) *А вот возьму и сделаю по-своему.*

3.4. Атрибутивные операторы

Здесь мы имеем дело со специальными лексическими маркерами сказуемости, в терминологии Ю. А. Левицкого — *трансляторами*. Их лексическое значение ослаблено или вовсе отсутствует, зато на первый план выдвигаются грамматические показатели, которые обеспечивают всей глагольной группе позицию и соответствующую семантику сказуемого как признака, приписываемого предмету сообщения, см. примеры (13) и (14).

Атрибутивные операторы можно разделить на две группы: первую составляют лексемы с общим значением 'является носителем указанного признака А', вторую — лексемы с общим значением 'осуществляет указанное действие А'. Ср.:

- (37) *Судья был швейцарец — Судья-швейцарец.*
- (38) *Судья издал свисток* (В. Уткин, телерепортаж НТВ. 10 X 1996) — *Судья просвистел.*

3.5. Метаязыковые операторы

Данные единицы относятся к сфере презентации речи. Они представляют собой интерпретацию языковой формы сообщения:

- (39) *так сказать*
- (40) *если можно выразиться*
- (41) *как сказал X*
- (42) *как сказал бы X*
- (43) *мягко говоря*
- (44) *скажем*
- (45) *допустим*
- (46) *собственно говоря*
- (47) *подчеркнем*
- (48) *фигурально выражаясь*
- (49) *сильно сказано* и т.п.

3.6. Коммуникативные операторы

Операторы этого типа маркируют позицию высказывания в структуре диалога. Например, одна подгруппа таких глаголов используется для сигнализации речевой активности говорящего:

- (50) *слушайте!*
- (51) *я хочу сказать, что...*
- (52) *позволю себе заметить, что...* и др.

Другая подгруппа глаголов, напротив, характеризует речевую деятельность слушающего: они сигнализируют его готовность оставаться в роли пассивного получателя информации:

- (53) *слушаю*
- (54) *понимаю*

(55) *продолжайте*

(56) *согласен* и т.п.

Особенно важны операторы этого типа при отсутствии визуального контакта между коммуникативными партнерами, например, в ситуации телефонного разговора (Богданов 1990, 25).

Отдельную подгруппу составляют рекреативные операторы. Их специфика состоит в том, что они заполняют паузы в речевом потоке, создают иллюзию непрерывности речевой деятельности, как указывает Б. Ю. Норман (1994, 192), дают говорящему возможность выбора языковых средств. В качестве рекреативных операторов выступают вводные слова и конструкции с глаголами:

(57) *видите ли*

(58) *знаете ли*

(59) *понимаешь*

(60) *скажем*

(61) *так сказать* и т.п.

3.7. Эпистемические операторы

В соответствии со своим предназначением единицы данного типа соотносят описываемое положение дел с пропозициональной установкой субъекта. Ср.:

(62) *Иван верит, что внеземные цивилизации существуют.*

Положение дел, соответствующее пропозиции *Внеземные цивилизации существуют*, вводится как относящееся к эпистемическому возможному миру «То, во что верит Иван». К эпистемическим относятся ментальные и эмотивные (сентиментальные) глаголы.

3.8. Финитивные операторы

Данные функциональные глаголы характеризуют референтную ситуацию *A* как граничащую во времени с ситуацией *B* или же безотносительно к ее пределу. Финитивная функция реализуется обычно с помощью морфологической категории вида и специализированных частей. Однако эту семантическую категорию могут «обслуживать» также функциональные глаголы. Например, польские глаголы *być*

и *zostać* обладают различными селективными признаками вида, ср.:

- (63) *był pisany*
- (64) *zostały napisany*

3.9. Фазовые операторы

К этой категории относятся лексические единицы, которые обозначают отношение описываемой ситуации к другим референтным ситуациям, иными словами — временной интервал между данным моментом осуществления ситуации *A* и ситуацией *B*. Поскольку фазовая функция имеет три наиболее общих значения — начало, конец и средняя фаза ситуации, то фазовые операторы представлены тремя подклассами: типа *начать/начинать*, типа *продолжить/продолжать* и типа *кончить/кончать*. В качестве элементов этих подклассов выступают также единицы, для которых фазовая семантика является вторичной, например, русские глаголы *давать* (в форме повелительного наклонения) и *пойти* (в форме прошедшего времени) — со значением начала действия, ср.:

- (65) *Схватил метлу и давай махать.*
- (66) *Слово за слово — и пошли перемывать косточки соседям.*

3.10. Темпоративные операторы

Указывают на отношение референтной ситуации к коммуникативной ситуации. В русском языке эту функцию выполняет служебный глагол *быть*, например, в конструкциях *будет писать*, *была написана*, *будет написана*, *писал было* и т.п.

3.11. Кванторные операторы

Эта группа служебных глаголов представлена кванторными словами *быть*, *бывать*, *существовать*, *иметься*, *встречаться*, *попадаться*, *случаться* и др. Примером кванторного употребления глагола является высказывание (11).

4. Заключение

Основная часть глагольных операторов относится к сфере функций высказывания — операторами аргументов и предикатов чаще всего являются местоимения, наречия, частицы, артикли и, разумеется, разнообразнейшие аффиксальные средства. Кроме того обращает на себя внимание и то, что в морфологии глагола закодирован целый ряд функций высказывания: модальная, темпоративная, финитивная и др. В этом проявляется особый функциональный статус глагола — категории слов, которые не только благодаря своим валентностным свойствам составляют ядро номинативной семантики высказывания, но и благодаря своим интерпретационным свойствам лежат в основе коммуникативной семантики высказывания, т.е. позволяют конвертировать пропозициональные выражения в предикативные.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов В. В. (1990), Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Ленинград.
- Киклевич А. К. (1999), Лекции по функциональной лингвистике. Минск.
- Левицкий Ю. А. (1987), О классах грамматических единиц. Пермь.
- Норман Б. Ю. (1994), Грамматика говорящего. Санкт-Петербург.
- Flämmig W. (1972), Skizze der deutschen Grammatik. Berlin.
- Flämmig, W. (1991), Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur und Wirkungszusammenhänge. Berlin.
- Grzegorzczukowa R. et al. (eds.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa.
- Kiklewicz A. (2004), Podstawy składni funkcjonalnej. Olsztyn.
- Moskal'skaja O. I. (1971), Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau.
- Piernikarski C. (1990), Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi). Wrocław etc.

ДИАТАКСИС, ИЛИ АССОЦИАТИВНАЯ СВЯЗЬ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

1. Дуализм предложения

Принятое в синтаксической науке разграничение подчинительной и сочинительной связи (гипотаксиса и паратаксиса) в простом предложении базируется на двух критериях:

1. структурно-семантическом — наличии/отсутствии детерминативности как отношения словоформ, одна из которых является главной, а другая — зависимой;
2. формально-грамматическом — манифестации синтаксической связи преимущественно с помощью грамматических морфем (словоизменяемых аффиксов) — при гипотаксисе, или же, преимущественно, служебных слов (союзов) и интонации — при паратаксисе.

Граница между гипо- и паратаксисом не является, однако, абсолютно строгой: во-первых, к категории паратаксиса относятся, кроме типично сочинительных (однородных), также синтаксические конструкции, в которых идентичные с формально-грамматической точки зрения словоформы вступают между собой в детерминативную связь, ср.:

- (1) *дядя Сережа*
- (2) *поезд Минск — Варшава*
- (3) *профессор Корытко*
- (4) *пойди скажи* и др.

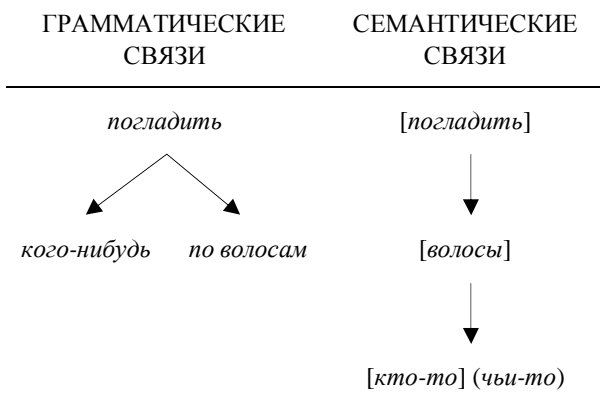
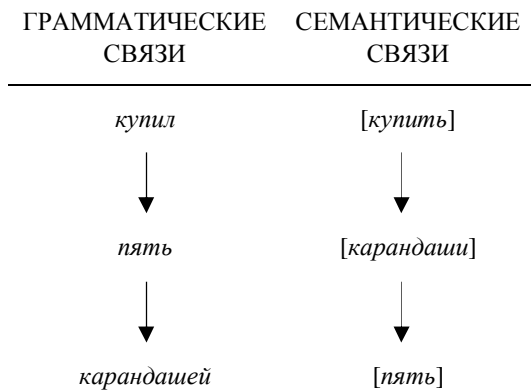
* Текст переработанного доклада, подготовленного в 2007 году для международной научной конференции «Синтаксис славянских языков» (Нови Сад, Югославия). Ранее опубликован: Гипотаксис — паратаксис — диатаксис. Ассоциативная связь в структуре простого предложения. [В:] *Slavia Orientalis*. LV/3, 401-422.

Подтверждением детерминативной семантической связи может быть то, что паратаксическая конструкция в подобных случаях трансформируется в гипотаксическую, например:

- (5) *Да кто же мужчины носят корсет? — возражала Варвара* (Ф. Сологуб), ср. *кто из мужчин*.
- (6) *Провизор Леопольд Григорьевич [...] продавал свояченице брандмейстера «Крем Анго, против загара и веснушек, придает исключительную белизну коже»* (И. Ильф/Е. Петров), ср. *крем [...] который придает исключительную белизну коже*.
- (7) *Добрый день, это Моисеев Борис Григорьевич, Москва* («Комсомольская правда». 11 I 1987), ср. *это Моисеев Борис Григорьевич из Москвы*.

Во-вторых, как отмечалось в литературе (Topolińska 1984, 240 сл.), не существует содержательных или формальных признаков, которые были бы обязательными для подчинительной или сочинительной связи, поэтому вполне обоснована трактовка сочинения как разновидности конгрегационной категории (т.е. категории с размытыми границами) (Киклевич 1996, 52).

Характерным проявлением гипотаксиса в предложении является *в е р б о ц е н т р и з м* — ядерное положение глагольного предиката, который обуславливает функции (а в случае управления — и грамматические формы) семантически зависимых от него предметных имен (Норман 1994, 142). В идеально организованном, *с и м м е т р и ч н о м* гипотаксическом выражении семантические функции компонентов, их морфологические свойства и синтаксические связи соответствуют друг другу (Плотников 1984, 41). Впрочем, среди грамматически правильных гипотаксических выражений встречаются и несимметричные, в которых содержательные и формальные связи компонентов не совпадают — например, сочетания с количественными числительными типа *купил пять карандашей* или сочетания с «расщепленными» (термин Ю. Д. Апресяна) семантическими валентностями типа *погладить кого-нибудь по волосам*.

Для слов с предметной семантикой в составе гипотаксических конструкций характерна сочетаемость с признаковыми словами, сочетания же типа $S - S$ считаются производными от сочетаний с глаголом, т.е. типа $S - V - S$, ср.:

- (8) человек со стороны ← человек пришел со стороны
- (9) трактир на Пятницкой ← трактир находится на Пятницкой
- (10) ученик первого класса ← ученик учится в первом классе

При семантическом (номинативном) подходе к описанию предложения оказывается, что гипотаксическая организация предложения вступает в противоречие со структурой описываемой референтной ситуации, в которой непосредственно связаны не признак и предмет, а отдельные предметы — участники ситуации. Признак же как раз и представляет собой конкретный вид связи предметов. К примеру, в высказывании

(11) *Аня ждет письма*

сообщается о двухместном отношении между референтами существительных *Аня* и *письмо*, при этом одно выполняет функцию субъекта состояния, а другое — функцию объекта. В грамматической же структуре предложения словоформы существительных непосредственно никак не связаны — они соподчинены глагольному предикату.

Одним из первых на асимметрию грамматических и семантических связей в предложении обратил внимание Г. Пауль (1960, 168 сл.). Выдающийся немецкий языковед писал, например, о том, что «определение может не иметь никаких (грамматических. — А. К.) связей со сказуемым», «однако оно может быть также связано с ним причинной связью». Так, в предложении

(12) *Der grausame Mann achtete nicht auf das Flehen des Unglücklichen* — *Этот жестокий человек не внимал мольбам несчастного*

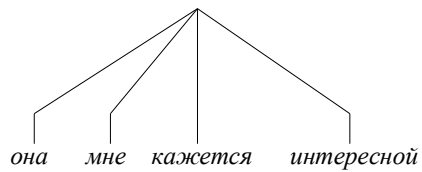
устанавливается семантическая (по мнению Пауля, причинная) связь между прилагательным *grausam* и глагольным предикатом *nicht achten*, ср. трансформу:

(13) *Weil dieser Mann grausam war, achtete er auf das Flehen des Unglücklichen nicht.*

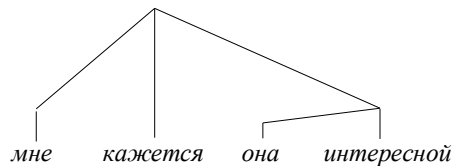
Явлению синтаксической асимметрии много внимания уделил С. Кароляк. По его мнению, «формальные отношения между компонентами отражают далеко не все глубинные отношения между ними» (1969, 109). В качестве примера подобной асимметрии предложения можно привести выражение (см.: Karolak 1968, 148):

(14) *Она мне кажется интересной.*

а) поверхностно-синтаксическое членение:

б) глубинно-семантическое членение:

Заслуживает внимания также точка зрения Я. Славинского, который подчеркивает, что степень синтагматической организации высказывания и текста всегда выше по сравнению с организацией описываемых событий:

В большей или меньшей степени сообщение всегда противостоит своей внеязыковой мотивации. Ее естественному хаосу противопоставляется присущая тексту внутренняя согласованность, отсутствию связей — ясные связи между словами, беспорядочности — порядок, свободе — принуждение. Высказывание отличается некоторой избыточностью организации по отношению к своим внешним обязательствам и условиям (1975, 260).

Различие между грамматической и семантической структурами предложения было бы менее очевидным, если бы не существовала тенденция к переразложению синтаксических отношений, которая имеет определенную направленность: от моделей типа «имя предмета + имя признака» — к моделям типа «имя предмета + имя предмета» (Шведова 1966, 28; см. далее). Подобная структурная реорганизация направлена на то, чтобы увеличить его иконичность, т.е. степень подобия между структурой предложения и структурой референтной ситуации (на тему иконичности в синтаксисе см.: Schroeder 1989, 21; Сигал 1996).

2. Ассоциативная синтаксическая связь

Преодоление симметрического принципа организации предложения может иметь и более радикальные последствия, когда в предложении возникают смысловые связи между единицами, которые не имеют непосредственного формально-грамматического отношения. П. В. Чесноков предложил называть такого рода синтаксические отношения опосредованными или же, более экзотично, соприкасательными:

При опосредованном смысловом отношении между компонентами мысли и синтаксической структуры отношение между содержанием одного и содержанием другого компонента раскрывается [...] с помощью третьего структурно-самостоятельного компонента (1983, 48).

По наблюдениям Чеснокова, опосредованная синтаксическая связь, как правило, возникает между подлежащим и дополнением (иначе говоря, между первым и непервым аргументом), что определяет направленность от первого компонента ко второму, ср. (примеры Чеснокова):

(15) *Не ем я раков* [я → раков].

(16) *Но пусть она вас больше не тревожит* [она → вас].

(17) *Я вас любил* [я → вас].

А. Ф. Прияткина называет подобного рода содержательную связь в простом предложении соотношением: «Соотношение характеризуется тем, что оно устанавливается между членами единой конструкции, не образующими синтаксической связи, и служит выражению присущего ей значения» (1979, 103). По наблюдениям Прияткиной, соотношение (или соотносительная связь) реализуется:

1. в пояснительных конструкциях — между поясняемым и поясняющим членами, например: *Обратитесь в какую-нибудь другую организацию, например, в профком;*
2. в конструкциях с союзом *а* — между распространителями формально сочиненных единиц, например: *Он утром ушел, а вечером вернулся;*
3. в конструкциях с «параллельным» сочинением — между членами разных рядов, например: *Готовь сани летом, а телегу зимой* (соотносительная связь между словоформами *са-*

ни — летом, с одной стороны, и телегу — зимой, с другой стороны);

4. в сравнительных конструкциях с союзами *как, чем* между атрибутивными членами, например: *Чужую беду переживаю, как свою; Зимний лес я люблю больше, чем осенний.*

Кроме того, как отмечает Прияткина, соотношение возникает в некоторых типах простых и сложных (прежде всего — бессоюзных) предложений, например, между определением и именной частью составного сказуемого в высказываниях типа:

- (18) *Сухие вина кислые (сухие → кислые).*

Н. С. Валгина (1978, 63) пишет о соположении как отдельном виде «формально невыраженной» синтаксической связи, которая устанавливается между подлежащим и именной частью составного сказуемого.

Б. А. Плотников выделял несочетаемые семантические связи, т.е. не выраженные на формально-грамматическом уровне:

В предложениях *Ученики ходят в школу, Студент читает книгу, Вечером на улицах городов зажигаются огни* и т.п. между несочетающимися словами *ученики и школа, студент и книга, огни и вечером* и др. имеются семантические связи, основанные на логико-предметных отношениях денотатов, обозначенных этими словами (1984, 41).

В известных нам польских грамматиках ассоциативная синтаксическая связь не выделяется. Так, З. Салёни/М. Свидзинский, авторы фундаментального «Синтаксиса современного польского языка» (1998, 225), вводят понятие синтаксической связи без аккомодации (*związek nieakomodacyjny*), т.е. такой, которая не выражена какими-либо морфосинтаксическими показателями, но соотносят это понятие только с конструкциями типа *V + Adv*, т.е. с типом синтаксической связи, который в традиционных грамматиках квалифицируется как примыкание. Что касается субстантивных словосочетаний, авторы приводят только иллюстрации гипотаксических конструкций типа $S_{Abstr} + S$ (*wręczenie odznaki, szaleństwo brata*) или же типа $S + S_{Abstr}$ (*ścieżki zdrowia*), а также иллюстрации паратаксических конструкций типа $S + S$ (*kobieta lekarz*) (*ibidem*, 281). Опосредованную же

синтаксическую связь Салёни/Свидзинский вообще не рассматривают.

В работе: Киклевич 1999, введено понятие ассоциативной синтаксической связи, которая устанавливается в простом предложении между соподчиненными по отношению к глагольному предикату именными группами. В основном, понятие это соответствует опосредованной связи Чеснокова или соотносительной связи Прияткиной, хотя сам термин «ассоциативная связь» подчеркивает наличие семантического отношения между словоформами, которое вытекает из их соположения, что объясняется первым законом гештальтпсихологии, согласно которому линейные отношения объектов способствуют возникновению между ними семантических связей (на синтаксическом материале этому явлению много внимания уделил Б. Ю. Норман — 1994, 101). Рассмотрим пример:

- (19) *Поэзия — не поступайся ширью,
Храни живую точность — точность тайн,
Не занимайся точками в пунктире
И зерен в мере хлеба не считай* (Б. Пастернак).

Ассоциативная связь в цепочках *точками — в пунктире и зерен — в мере хлеба* возникает на основании их соподчиненности, а также их непосредственного линейного контакта. Кроме того ассоциации *точки — пунктир, зерна — мера хлеба* вытекают из общей апперцептивной базы языкового субъекта, отражают знания о мире (ассоциация в психологии понимается как «связь между психическими явлениями, при которой актуализация [...] одного из них влечет за собой появление другого» — Петровский/Ярошевский 1985, 24). Ср. характерный пример таких ассоциативных связей, основанных на культурных стереотипах:

- (20) *Все отправились в гости,
дружно сидят в гостях.
Там произносят тосты,
там подлецов костят [...]
Пушкин уехал к Пущину,
Брюсов уехал к Блоку.
Петрарка пошел к Лауре,
Хрущев пошел к Маленкову* (А. Володин).

С целью упорядочения лингвистической терминологии в данной работе мы предлагаем новый термин — *диатаксис*, который вписывается в ряд уже существующих терминов: гипотаксис — паратаксис — диатаксис. Синтаксические конструкции типа *Пушкин к Пушкину, Брюсов к Блоку, Петрарка к Лауре* мы будем трактовать как *диатаксические*.

Ассоциативная (диатаксическая) связь в предложении становится более очевидной в результате *конденсации*, а именно — при элиминировании глагола, как в предложениях:

- (21) *Пахло соломой в сарае, Тело — травой и ветром, Губы — лесной земляникой, Волосы — яблоней дикой* (Д. Самойлов).
- (22) *Там, в душиной стеклянной оранжерее, в белом халате на голое тело, спала лаборантка Таня* (В. Попов).
- (23) *Я вообще пером по бумаге легче думаю, чем устно* (В. Солоухин).

В поэтических текстах ассоциативной синтаксической связи способствует *анжамбеман* (фр. enjambement) — ритмическое деление предложения на фразы, которые располагаются в разных строках стиха, например:

- (24) *Был Ахиллес стрелой в пятку
сражен [...]* (А. Жуков).

Диатаксическая связь обнаруживается в результатах психолингвистических, а именно — ассоциативных экспериментов (Киклевич 1986; Kiklewicz 2001). Лексические ассоциации типа *окно — мир, окно — сад, окно — море, окно — Европа* являются, скорее всего, не парадигматическими, а синтагматическими и отражают опосредованные связи в выражениях типа

- (25) *Окно смотрит/открыто в мир.*
 (26) *Окно смотрит/выходит в сад.*
 (27) *Окно смотрит/выходит на море.*
 (28) *Прорубить окно в Европу.*

Подобные данные имеются в ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова (1993). Так, для описания серии наречных ассоциаций типа *занятия — плохо, жизнь — тяжело, деревня — близко, праздник — редко* используется промежуточное звено — общий для существительного и наречия глагольный предикат, который Караулов называ-

ет «семантическим примитивом» (*ibidem*, 83 сл.): *занятия* — [*идут*] — *плохо*; *деревня* — [*находится*] — *близко*; *праздники* — [*бывают*] — *редко*. Это косвенно указывает на то, что в выражениях

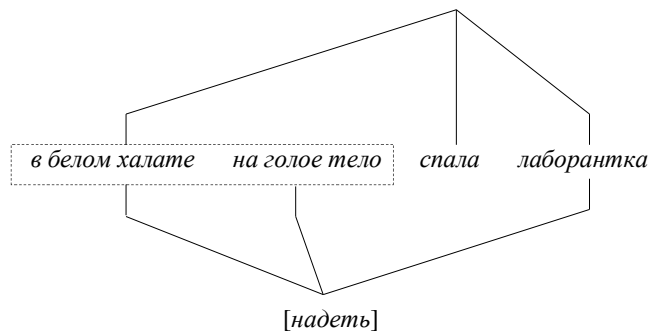
- (29) *Занятия идут плохо*
- (30) *Деревня находится близко*
- (31) *Праздники бывают редко*

имеется семантическая связь соподчиненных членов, иначе бы они попарно не актуализировались в ассоциативно-вербальной сети. Такую же основу имеют и многие ассоциативные цепочки типа «существительное + существительное», например: *билет* — *кассир*, *билет* — *деньги*, *билет* — *драка*, *билет* — *ряд*, *билет* — *карман* и др., которые можно соотнести с глагольными предложениями:

- (32) *Кассир продает билеты.*
- (33) *За билет нужно платить деньги.*
- (34) *Причиной драки был билет.*
- (35) *В билете указан ряд.*
- (36) *Билет лежит в кармане.*

3. Два типа ассоциативной синтаксической связи

Можно различать два типа ассоциативных связей. В первом случае семантическое отношение между словами возникает в результате их соположения или же соподчинения ядерному предикату (в форме личного глагола), как, например, в предложении (21). В другом, более интересном, случае ассоциативная связь возникает в результате компрессии глагольного предиката. Так, в предложении (22) между именными группами *в белом халате* — *на голое тело* устанавливается ассоциативная семантическая связь — посредством предиката *надеть*, ср.: *в белом халате, надетом на голое тело* [лаборантка надела белый халат на голое тело], при этом только один из элементов ассоциативной связи — именная группа *в белом халате* — зависит от ядерного предиката *спала*:

Для конструкций этого типа обычно характерна направленность связи — от первого компонента ко второму, в результате чего между субстантивными словоформами устанавливается определенное отношение, ср. (примеры Н. Ю. Шведовой — 1966, 24-32):

- (37) *вести огонь слева* → *огонь слева*
 (38) *надеть доху внакидку* → *доху внакидку*
 (39) *приготовить кофе по-турецки* → *кофе по-турецки*

Можно констатировать, что именно ассоциативная синтаксическая связь между соподчиненными словоформами лежит в основе процесса переразложения синтаксических связей и образования именных сочетаний из глагольных. Впрочем, этот деривационный процесс может иметь и дальнейшую перспективу — образование относительных прилагательных:

- (40) *дом сделан из дерева* → *дом из дерева* → *деревянный дом*

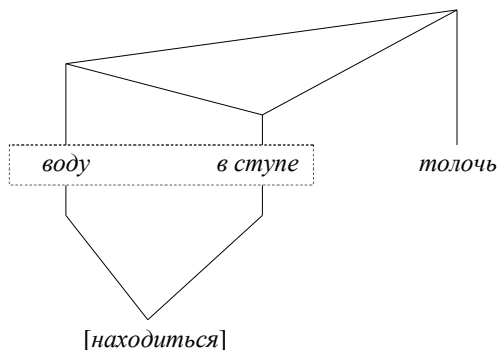
Другая особенность ассоциативных групп (АГ), являющихся результатом синтаксической компрессии, заключается в том, что в структуре предложения может возникать двойная семантическая зависимость (Киклевич 1994, 103 сл.). Рассмотрим предложение:

- (41) *Душа обязана трудиться, Чтоб воду в ступе не толочь* (Н. Заболоцкий).

Здесь можно выделить АГ *воду — в ступе*, при этом словоформа *в ступе* семантически зависит как от ядерного предиката *толочь*, так

и от существительного *воду* — эта вторая зависимость является результатом компрессии выражения:

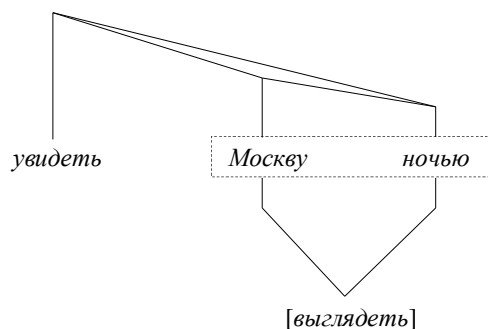
(42) *воду, которая находится в ступе*

Выражение

(43) *увидеть Москву ночью*

является двузначным: 1. 'ночью увидеть Москву'; 2. 'увидеть Москву такой, как она выглядит ночью'. Во втором случае в структуре выражения имеется АГ *Москва* — *ночью*, а словоформа *ночью* характеризуется двойной семантической зависимостью:

Н. С. Валгина в связи с этим пишет:

Многие словосочетания под воздействием предложения начинают перестраиваться или даже распадаться. Конечно, это свойственно тем словосочетаниям, которые построены при помощи несильной

синтаксической связи. Такими можно считать, например, многие глагольные словосочетания. Включение их в предложение — процесс многосторонний. Так, в предложении *Сейчас прибежал Юсуф из кишлака* пространственное глагольное словосочетание *прибежать (прибежал) из кишлака* почти распалось, так как словоформа *из кишлака*, контактируя с существительным *Юсуф*, как бы высвобождается из-под влияния глагола и начинает тяготеть к существительному. В результате обнаруживается двусторонняя связь: *Прибежал из кишлака* и *Юсуф из кишлака*. Во втором случае словоформа *из кишлака* дает особый тип связи, подчинительный характер которой обнаруживается только в логическом плане (1978, 26 сл.; разрядка моя. — А. К.).

4. Ассоциативные группы в предложениях с сочинительной связью

Обычно в сочинительных конструкциях коннектор (чаще всего — сочинительный союз) связывает два элемента, например:

(44) *Петя и Маша читают книгу* ← *Петя читает книгу, Маша читает книгу.*

Однако встречаются и такие сочинительные конструкции (они описывались в работах: Бабалова 1980, 58; Brettschneider 1978; Misz 1956, 360; Pisarkowa 1974, 83 и др.), в которых один и тот же коннектор связывает более, чем два, элемента. А. Ф. Прияткина предложила называть такие конструкции «параллельным сочинением» (1977, 204). Так, по мнению исследовательницы, в предложении

(45) *Готовь сани летом, а зимой телегу*

имеются две пары сочиненных словоформ: *сани — телегу, летом — зимой*, при этом в поверхностно-синтаксической структуре предложения выступает только один показатель сочинительной связи — союз *а*. Символически предложения типа (44) и типа (45) можно представить с помощью метаязыка логики предикатов:

$$P(a, c) \& P(b, c) \Rightarrow \& (P(a, c), P(b, c)) \Rightarrow \lambda P(a, \& (c, d)) \quad (1)$$

$$P(a, c) \& P(b, d) \Rightarrow \& (P(a, c), P(b, d)) \Rightarrow \lambda P(\& (a, c), (b, d)) \quad (2)$$

В предложениях с параллельным сочинением возникает ассоциативная связь между соподчиненными элементами (a, c) и (b, d), например, между словоформами *сани — летом* и *телегу — зимой* в предложении (45).

В речевом материале имеются также конструкции многократного сочинения, которые можно рассматривать как преобразование или даже своего рода преодоление параллельного сочинения. Рассмотрим одно из таких предложений:

(46) *Где-то под ногами да над головами
Лишь земля и небо* (Б. Окуджава).

Многократное сочинение состоит в том, что сочинительной связью охвачены словоформы, выполняющие разные синтаксические функции — таким образом, в предложении имеется несколько сочинительных рядов. Ср. символическое представление двух вариантов многократной сочинительной связи:

$$P(a, c) \& Q(b, c) \Rightarrow \&(P(a, c), Q(b, c)) \Rightarrow \lambda a(\&(P, Q), \&(a, b)) \quad (3)$$

$$P(a, c) \& P(b, d) \Rightarrow \&(P(a, c), P(b, d)) \Rightarrow \lambda P(\&(a, b), \&(c, d)) \quad (4)$$

Модель (3) может быть проиллюстрирована предложением:

(47) *Молоко с картошкой
пить и есть в охотку будем* (Б. Слуцкий), ср. *Будем в охотку пить
молоко и есть картошку.*

Формула (4) имеет ту же деривационную историю, что и формула (2):

$$P(a, c) \& P(b, d) \Rightarrow \&(P(a, c), P(b, d)) \quad (5)$$

поэтому формулы (2) и (4) взаимно преобразуемы:

$$\lambda P(\&(a, c), (b, d)) \Leftrightarrow \lambda P(\&(a, b), \&(c, d)) \quad (6)$$

С лингвистической точки зрения это означает, что конструкции многократного сочинения (по крайней мере некоторые) можно рассматривать как трансформы конструкций с параллельным сочинением, т.е. сочинением АГ. Так, предложение (46) преобразуемо в предложение с АГ *под ногами — земля, над головами — небо*, ср.:

(48) *Где-то под ногами земля и над головами небо.*

Ср. подобные синтаксические конструкции:

- (49) *Прожил 10, 20, 30 лет в Италии, Франции и Англии, где и умер* (А. Битов), ср. *Прожил 10 лет в Италии, 20 лет во Франции и 30 лет в Англии.*
- (50) *Состоялись массовые выступления молодежи, в которых участвовало более 30 тысяч студентов и учащихся местных университетов и колледжей* («Комсомольская правда». 15 VII 1982), ср. *...в которых участвовало более 30 тысяч студентов местных университетов и учащихся колледжей.*
- (51) *В минувшем туре заглавной была игра динамовцев Киева и «Спартак», отстающих от лидера на 4 и 3 очка* («Известия». 14 VI 1983), ср. *Заглавной была игра динамовцев Киева, отстающих от лидера на 4 очка, и «Спартак», отстающего от лидера на 3 очка.*

5. Психолингвистическое подтверждение ассоциативной синтаксической связи

Для эмпирического подтверждения ассоциативной синтаксической связи в сочинительных конструкциях рассматриваемых типов был проведен психолингвистический эксперимент. Испытуемым (студентам-филологам младших курсов Белорусского государственного университета в количестве 200 человек) предлагалось задание: «Из каждого предложения выпишите пары слов, связанных друг с другом. Образец: *Художник работал днем и ночью: художник работал, работал днем, работал ночью, днем ночью*». Список предложений:

- (52) *Валентина шныряла с веранды на кухню, из кухни на веранду.*
- (53) *Пахло розами под балконом и сеном вокруг.*
- (54) *Это вызвало похолодание в Перми до пяти, а кое-где до восьми*
- (55) *Они носили песок и уголь.*
- (56) *Нас охраняют от сенегальцев или сенегальцев от нас?*

В список включены предложения с АГ, за исключением предложения (51), которое поставлено в список с контрольной целью. В результате эксперимента было получено 200 анкет, которые содержали множество выделенных пар слов. Цифра после тире указывает на количество анкет, в которых упоминается данная пара.

Предложение (52): *Валентина шныряла* — 197, *шныряла на кухню* — 159, *шныряла с веранды* — 158, *с веранды на кухню* — 150, *из кухни на веранду* — 149, *шныряла из кухни* — 132, *шныряла на веранду* — 130, *из кухни на кухню* — 6, *с веранды на веранду* — 5, *с веранды из кухни* — 1, *на кухню на веранду* — 1

Предложение (53): *пахло розами* — 198, *пахло сеном* — 189, *пахло под балконом* — 181, *пахло вокруг* — 180, *розами сеном* — 88, *розами под балконом* — 24, *сеном вокруг* — 18, *под балконом вокруг* — 11, *под балконом сеном* — 3

Предложение (54): *вызвало похолодание* — 188, *похолодание в Перми* — 184, *похолодание до пяти* — 170, *это вызвало* — 149, *похолодание до восьми* — 75, *вызвало в Перми* — 24, *вызвало кое-где* — 18, *до пяти до восьми* — 18, *в Перми до пяти* — 15, *кое-где до восьми* — 13, *в Перми кое-где* — 6, *это похолодание* — 5, *это в Перми* — 3, *в Перми до восьми* — 2, *вызвало до восьми* — 2, *вызвало до пяти* — 1, *это до восьми* — 1, *это до пяти* — 1

Предложение (55): *носили песок* — 197, *носили уголь* — 194, *они носили* — 192, *песок уголь* — 161, *они песок* — 1

Предложение (56): *нас охраняют* — 195, *охраняют от сенегальцев* — 186, *охраняют от нас* — 134, *охраняют сенегальцев* — 121, *сенегальцев от нас* — 40, *нас сенегальцев* — 20, *нас от сенегальцев* — 20, *от сенегальцев от нас* — 16, *от сенегальцев сенегальцев* — 8, *нас от нас* — 2, *или нас* — 1, *нас или* — 1, *нас от* — 1, *охраняют от* — 1

Сравним количественные данные о синтаксических связях между однофункциональными — колонка I, и разнофункциональными — колонка II, компонентами АГ.

I	II
<i>с веранды из кухни</i> — 1	<i>с веранды на кухню</i> — 150
<i>на кухню на веранду</i> — 1	<i>из кухни на веранду</i> — 149
<i>розами сеном</i> — 88	<i>розами под балконом</i> — 24
<i>под балконом вокруг</i> — 11	<i>сеном вокруг</i> — 18
<i>до пяти до восьми</i> — 18	<i>в Перми до пяти</i> — 15
<i>в Перми кое-где</i> — 6	<i>кое-где до восьми</i> — 13
<i>нас сенегальцев</i> — 20	<i>нас от сенегальцев</i> — 20
<i>от сенегальцев от нас</i> — 16	<i>сенегальцев от нас</i> — 40

Среднее количество отмеченных в анкетах синтаксических связей в парах однородных членов составляет 20 единиц, а среднее количество связей в парах неоднородных членов — 61 единицу. Различие между этими величинами, при значительной дисперсии, статистически достоверно: $t = 1,82$ — при 14 степенях свободы. На этом основании можно сделать вывод, что почти одна треть испытуемых фиксирует ассоциативную синтаксическую связь между разнофункциональными компонентами предложения, причем эта связь оказывается более сильной, очевидной для испытуемых, чем связь однофункциональных компонентов (эта разница наиболее заметна в первом и во втором предложениях). Если в контрольном предложении сочиненные словоформы (однородные члены) воспринимаются большинством испытуемых как синтаксически связанные — общее количество упоминаний таких пар составляет 161 единицу (80,5%), то в предложениях типа (52) синтаксические связи внутри АГ *с веранды — на кухню, из кухни — на веранду* подавляют отношения однородных членов *с веранды — из кухни, на веранду — на кухню*. Таким образом, в подобных предложениях мы имеем дело, скорее всего, не с параллельным сочинением, как считает А. Ф. Прияткина, а с сочинением ассоциативных групп (*с веранды на кухню*) — (*из кухни на веранду*).

6. Типы сочинения ассоциативных групп

Тип $P(ab)(cd)$

В этом случае имеется условие $P_{simil}(a, c) \& P_{simil}(b, d)$, т.е. между первым и третьим, вторым и четвертым компонентами существует семантическое сходство. Примеры:

- (57) *«Опасные люди» имеют тот интерес для провинции, который имеют известные Ловласы для женщин и куртизанки для мужчин* (А. Герцен).
- (58) *Вдруг Ипполит Матвеевич почувствовал жар в ладонях и прохладу в животе* (И. Ильф/Е. Петров).
- (59) *И вот простерли мы к тебе — Истоку дня — Земля свои цветы и я — слепые очи* (М. Волошин).
- (60) *Он увидел большую деревню с речкой внизу и церковь на горе* (Ю. Казаков).

Обычно, как в приведенных примерах, сочинительная связь объединяет два АГ, ср. *с речкой внизу — с церковью на горе*, однако в речевой практике встречаются и более развернутые синтаксические конструкции:

- (61) *Да мочи нет: мильон терзаний Грудь от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний, А пуце
голове от всяких пустяков* (А. Грибоедов).
- (62) *Дай мне сил перед Ней, чистоты пред Тобой и пред
жизнью отваги* (З. Гиппиус).
- (63) *Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, жалея свои целые
кости от сожжения в прах, свою кровную силу тела
от гниения, глаза от скрывающегося белого света
и двор от вечного сиротства* (А. Платонов).

Конструкции рассматриваемого типа могут различаться также количеством компонентов внутри АГ. В обычном случае АГ содержит два компонента (*с веранды — на кухню*), но их число может быть большим:

- (64) *Целует бабушке в гостиной руку И губы мне на лест-
нице крутой* (А. Ахматова).
- (65) *Петя принес Маше книги в четверг, а Павел Оле чер-
тежи в пятницу.*

Тип $P(ab)(ba)$

- (66) *Ходили неясные слухи о том, кто кого свалит — Фотий ли мини-
стра Голицына, Голицын ли Фотия, или Аракчеев съест их
обоих* (Ю. Тынянов).
- (67) *Валентина шныряла туда-сюда — с веранды на кухню, из
кухни на веранду* (Ю. Трифонов).
- (68) *Как определим то качественное состояние, когда масса становится
народом или народ массой?* («Литературная газета». 14 VII
1982).

Данная модель соответствует семантической структуре выражений с симметричными предикатами (Йомдин 1981, 89). Это семантическое тождество проявляется в возможности трансформации сочинительной конструкции и замены одной (обычно второй) АГ показателем симметричности (взаимности), ср.:

- (69) *Мать пекла пироги и курсировала по коридору из комнаты в кухню и из кухни в комнату* (А. Битов) ← *курсировала из комнаты в кухню и обратно*.
- (70) *В повести Пушкина нет предпочтения ни Петру перед Евгением, ни наоборот* (А. Платонов) ← *Нет предпочтения ни Петру перед Евгением, ни Евгению перед Петром*.

Л. Л. Йомдин (*ibidem*, 90 сл.) отмечает несоответствие между поверхностно-синтаксическими и глубинно-семантическими связями в высказываниях с симметричными предикатами, которое затрудняет структурное моделирование таких выражений: оказываются нерепрезентативными ни идея «двойного синтаксического подчинения», ни понятие «синтаксической сферы действия». Это объясняется тем, что в симметричных конструкциях реализуется ассоциативная синтаксическая связь, которая не упаковывается в традиционные модели структурного представления синтаксических единиц.

Тип *P (aa)(bb)*

- (71) *Слей в единую ночь мои ночи И в единственный день мои дни* (Д. Самойлов).
- (72) *Надо было ответить кляузой на кляузу, подлостью на подлость или убийством на убийство* («Литературная газета». 17 III 1982).

Семантическая связь в АГ *кляузой на кляузу, подлостью на подлость* и т.п. обусловлена, прежде всего, лексической идентичностью словоформ. Часто подобные АГ имеют фразеологизованный характер, ср.: *из года в год, от вершины к вершине, плечом к плечу, глаза в глаза* и др.

Тип *P (ab)(ac)*

- (73) *С большим трудом, к концу нового лета, удалось Марии Никифоровне убедить крестьян устраивать каждый год добровольные общественные работы — месяц весной и месяц осенью* (А. Платонов).
- (74) *За свою жизнь он успел сделать много добра, помочь многим — кому словом, кому делом* («Литературная газета». 17 II 1982).

В первом высказывании повторяющаяся субстантивная словоформа *месяц* выступает в одном и том же значении, поэтому высказывание может быть конденсировано:

- (75) ...Удалось убедить крестьян каждый год один месяц весной и осенью устраивать добровольные общественные работы.

Во втором высказывании словоформа *кому* употребляется с разной референцией, поэтому такая конденсация предложения невозможна:

- (76) *Успел помочь кому словом и делом; ср.: *Одному помог словом, другому — делом.*

Тип P (ab)(bc)(cd)

В этом случае наблюдается последовательная замена в составе АГ одних лексических единиц другими, новыми:

- (77) *Как привыкла она к поездам От японской войны до германской, От германской войны до гражданской, От гражданской войны до финляндской, От финляндской до новой гражданской* (Д. Самойлов).

7. Факторы и формы реализации ассоциативной синтаксической связи

Ассоциативная синтаксическая связь широко распространена также за пределами сочинения, при этом имеются общие факторы ее реализации. Одним из них являются синтаксические модели и их регулярное воспроизводство в речи. А. Ф. Прияткина (1979, 103) обратила внимание на синтаксический параллелизм частей бессоюзных сложных предложений как причину соотносительной связи между словоформами, ср.:

- (78) *Слева — лес, справа — речка.*

Если бы каждое высказывание опиралось только на глагольные словосочетания (ср.: *пахло под балконом, пахло розами* → *Под балконом пахло розами*), то вряд ли имелось бы основание для возникновения ассоциативной синтаксической связи между компонентами *розами* и *под балконом* — ведь их синтаксическая валентность в формально-грамматической структуре ориентирована относительно глагольного предиката. Однако формирование высказывания опирается на кон-

кретную синтаксическую модель, которой в речи соответствует серия реализаций, ср.:

- (79) *Под балконом пахло розами.*
- (80) *Вокруг пахло сеном.*
- (81) *В саду пахло яблоками.*
- (82) *В лесу пахло земляникой.*
- (83) *В комнате пахло луком.*
- (84) *В погребѣ пахло плесенью и т.д.*

Именно существование такой серии выражений с однотипными отношениями способствует появлению ассоциативной связи между существительными. При этом нельзя не заметить парадокса: с одной стороны, синтаксическая модель обуславливает возникновение ассоциативной связи, но с другой стороны, ассоциативная связь нарушает симметричность предложения, преодолевает закодированные в модели формально-грамматические отношения.

Другим фактором появления ассоциативной связи выступает общая коммуникативная функция словоформ, т.е. их принадлежность к теме или, чаще, к реме высказывания (Чесноков 1983, 51), как, например, в предложении:

- (85) *Отец привез детям подарки: Кате — роликовые коньки, а Игорю — катер с дистанционным управлением.*

Как уже отмечалось, важным фактором ассоциативной синтаксической связи является порядок, а именно — контактное положение словоформ, часто в результате поверхностно-синтаксического устранения глагольного предиката, ср. в газетных заголовках:

- (86) *Из огня в полямя.*
- (87) *Мужчины без женщин.*
- (88) *Взрослым о детях.*
- (89) *На север за снегом.*
- (90) *С тока в закрома и др.*

Подобное явление наблюдается также в секвентивных высказываниях, где благодаря обособлению, конденсации, парцелляции и другим процессам существительные освобождаются от «диктата» глагольного предиката и образуют собственные семантические связи:

- (91) *Вдруг он вспомнил желтую глиняную тарелку с опятами — и тогда поплыли, побежали, замелькали, все убыстряясь, путая очередность, воспоминания вчерашнего дня. Миша — брюки, Миша — Люся, Люся — Валя, Валя — дверь, Валя — Клава... Валя!* (А. Битов).
- (92) *По мере возрастания достоинств банкнот, увеличивается и возраст изображенных на них людей — от девушки до старца* («Собеседник». 1985/3).

Важным фактором возникновения ассоциативной синтаксической связи является лексико-семантическая близость словоформ (Прияткина, 1979, 104). Так, широко распространены конструкции с лексическим дублированием соподчиненных единиц:

- (93) *Поэтому в тридцатые годы
Я любил тридцатые годы* (Д. Самойлов).
- (94) *Смотрел на него как Посвященный на Посвященного* (Ф. Искандер).
- (95) *Кто кому чего? — спросил Нечаев* (Ю. Трифонов).
- (96) *И как она с ней ладит?* (А. Битов).

Существуют синтаксические схемы реализации АГ с лексическим повтором, основанные на определенных конфигурациях предложно-падежных форм (см. далее), например: за S_{instr} + $S_{nom/acc}$:

- (97) *Во всеобъемлющее море За льдиной льдина вслед плывет* (Ф. Тютчев).
- (98) *Волна кипела за волной* (А. Фет).
- (99) *Они целыми днями сидят в ереванских кафе, пьют кофе чашку за чашкой* («Литературная газета». 27 I 1982).
- (100) *Ворует где-то старинные книги и приносит их мне штука за штукой* (В. Конецкий).
- (101) *И кто-то долго
За тостом новый тост произносил* (Ю. Левитанский).

К этому разряду языковых выражений относятся также предложения типа *А есть А* — та же словоформа повторяется в позиции подлежащего и в позиции именной части сказуемого:

- (102) *Но ведь все и всегда боролись за то, чтобы обыватель перестал быть обывателем* («Литературная газета». 17 II 1982).
- (103) *А здесь человек чувствует себя человеком* («Литературная газета». 17 II 1982).

Фразеологизованные диатаксические конструкции с лексическим повтором нередко функционируют как аналитические формы выражения следующих семантических категорий:

а) множественность:

- (104) *Рогатые дурни в десятках и сотнях*
Летели скрестить клинок о клинок (И. Сельвинский), ср. *скрестить клинки*.
- (105) *Шура объясняет терпеливо: казак казаку рознь* (Ю. Трифонов), ср. *казаки бывают разные*.

б) множественность + симметричность:

- (106) *Всю ночь гремел овраг соседний,*
Ручей, бурля, бежал к ручью (А. Фет), ср. *ручьи бежали друг на встречу друг другу*.
- (107) *Душа беседует с душой* (Д. Самойлов), ср. *души беседуют друг с другом*.
- (108) *Рыбак рыбака видит издалека*; ср. *рыбаки видят/узнают друг друга издалека*.
- (109) *Собака собаку знает*; ср. *собаки знают/узнают друг друга*.

в) сходство:

- (110) *Ворон ворону глаз не выклюет*; ср. *ворон не выклюет глаза такому же, подобному ему*.
- (111) *Давай поговорим как мужик с мужиком* (Ч. Айтматов); ср. *как мужики, у которых есть общее*.

г) степень:

- (112) *Да будет нам зеленый свет*
Наградой из наград (Ю. Левитанский), ср. *самой большой наградой*.
- (113) *Даже пьяница из пьяниц*
Не щипнет уж за корсет (И. Сельвинский), ср. *самый последний пьяница*.
- (114) *Гриша все слышал в полукрытую дверь — все от слова до слова* (В. Михальский), ср. *совершенно все*.

При образовании АГ учитывается семантическое, в частности, тематическое сходство словоформ, например:

- (115) *Самая высокая и благородная ответственность — это ответственность отца за сына* («Вечерний Минск». 21.94.1987).

(116) *И как мало оперившихся среди окольцованных!* (Д. Сухо-руков).

В последнем предложении учитывается семантическая близость первичных (орнитологические признаки) и вторичных (социальные признаки) значений лексем *оперившийся* и *окольцованный*, столкновение которых внутри АГ, как в своеобразном синтаксическом монтаже, и обуславливает комический эффект афоризма.

В некоторых предложениях ассоциативная связь словоформ опирается на семантическую близость их синтаксических распространителей, например:

(117) *Из гостиничного мрака*

Гостиничный пропел петух (Л. Маргынов).

(118) *Она не может сейчас жить какой-либо легкой жизнью в нашей стране трудного счастья* (А. Платонов).

(119) *«Липовыми» услугами добивается «хороших» показателей в труде* («Правда». 14.3.1982).

(120) *Черная тень на «белом золоте».*

В состав АГ могут входить и противопоставленные по значению единицы — в подобных случаях мы имеем дело с разновидностью оксюморона:

(121) *Ведь нет колбасы на Луне, и все же она остается планетой* (Ю. Мориц).

(122) *По крайней мере, хлеб не мажут гримом* (Ю. Мориц).

(123) *Некстати сказанное слово тут — как скрежет бульдозера в библиотеке* («Литературная газета». 9 VI 1982).

(124) *Сами пытались, да не успели — теперь зlobствуют от бессилия! Глупые об умных* («Литературная газета». 4 I 1984).

(125) *Гусь свинье не товарищ.*

(126) *Великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье.*

(127) *Холодная водка лучше греет душу.*

(128) *Увлечение детей коньками отвлекает от игры с огнем* (Из инструкции к роликовым конькам).

(129) *Поближе узнаешь — подалее пошлешь.*

Очередной фактор объединения слов в АГ — их фонетическая близость. Здесь мы нередко имеем дело со своего рода языковой игрой:

- (130) *Жилец схватился за жилет* (Б. Слуцкий).
(131) — *Теперь я разорен! — Но почему, мой друг? — Я Данта приобрел у спекулянта* (В. Драгунский).
(132) *Каину дай раскаянье* (Б. Окуджава).
(133) *И белоручкам белошвейки прощают молодую лень* (Б. Ахмадулина).

Подобное явление часто встречается в текстах польского «мурнонсенса» (*murnonsens*), а также в публицистических текстах, ср.:

- (134) *Mama urodziła chłama*.
(135) *Zamiast Wolka wybierz Olka*.
(136) *Przemyt szminek do Helsinek*.
(137) *Polkniesz haka głosując na Krzaka*.
(138) *Nie ma limitu dla mego odbytu*.
(139) *Myślenie o polityce takimi kategoriami pozwala wam bez żadnych problemów naciągać każde prawo i z każdego Leppera robić premiera* („Angora”. 2006/18).

К грамматическим формам реализации ассоциативной синтаксической связи в простом предложении следует отнести также парные предлоги: *от... до, из... в, с... на* и др.:

- (140) *Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила* (Ф. Тютчев).
(141) *Одиночество гонит меня от порога к порогу* (А. Межиров).
(142) *Свет фар путешествовал со стены на стену* (А. Битов).

В. А. Белошапкина пишет, что «для выражения синтаксических связей форм косвенных падежей имен существительных служат предлоги» (1977, 20). В ее примере *путь из варяг в греки* можно усмотреть также ассоциативную связь: *из варяг — в греки*.

8. Заключение

Один из принципов организации предложения заключается в том, что синтаксические связи между словоформами устанавливаются в определенной степени независимо от формально-грамматических связей между ними. Подобного рода синтаксические связи, называемые в данной работе ассоциативными или же диатаксическими, отражают семантический уровень предложения, где полноценными

элементами содержательных отношений выступают аргументы. Синтаксические связи ассоциативного типа отражают иконичность высказывания: структурная организация высказывания при этом уподобляется организации описываемой им референтной ситуации. Таким образом, семантическая и грамматическая структура высказывания может быть рассмотрена в русле активно культивируемой в западной лингвистике проблематики «натуральности» (Natürlichkeit) (Coseriu 2004, 109 ссл.).

Ассоциативная связь приводит к диссимметризации структуры простого предложения, т.е. к несовпадению его поверхностно-синтаксического и глубинно-семантического членения. Впрочем, вопрос о неграмматичности ассоциативной связи остается, пожалуй, открытым. А. Ф. Прияткина (1979, 105) пишет о том, что конструкции с соотношением различаются по степени грамматичности. Действительно, в сочетаниях с парными предлогами, а также в тех случаях, когда ассоциативная связь обусловлена регулярностью синтаксической модели и синтаксическим параллелизмом, можно говорить о том, что в ее основе лежат определенные — хотя для традиционной теории непривычные — грамматические отношения.

Ассоциативная синтаксическая связь подтверждается данными психолингвистических экспериментов. Другим ее подтверждением выступает переразложение глагольных словосочетаний с несколькими соподчиненными существительными и образование на их основе именных словосочетаний.

К факторам актуализации ассоциативной синтаксической связи в русском языке относятся линейная контактность словоформ, синтаксическая конденсация (в частности, эллипсис), парцелляция, препозиция глагольного предиката, регулярность синтаксической модели и синтаксический параллелизм в тексте, общая коммуникативная (чаще рематическая) функция словоформ, их лексико-семантическое или фонетическое сходство, парные предлоги и др.

В заключение необходимо отметить, что ассоциативная синтаксическая связь в предложении (диатаксис) может рассматриваться как заимствование принципа семантической организации текста, как своего рода подражание тексту. В структуре текста семантические связи никогда не являются синтагматически строго упорядоченными. Об этом, в частности, писал Ю. М. Лотман — в стихе, например, «наличие между рифмующимися словами связи в плане выражения заставляет подразумевать и присутствие определенных связей содержания» (1970, 155). Р. Барт также пишет о «сво-

бодном ритме чтения», или о т м е с и с е , при котором читающий пропускает целые куски, «не обращает никакого внимания на функционирование самого языка», но сохраняет целостность восприятия благодаря ассоциативным связям (1989, 470). Об ассоциативных отношениях в тексте пишет также М. Я. Дымарский (1999, 194 сл.).

В дневниках И. Ильфа есть такая запись: *Всю ночь мяукал котенок. Видимо, сдавал экзамен на кошку.* Предложение с ассоциативной синтаксической связью сдает экзамен на текст.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабалова Л. Л. (1980), Об употреблении союзов «и», «а», «но» в сложном предложении. [В:] Русский язык за рубежом. 4, 57-62.
- Барт Р. (1989), Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва.
- Белашапкина В. А. (1977), Современный русский язык. Синтаксис. Москва.
- Валгина Н. С. (1978), Синтаксис современного русского языка. Москва.
- Дымарский М. Я. (1999), Проблемы текстообразования и художественный текст. Санкт-Петербург.
- Йомдин Л. Л. (1981), Симметричные предикаты в русском языке. [В:] Проблемы структурной лингвистики 1979. Москва, 89-104.
- Кароляк С. (1969), Структура высказывания и его значение. [В:] Biuletyn PTJ. XXVII, 107-120.
- Караулов Ю. Н. (1993), Ассоциативная грамматика русского языка. Москва.
- Киклевич А. К. (1986), Ассоциация, сочинение, паратаксис. [В:] Веснік Беларускага ўн-та. IV/1, 49-53.
- Кіклевіч А. К. (1996), Аб формах сістэматыкі ў мовазнаўстве. [В:] Веснік Беларускага ўн-та. IV/2, 50-55.
- Лотман Ю. М. (1970), Структура художественного текста. Москва.
- Норман Б. Ю. (1994), Грамматика говорящего. Санкт-Петербург.
- Пауль Г. (1960), Принципы истории языка. Москва.
- Петровский А. В./Ярошевский М. Г. (1985), Психологический словарь. Москва.
- Плотников Б. А. (1984), Основы семасиологии. Минск.
- Прияткина А. Ф. (1977), Союзы в простом предложении. Москва.
- Прияткина А. Ф. (1979), Синтаксическая связь и соотношение. [В:] Русский язык в школе. 5, 102-105.
- Сигал К. Я. (1996), Расположение однородных актантов и принципе иконичности. [В:] ИАН ОЛЯ. 55/4, 67-76.
- Славинский Я. (1975), К теории поэтического языка. [В:] Басин Е. Я./Поляков М. Я. (ред.), Структурализм: «за» и «против». Москва, 253-276.
- Чесноков П. В. (1983), Два типа взаимодействия синтаксических единиц. [В:] Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 46-52.
- Шведова Н. Ю. (1966), Активные процессы в современном русском синтаксисе. Москва.

- Brettschneider G. (1978), Koordination und syntaktische Komplexität. Zur Explikation eines linguistischen Begriffs. München.
- Coseriu E. (2004), *Der Physisi-Thesei-Streit*. Sechs Beiträge zur Geschichte der Sprachphilosophie. Tübingen.
- Karolak S. (1968), Interpolacja, interpretacja i analiza semantyczna. [In:] *Biuletyn PTJ*. XXVI, 139-152.
- Kiklewicz A. (2001), Syntaktische Assoziationsnormen im Russischen. [In:] *Zeitschrift für Slawistik*. 46/2, 185-203.
- Misz H. (1956), Szeregi ze spójnikiem „a” we współczesnej polszczyźnie. [In:] *Język Polski*. XXXVI/5, 354-364.
- Pisarkowa K. (1974), O stosunku między parataksą a hipotaksą. Na przykładzie polskich zdań przeciwstawnych i przyzwalających. [In:] *Język Polski*. LIV/2, 81-93.
- Saloni, Z./Świdziński, M. (1998), *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- Schroeder C. (1989), Sprachlicher Ikonismus: Theoretische Grundlagen und Beispiele aus dem Türkischen. [In:] *Papiere zur Linguistik*. 41/2, 3-76.
- Topolińska Z. (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.

ЭМПАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ И СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ *

*На автобусной остановке девочка 5-6 лет
обращается к дедушке:
— Дедушка, а чем отличается автобус от
троллейбуса?
— Автобус — наш, а троллейбус — не наш.*

1. В трехмерном пространстве синтаксиса

В современной польской синтаксической науке можно выделить три направления: 1) *дескриптивное*, опирающееся на европейскую традицию — синтаксис Л. Теньера и (главным образом, благодаря усилиям К. Полянского, З. Салёни, И. Бобровского и др.) на американскую традицию — трансформационно-генеративную грамматику (надо отметить, что в польской лингвистике, по сравнению, например, с русской, эта вторая — американская — традиция получила значительно более широкое распространение); 2) *семантическое* — опирающееся на так называемые логические грамматики, а также на традицию Львовско-Варшавской школы (в этом отношении польское языкознание также существенно отличается от русского, потому что в основе польской семантической школы лежит своя, славянская традиция аналитической философии — работы таких ученых, как Тарский или Айдукевич, подобно работам Фреге, Рассела или Карнапа, составляют обязательный список чтения при изучении филосо-

---

* Первая публикация: Подлежащее и эмпатическая иерархия — грамматическая структура предложения в функциональной модели языка (на материале польского и других европейских языков). [В:] Кіклевіч А./Важнік А. (ред.). Паланістыка — Полоністыка — *Polonistyka* 2002–2003. Мінск 2004, 25-58.

фии языка; в последнее время в рамках семантического направления появились исследования в духе когнитивной грамматики Р. Лангакера (Р. Гжегорчикова, П. Твардзиш и др.); 3) дидактическое — опирающееся на традицию «школьных грамматик».

1.1. Дескриптивные (формально-грамматические) модели

В традиционной грамматике различались три типа субъектов: 1) грамматический, 2) логический и 3) психологический (Шахматов 1941, 23-24; Oppenrieder 1991, 11 ссл.). Современные грамматики отказались от этих понятий. Так, в дескриптивных синтаксических моделях не используется традиционная система членов предложения — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство. Исследователи отдают предпочтение представлению поверхностных (формально-грамматических) синтаксических структур в духе грамматик зависимости или же в виде синтаксических моделей (структурных схем — *schematów zdania*), трактуемых как конфигурации единиц грамматикона: NP, VP, AP, N, V и др. Так, П. Айзенберг (Eisenberg (1989; см. также: Schuch 1990) рассматривает категории конститuentов предложения (*Konstituentenkategorien*) как подобие непосредственно составляющих: предложение последовательно разбивается на единицы все более мелкого формата, при этом наибольший формат имеет предложение, а наименьший — отдельные словоформы. Айзенберг выделяет 12 таких категорий (1989, 41 ссл.).

Понятия главных и второстепенных членов предложения оказываются избыточными и при дистрибутивно-семантическом описании словоформ в работе: Piernikarski 1990. Дистрибутивный анализ — яркий пример функционального подхода в лингвистике, ведь характеристика слова по его сочетаемости указывает на дистрибутивную функцию, область значения которой составляет множество синтагматических партнеров данной единицы. Дистрибутивная функция может определяться для первичных элементов, например, при анализе лексики — слов (как это наблюдается в дистрибутивно-статистическом анализе), но она может определяться и для множеств — в этом случае внимание исследователей направлено на то, как сочетаются друг с другом целые категории. Именно такова по своему содержанию лингвистическая концепция, которую предложил Ц. Перникарский. Автор скептически относится к так называемой «реистической доктрине» в языкознании, которая заключается в том,

что категории восприятия и ментального отражения действительности прямо переносятся в область грамматической классификации (подобная методологическая схема принята в академической «Грамматике современного польского языка» 1984 г.: Topolińska 1984; Grzegorzczukowa/Laskowski/Wróbel 1984). Но Перникарский отказывается и от радикального дескриптивистского подхода, который целиком замыкается на анализе языковой сочетаемости. Он рассматривает дистрибуцию слов в аспекте их категориальной принадлежности, с учетом того, что каждая лексическая единица в речи реализует свойства определенной семантической категории. Так, сочетания типа

(1) *te wszystkie trzy szklanki wody*

интересны, по мнению ученого, как возможность объединения в одной синтагме существительного с предметной семантикой и нескольких операторов: референтности, квантификации, числа и степени (меры) (1990, 81 сл).

Учитывая категориальную сочетаемость, Перникарский выделяет четыре грамматических класса: S, AdS, V, AdV, которые не конгруэнтны ни по отношению к традиционным частям речи — существительным, глаголам, наречиям и прилагательным, ни по отношению к традиционным членам предложения. В основу грамматической классификации слов Перникарский кладет принятое в польской грамматической традиции (и восходящее к К. Бюлеру) понятие *к о н н о т а ц и* — структурно-синтаксической обусловленности одного члена предложения другим. Так, прилагательное коннотирует существительное — в том смысле, что наличие первого обычно предусматривает наличие второго. Ср. коннотативные характеристики четырех грамматических классов:

S	1. Может выступать как самостоятельный член предложения 2. Факультативно коннотирует AdS
AdS	Обязательно коннотирует S
V	1. Факультативно коннотирует AdV 2. Связан с категорией наклонения
AdV	Обязательно коннотирует V

Каждый грамматический класс делится на подклассы, например, класс V (1990, 129ссл.):

1. В первичной функции связаны с формальным субъектом.
  - 1.1. Синтетический способ выражения грамматических категорий.
    - 1.1.1. Могут выступать отдельно от других V.
      - 1.1.1.1. Изменяются: *pisać – писать, malować – рисовать*.
      - 1.1.1.2. Не изменяются: *bęc, buch, fr*.
    - 1.1.2. Могут выступать вместе с другими V: *widzieć – видеть (Jan widzi, jak Wojtek maluje)*.
    - 1.1.3. Имплицируют другой V.
      - 1.1.3.1. Сочетаются с AdV без ограничений: *zadecydować, postanowić – решить*.
      - 1.1.3.2. Сочетаются с AdV с ограничениями: *przyrzucać – допускать, wątpić – сомневаться, sądzić – считать*.
  - 1.2. Аналитический способ выражения грамматических категорий.
    - 1.2.1. Могут выступать без других V.
      - 1.2.1.1. В конструкциях типа V+S: *mieć (wpływ), wuwierać (wpływ) – иметь (влияние)*.
      - 1.2.1.2. В конструкциях типа V+AdS: *jest (zdrów) – здоров*.
    - 1.2.2. Могут выступать вместе с другими V: *przekazywać (wiadomość) – передавать (известие)*.
    - 1.2.3. Имплицируют другой V: *podjąć (decyzję), powziąć (postanowienie) – принять (решение)*.
2. В первичной функции не связаны с формальным субъектом.
  - 2.1. Синтетический способ выражения грамматических категорий: *dnieć – светлеть, mgoczyć się – смеркаться*.
  - 2.2. Аналитический способ выражения грамматических категорий.
    - 2.2.1. Могут выступать отдельно от других V: *rochtno – пасмурно, nudno – скучно, biało – белого цвета*.
Могут выступать вместе с другими V: *widać – видно, szić – слышно*.

2.2.2. Имплицируют другой V: *miło* (*mi, że...*) – приятно (*мне, что...*), *przysłono* (*że...*) – жалко (*что...*), *dziw* (*że*) – удивительно (*что...*).

Как отмечалось выше, дистрибутивно-семантические классы лишь частично совпадают с традиционным делением на части речи. Так, фазовые и модальные глаголы, имеющие, как и AdV, глагольную коннотацию (*chce / zaczyna pisać* – *хочет / начинает писать*), Перникарский относит к классу AdV, т.е. объединяет их с традиционными наречиями. К классу AdS, помимо прилагательных, относятся количественные и порядковые числительные, причастия и мензуративные существительные (т.е. со значением меры).

Вне данной классификации оказываются служебные слова, для описания которых критерий коннотации оказывается непригодным. Разного рода соединители (*łączniki*), которые выполняют не номинативную, а синтаксическую функцию и которые могут быть морфемными (аффиксы) или лексическими (служебные слова), Перникарский объединяет в отдельный макрокласс (1990, 36 сл.).

Понятием подлежащего как грамматического субъекта не пользуются и З. Салёни, М. Свидзинский — авторы наиболее известной и популярной прежде всего в академических кругах книги по современному польскому синтаксису (первое издание — 1981 г.; четвертое издание — 1998 г.). Хотя авторы декларируют, что не намерены „wykorzystywać terminologii teorii części zdania”, однако в основе используемого ими метода анализа непосредственно составляющих, как признают Салёни/Свидзинский, лежит деление предложения на подлежащее и сказуемое. Экспликация непосредственно составляющих, в соответствии с традицией, заложенной американским трансформационным синтаксисом, начинается с того, что «najpierw — idąc śladem tradycji praktyki szkolnej — rozbijemy całość na tzw. grupę podmiotu i tzw. grupę orzeczenia» (Saloni/Świdziński 1998, 50) (разрядка моя. — А. К.).

1.2. Дидактические («компромиссные») модели

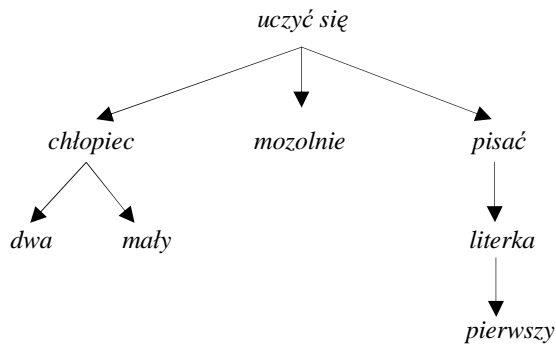
Позиция авторов других академических изданий также оказывается уязвимой, прежде всего из-за того, что из различных — формальных и содержательных — синтаксических моделей (к тому же часто не-

совместимых в историческом плане) не складывается целостная и логически непротиворечивая картина.

Так, в книге «Wykłady z polskiej składni» Р. Гжегорчикова выделяет в предложении четыре типа структур: логико-семантическую, тема-рематическую, синтаксическую (т.е. формально-грамматическую) и линейную (т.е. порядок слов) (Grzegorzczukowa 1996, 27 ссл.). При этом, однако, ни одна из этих структур не содержит оппозиции «подлежащее — сказуемое». В разделе VI вводятся безличные предложения (*zдания bezpodmiotowe*), но, поскольку понятие подлежащего не определено, остается загадкой, с каким типом структур следовало бы идентифицировать такие предложения. Впрочем, Гжегорчикова трактует безличные предложения как «*zдания bezmianownikowe*» — предложения без существительного в именительном падеже. Это должно означать, что, что между подлежащим и именительным падежом существительных/местоимений ставится знак равенства (см. также: Маńczак 1970, 199; Сиротинина 1980, 50). (В соответствии с противоположной точкой зрения, см.: Золотова 1982, 103; Кацнельсон 1972, 61 ссл.; Левицкий 1995, 62 ссл., отождествление имени в форме именительного падежа с подлежащим, как пишет Ю. А. Левицкий, навязано «логико-грамматической концепцией и грамматиками индоевропейских языков», в действительности же подлежащее представляет собой содержательную категорию — носитель предикативного признака.)

Г. Врубель, автор последней «*Gramatyki języka polskiego*» (Wróbel 2001), также не занимает по отношению к традиционной системе членов предложения определенной позиции. С одной стороны, он трактует существительное в именительном падеже как один из «рядовых» распространителей личного глагола в структуре зависимостей (эту структуру Врубель рассматривает как „*główny czynnik formalnych struktur składniowych*”). Ср. его интерпретацию предложения:

(2) *Dwaj mali chłopcy uczą się mozolnie pisać pierwsze literki.*

С другой стороны, Врубель пишет, что существительное в именительном падеже представляет собой связанный распространитель (*uzupełnienie związane*) глагола, поэтому, по сравнению с другими распространителями, у него особый статус: оно не только коннотировано глаголом и не только грамматически зависит от глагола, но оказывается неустрашимым из основных синтаксических структур, а также определяющим некоторые грамматические параметры глагола. Существительное в именительном падеже, как пишет Врубель, занимает позицию грамматического подлежащего (*rozucja podmiotu gramatycznego*) (*ibidem*, 275; ср. также: Nagórko 1996, 92), что означает сугубо формальный, фактически — морфологический статус понятия подлежащего. Отметим, что при этом читатель остается в неведении относительно неграмматического подлежащего, существование которого вытекает из самой формулировки Врубеля.

А. Нагурко в большей степени ориентируется на традицию — она различает подлежащее (*podmiot*) в семантическом и в грамматическом смысле (*ibidem*, 181). При этом первое понятие означает ту часть содержания предложения, о которой в предложении нечто сообщается. Второе же понятие зарезервировано для существительного в именительном падеже. Такое решение проблемы членов предложения никак нельзя признать удовлетворительным, потому что смысловые категории оказываются лишенными плана выражения, а формальные — плана содержания.

Нельзя признать удовлетворительным и определение, которое предлагает известный польский лингвист А. Марковский. В «Школьном словаре грамматических терминов» он рассматривает понятие логического подлежащего, которое

nazywa kogoś (lub coś), kto (co) jest wykonawcą czynności, jej obiektem, kto (co) doświadcza jakiegoś procesu czy stanu itd. (Markowski 1996, 86).

В качестве иллюстраций приводятся предложения:

- (3) *Puchatek podrapał się w nos.*
- (4) *Prosiaczek był przejęty myślą...*
- (5) *W lesie rosło sobie zdrowe drzewko.*

Не комментируя загадочного „itd.” в определении Марковского, заметим, что оно не содержит указания на какой-либо общий признак словоформ, относящихся к категории логического подлежащего — ведь исполнитель действия, объект действия и объект состояния с очевидностью представляют собой разные семантические категории. Приводимые иллюстрации также не дают никаких оснований для объединения их в общую категорию подлежащего (если, разумеется, мы рассматриваем эту категорию как семантическую): *Puchatek* — исполнитель действия, *prosiaczek* — субъект состояния, *drzewko* — экзистенциальный субъект. Поскольку же Марковский пишет, что логическое подлежащее может быть выражено не только в формах именительного, но также в формах родительного и дательного падежа, то категория подлежащего лишается и семантического, и формального основания.

1.3. Семантические (реистические) модели

С развитием семантического синтаксиса понятия логического субъекта и предиката (и соответствующая структура *S (subiectum) est P (praedicatum)*) были заменены семантическими функциями компонентов предикатно-аргументных (пропозициональных) структур, записываемых в виде $P(x) =$ ‘Объект x обладает свойством P ’. Поэтому в ориентированной на семантическое описание академической «Грамматике современного польского языка» (Topolińska 1984) мы не найдем терминов *подлежащее* и *сказуемое*.

Впрочем, С. Кароляк, один ведущих авторов «Грамматики», в других своих работах вводит понятие подлежащего, определяя его на семантической основе. Кароляк пишет:

Zdanie w językach naturalnych jest strukturą składniową reprezentującą sąd [...] Postać sądu jest porównywana z formą predykcji w logice współczesnej, która intencjonalnie ma reflektować strukturę myśli ludzkiej, w założeniu binarną. W tej formie binarnej jedna z pozycji jest przeznaczona na wskazywanie przedmiotu, który w zamyśle komunikatywnym mówiącego staje się podmiotem predykcji. W tradycji klasycznej powiedziano by się, że pozycja ta jest przeznaczona dla przedmiotu, o którym się mówi, o którym się coś orzeka. Natomiast pozycja druga jest pozycją orzeczenia: jest przeznaczona dla treści orzekanej o przedmiocie wskazanym, dla tego, co się mówi o tym przedmiocie [...] (Karolak 2001, 90).

Бинарная семантическая структура «подлежащее — сказуемое», считает Кароляк, является репрезентацией знания и репрезентацией передачи познавательной информации:

- 1) *X* *znaet* *P* o *Y*-e (кто-то знает что-то о ком-то/чем-то)
- 2) *X* *mówi* *P* o *Y*-e (кто-то говорит кому-то что-то о ком-то/чем-то, т.е. кто-то делает так, чтобы кто-то знал что-то о ком-то/чем-то)

Позиция *Y* зарезервирована за подлежащим, позиция *P* — за сказуемым.

С коммуникативной точки зрения подлежащее является темой речевого акта. При таком подходе приведенные выше предложения (3) – (5) с существительными в именительном падеже получают одинаковую интерпретацию:

- (6) *Puchatek podrapał się w nos* = 'Мысль о Puchatku, mówię, że on podrapał się w nos' или: 'Мówię o Puchatku, że podrapał się w nos'.
- (7) *Prosiaczek był przejęty myślą...* = 'Мысль о prosiaczku, mówię, że on był przejęty myślą' или: 'Мówię o prosiaczku, że był przejęty myślą'.
- (8) *W lesie rosło sobie zdrowe drzewko* = 'Мысль о drzewku, mówię, że ono rosło sobie w lesie' или: 'Мówię o drzewku, że rosło sobie w lesie'.

Неадекватными были бы, однако, следующие интерпретации:

- (9) *Puchatek podrapał się w nos* ≠ 'Мówię o nosie, że Puchatek się w niego podrapał'.
- (10) *Prosiaczek był przejęty myślą...* ≠ 'Мówię o myśli, że przejęła prosiaczka'.
- (11) *W lesie rosło sobie zdrowe drzewko* ≠ 'Мówię o lesie, że tam rosło sobie drzewko'.

Подлежащее и сказуемое соответствуют традиционным понятиям логического субъекта и предиката. Понятия психологического субъекта и предиката, главным образом, воплощены в тема-рематической структуре предложения. Кароляк, однако, отождествляет эти две структуры (2001, 89), что, с нашей точки зрения, неправомерно. Граница между понятиями подлежащего и темы, действительно, не всегда отчетлива, особенно в предложениях идентификации типа *Laureat – молодой человек* (см.: Норман 1993, 146ссл.; Weiss 1978, 246ссл.). В связи с этим сошлемся на парадокс Куайна:

- (12) «*Nie tworzy zdania prawdziwego, kiedy zostaje dołączony do swojej własnej nazwy cudzysłowowej*» *nie tworzy zdania prawdziwego, kiedy zostaje dołączony do swojej własnej nazwy cudzysłowowej*” (Quine 1995, 139).

И все-таки в естественных языках мы имеем дело с двумя разными типами интерпретации содержания высказывания, на что указывает хотя бы факт варьирования актуального членения при сохранении значений словоформ в структуре «подлежащее — сказуемое» (см.: Савченко/Иоффе 1985, 143; Чесноков 1984, 2бссл.; Юрченко 1984, 19; Grepl/Karlík 1986, 236). Ср.:

- (13) *To zadanie wykonał tylko Jan.*

- (14) *Jan wykonał tylko to zadanie.*

В обоих предложениях подлежащим является существительное *Jan*, но в первом случае рематическую часть составляет *tylko Jan*, а во втором — *tylko to zadanie*. На это различие указывают трансформации:

- (15) *Ten (jedyne), kto wykonał zadanie, to Jan.*

- (16) *To (jedyne), co wykonał Jan, jest to zadanie.*

2. Подлежащее/сказуемое в функциональной лингвистике

В ряде публикаций (Киклевич 1998; 1999; 2000) мы разработали принципы функционального моделирования высказывания. Подлежащее и сказуемое рассматриваются в данной модели языка как значения общей функциональной категории. Основателем функционального подхода в славистике следует считать Т. П. Ломтева, который в 70-е годы писал, что определение подлежащего и сказуемого без ориентировки на конститuenty означаемого предложения —

субъект и предикат — равнозначны морфологическим категориям именительного падежа и глагола в личной форме — но при таком подходе понятия подлежащего и сказуемого становятся излишними.

Подлежащее и сказуемое представляют собой значения атрибутивной функции высказывания, которая состоит в том, что передаваемая в высказывании информация интерпретируется с точки зрения структуры мысли (здесь мы принципиально согласны с Кароляком; см. также: Панфилов 1980, 9). О когнитивной природе грамматической структуры глагольных предложений писал также В. Дорошевский. С его точки зрения, лексемы *koń* и *siwy* являются отражением человеческого опыта, тогда как слово *jest* — это „nadwyżka umysłu, za pomocą którego tworzony zostaje sąd” (цит. по: Chruściński 2001, 228). Дорошевский подчеркивал, что „za kulisami konkretnej wypowiedzi *Ten koń jest siwy* jest abstrakcyjna forma sądu: *A jest B. Jest jakaś algebra, która prześwieca przez konkretność*”. Лексема *siwek*, писал Дорошевский, также содержит в себе значения *siwy* и *koń*, но не содержит суждения.

Нельзя, однако, согласиться с мнением Ю. А. Левицкого (1995, 63), согласно которому за подлежащим закреплена «соответствующая роль в той ситуации, которую изображает, описывает данное предложение». Обосновывается это тем, что одна и та же ситуативная роль может быть по-разному представлена в грамматической структуре высказывания.

Атрибутивная функция представлена двумя значениями: 1) ‘предмет мысли/сообщения’ (подлежащее) и 2) ‘признак, приписываемый предмету или сообщаемый о предмете’ (сказуемое).

Атрибутивная функция позволяет различать два типа языковых выражений: пропозициональные и предикативные. Выражениям обоих типов свойственна номинативная функция — указание на ситуацию, ср.:

(17) *приезд брата.*

(18) *Брат приехал.*

Однако, предикативные выражения отличаются тем, что содержат несколько типов интерпретации, например, модальную:

(19) *Кажется, брат приехал.*

(20) *Неправда, что брат приехал.*

(21) *Хорошо, что брат приехал.*

(22) *Хочу, чтоб брат приехал.*

- (23) *Догадываюсь, что брат приехал.*
 (24) *Радуюсь, что брат приехал.*
 (25) *Странно, что брат приехал и т.д.*

Пропозициональные выражения, в принципе, также могут включать модальную семантику (ср.: *возможный, нежелательный, долгожданный приезд брата*), но возможности их модального «расширения» ограничены. Главное же различие предикативных и пропозициональных выражений заключается в том, что только в первом случае реализуется атрибутивная функция — деление на подлежащее и сказуемое. Это обуславливает возможность иной интерпретации предикативных выражений — истинностной. Лишенные значений атрибутивной функции, пропозициональные выражения — ни истинны, ни ложны, ср.:

- (26) *Петя думал о приезде брата.*

Данное высказывание можно понять и как ‘Петя думал о вчерашнем (т.е. состоявшемся) приезде брата’, и как ‘Петя думал о несостоявшемся приезде брата’, и как ‘Петя думал об ожидаемом приезде брата’ и т.д. В предложении

- (27) *Приезд брата порадовал родителей*

факт приезда брата действителен. Но истинность выражения *приезд брата* сохраняется и при общем отрицании высказывания:

- (28) *Приезд брата не порадовал родителей.*

Поскольку атрибутивная функция имеет интерпретативный характер, то разные конфигурации компонентов в атрибутивной структуре высказывания не влияют на его истинностное значение, изменяя только иерархию значений в мысли. На это указывает различие залоговых диатез глагола:

- (29) *Robotnicy wykopali kanał koparką pneumatyczną.*
 (30) *Kanał został wykopany przez robotników za pomocą koparki pneumatycznej.*
 (31) *Koparka pneumatyczna wykopała kanał.*
 (32) *Przy wykopaniu kanału przez robotników została użyta koparka pneumatyczna.*
 (33) *Wykopanie kanału zostało zrealizowane przez robotników za pomocą koparki pneumatycznej.*

Если же модификации будут подвергаться номинативные категории (субъект или объект действия), высказывание может оказаться несовместимым с нормальным положением дел, ср.:

(34) **Koparka wykopała robotników kanałem pneumatycznym.*

3. Подлежащее и эмпатия

Выражение атрибутивной функции — это главное предназначение подлежащего и сказуемого. Но, как известно, каждая языковая форма синкретична и одновременно выражает значения нескольких функций. Надо отметить, что данное явление довольно слабо описано в лингвистической литературе. Исследователи обычно обращают внимание на языковую многозначность, изучая факторы, которые обуславливают конкретизацию определенного значения в тексте. Изучение семантического синкретизма — не менее важная и интересная задача, потому что при этом мы должны раскрыть закономерности взаимодействия функций. Только решив эту задачу, мы сможем приблизиться к пониманию механизмов речевой деятельности и построения текста.

Функциональная значимость подлежащего и сказуемого не исчерпывается указанием на отношение к структуре мысли. На иную сторону данных понятий обратил внимание С. Куно. В работе (Kuno 1987) он ввел понятие эмпатии как идентификации говорящего с одним из партиципантов описываемой в высказывании ситуации:

“Empathy is the speaker's identification, which may vary in degree, with a person/thing that participates in the event or state that he describes in a sentence [...] The degree of the speaker's empathy with x , $E(x)$, ranges from 0 to 1, with $E(x) = 1$ signifying his total identification with x , and $E(x) = 0$ signifying a total lack of identification (Kuno 1987, 206).

В философии и психологии понятие эмпатии означает целостное восприятие внутреннего мира другого человека при сохранении эмоциональных и смысловых оттенков (Малахов/Филатов 1991, 394). Подобное явление, считает Куно, имеет место и в естественном языке.

Языковую номинацию в форме грамматически структурированных высказываний Куно сравнивает с киносъемкой. Подобно тому, как во время киносъемки мы вынуждены выбрать часть сцены,

которая попадет в кадр, при языковом отражении ситуации мы также концентрируем внимание на определенных участниках или отношениях. Говорящий как бы идентифицирует себя с одним из референтов, с точки зрения которого представляется ситуация. На основе такой идентификации строится перспектива ситуации, которая получает отражение в грамматической структуре высказывания.

В качестве примера Куно рассматривает ситуацию, в которой человек по имени *Джон* бьет (ударяет) своего *брата Билла*. Говорящий может описать эту ситуацию различными способами:

- (35) a. *Then John hit Bill*
(Тогда Джон ударяет Билла)
b. *Then John hit his brother*
(Тогда Джон ударяет своего брата)
c. *Then Bill's brother hit him*
(Тогда брат Билла ударяет его)
- (36) a. *Then Bill was hit by John*
(Тогда Билл был ударен Джоном)
b. ?? *Then John's brother was hit by him*
(Тогда брат Джона был ударен им)
?? *Then his brother was hit by John*
(Тогда его брат был ударен Джоном)
c. *Then Bill was hit by his brother*
(Тогда Билл был ударен его (своим) братом)

Хотя приведенные предложения идентичны по своему референциальному и пропозициональному содержанию, они, как пишет Куно, различаются тем, какое место занимает говорящий относительно Джона и Билла. Сравнивая отражение ситуации в высказывании с киносъёмкой сцены, в которой участвуют Джон и Билл, Куно пишет, что камеру можно разместить по-разному. Если поставить камеру на одинаковом расстоянии от Джона и Билла, то участие в сцене обоих участников будет наиболее объективным. Если камера будет размещена ближе к Джону или ближе к Биллу, то сцена будет представлена зрителю в большей степени с точки зрения Джона или с точки зрения Билла. Если, к примеру, камера находится в руках Джона, то, естественно, сам он вообще не появится в кадре — зритель увидит только то, что видит Джон. В речевой коммуникации, в процессе порождения коммуникативных единиц — предложений и текстов, происходит нечто подобное. Так, при описании ситуации, в которой Джон ударяет своего брата Билла, говорящий может занять одну из пяти позиций:

1. нейтральную (эквидистантную);
2. ближе к Джону;
3. ближе к Биллу;
4. идентифицировать себя с Джоном;
5. идентифицировать себя с Биллом.

Выражения *брат Джона* и *его брат* могут референциально использоваться по отношению к Биллу только тогда, когда говорящий находится ближе к Джону, чему к его брату, как это наблюдается в высказывании (35b). Выражения *брат Билла* и *его брат*, напротив, указывают на то, что говорящий находится в пространстве Билла, как в высказываниях (35с) и (36с).

В высказывании (35а) говорящий не отдает предпочтения ни одному из участников ситуации — его позиция нейтральная. А вот в пассивных предложениях он занимает позицию референта подлежащего: в высказываниях (36а) и (36с) говорящий размещается ближе к Биллу, чем к Джону.

Взаимодействием разных факторов синтаксической эмпатии Куно объясняет некорректность высказывания (36b). Релятивное выражение *John's brother* (или *his brother*) указывает на солидарность говорящего с Джоном. С другой стороны, использование пассивной модели предложения, в которой Билл является референтом подлежащего, указывает на солидарность говорящего с Биллом. Поскольку говорящий не может одновременно находиться в двух точках (образно выражаясь — поскольку в его распоряжении имеется только одна камера), то подобное раздвоение фокуса и вызывает некорректность высказывания:

Just as a film director must choose a single camera position for a given scene, the speaker must predetermine his camera position and maintain that position through the production of a single sentence (ibidem, 206).

Эмпатия — градуальная категория. Степень эмпатии говорящего по отношению к x в выражении $E(x)$ варьируется от 0 до 1, при том что $E(x) = 1$ означает его полную идентификацию с x , а $E(x) = 0$ — отсутствие идентификации.

Если «камера расположена ближе к x , чем к y », это отображается виде: $E(x) > E(y)$.

Синтаксическая эмпатия проявляется в нескольких аспектах грамматической организации высказывания. Так, по определению Куно (ibidem, 207), дескриптивная эмпатическая иерархия означает: Если имеется дескриптор x (например, *Джон*) и другой дескриптор

$f(x)$, зависимый от x (например, *брат Джона*), то эмпатия говорящего по отношению к x выше, чем по отношению к $f(x)$. Символически:

$$E(x) > E(f(x))$$

$$E(\text{John}) > E(\text{John's brother})$$

Одним из факторов эмпатии является также атрибутивная структура высказывания («подлежащее — сказуемое»). Так, по мнению Куно (*ibidem*, 208), в пассивных конструкциях говорящий больше сочувствует референту подлежащего, чем референту дополнения (агентива):

$$E(\text{subject}) > E(\text{by-agentive})$$

С учетом данных двух факторов легко объяснить некорректность высказывания (36b): в его содержании противодействуют две эмпатические иерархии:

- а) дескриптивная иерархия $E(\text{John}) > E(\text{John's brother})$
- б) атрибутивная иерархия (Surface Structure Empathy Hierarchy): $E(\text{subject} = \text{John's brother}) > E(\text{by-agentive} = \text{John})$

Если представить эмпатию как отношение транзитивности, то можно получить следующее противоречивое следствие:

$$*E(\text{John}) > E(\text{John's brother}) > E(\text{John})$$

В конкретном речевом материале не должно содержаться логических противоречий, касающихся эмпатии. Например, в высказывании

- (37) *John and his brother talked to Mary about her sister* = 'Джон и его брат говорил с Мэри относительно ее сестры'

имеются две непротиворечивые эмпатические иерархии:

$$E(\text{John}) > E(\text{John's brother})$$

$$E(\text{Mary}) > E(\text{Mary's sister})$$

Принципиально иная ситуация в высказывании:

- (38) **Then Bill's sister hit her brother.*

Здесь также реализуются две эмпатические иерархии, но они противоположны по содержанию:

Bill's sister: E (Bill) > E (his sister)
her brother: E (her = Bill's sister) > E (her brother = Bill)

В соответствии с принципом транзитивности:

*E (Bill) > E (his sister) > E (her brother = Bill)

Куно показывает, что эмпатия, связанная с подлежащим, распространяется и на сложное предложение:

(39) *Jane told John what she had heard from him two days before*

E (Jane) > E (John) E (Jane) > E (John)
E (Jane) > E (John)

(40) *?? Jane told John what he had told her two days before*

E (Jane) > E (John) E (John) > E (Jane)
*E (Jane) > E (John) > E (Jane)

(41) *John heard from Jane what he had told her two days before*

E (John) > E (Jane) E (John) > E (Jane)
E (John) > E (Jane)

(42) *?? John heard from Jane what she had heard from him two days before*

E (John) > E (Jane) E (Jane) > E (John)
*E (John) > E (Jane) > E (John)

Одна из выделяемых Куно эмпатических иерархий касается самого говорящего и акта речи (ibidem, 212). *Speech Act Empathy Hierarchy* означает: говорящий не может сочувствовать кому-либо больше, чем самому себе:

E (speaker) > E (others)

Это подтверждают языковые примеры:

- (43) *I met John at the party last night.*
 (44) *??John met me at the party last night.*
 (45) *I met you at the party last night.*
 (46) *??You met me at the party last night.*

Данную иерархию можно рассматривать и в более широком аспекте — как вариант оппозиции «свой — чужой», на которую мы далее обратим внимание и которая проявляется также в другом типе иерархии — *Humanness Hierarchy* (ibidem, 238):

Human > Nonhuman animate > Inanimate

Таким образом, подлежащее — традиционная проблема грамматической структуры предложения, в современных лингвистических исследованиях вписывается в прагматический и когнитивный контекст. В таком аспекте рассматривает семантику подлежащего Дж. Лакофф (1981, 362). Парадокс английских предложений типа

- (47) *This car drives easily* ('Этой машиной легко управлять', буквально: 'Эта машина управляет легко').

заключается в том, что, хотя они не содержат пассивных конструкций, пациенс занимает позицию подлежащего. Лакофф объясняет данный парадокс тем, что грамматическая структура высказывания отражает принцип ответственности. Так, в высказывании (47) *this car* — *эта машина* занимает позицию подлежащего, потому что именно свойства машины определяют ее хорошую продаваемость.

В верности гипотезы Лакоффа заставляют, впрочем, усомниться приводимые им же примеры:

- (48) *Bean curd digests easily* ('Бобовое пюре легко переваривается', буквально: 'Бобовое пюре переваривает легко').
 (49) **Bean curd eats easily* ('Бобовое пюре легко естся', буквально: 'Бобовое пюре ест легко').
 (50) *Farrak Fawcett posters sell well* ('Плакаты Фарраха Фосетта хорошо продаются', буквально: 'Плакаты Фарраха Фосетта хорошо продают').
 (51) **Farrak Fawcett posters buy well* ('Плакаты Фарраха Фосетта хорошо покупаются', буквально: 'Плакаты Фарраха Фосетта хорошо покупают').

Если выражение *bean curd* — *бобовое пюре* в позиции подлежащего в высказывании с предикатом *digest* – *переваривать* можно объяснить

принципом ответственности, то почему тот же принцип не срабатывает в высказывании с семантически близким предикатом *eat – есть*?

4. Аксиология подлежащего

Как видим, словоформа, занимающая позицию подлежащего, обладает не только определенными грамматическими и семантическими, но и аксиологическими свойствами. На эту коммуникативную сторону грамматических структур в 70-е XX в. обратили внимание представители английской школы «критической лингвистики» (Fowler/Hodge/Kress. et al. 1979; Kress/Hodge 1979; Mey 1985). Из исследований этого направления вытекает, что синтаксические структуры в высказывании и тексте отражают систему идеологических ценностей языкового субъекта. Так, выбор активной или пассивной диатезы, т.е. заполнение позиции подлежащего первым или вторым аргументом, зависит от места соответствующего референта в идеологической системе говорящего. Подлежащее, таким образом, служит средством профилирования референтной ситуации с точки зрения приоритетов языковых субъектов (van Dijk 2000, 61). Используя грамматическую структуру высказывания, говорящий может подчеркнуть ответственность представителей своей или чужой группы за эффект описываемого события, или же, наоборот, скрыть от коммуникативного партнера свои идеологические предпочтения.

В качестве подтверждения этого тезиса могут быть приведены неопределенно-личные предложения, в которых отсутствие материального подлежащего ассоциируется с отрицательной оценкой агента:

- (52) *Ale naśmiecili!*
(53) *Ale narobili śladów!*

При неопределенно-личном употреблении глаголов с позитивной коннотацией может возникать иронический эффект, также содержащий в себе неодобрение референта:

- (54) *Ale posprzątali mieszkanie!* = ‘Oceniam negatywnie jakość sprzątnięcia mieszkania — źle posprzątali mieszkanie’.
(55) *Ale mi pomogli!* = ‘Oceniam negatywnie to, jak mi pomogli — nie pomogli, zaszkodzili’.

Следует обратить внимание на то, что высказывания типа (54) и (55) могут произноситься при участии (или присутствии) соответствующих референтов в ситуации речи. Отсутствие прямой номинации таких референтов является легко распознаваемым знаком негативной оценки.

Интересны конструкции косвенного участия в действии, например, в русском языке:

(56) *Мы отремонтировали квартиру.*

Высказывание (56) может употребляться как описание такого положения дел, когда *мы* (референт подлежащего) в действительности являемся лишь инициаторами и организаторами ремонта собственной квартиры, хотя непосредственно ремонтом занималась строительная бригада. Говорящий прибегает, однако, именно к такому способу презентации события, отдавая ему предпочтение перед другими возможными способами, например:

(57) *Нам отремонтировали квартиру.*

(58) *Нанятая нами строительная бригада отремонтировала нашу квартиру.*

(59) *Мы инициировали и организовали ремонт нашей квартиры.*

Объяснение этого синтаксического предпочтения кажется довольно простым: позиция подлежащего, в которой находится референт личного местоимения *мы* означает, что именно он определяет ход описываемых событий, является, как сказала бы М. В. Всеволодова, «главным героем предложения». В этом проявляется своего рода иконичность высказывания, потому что грамматическая иерархия в определенной степени повторяет иерархию в структуре партиципантов.

Ср. подобные примеры:

(60) *W r. 1866-1867 Marks publikował „Kapitał” (P. Johnson; пер. A. Piber) — Wydawnictwo publikowało „Kapitał” Marksa.*

(61) *(Ja) zrobiłem dla Pana kopię programu studiów — Sekretarka na moje zlecenie zrobiła kopię programu studiów (którą przekazuję Panu).*

(62) *Marek cię serdecznie pozdrawia — (Ja) pozdrawiam cię w imieniu Marka.*

Обратим внимание, что пассивные диатезы высказывания при этом практически исключаются:

(63) *?? W r. 1866-1867 „Kapitał” był publikowany przez Marksa.*

(64) *?? Kopia programu studiów została zrobiona dla Pana prze mnie.*

(65) ?? *Jesteś serdecznie pozdrawiany przez Marka.*

Когда акция с участием «нашего» представителя, с точки зрения говорящего, бросает тень на «нашу группу», его коммуникативная стратегия заключается в том, чтобы, используя в том числе и грамматические средства, закамouflировать реальные причины. В качестве примера можно сослаться на высказывание (сотрудница рассказывает о своем брате):

(66) *Najpierw zapisał się do seminarium duchowego, ale potem mu się odwidziało.*

В первой части сложного предложения сообщается о позитивных действиях брата — *zapisał się do seminarium duchowego*, поэтому естественно, что используется личная конструкция, в которой существительное *brat*, хотя оно материально и не выражено, легко экстраполируется на основе контекста. Иначе построена другая часть сложного высказывания — она имеет форму безличного предложения, и это тоже вполне естественно, потому что уход из духовной академии в культурном пространстве говорящего относится к отрицательным ценностям. С помощью безличной конструкции говорящий как бы оправдывает брата, ссылаясь на неизвестную причину — вне брата, которая повлияла на негативный ход событий.

Интересным примером является также польская пословица:

(67) *Bliższa koszula ciału niż sukmana.*

Потенциально можно было представить себе и иной вариант того же смысла:

(68) *Dalsza sukmana ciału niż koszula.*

Конверсивная трансформация не затрагивает референциального аспекта содержания высказывания, однако оказывается весьма важной для его идеологического содержания. Мы отдаем предпочтение первому варианту (а второй кажется искусственным и даже парадоксальным), потому что подлежащим и первым аргументом является здесь *koszula* — существительное, указывающее на предмет «нашего» (в данном случае — светского) мира.

5. Эксперимент

В целях уточнения ряда функциональных характеристик высказывания, прежде всего — идеологических коннотаций его грамматической структуры, мной был проведен психолингвистический эксперимент, в котором принимали участие две группы респондентов: 1) студенты первого курса полонистики Поморской педагогической академии в Слупске и 2) слушатели курсов повышения квалификации той же академии. Обе группы составляли по 43 человека. Респонденты получили письменное задание:

Masz do wyboru dwa warianty językowe komunikatu o tej samej treści. Który z nich — jako bardziej naturalny, normalny, realny — wybierasz? (Может выбрать один из двух вариантов выражения того же смысла. Какой из них ты считаешь более естественным, нормальным, употребляемым?)

A

- 1) *Nasza drużyna pokonała drużynę rywali.*
- 2) *Drużyna rywali przegrała z naszą drużyną.*

B

- 1) *Nasza drużyna przegrała z drużyną rywali.*
- 2) *Drużyna rywali pokonała naszą drużynę.*

C

- 1) *Nasza drużyna pokonała drużynę rywali.*
- 2) *Drużyna rywali została pokonana przez naszą drużynę.*

D

- 1) *Drużyna rywali pokonała naszą drużynę.*
- 2) *Nasza drużyna została pokonana przez drużynę rywali.*

Proszę także porównać pod tym samym względem dwa zdania:

E

- 1) *Drużyna rywali została pokonana przez naszą drużynę.*
- 2) *Nasza drużyna została pokonana przez drużynę rywali.*

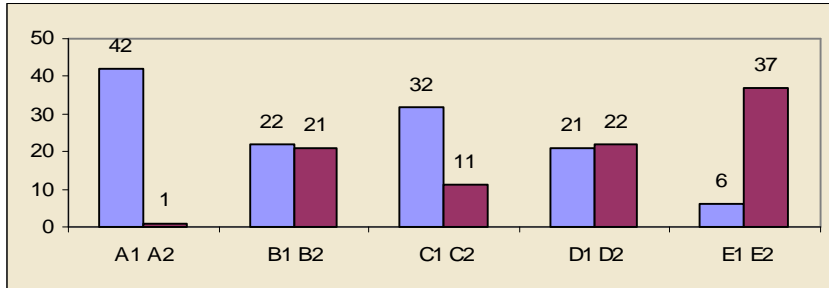
На выбор одного из вариантов высказывания потенциально влияет один из следующих факторов:

1. значение категории залога: символы [+akt], [-akt];
2. транзитивность/интранзитивность глагольного предиката (транзитивная конструкция: *x pokonał y-a* — *y został pokonany przez x-a*; интранзитивная конструкция: *y przegrał z x-em* — **x został przegrany przez y-a*); символы [+trans], [-trans];

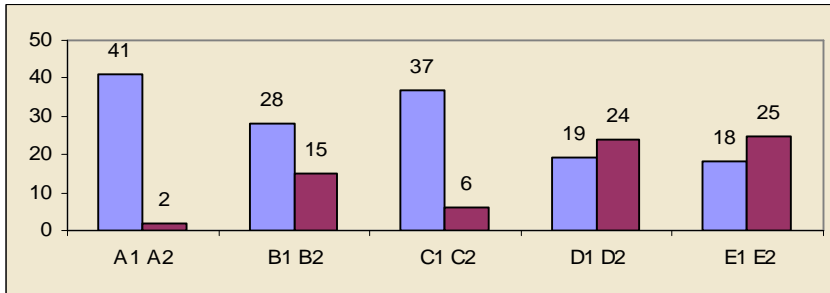
3. идеологическое наполнение позиции подлежащего существительным с солидарной или несолидарной референцией (*nasza drużyna — drużyna rywali*); символы [+solid], [-solid].

Количественные результаты эксперимента:

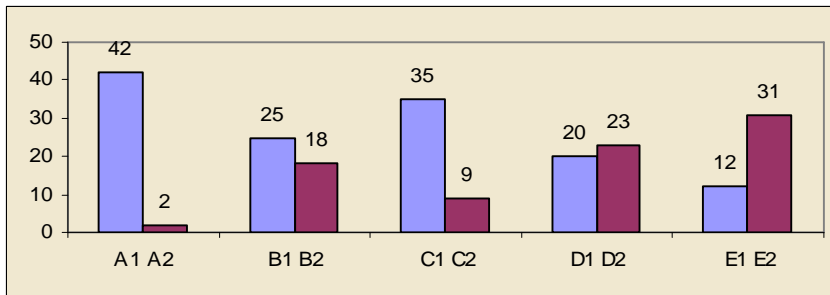
Группа А

Группа В

Средние данные:

На основании приведенных данных можно выделить два типа высказываний:

1. для высказываний групп *A*, *C*, *E* характерно явное преимущество одного из языковых вариантов, ср. средние величины: 42 — 2, 35 — 9, 31 — 12; при этом, однако, обратим внимание на то, что количественные данные вариантов *E1* и *E2* заметно отличаются в первой и второй группах респондентов: в первой (младшей) группе количественное различие более сильное (37 — 6 против 25 — 18 во второй группе);
2. в группах *B*, *D* нет явного преимущества одного из вариантов.

Проанализируем высказывания первого типа.

Альтернатива *A*

A1 [+akt] [+trans] [+solid]

A2 [+akt] [–trans] [–solid]

Факторами радикального преимущества *A1* перед *A2* являются: а) транзитивность и б) солидарность. Респонденты отдают предпочтение высказываниям, в которых референт подлежащего непосредственно воздействует на объект и интерпретируется как «наш».

Альтернатива *C*

C1 [+akt] [+trans] [+solid]

C2 [–akt] [+trans] [–solid]

Здесь на выбор одного из вариантов высказывания влияют также два фактора: а) активная конструкция (референт с агентивной функцией в позиции подлежащего) и б) солидарность говорящего с референтом подлежащего. Это указывает на определенную коммуникативную стратегию: акцептирование такого способа организации высказывания, при котором активно действующий представитель «нашей» группы интерпретируется как тема сообщения.

Альтернатива *E*

E1 [–akt] [+trans] [–solid]

E2 [–akt] [+trans] [+solid]

Здесь только один фактор определяет преимущество одного варианта над другим — солидарное значение подлежащего. Может, именно потому, что данный фактор единственный, в группе *E* наблюдается, во-первых, меньшее, по сравнению с другими группами, различие в предпочтении одного из вариантов, во-вторых, наиболее заметно варьируются результаты в первой и второй группах респондентов.

Можно, таким образом, сделать вывод, что одним из важнейших признаков естественности и функциональной оптимальности высказывания является солидарное значение подлежащего. В одном случае оно сопровождается признаком транзитивности, в другом — признаком активности, но именно значение солидарности во всех трех случаях остается релевантным.

Теперь проанализируем группы *B* и *D*, в которых не наблюдается явное преимущество одного из вариантов.

Альтернатива *B*

B1 [+akt] [-trans] [+solid]

B2 [+akt] [+trans] [-solid]

Высказывания *B1* и *B2* основаны на активных конструкциях. Первое содержит интранзитивный глагольный предикат и солидарное подлежащее. Второе высказывание, напротив, содержит пассивную конструкцию и посредством подлежащего передает значение несолидарности. Выделенные нами выше приоритетные признаки [+trans] и [+solid] взаимно компенсируются, уравновешиваются — вот почему варианты *B1* и *B2* получают приблизительно одинаковые оценки реципиентов.

Альтернатива *D*

D1 [+akt] [+trans] [-solid]

D2 [-akt] [+trans] [+solid]

Высказывания *D1* и *D2* включают транзитивный ядерный глагол, но различаются по двум остальным (из рассматриваемых) параметрам. Как и в предыдущем случае, приоритетные признаки [+akt] и [+solid] взаимно нейтрализуются, что уравновешивает данные высказывания в оценках респондентов.

На основании проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что признак солидарности корреспондента сообщения с одним из референтов описываемой ситуации является важным фактором грамматической организации высказывания. С другой стороны,

для получателя сообщения грамматическая организация высказывания является источником информации не только о структуре референтной ситуации, но и о самом авторе сообщения, в частности, о его идеологических и групповых предпочтениях. Проведенные наблюдения позволяют сформулировать два коммуникативных постулата:

Постулат 1. Отдавай преимущество синтаксическим конструкциям, в которых позицию подлежащего занимает существительное, указывающее на представителя «твоей» группы, перед конструкциями, в которых темой сообщения является «чужой».

Постулат 2. Старайся, чтобы представитель «твоей» группы, который является темой твоего сообщения, был представлен как активный агент, непосредственно воздействующий на объект.

Вопрос о взаимной соотнесенности трех факторов грамматической организации высказывания — эмпатии, ответственности и солидарности, требует специального изучения. Отметим лишь то, что, хотя Куно прямо не пишет о эмпатической иерархии «свой — чужой», такая иерархия вполне вписывается в общую эмпатическую перспективу высказывания: подобно тому как говорящий в большей степени сочувствует (в синтаксическом смысле этого слова) себе, чем другим участникам речевого общения, его эмпатия по отношению к представителям «своей» социальной группы получает выражение в грамматическом оформлении высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотова Г. А. (1982), Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва.
Кацнельсон С. Д. (1972), Типология языка и речевое мышление. Ленинград.
Киклевич А. К. (2000), Аксиоматика функционального моделирования высказывания. [В:] Веснік Гродзенскага дзярж. ун-та імя Я. Купалы. 3, 54-58.
Лакофф Дж. (1981), Лингвистические гештальты. [В:] Звегинцев, В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. Москва, 350-368.
Левицкий Ю. А. (1995), От высказывания — к предложению. От предложения — к высказыванию. Пермь.
Ломтев Т. П. (1976), Общее и русское языкознание. Москва.
Малахов В. С., Филатов, В. П. (1991), Современная западная философия. Словарь. Москва.
Норман Б. Ю. (1993), О конструкциях с эмфазой именного сказуемого: фрагмент русско-болгарского сопоставительного синтаксиса. [В:] Съпоставително езикознание. XVIII/2-4, 145-148.

- Панфилов В. З. (1980), Типы модальных значений и их роль в конструировании предложения. [В:] *Otazky slovanské syntaxe*. IV, 9-12.
- Савченко А. И., Иоффе, В. В. (1985), *Общее языкознание*. Ростов-на-Дону.
- Сиротинина О. Б. (1980), *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва.
- Чесноков П. В. (1984), Два аспекта в синонимии предложений. [В:] *Предложение как многоаспектная единица языка*. Москва, 25-38.
- Шахматов А. А. (1941), *Синтаксис русского языка*. Ленинград.
- Юрченко В. С. (1984), О взаимосвязи аспектов предложения. [В:] *Предложение как многоаспектная единица языка*. Москва, 14-25.
- Chruściński K. (2001), *Polska była jego drugą Ojczyzną... Słupsk*.
- Dijk, T. A. van (2000), Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия. [In:] Уханова-Шмыгова И. Ф. (ред.), *Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*. Вып. 2. Минск, 50-63.
- Eisenberg P. (1989), *Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart.
- Fowler R./Hodge B./Kress G. et al. (1979), *Language and control*. London.
- Grepl M./Karlík P. (1986), *Skladba spisovné češtiny*. Praha.
- Grzegorzczkova R. (1996), *Wykłady z polskiej składni*. Warszawa.
- Grzegorzczkova R./Laskowski R./Wróbel, H. (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa.
- Karolak S. (2001), *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw*. Warszawa.
- Kiklewicz A. (1998), Zur funktionalen Modellierung der Aussage. [In:] *Papiere zur Linguistik*. 59/2, 157-179.
- Kiklewicz A. K. (1999), *Лекции по функциональной лингвистике*. Минск.
- Kress G./Hodge, B. (1979), *Language and ideology*. London.
- Kuno S. (1987), *Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy*. Chicago.
- Mańczak W. (1970), *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego*. Wrocław etc.
- Markowski A. (1996), *Szkolny słownik terminów i pojęć gramatycznych*. Warszawa.
- Mey J. L. (1985), *Whose language. A study in linguistics pragmatics*. Amsterdam.
- Nagórko A. (1997), *Zarys gramatyki polskiej*. Warszawa.
- Oppenrieder W. (1991), *Von Subjekten, Sätzen und Subjektsätzen. Untersuchung zur Syntax des Deutschen*. Tübingen.
- Piernikarski C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi)*. Wrocław etc.
- Quine W. V. O. (1995), *Różności. Słownik prawie filozoficzny*. Warszawa.
- Saloni Z./Świdziński M. (1998), *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- Schuch G. von (1990), *Einführung in die Sprachwissenschaft*. München.
- Topolińska Z. (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.
- Weiss D. (1978), *Identitätsaussagen im Russischen: ein Versuch ihrer Abgrenzung gegenüber anderen Satztypen*. [In:] *Slavistische Linguistik 1977. Referate des III. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens*. München, 224-259.
- Wróbel H. (2001), *Gramatyka języka polskiego*. Kraków.

ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ *

Введение

Ядро содержания КС и ядро лексико-семантической системы квантификации составляет количественная семантика. Она позволяет выделить квантификацию из множества семантических категорий языка, в том числе и из ряда содержательно ей близких. Категориальная семантика КС проявляется в двух значениях: абсолютной и относительной квантификации, которые в логике предикатов соответствуют логическим кванторам всеобщности и существования, а в традиционной формальной логике — общему и частному объему суждения. Соответствие это, однако, достаточно приблизительно, потому что даже в сфере количественной семантики языковая квантификация не «упаковывается» в модели традиционной логики и логики предикатов.

1. Типы количественных значений КС

Значение абсолютной квантификации заключается в указании на полноту объема исходного множества, в котором оно участвует или не участвует в описываемой ситуации, а значение относительной квантификации — на неполноту этого объема по отношению к экзистенциальной норме множества. Так, в высказывании

---

* Здесь публикуется исправленный фрагмент монографии: Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München: Otto Sagner Verlag, 1998, 135-162.

(1) *Капитан не пил ничего, кроме рома*

местоимение *ничего* выражает абсолютную квантификацию: сообщается, что полный объем множества рассматриваемых напитков исключен из списка того, что пил капитан, и это не верно только по отношению к рому. В высказывании

(2) *Капитан хорошо знал некоторые сорта испанских вин*

местоимение *некоторые* указывает на то, что имелись сорта испанских вин, такие, которые капитан хорошо знал. Поскольку квантификация является реляционной категорией, то одна и та же именная группа может сопровождаться значением абсолютной и относительной квантификации. На этом основано правило взаимоотноимости категориальных семантических признаков КС, ср.:

(3) *Неправда, что капитан не пил ничего, кроме рома ↔ Капитан, кроме рома, пил также некоторые другие напитки*

где высказывание с относительной квантификацией является результатом применения отрицания к высказыванию с абсолютной квантификацией. Учитывая данное семантическое свойство КС, некоторые исследователи маркируют неопределенные местоимения (типичные формы относительной квантификации) признаком [–все].

Отсутствие конгруэнтности между логической и языковой квантификацией проявляется уже в парадигматическом аспекте: логика предикатов различает два типа кванторов ($\forall$ и $\exists$), тогда как количество подклассов слов, которые различаются тем же типом семантики, в естественном языке больше: в множестве кванторных местоимений это подклассы обобщающих местоимений типа *все*, неопределенных местоимений типа *некоторые* и отрицательных местоимений типа *никто*. Если корреляция обобщающих местоимений с квантором всеобщности, а неопределенных — с квантором существования достаточно очевидна, то существование класса отрицательных местоимений с логической точки зрения выглядит аномалией, потому что отрицательные местоимения сочетают в себе признаки квантора всеобщности и квантора существования (Клаус 1960, 76; Клини 1957, 70; Степанов 1981, 170; Чарняк 1983, 178; Pasenkiewicz 1986, 51; Stanosz 1985, 44).

Необходимо сделать оговорку, что деление кванторных местоимений на обобщающие, неопределенные и отрицательные не явля-

ется в грамматической традиции общепринятым. Лексемы типа *все* квалифицируются в славистике либо как обобщающие (обобщенные, обобщенно-распределительные) (Benni et al. 1923, 328), либо как определительные (обобщенно-определительные) (Майтинская 1969, 245; Откупщикова 1979, 57; Шелякин 1986, 11), либо как утвердительные или указательные (Pauliny и др. 1968, 223), либо как ограничительные (Stanislav 1972, 89-90), либо как адъективные (Garde 1980, 277), либо как неопределенные (Biedermann 1981, 96-97; Kryński 1903, 145; Soerensen 1900, 85), либо вообще не маркируются (Шведова 1980а, 531; Кошутіћ 1898, 76; Grzegorzczukowa et al. 1984, 276-278). Кванторные местоимения типа *некоторые, кто-то, что-нибудь, где-либо* неизменно относятся к числу неопределенных. Термин *неопределенные местоимения* в известной степени оправдан: единицы этого типа обозначают частичное вхождение исходного множества в ситуацию, не уточняя конкретного номинального объема референтного множества. То же можно, впрочем, сказать и об обобщающих местоимениях:

по своему общему характеру они являются в той же мере неопределенными, как и квантификаторы, входящие в разряд неопределенных местоимений, с той только разницей, что неопределенность у обобщительных местоимений не выступает на передний план, а лишь имплицитно входит в их содержание (Грамматика 1979а, 366).

Однако различие между неопределенными и обобщающими местоимениями более глубокое: не называя номинального объема референтного множества, обобщающие местоимения тем не менее указывают на то, что он равен объему исходного множества. Таким образом, если говорящему известен номинальный объем исходного множества, он может «вычислить» объем референтного множества операционным способом. В высказываниях с неопределенными местоимениями даже такое косвенное получение точной информации о номинальном объеме актуального множества исключено. Высказывание

(4) *Вася прочитал часть из этих 20 книг*

имплицитно лишь высказывание

(5) *Количество этих книг, прочитанных Васей, меньше 20.*

Местоимения типа *никто* обычно относятся к числу отрицательных местоимений. В отдельных случаях они объединяются в один класс с обобщающими (Biedermann 1981, 97). П. Гарде различает негативные местоимения типа *никто* и позитивные типа *кто-то* как подклассы множества неопределенных местоимений (Garde 1980, 247 сл.).

Таким образом, совершенно очевидно, что в существующей грамматической традиции основные разряды кванторных местоимений классифицируются с нарушением закона единства основания: обобщающие местоимения выделяются на основе их корреляции с общими суждениями, неопределенные — ввиду отсутствия точного количественного указания на объем референтного множества, а отрицательные — на основании их устойчивой сочетаемости с отрицательными предикатами и ввиду наличия в их содержании реликтов номинативной отрицательной семантики. Далее будет предложена принципиально новая система кванторных местоимений, которая является составной частью общей системы КС и которая базируется на совокупности логико-семантических оппозиций.

2. Двойное отрицание

Поскольку отрицательные местоимения, или *ни*-слова, как их называет А. Б. Пеньковский (1986, 58), являются наиболее спорным звеном в лексико-семантической системе КС, то вполне естественно начать корректировку этой системы с уточнения логико-семантических характеристик именно данного разряда маркеров квантификации.

Наиболее очевидным признаком отрицательных местоимений выступает отрицательное качество высказывания, выражаемое отрицательной частицей, ср.:

(6) *Nigdy żadna kobieta nie będzie kochana* (L. Staff).

Реже отрицание выражается предлогами или союзами (Лашкова 1976, 180), ср.:

(7) *Obejmuję wszystkich bez żadnego wyjątku* (H. Sienkiewicz).

(8) *Jechać całkiem bez niczego to żaden interes* („Życie Warszawy”. 6 X 1988).

(9) *Bez hełmu był, bez żadnych oznak ni broni* (K. Bunsch).

Различные средства выражения отрицания могут комбинироваться, например:

(10) *Никто не ехал просто так, без ничего* (А. Житинский).

Отрицательные местоимения актуализируются только в контексте аналитически выраженного отрицания. Если же отрицательная семантика входит в структуру лексического значения глагола-предиката, отрицательные местоимения (по крайней мере, в своей основной кванторной функции) не употребляются, ср.:

(11) *Я начинаю ничего не понимать!* — злобно проговорил Ставрогин (Ф. Достоевский) — **Я перестаю ничего не понимать / Я перестаю что-либо понимать*

где глагол *переставать* включает семантический признак ‘отсутствие предыдущего состояния’. Ср. также:

(12) *Я не выскажу никаких комментариев* — **Я воздержусь от никаких комментариев / Я воздержусь от каких-либо комментариев.*

Исключение составляют, пожалуй, только высказывания с местоимениями *иной, другой* (Nozsicska 1988, 199), ср.:

(13) *Это было ничто иное как шаровая молния*

(14) *Этот был никто другой как комендант общежития*

с возможными вариантами типа

(15) *Это было не что иное как шаровая молния*

(16) *Это был не кто иной как комендант общежития.*

Пропозициональный предикат здесь не содержит отрицательный семантики, зато она входит в содержание определения исходного множества, ср. формулу (1), которая значит: ‘Не существует объекта, который не обладает признаком *P*, такого, который обладает признаком *Q*’.

$$\neg \exists x \{x | \neg P(x)\} Q(x) \quad (1)$$

Отрицательная дистрибутивная семантика сопровождается отрицательными местоимениями и в высказываниях с эллипсом предиката, на что указывал еще Soerensen (1900, 274), ср.:

(17) *W tym mieście tylko same cerkwie, a kościoła (nie ma) żadnego.*

В высказывании

(18) *Inżynier wiedział tyle, co on. To znaczy nic (S. Lem) ↔ To znaczy nie wiedział nic*

отрицательные местоимения выступают единственной формой, которая указывает на его отрицательное качество, чем отчасти и обусловлена их трактовка как единиц с отрицательной номинативной семантикой. В. Вытов ошибочно, с моей точки зрения, трактует ряд болгарских эллиптических высказываний с отрицательными местоимениями как назывные (Вытов 1987, 74–75), например:

(19) *Никакъв резултат*

— все подобные выражения в своей семантической структуре содержат предикативный компонент, причем имеющий отрицательное качество, ср.:

(20) *Нямам никакъв резултат.*

Роль отрицательного контекста для реализации отрицательных местоимений не следует, однако, абсолютизировать. Во-первых, в этом контексте могут быть реализованы также кванторные местоимения других классов, ср.:

(21) *И во всем огромном мире
Нет такой, как ты была (В. Луговской).*

(22) *И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверского сада
Бредет в ничтожестве своем (В. Ходасевич).*

В некоторых случаях в одном и том же отрицательном высказывании употребляются, помимо отрицательного, также обобщающее местоимение, например:

(23) *Ничего ты на все не ответила мне (А. Фет).*

(24) *On nie podobny w calej postaci do niczego* (Т. Parnicki).

Во-вторых, в некоторых высказываниях с отрицательным качеством более предпочтительным или единственно возможным является употребление обобщающего или неопределенного, а не отрицательного местоимения, например:

(25) *Это не результат научного анализа всех плюсов и минусов кооперации* («Огонек». 1989/36) — **Это не результат научного анализа ни одного плюса и минуса кооперации.*

В-третьих, отрицательные местоимения не всегда сопровождаются отрицанием предиката, ср. местоимение *ничей*:

(26) *Эта собака ничья.*

Следует при этом отметить, что в высказываниях с положительным качеством либо наблюдается семантическая деривация отрицательных местоимений, либо их сочетания с существительными и глаголами несут фразеологический характер (Киклевич 1990, 115).

Однако семантическая характеристика отрицательных местоимений в научной литературе не ограничивается обычно констатацией отрицательного качества сопровождающих их предикатов. Например, в современной славистике широко распространена трактовка *ни*-слов как имеющих отрицательное номинативное содержание, а высказываний с *ни*-словами — как полинегативных, или высказываний с двойным отрицанием (Бахарев 1980, 39; Исаченко 1965, 164; Коссек/Костюк 1980, 58; Мигирин 1973, 69; Откупщикова 1979, 68; Падучева 1969, 27; 1974, 149; Пешковский 1956, 389; Ревзин 1978, 112; Křížková 1968, 27-28; Nozsicska 1988, 177; Saloni/Świdziński 1985, 197; Sekulić 1973, 61). Например, в высказывании

(27) *Никто не пришел*

в соответствии с данным подходом выделяется двойное отрицание: во-первых, отрицание неопределенного местоимения ($\neg$ *кто-то* $\rightarrow$ *никто*), во-вторых, отрицание предиката ($\neg$ *пришел* $\rightarrow$ *не пришел*). Аналогично интерпретируются высказывания с отрицательными союзами.

Полинегативность традиционно считается специфической характеристикой синтаксиса современных славянских языков по сравнению, например, с германскими и романскими, где отрицание предиката не дублируется отрицанием кванторного местоимения, ср. нем.:

(28) *Niemand kommt* — *Никто не придет*

а также на фоне более древнего “одиночного” отрицания в славянских языках (Бахарев 1990, 15; Fałowski 1986, 153 сл.).

Отрицательная функция *ни*-слов, по мнению исследователей, заключается в том, что они указывают на полное отсутствие предмета как субъекта или объекта действия (Беларуская 1985, 142; Грамматика 1983, 205), «сигнифицируют несуществование объекта [...] с признаками, обозначенными в данном высказывании» (Grzegorzczukowa et al. 1984, 277; см. также: Grzegorzczukowa 1987, 137), отрицают данное свойство у всех элементов класса (Падучева 1974, 134).

Содержание отрицательных местоимений определяется как результат негации. Некоторые исследователи считают, что *ни*-слова являются отрицательным эквивалентом обобщающих местоимений (Лекомцев 1983, 72; Komárek 1978, 9). Однако чаще отрицательные местоимения трактуются как производные от неопределенных (Исаченко 1965, 164; Падучева 1969, 18). Это подтверждается, в частности, отношениями неопределенных и отрицательных местоимений в дискурсе, ср.:

(29) *Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, конечно, не разузнала ровно ничего* (М. Булгаков)

(30) *Значит там кто-то есть. Пойду погляжу... Никого* (Э. Ионеско)

где *ничего* выступает результатом отрицания *что-нибудь*, а *никого* появляется как результат негации *кто-то*. Как отрицательным формам неопределенных местоимений, *ни*-словам приписывается статус указателей пустых множеств (Нарский 1962, 154; Giusti 1982, 4; Nozsiscka 1990, 115). Это дает основание некоторым лингвистам противопоставлять обобщающие и отрицательные местоимения как антонимические знаки по признакам полноты и пустоты множества (Мечковская 1988, 389; Мигирин 1973, 69; Besters-Dilger 1988, 50).

Идея двойного отрицания обладает, однако, рядом существенных недостатков. Если исходить из отрицательности содержания *ни*-

слов, которая является результатом преобразования неопределенных местоимений, например:

(31) *Неверно, что кто-нибудь пришел* → *Никто не пришел*

— и подобным трансформам приписывать содержание типа 'Класс тех, кто пришел, пуст', то оказывается, что частица *не* с семантической точки зрения избыточна — ведь пустота класса выражается отрицательным местоимением. Т.е. декларируемое двойное отрицание в глубинно-семантическом плане высказывания оказывается *одиночным*. Собственно, это косвенно и признается сторонниками идеи двойного отрицания. Так, для Е. В. Падучевой отрицательная частица *не* при предикате — результат ассимиляции квантором предиката: главным, с ее точки зрения, выступает отрицание неопределенного местоимения (*не (кто-нибудь)* → *никто*), которое требует постановки отрицательной частицы и перед предикатом (1969, 27; 1974, 149; см. также: Saloni/Świdziński 1985, 197). Ш. Балли квалифицировал двойное отрицание как *грамматический плеоназм* (1955, 169). Некоторые сторонники идеи двойного отрицания считают исходным отрицание предиката и вторичным — отрицание неопределенного местоимения (Гладкий/Дрейзин 1983, 144; Исаченко 1965, 164).

Двойное грамматическое отрицание не тождественно двойному отрицанию в логике, которое означает, что отрицание отрицания высказывания равнозначно аффирмативному высказыванию (Ахманов 1960, 150), ср.:

(32) *И не без горечи сокрытой*
Хожу и мыслю иногда (В. Ходасевич)

где *не без горечи* семантически (в логическом смысле) тождественно *с горечью*. На это обращал внимание А. М. Пешковский: в высказываниях с отрицательными местоимениями, писал он, нет «положительного» смысла (1956, 389; см. также: Лосский 1912–1913, 83–84; Павилёнис 1975, 8–9; Brykczynski 1990, 214; Osadnik 1987, 131). Авторы «Русской Грамматики» (Шведова 1980b, 411) рассматривают двойное отрицание только в выражениях с дублированием отрицательной частицы, например *нельзя не любить*, а об отрицательных местоимениях сообщается, что они не создают отрицания, а только служат для его *у с и л е н и я*.

Двойное отрицание в высказываниях с *ни*-словами не отражается и в формулах на языке логики предикатов (Киклевич 1989, 42), ср. логические трансформы высказываний:

(33) *Некоторые из офицеров растерялись.*

(34) *Никто из офицеров не растерялся.*

$$\begin{array}{l} \exists x \quad Q(x) \\ \{x \mid P(x)\} \end{array} \quad (3)$$

$$\begin{array}{l} \neg \exists x \quad Q(x) \\ \{x \mid P(x)\} \end{array} \quad (4)$$

где *P* — *офицеры*, *Q* — *растеряться*. Формула (4), которая соответствует высказыванию с отрицательным местоимением, содержит только одно отрицание — отрицание малого квантора.

Идея двойного отрицания базируется на признании семантической идентичности частиц *не* и *ни*, которое является глубоко ошибочным. Ср. хотя бы сочетания *не* и *ни* с числовыми выражениями: *ни один* = ‘меньше одного’, *не один* = ‘больше одного’, *ни разу* = ‘меньше одного раза’, *не раз* = ‘больше одного раза’.

В отличие от *не*, частица *ни* семантически коррелирует с рядом рестрикторов (Бондаренко 1983, 88), ср.:

(35) *Иван не успел прочесть ни одной страницы.*

(36) *Иван не успел прочесть и одной страницы.*

(37) *Иван не успел прочесть хотя бы одной страницы.*

(38) *Иван не успел прочесть даже одной страницы.*

Против отрицательности *ни*-слов свидетельствует также факт их семантической совместимости с маркерами дизъюнкции, ср.:

(39) *Для нас ни Венгрия, ни ПНР, ни США или Италия — не пример!* («Аргументы и факты». 1989/51).

(40) *O tym, co było w owych trudnych czasach, na pewno nie może decydować arbitralny dobór rozmówców przez Trzandla ani jego komentarz czy obraźliwy dla owych rozmówców tytuł książki* («Polityka». 1993/35).

Разделительные союзы могут выступать субститутами отрицательных союзов, ср.:

- (41) *Ale to nie jest moja ani twoja wina* (J. Andrzejewski) ↔ *Ale to nie jest moja czy twoja wina*.
(42) *Las gulowski nie był cichy ani bezpieczny* (M. Brandys) ↔ *Las gulowski nie był cichy czy bezpieczny*.

В основе идеи двойного отрицания лежит предпосылка, что отрицание при местоимении невозможно без одновременного отрицания при предикате. Как было показано выше, это неверно: существуют отрицательные местоимения, которые функционируют в своем основном кванторном значении в контексте положительного предиката, ср.:

- (43) *Этот дом ничей*.
(44) *Не с кем поговорить*.

Некоторые исследователи указывают, что только в выражениях этого типа отрицательные местоимения проявляют себя как единицы с отрицательным содержанием и только благодаря им высказывание имеет отрицательное качество (Бондаренко 1983, 91; Ермакова 1969, 88; Nozsicska 1990, 114; Vertulani 1990, 185).

Таким образом, *ни*-слова делятся на два подкласса: отрицательные (типа *ничей*) и усиленные (типа *никто*) (Бондарев 1978, 6; Бондаренко 1983, 88; Вѣтов 1987, 79; Ермакова 1969, 88; Лашкова 1976, 168; Павилѣнис 1975, 89; Саматова 1959, 161; Шелякин 1986, 73; Osadnik 1987, 131; Schaller 1978, 58-60). Усилительная функция частицы *ни*, по определению пражской «Русской грамматики», заключается в том, что «она присоединяется к неопределенным местоимениям типа *кто*, *где* и т.п.: *кто* → *никто*, *где* → *нигде* и др., выражая, что отрицаемый в сказуемом признак не соотносится ни с одним из возможных элементов того или иного множества» (1979а, 838).

Если в рамках идеи двойного отрицания *ни*-слова являются производными от неопределенных местоимений (это, по существу, их отрицательные формы), то в рамках идеи усиленного отрицания *ни*-слова семантически отождествляются с обобщающими местоимениями, от которых они отличаются только обязательным отрицательным контекстом (Бондаренко 1983, 91; Гладкий/Дрейзин 1983, 146; Ермакова 1969, 88; Косеска-Гошева/Гаргов 1990, 121; Саматова 1959, 159; Шелякин 1981, 72; Brykczyński 1990, 214; Grzegorzczukowa 1973, 87; Kotarbiński 1957, 157).

3. Отношение обобщающих и отрицательных местоимений

Отношения между обобщающими и отрицательными местоимениями нельзя признать однозначными: в чем-то они подобны, а в чем-то различны. Сходство данных классов местоимений проявляется в возможности их с у б с т и т у ц и и, ср.:

- (45) *Вы всегда не уважали меня* (Ф. Достоевский), ср.: *никогда не уважали.*
 (46) *Диван раздвинут, как кровать, на полу матрас, все не застелено* (А. Гладилин), ср.: *ничто не застелено.*

Обобщающие и отрицательные местоимения могут быть совместимы в одном и том же микродискурсе, причем словоформы каждого типа контрадикторны, т.е. обозначают полярные точки количественной градации признака, ср.:

- (47) *Bóg wie wszystko. Ja nie tam prawa nic wiedzieć* (S. Żeromski).
 (48) *Никто вам теперь не судья, а я вам судья меньше всех* (Ф. Достоевский).

При этом местоимения разных типов функционируют как кореферентные единицы. Трансформационное тождество обобщающих и отрицательных местоимений (базирующееся на их контрадикторности) проявляется в том, что они представляют собой отрицание неопределенных местоимений (Гетманова 1994, 76), ср.:

- (49) *Неверно, что (только) некоторые ученые являются догматиками ↔ Все ученые являются догматиками.*
 (50) *Неверно, что (хотя бы) некоторые ученые являются догматиками ↔ Ни один ученый не является догматиком.*

Обобщающие и отрицательные местоимения обладают и дистрибутивным сходством, например, сочетаемостью с некоторыми интенсификаторами, ср.: *почти все, почти никто* — **почти некоторые*. Их подобие может быть установлено также на материале межъязыковых параллелей. Так, в польском переводе «Дела Артамоновых» Горького имеются аналогии обобщающих и отрицательных местоимений, ср.:

- (51) (оригинал) *Ничего этого не надо* — (перевод) *Nie trzeba tego wszystkiego.*
 (52) (оригинал) *А Тихон Вялов всегда не нравился ему* — (перевод) *A Tichon Wiałow nigdy mi się nie podobał.*

В некоторых высказываниях местоимения данных типов употребляются параллельно, в частности, в составе сочинительной конструкции:

- (53) *Ну как с таким говорить? Сказать, что никто, что все ее подруги так не живут?* (Е. Попов).
 (54) *Я туда-сюда, и везде-нигде нету для меня питания* (Е. Попов).

Если в выражениях с КС выделять включенную (экзистенциальную) и включающую пропозиции, то их содержание можно описать с помощью логики высказываний. Таблицы истинностных значений высказываний с обобщающими, неопределенными и отрицательными местоимениями, как известно, различаются. Однако если сравнить обобщающие и отрицательные местоимения в отрицательном контексте, например:

- (55) *Все суда не были готовы к плаванию — Ни одно судно не было готово к плаванию*

— то окажется, что их референциальная характеристика одинакова: наборы логических возможных миров, в которых они истинны либо ложны, идентичны, см. таблицы.

Таблица 1

Возможные миры	<i>Имелись суда</i>	<i>Суда были готовы к плаванию</i>	<i>Все суда не были готовы к плаванию</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Таблица 2

Возможные миры	<i>Имелись суда</i>	<i>Суда были готовы к плаванию</i>	<i>Ни одно судно не было готово к плаванию</i>
1	истинно	истинно	ложно
2	истинно	ложно	истинно

Таким образом, экстенциональные значения отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями одина-

ковы, а следовательно, и единицы данных классов КС при условии отрицания предиката в референциальном отношении тождественны. В научной литературе отмечается, что местоимения данных разрядов характеризуются обобщающим значением, а включающие их высказывания содержат атрибутивное суждение с общим объемом подлежащего (Шведова 1980b, 411).

В семантических отношениях обобщающих и отрицательных местоимений проявляются черты сходства и различия. Фундаментальное различие между ними состоит в том, что *ни*-слова, как было уже отмечено, преимущественно употребляются в отрицательных, а *все*-слова — в положительных высказываниях. И. М. Богуславский считает, что это различие носит поверхностно-синтаксический характер (1980, 132). Однако, в действительности положение сложнее, потому что и обобщающие местоимения способны употребляться в отрицательных контекстах — а значит, их отграничение от отрицательных требует учета дополнительных (в частности, семантических) признаков. Рассмотрим два типа отрицательных контекстов, в которых актуализация обобщающих или отрицательных местоимений регулируется такими признаками.

Имеются отрицательные контексты с запретом обобщающего местоимения: *Никто не P* — **Все не P*:

— конструкции с отрицательным местоимением в качестве обобщающего слова при сочинительной конструкции с союзом *ни... ни*, например:

- (56) *...Пройдет, не оставляя ничего: Ни мысли, раздражающей его, Ни облаков с огнями и громами* (Ю. Кузнецов), ср.: **не оставляя всего: ни мысли, ни облаков.*

— ряд сочетаний с прилагательными, например:

- (57) *А я там ничего особенного не вижу* (Е. Попов), ср.: **всего особенного не вижу.*
 (58) *Ничего иного оно больше не воспринимает* («Литературная газета». 8 X 1989), ср.: **всего иного не воспринимает.*
 (59) *To z pewnością nie wróży nic dobrego* (W. Terlecki), ср.: **nie wróży wszystkiego dobrego.*
 (60) *Dzień ten nie wyróżnia się niczym szczególnym* («Polityka». 1989/51-52), ср.: **nie wyróżnia się wszystkim szczególnym;*

— сочетания с предложно-падежной группой *из / среди* + *S_{ген}*, например:

- (61) *Никто из моих друзей не курит*, ср.: **Все из моих друзей не курят*.
 (62) *Nikt z nas nie mógł sobie tego wyobrazić* («Polityka». 1989/37), ср.: **Wszyscy z nas mogli sobie to wyobrazić*.

— сочетания КС с формой сравнительной степени прилагательного или наречия, например:

- (63) *Из моих же шоферов многие, кроме того, сильно любили Россию и ничего больше России* (В. Шкловский), ср.: **любили Россию и всего больше России*;

— конструкции с эпистемическими глаголами, например, *знать* в 1-м лице, например:

- (64) *Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о нем* (Ю. Кузнецов), ср.: **Я всего не знаю о нем*.

Ничего предполагает потенциальное, а *все* — реальное существование исходного класса объектов. Высказывание *Ничего я не знаю о нем* можно интерпретировать как ‘В множестве того, что я могу о нем знать, не существует такого, что я о нем знаю’. Ср. также пример анекдота, который в свое время предложил мне Б. Ю. Норман:

- (65) *Встречаются два бомжа.*
 — *Ты где живешь?*
 — *Я нигде. А ты?*
 — *А я везде.*

В этом случае *везде* и *нигде* различаются типом референции связанного аргумента:

- (66) *Я нигде не живу* ↔ *Я нигде определенно не живу* = ‘В множестве мест, где я мог бы постоянно жить, не существует такого, где бы я жил’.
 (67) *Я живу везде* ↔ *Я живу где придется* = ‘Для каждого элемента в множестве мест, которые мне попадают, верно, что я там периодически живу’.

Именно семантика реальности при условии определенности исходного множества запрещает употребление обобщающего местоимения в контексте отрицательных эпистемических глаголов — высказывание в этом случае становится аутофальсифицируемым;

— устойчивые выражения *невзирая/несмотря ни на что* — **невзирая/несмотря на все; это ни о чем не говорит/ *это*

обо всем не говорит; никуда не годится — *всюду не годится; ничего не стоит — *всего не стоит и др.;

— главная часть сложноподчиненных высказываний с союзами *чтобы, когда бы*, например:

(68) *Не было ни одного дня, чтобы он не позвонил*, ср.: **Не было всех дней / каждого дня, чтобы он не позвонил*;

— вопросительные отрицательные предложения, например:

(69) *Ты нигде моих тапочек не видела?*, ср.: **Ты везде моих тапочек не видела?*

(70) *На набережной вы никого не встречали?*, ср.: **На набережной вы каждого / всех встречали?*

С учетом коммуникативной структуры подобные высказывания допускают двоякую интерпретацию, ср.:

(71) *Ты (в самом деле) нигде моих тапочек видела?* = ‘Действительно ли верно, что не существует места, такого, где бы ты видела мои тапочки?’

(72) *Послушай, я не могу найти свои тапочки, ты нигде их не видела?* = ‘Существует ли место, такое, в котором ты видела мои тапочки?’

В первом случае прагматическая функция высказывания состоит в подтверждении истинностного значения сообщения, а во втором — в получении фактуальной информации с помощью речи. Постановка обобщающего местоимения в вопросительное отрицательное высказывание возможна только тогда, когда оно выполняет первую прагматическую функцию, например:

(73) *Вы не получили всех номеров подписки или не получили только некоторых?*

Однако в этом случае исключено употребление отрицательного местоимения, ср.:

(74) **Вы не получили ни одного номера подписки или не получили только некоторых?*

— обобщающие местоимения всегда актуализируются в отрицательном высказывании только в условиях непрерывности события:

(75) *Вы всегда меня не любили — *Я всегда не обедаю в этом ресторане.*

В первом случае сообщается о перманентном в некотором отрезке времени положении дел, а во втором — о некотором множестве однотипных и прерывных во времени ситуаций (а именно ситуаций типа *Я обедаю*);

— обобщающее местоимение в отрицательном высказывании не сочетается с единицами измерения однородных множеств (символов веществ, материалов), например:

(76) *Не купил ни грамма соли — *Не купил каждого грамма / всех граммов / любого грамма соли.*

Помимо приведенных выше имеются также отрицательные контексты с запретом на отрицательного местоимения: *Все не Р — *Никто не Р*:

— конструкции с предлогами после, ради, мимо, между, из-за, благодаря, в течение и др., например:

(77) *Различия между всеми тремя типами систем нельзя выразить формально (А. Уемов), ср.: *различия между ни одним типом систем / никакими типами систем.*

(78) *Ale chyba nikt z tych wszystkich nie wierzył (J. Broszkiewicz), ср.: *nikt z tego nikogo nie wierzył.*

— сочетания с конвергентными прилагательными:

(79) *Остальные все откровенно не слушали (А. олженицын), ср.: *Остальные никто откровенно не слушал / *Остальные никто откровенно не слушали / *Остальной никто откровенно не слушал;*

— конструкции типа «отрицательное местоимение — Ргаериз — обобщающее местоимение», например:

(80) *Никто из всех участников конференции об этом не упомянул, ср.: *Никто ни из одного/из ни одного участника конференции об этом не упомянул.*

Впрочем в этом случае невозможна и замена отрицательного местоимения на обобщающее, ср.:

(81) **Все из всех участников конференции об этом не упомянули.*

— некоторые сочетания обобщающих местоимений с указательным местоимением *это*, например:

(82) *Без всего этого профессор не мог жить*, ср.: **Без ничего этого профессор не мог жить*.

(83) *Всего этого постоянно не хватает*, ср.: **Ничего этого не хватает*.

— отрицательные высказывания, в которых обобщающее местоимение выражает не абсолютную, а относительную квантификацию, например:

(84) *Ивану скажите, а всем сообщать не надо*, ср.: **Ивану скажите, а никому сообщать не надо*.

— содержащие семантику потенциальности придаточные предложения времени с союзами *прежде чем*, *пока* и т.п., например:

(85) *Пока я не вызову всех свидетелей, нельзя ничего сказать*, ср.: **Пока я не вызову ни одного свидетеля, нельзя ничего сказать*.

— вопросительные высказывания с эмфатическим выделением КС, например:

(86) *Почему все не радуются успеху Яна?*, ср.: **Почему никто не радуется успеху Яна?*

— выражения, включающие маркер высокой степени интенсивности признака, например:

(87) *Его все очень не любят*, ср.: **Его никто очень не любит*.

Элиминирование маркера степени позволяет корректно употреблять отрицательное местоимение в подобных выражениях, ср.:

(88) *Его никто не любит*.

— сочетания с формой превосходной степени прилагательных, например:

(89) *Мы не увидели всего самого интересного*, ср.: **Мы не увидели ничего самого интересного*.

— конструкции с градацией (как правило, эллиптированные), включающие оценочное значение большого количества, например:

- (90) *В моем докладе вам не понравится многое, а может быть, и все, ср.:*
*В моем докладе вам не понравится многое, а может быть, и ничего.

— морфологический плеоназм в конструкциях типа *ничто, что...* преодолевается заменой отрицательного местоимения на обобщающее, например:

- (91) **Президент уже не влияет ни на что, что происходит в стране, ср.: На все, что происходит в стране, президент уже не влияет.*

— конструкции с обобщающим местоимением, которые не имеют прямых лексических аналогов — отрицательных местоимений, например:

- (92) *И во всем огромном мире Нет такой, как ты была (В. Луговской), ср.: И нигде в огромном мире нет такой...*

Отрицательные высказывания являются результатом преобразования положительных, что позволяет различать их по внутренней форме (мотивировке). Ср. истинностные преобразования, приводящие к возникновению отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями:

- (93) — *Правда, что только некоторые ученики не справились с контрольной, и не больше (и не большее количество учеников)? — Нет, с контрольной на этот раз не справились все ученики.*
- (94) *Правда, что хотя бы некоторые ученики, а может быть, и больше (большее количество учеников) справились с контрольной? — Нет, ни / и один ученик не справился с контрольной, а тем более большее количество учеников.*

Данные примеры свидетельствуют о том, что обобщающие и отрицательные местоимения входят в трансформы различных исходных выражений: в первом случае изменяется объем суждения, но сохраняется его отрицательное качество, во втором случае изменяется и объем, и качество.

Различие деривационной истории двух вариантов отрицательных высказываний с абсолютной квантификацией проявляется также в их языковом содержании. Высказывания типа *Все не спят* могут

быть интерпретированы как ‘И a , и b , и c входят в множество тех, кто не спит’, т.е. посредством обратной конъюнкции, а высказывания типа *Никто не спит* — как ‘Ни a , ни b , ни c не входят в множество тех, кто спит’, т.е. посредством антидизъюнкции (Черч 1960, 41; Пеллетье 1986, 326; Киклевич 1990, 54). Обобщающее местоимение в ключае элементы исходного множества в объем референтного множества, а отрицательное — исключает их из этого объема (Шведова 1980b, 411).

Некоторые исследователи (Klaus 1973, 257; Nozicska 1988, 196-197), видимо, ошибочно связывают отрицание квантора существования с обратной конъюнкцией, на что указывают языковые факты, например:

- (95) *В парах ли винного подвала,
в кругах ли просвещенных дам
влачусь — где наша не бывала!
А между тем — ни тут, ни там* (О. Чухонцев)

где выражение с *ни*-словами является результатом отрицания выражения с дизъюнктивным союзом *ли... ли*.

Формулы с обратной конъюнкцией и антидизъюнкцией в логике высказываний считаются равносильными. Более того, если высказывания получены из равносильных формул в результате замены входящих в них переменных конкретными высказываниями, такие высказывания называются равнозначными. И логическую равносильность, и логическую равнозначность не следует понимать как семантическое тождество высказываний. Неоднократно отмечалось, что пропозициональные связи отражают лишь онтологический аспект содержания высказывания и не указывает на тип интерпретации мира, чем, в частности, обусловлен известный парадокс «материальной» и «строгой» импликации — одна из предпосылок создания релевантной логики. Как пишет Е. К. Войшвилло,

материальная импликация... не представляет собой какой-либо содержательной связи... Все формулы языка классической логики имеют экстенциональный характер. Будучи интерпретированы как высказывания, они выражают лишь некоторые фактические положения дел в действительности (1989, 97; см. также: Гетманова 1994, 79).

По одному из законов Де Моргана обратная конъюнкция и антидизъюнкция равносильны:

$$\neg (p \vee q) \leftrightarrow (\neg p \ \& \ \neg q) \quad (5)$$

Однако, несмотря на это экстенциональное тождество, интенциональное содержание высказываний с антидизъюнкцией и обратной конъюнкцией различно: при обратной конъюнкции, как показано выше, происходит включение элементов в класс, а при антидизъюнкции — исключение из класса.

Различие интенционалов отрицательных высказываний с обобщающими и отрицательными местоимениями можно представить и в терминах логического вывода. Обратная конъюнкция в высказываниях типа

(96) *Все не спят*

представляет собой результат полной или неполной (в зависимости от ограниченности/неограниченности исходного множества) индукции:

a не спит
b не спит
c не спит

Все из множества {a, b, c} не спят.

Антидизъюнкция в высказываниях типа

(97) *Никто не спит*

достигается с помощью дедукции, а именно — условно-разделительного силлогизма:

Если неверно, что все спят, то либо хотя бы некоторые спят, либо никто не спит.

Неверно, что хотя бы некоторые спят.

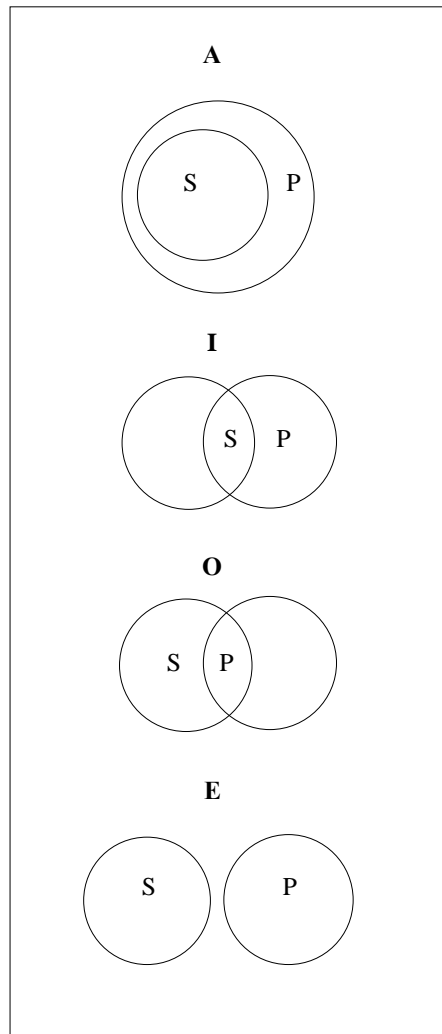

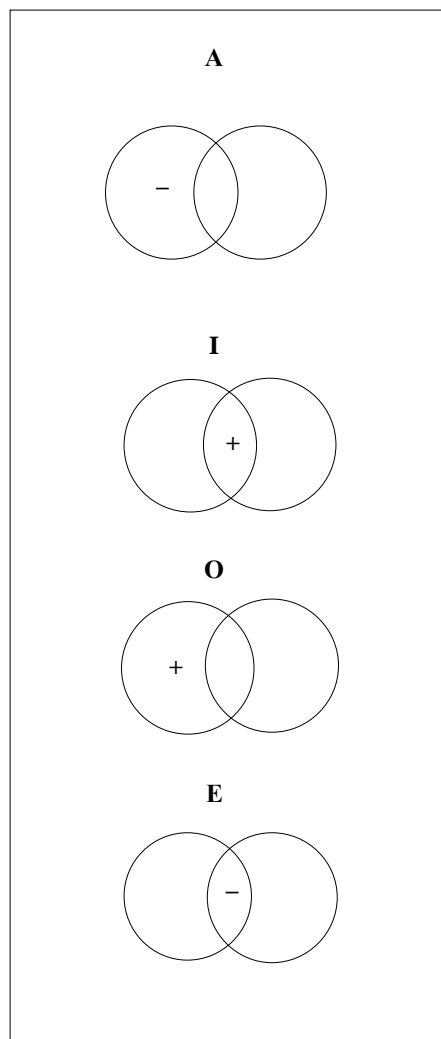
Никто не спит.

Подобное предложенному выше толкование *ни*-слов можно найти у А. Д. Гетмановой (1972, 48).

4. Многозначность относительной квантификации

В логике существуют два способа графического представления содержательных типов высказываний.

Различие данных моделей не чисто техническое, а содержательное. Так, в моделях первого (более традиционного и известного) типа общеутвердительное суждение выражает полноту объема субъекта в объеме предиката, а в моделях второго типа (Закревский 1988, 71) — пустоту объема субъекта вне объема предиката. Это означает, что мы имеем дело с двумя принципиально различными типами общих

суждений — тождественными в экстенциональном и различными в интенциональном аспекте. Данные варианты общего суждения характеризуются (пользуясь известным термином Соссюра) разной значимостью: в моделях первого типа, которые мы будем называть синтетическими, А противопоставлено I, а E — O как высказывания с полным объемом субъекта — высказываниям с неполным объемом субъекта; в моделях второго типа, которые мы будем называть аналитическими, А противопоставлено O, а E — I как высказывания с пустым объемом субъекта — высказываниям с непустым объемом субъекта.

Формальная и математическая логика практически не учитывают интенционального аспекта содержания кванторов и пропозициональных связей. Так, квантор существования противопоставляется квантору всеобщности значением ‘как минимум один’ (Целищев 1977, 12; Hirst 1974, 143; Klaus 1973, 258; McArthur 1976, 54; Pasenkiewicz 1986, 74; Rasiowa 1975, 213; Wall 1973, 90), а семантические варианты предикатных формул с одним и тем же квантором не предусматриваются.

Некоторые логики, однако, признают многозначность частных суждений ‘Только некоторые S суть P’ и ‘По крайней мере некоторые S суть P’ — одним из первых на это обратил внимание выдающийся (но, к сожалению, полузабытый) русский логик Н. А. Васильев (1989, 15 ссл.); см. также: Асмус 1947, 120; Бакрадзе 1951, 209; Горский 1963, 105; Павилёнис 1975, 94; Таванец 1953, 71; Pasenkiewicz 1986, 51. В логике предикатов дифференцируются значения квантора существования ‘существует по крайней мере один’ и ‘не все’ (Дюкро 1982, 279; Осуга 1988, 93; Levinson 1990, 38). Обращается внимание на редундантность — свойство частичной взаимоотрицаемости, которым языковые кванторы отличаются от логических (Vertulani 1990, 180). К. Бакрадзе критиковал практику описания общих суждений в виде операции отрицания квантора существования, что, по его мнению, не отражает содержания некоторых общих суждений (1951, 212).

5. Пресуппозитивная семантика в высказываниях с КС

Логический подход к описанию естественного языка (во всяком случае — осуществляющийся в рамках классической логики) основывается на признании и з о м о р ф и з м а плана выражения и плана со-

держания знаков, а в референциальном аспекте — изоморфизма знака и денотата, языка и мира, и не адаптирован к отражению семиотических систем, допускающих р е д у ц и р о в а н н у ю с и н т а г м а т и к у , в частности, имплицитность плана содержания. В логике предикатов актуализация кванторов не сопровождается никакой информацией об онтологическом и психологическом контексте высказывания, здесь игнорируются такие элементы содержания, как интенции корреспондента, пресуппозиции, альтернативные возможные миры. Х. Вайнрих пишет:

Для «да» и «нет» в логике сделаны таблицы истинности, и не допускается и тени сомнения в том, что в логических исследованиях, таким образом, принимается во внимание нечто вроде речевой ситуации. Однако существуют многие другие языковые явления, которых она не учитывает [...] Логика делает выбор, который с точки зрения языка является произвольным и немотивированным, — (Weinrich 1987, 71).

Повышение коэффициента подобия логической модели языка ее оригиналу многие исследователи связывают именно с переориентацией объекта моделирования — включением в поле зрения всевозможных элементов имплицитного содержания языковых выражений (Ветров 1982, 412; Смирнова 1990, 113; Тондл 1975, 97; Хинтиikka 1980, 277).

Сказанное непосредственно имеет отношение и к описанию количественных слов, в том числе — КС, в функционировании которых фоновая семантика играет значительную роль. На это еще в 1910 г. обратил внимание Н. А. Васильев, критиковавший традиционную логическую парадигму, согласно которой, по его словам, «можно мыслить о некоторых, не мысля обо всех» (1989, 28).

Рассмотрим несколько конкретных примеров значимости фоновой семантики в контекстах с количественными словами.

Инструкция по приготовлению горчицы:

(98) *Порошок с небольшой порцией теплой воды размешать до однородной массы. Приготовленную массу залить водой и поставить в холодное место. Через 10 часов воду слить и в массу добавить сахар, соль и уксус по вкусу.*

Количественное выражение *через 10 часов* может быть понято двояко: ‘ровно через 10 часов, не больше и не меньше’ или ‘через 10 часов, но не меньше’. В том и другом случаях речевой субъект исходит из различных предпосылок: *Время приготовления горчицы должно*

быть строго фиксировано, при недостаточной или чрезмерной выдержке горчица получается некачественной либо При выдержке менее 10 часов горчица не наберет необходимой остроты.

Другой пример:

(99) *Вот уже двести лет там обходятся без закона о печати и, судя по всему, не много теряют* («Комсомольская правда». 13 V 1990).

Присоединение к наречию *много* отрицательной частицы *не*, в принципе, двузначно: либо имеется в виду ‘теряют не много, а мало, т.е. могли бы терять больше’, либо подразумевается, что ‘теряют не много, но достаточно много, т.е. могли бы терять меньше’. Орфографически это отражается раздельным или слитным написанием частицы и наречия. В зависимости от допускаемой альтернативы в высказывании косвенно выражается также оценочная семантика, ср.:

(100) *Не много теряют — Хорошо, что не много (а мало) теряют.*

(101) *Немного теряют — Плохо, что хоть и немного, но все-таки теряют.*

Информация в газете «Tygodnik Powszechny» (1993/4):

(102) *Podczas niespotykanego na Bałtyku sztormu (siła wiatru dochodziła do 160 km/h) wyrócił się, a następnie zatonął polski prom towarowy “Jan Heweliusz”. W czasie akcji ratunkowej wyratowano 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób. Przyczyny katastrofy bada specjalna komisja.*

Семантическая интерпретация данного текста зависит от экстралингвистических факторов, в частности, от допущения, которое делает реципиент относительно полноты/неполноты информации, имеющейся у корреспондента. Если предполагается, что сообщение содержит полную и окончательную информацию о числе спасенных, то оно будет интерпретировано как

(103) *W czasie akcji ratunkowej wyratowano tylko 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób, reszta zginęła*

а если известно, что сообщение будет уточняться по мере осуществления спасательных работ, то реципиент интерпретирует его как

(104) *W czasie akcji ratunkowej wyratowano już 9 z przebywających na pokładzie ponad 60 osób, reszta jest poszukiwana.*

Употребление КС также регулируется фоновой семантикой высказывания, которая может быть имплицирована в связном тексте или выражена специальными пресуппогненными частицами — *даже, только, хотя бы* и др. Инклюзивные частицы включают дескриптивные возможные миры в экстенционал высказывания, ср.:

(105) *Даже Петя решит эту задачу — Другие тоже решат эту задачу.*

Эксклюзивные частицы исключают дескриптивные возможные миры из экстенционала высказывания, ср.:

(106) *Только Петя решит эту задачу — Другие не решат эту задачу.*

Инклюзивные частицы могут быть получены в результате преобразования эксклюзивных, ср.:

(107) *Не только Петя решит эту — И другие также решат эту задачу.*

При этом *только* применяется к терминам, которые оцениваются говорящим как в том или ином отношении более, а *даже* — менее приоритетные. Так, в приведенном выше высказывании *Петя* обозначает того, от кого ожидалось, что он решит задачу, из чего следует, что Петя — лучший ученик в классе, тогда как от других учеников это не ожидалось.

Частица *хотя бы* (по крайней мере) многозначна. В первом значении *хотя бы*₁ обозначает 'Возможно, что имеет место нечто большее, чем *P*' (Зельдович 1990, 84). Выражение *хотя бы некоторые* Н. А. Васильев интерпретировал как 'некоторые, а может быть, и все'. В высказываниях с *хотя бы*₁ содержится деонтическая модальность неуверенности — по В. З. Санникову, гипотеза, «относительно истинности которой в момент речи нельзя судить с достоверностью» (1986, 11), ср.:

(108) *Не уверен, что все спят, но хотя бы некоторые спят.*

Высказывания такого типа реализуются в условиях дефицита информации об актуализации исходного множества в описываемой ситуации и поэтому могут быть квалифицированы как результат неполной индукции: (*A спит*) и (*B спит*) и (*C спит*), следовательно, *хотя бы некоторые спят* (не исключено, что все спят). Например:

- (109) *И к ним нужно прибавить еще по крайней мере миллион расстрелянных* (П. Шубкин), ср.: *по крайней миллион, а то и больше.*
- (110) *Jedno z głównych pytań, które stawiali sobie od co najmniej sześciu godzin, znalazło częściowo odpowiedź* («Polityka». 1989/38), ср.: *od co najmniej sześciu, a może nawet więcej godzin.*

Важно отметить, что в высказываниях с *хотя бы*₁ допущение более приоритетного значения (в частности, большего объема референтного множества) составляет ассертивную часть, ср.:

- (111) *Утверждаю, что хотя бы некоторые спят и не исключено, что все спят.*

*Хотя бы*₂ во втором значении, напротив, указывает на невозможность актуализации более приоритетного значения (в частности, большего объема множества), например:

- (112) *Разве во власти Наполеона было создать хотя бы букашку, хоть какую былинку* (А. Битов), ср.: *хотя бы букашку, не говоря о невозможности создания чего-то большего и значительного.*
- (113) *Дайте мне расколоть хотя бы это полено* (Д. Хармс), ср.: *хотя бы это полено при невозможности расколоть большее количество поленьев.*

Высказывания с *хотя бы*₂ содержат алетическую модальность ирреальности, или потенциальности (это — высказывания о будущем, просьбы, пожелания, условные высказывания), а также модальную импликацию *Невозможно, что объем актуального множества больше указанного.*

6. Отрицание КС

Отношения между высказываниями с количественной семантикой регулируются тремя основными факторами: 1) маркером количественной семантики, например, КС, 2) оператором отрицания и 3) инклюзивными и эксклюзивными рестрикторами (отсутствие рестрикторов может компенсироваться конситуацией или контекстом). Рассмотрим взаимодействие этих факторов на примере отрицания высказываний с относительной квантификацией.

Ложность высказывания о частичном вхождении исходного множества в ситуацию может иметь два толкования: класс представлен в ситуации либо в полном объеме, либо в пустом объеме.

Таким образом, применение к КС отрицательного оператора приводит к смысловой неопределенности высказывания. Для ее преодоления в семантическую структуру высказывания вводятся специальные фильтры, функцию которых выполняют рестрикторы. Фильтрующая функция рестрикторов основана на том, что они указывают на альтернативные возможные и невозможные миры и тем самым обладают способностью блокировать одно из направлений отрицания высказывания с малым квантором.

Так, выражения с эксклюзивными частицами, например:

(114) *Только некоторые друзья придут*

— содержат пресуппозицию с оператором алетической возможности *Было бы возможно (в принципе возможно), что придут все друзья*, которая указывает на альтернативный по отношению к актуальному возможный мир:

(115) *Или придут все друзья, или только некоторые.*

Кроме того, в высказывании также содержится пресуппозиция с оператором деонтической модальности: *Ожидается, что придут все друзья*. Именно наличие указанных импликатур является условием употребления рестриктора. Если допустить, что возможность прихода всех друзей отсутствует, то употребление частицы *только* в высказывании (112) исчезает.

Следует обратить внимание на то, что объем актуального множества в пресуппозиции больше, чем его объем в высказывании, т.е. с точки зрения объема множества импликатура по отношению к ассертивному высказыванию обладает приоритетом. Пресуппозиции подобного типа называются *градуальными* (Levinson 1990, 135-136; Wunderlich 1990, 230-232).

Отрицание высказывания с градуальной пресуппозицией представляет собой замену одного альтернативного возможного мира другим, ср.:

(116) *Неверно, что только некоторые друзья придут*, пресуппозиция *В принципе возможно, что все придут* $\leftrightarrow$ *Все друзья придут*.

Данное семантическое преобразование может быть эксплицировано в тексте:

(117) *Nie jest tylko dla wierzących, ale dla wszystkich* («Polityka». 1989/9).

В процессе отрицания сохраняются все пресуппозиции высказывания, т.е. высказывание

(118) *Все друзья придут*

обладает пресуппозициями *В принципе возможно, что все друзья придут* (в соответствии с модусом *ab esse ad posse*) и *Ожидалось, что все друзья придут*. Однако при этом «стираются» все импликации высказывания. Например,

(119) *Только некоторые друзья придут*

имплицирует

(120) *Некоторые друзья не придут*

а высказывание

(121) *Все друзья придут*

такой импликации не имеет. Высказывание с абсолютной квантификацией лишено рестриктора, ср. (119), поэтому его отрицание, как справедливо указывает Б. Станosz (Stanosz 1985, 47), неопределенно:

(122) *Если неверно, что все друзья придут, то либо придут некоторые друзья, либо никто из друзей не придет.*

Однако совместимость маркера абсолютной квантификации и эксклюзивного рестриктора в одном и том же высказывании возможна, например:

(123) *От всего арбуза он отрезал только один небольшой кусок.*

Выражения этого типа полипредикативны, при этом одна часть, содержащая модальность возможности, противопоставляется другой, содержащей модальность реальности, в аспекте семантики количества, ср.:

(124) *Он мог разрезать на части весь арбуз, но он отрезал от арбуза только один небольшой кусок, что меньше ожидаемого количества отрезанных от арбуза кусков.*

Высказывания с частицей *хотя бы*₁ также содержат фоновую информацию о более приоритетном количественном значении аргумента. В выражениях с *только* эта информация заключена в высказывании с оператором алетической модальности возможности, а в выражениях с *хотя бы*₁ — в высказывании с оператором деонтической модальности неуверенности. Ср.:

(125) *Только некоторые друзья придут.*

(126) *Хотя бы некоторые друзья придут.*

В первом случае ситуация, в которой все друзья придут, представляется принципиально возможной, но говорящий уверен, что из двух возможностей: *Все придут* и *Некоторые придут*, — верна вторая. Во втором случае также допускается возможность прихода всех друзей, но здесь говорящий не уверен в том, что данная возможность исключена, т.е. высказывание может быть преобразовано как

(127) *Хотя бы некоторые (это уж точно), а может быть, и все друзья придут.*

Выражения с бóльшим, чем актуальный, объемом экстенционала аргумента, истинность которых не очевидна, называются условными пресуппозициями (Levinson 1990, 134). Если градуальные пресуппозиции предусматривают существование возможных миров, которые не могут иметь места одновременно с рассматриваемым, то условные допускают существование таких возможных миров вместо рассматриваемого. Градуальные пресуппозиции могут быть представлены в виде строгой дизъюнкции высказываний с бóльшим и меньшим объемом, ср.: *Либо все x -ы P , либо только некоторые x -ы P* , а условные — в виде импликации таких высказываний: *Если все x -ы P , то и некоторые x -ы P* . Согласно одному из законов логики высказываний, из ложности консеквента с необходимостью следует ложность антецедента, применительно же к рассматриваемому случаю это значит, что при отрицании высказывания с условной импликацией отрицается также сама импликация: *Если неверно, что некоторые x -ы P , то неверно, что все x -ы P* . Так, И. М. Богуславский отмечает тип отрицания, при котором подразумевается семантический компонент ‘меньше’ (1974, 127), например:

(128) *Не спал трех часов* = ‘Спал меньше трех часов’.

Это — пример отрицания высказывания с условной пресуппозицией *Спал как минимум три часа, а может быть, и больше*: во-первых, *Спал три часа* преобразуется в *Спал не три часа*, а во-вторых, *Спал больше трех часов* преобразуется в *Спал не больше трех часов*. Из этих двух высказываний в рамках условного силлогизма выводится высказывание

(129) *Спал меньше трех часов:*

Если неверно, что спал три часа, то либо спал больше трех часов, либо меньше трех часов.

Неверно, что спал больше трех часов.

Спал меньше трех часов.

Аналогичным образом осуществляется операция отрицания высказываний с относительной квантификацией:

(130) *Неверно, что хотя бы некоторые, а может быть, и все друзья придут* ↔ *Никто из друзей не придет* ↔ *Не только все, но даже некоторые друзья не придут.*

Пустота референтного множества является результатом отрицания высказываний о рассматриваемом и предполагаемом положении дел — и в этом смысле двойное отрицание выступает не только в формальном, но и в семантическом аспекте предложения.

Для высказываний с частицей *хотя бы*₂ характерна модальная импликатура *Невозможно участие в событии множества объектов с более приоритетным количественным значением*. Так, высказывание

(131) *Покажите хотя бы некоторые из ваших рисунков*

реализуется в контексте отрицательной импликации *Исключено, что вы покажете мне все ваши рисунки* или *Я не ожидаю, что вы покажете мне все ваши рисунки*. При отрицании такого высказывания его модальная импликатура сохраняется, тем самым блокируется одно из двух возможных направлений отрицания высказывания с относительной квантификацией:

(132) *Неверно, что вы покажете мне хотя бы некоторые ваши рисунки, импликатура Не предполагается, что будут показаны все рисунки* $\leftrightarrow$ *Вы не покажете мне ни одного вашего рисунка, импликатура Не предполагается, что будут показаны все рисунки.*

Отрицание синтагматической группы *только некоторые* приводит к замене ее маркером абсолютной квантификации, ср.:

(133) *Неверно, что только некоторые спят* $\rightarrow$ *Все спят.*

Что касается синтагматических групп с инклюзивными рестрикторами, например, *хотя бы некоторые*, то, поскольку в поверхностно-синтаксической структуре отрицательного высказывания отсутствуют специальные маркеры абсолютной квантификации, они либо сохраняются, либо заменяются инклюзивными рестрикторами, специализированными в отрицательном контексте (*даже, ни*), ср.:

(134) *Мы не получили хотя бы / даже каких-нибудь разъяснений.*

(135) *Мы не получили никаких разъяснений.*

Центральное место среди инклюзивных частиц с отрицательной дистрибуцией занимает частица *ни*. Применение *ни* к маркеру относительной квантификации реализуется для отрицания объема множества, большего, чем множество, являющееся объектом асертивного отрицания с помощью частицы *не*, что в совокупности обуславливает семантику пустоты референтного множества. Таким образом, интерпретации высказываний с *ни*-словами как полинегативных и мононегативных можно объединить по принципу дополнительности: в высказываниях с *ни*-словами асертивная часть содержит отрицание предиката, которое манифестируется частицей *не* — с этой точки зрения высказывание содержит одиночное отрицание, однако асертивное отрицание сопровождается отрицанием приоритетного объема множества в модальной импликатуре, на что указывают соответствующие рестрикторы — таким образом, высказывание в целом содержит двойное отрицание.

Отрицание

(136) *Не (хотя бы некоторые спят)* $\rightarrow$ *Никто не спит*

основано на противопоставлении наличия — отсутствия элементов исходного множества в объеме актуального множества.

При этом предполагается градация степени наличия: максимальная и минимальная, ср.:

(137) *Все спят.*

(138) *Хотя бы некоторые спят / Хотя бы один спит.*

В условиях, когда максимальная степень наличия блокируется рестриктором, отрицание минимальной степени, которое приводит к возникновению высказываний с *ни*-словами, означает 'меньше минимального объема'. Эта семантическая структура отрицательных общекванторных высказываний (характерная, по крайней мере, для славянских языков) свидетельствует о том, что понятие пустоты множества выражается в данном случае не синтетически, т.е. не номинативно, а аналитически, в результате ряда семантических операций. Эту мысль применительно к числительным высказал А. Е. Супрун:

Понятие нуля — продукт недавней эпохи [...] В тот период, когда только формировался ряд слов, соотносительных с числовым рядом [...] понятие о нуле и соответствующее слово еще не существовало и не могло играть роли в образовании семантической группы числительных (1969, 18).

Ср. также мнение Н. А. Васильева (1989, 63; см. также: Vertulani 1990, 186):

У нас только утвердительное суждение о предметах и фактах непосредственное, т.е. основано на восприятии и ощущении, отрицательное же всегда выводное.

Именно поэтому фраза Э. Ионеско

(139) *Часы бьют ноль раз*

выглядит как сознательное нарушение языковой нормы. Фоновую семантику наличия элементов множества в высказываниях о его пустоте имел в виду и Р. Декарт (1950, 473):

В обычном употреблении словом *пустота* мы постоянно обозначаем не то место или пространство, где совершенно ничего нет, но лишь то место, в котором ничего нет из того, что, как мы думаем, должно в нем быть.

Представление о пространстве в языковом сознании неразрывно связано с понятием субстанциональности (Степанов 1994, 10). Граница тела, по Аристотелю, есть место. С мифопоэтической точки зрения ту же мысль о пространстве-пустоте высказал И. Бродский:

- (140) *Да и что вообще есть пространство,
если не отсутствие в каждой точке тела?*

О. П. Ермакова считает, что в русском языке нет синтетических форм абсолютной квантификации в отрицательном высказывании, комплексы же типа *никто* являются синтаксическими, а не лексическими, о чем свидетельствует возможность вставки предлога, ср.: *ни у кого* (1969, 90; см. также: Апресян/Йомдин 1989, 50). Следует отметить, что предложные конструкции с отрицательными местоимениями в польском и русском языках различаются: в русском предлог располагается между отрицательной частицей и корнем, а в польском — перед словом, например:

- (141) *Nikogo się nie boi, przed niczym nie zadrży* (Т. Parnicki).
(142) *Tu się z nikim nie będą cackać* (J. Krzysztoń).
(143) *Za nic nie chciałem zostać sam w tym lesie* (R. Kapuściński).
(144) *Chciałem jego sposoby popatrzeć i szybko się nauczyć tego, na co jemu potrzebne było życie i czego nauczyć się od nikogo nie można* (В. Czeszko).
(145) *Donikąd nie ucieknę, nikogo się nie boję* («Polityka». 1991/2).
(146) *Całą koszulkę miał czerwoną i za żadne skarby nie chciał opuścić pola gry* («Polityka». 1992/27).

В некоторых языках вообще отсутствуют какие-либо аналоги отрицательных местоимений, вместо которых употребляются сочетания неопределенных местоимений и специальных отрицательных форм (Майтинская 1969, 264-266). Это, между прочим, объясняет и тот факт, почему некоторые лингвисты относят отрицательные местоимения к числу неопределенных.

7. Синтетическая и аналитическая квантификация

Формы абсолютной и относительной квантификации составляют категориальную оппозицию квантификации, в которой отражен экстенциональный аспект семантики кванторов, а именно — равенство или неравенство объемов исходного и актуаль-

ного множеств индивидов. Однако проведенные наблюдения показали, что, во-первых, экстенциональным значением содержание языковых кванторов не исчерпывается, во-вторых, бинарная оппозиция абсолютной — относительной квантификация не позволяет дифференцировать три больших класса КС: обобщающие, неопределенные и отрицательные местоимения.

Предлагаемая нами модель заключается в том, что в универсуме КС выделяются две категориальные оппозиции. Первая, экстенциональная, оппозиция включает функциональные классы со значениями абсолютной — относительной квантификации. В ее основе лежит противопоставление равенства — неравенства объемов исходного и референтного множеств. Например, в высказываниях

(147) *Все наши соседи уехали на дачу*

(148) *Никто из наших соседей не уехал на дачу*

содержится абсолютная квантификация, потому что референтные множества {наши соседи, которые уехали на дачу} — в первом высказывании, и {наши соседи, которые не уехали на дачу} — во втором высказывании, количественно совпадают с исходным множеством {наши соседи}. В высказываниях с неопределенными местоимениями исходное множество актуализируется не в полном, а в частичном объеме.

Вторая, интенциональная, оппозиция в рамках категории квантификации включает функциональные классы синтетической — аналитической квантификации. Данная оппозиция базируется на отношении пересеченности / непересеченности составов исходного и актуального множеств, т.е. касается качественного аспекта множественной семантики. Так, в высказывании

(149) *Все наши соседи уехали на дачу*

множество наших соседей включено в множество тех, кто уехал на дачу (в высказываниях с распределенным сказуемым эти множества совпадают). Высказывание же

(150) *Никто из наших соседей не уехал на дачу*

с интенциональной точки зрения обладает иным содержанием: множество наших соседей не только не включено в множество лиц, уехавших на дачу, но вообще не имеет общих с ним элементов. В основе парадигмы синтетической квантификации лежит семантика универсальности (полноты/неполноты), а в основе парадигмы аналитической квантификации — семантика экзистенциальности (наличия/отсутствия). С учетом оппозиций абсолютной — относительной и синтетической — аналитической квантификации можно построить исчисление всех функциональных микропарадигм квантификации:

1. парадигма маркеров абсолютной синтетической квантификации с признаком [+полнота актуализации исходного класса]; например: *Все мои соседи уехали за город* = 'Множество моих соседей, которые уехали за город, полно';
2. парадигма маркеров относительной синтетической квантификации с признаком [-неполнота актуализации исходного класса]; например: *Только некоторые мои соседи уехали за город* = 'Множество моих соседей, которые уехали за город, не полно';
3. парадигма маркеров относительной аналитической квантификации с признаком [+наличие элементов исходного класса в объеме актуального класса]; например: *Хотя бы некоторые мои соседи уехали за город* = 'В множестве моих соседей существуют такие, которые уехали за город';
4. парадигма маркеров абсолютной аналитической квантификации с признаком [-наличие элементов исходного класса в объеме актуального класса]; например: *Ни один из моих соседей не уехал за город* = 'В множестве моих соседей не существует такого, который уехал за город'.

Некоторые элементы противопоставления синтетической и аналитической квантификации заимствованы из уже существующей литературы. Так, О. Н. Селиверстова рассматривает коллективное участие (т.е. универсальность) и существование как два самостоятельных семантических признака в содержании КС (1964, 80-81). Нельзя не обратить внимания и на предложение С. Кароляка рассматривать порознь семантику экзистенциальности и частные суждения (Karolak 1990, 129 ссл.), на дифференциацию кванторов обобщения, ограничения и существования, предложенную М. А. Откупщиковой (1984, 6),

а также на разграничение экзистенциальных и лимитирующих кванторных местоимений, на котором настаивает Р. Гжегорчикова (Grzegorz-kowa 1987, 135). Истоки выделения синтетической и аналитической квантификации можно найти и в логике предикатов. В теоретико-множественной интерпретации кванторов истинность и ложность выражений с квантором всеобщности зависит от равенства или неравенства объемов актуального и исходного множества, а истинность и ложность выражений с квантором существования — от пустоты или непустоты актуального множества (Rasiowa 1975, 212-213).

С учетом типа КС, положительного/отрицательного качества высказывания и пустоты/непустоты исходного множества можно выделить девять типов языковых выражений:

1. абсолютная синтетическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Все друзья придут*;
2. абсолютная синтетическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Все друзья не придут*;
3. относительная синтетическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Только некоторые друзья придут*; *Не все друзья придут*;
4. относительная синтетическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Только некоторые друзья не придут*; *Не все друзья не придут*;
5. относительная аналитическая квантификация / положительное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Хотя бы некоторые друзья придут*;
6. относительная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Хотя бы некоторые друзья не придут*;
7. абсолютная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / непустота исходного множества, например: *Никто из друзей не придет*;
8. абсолютная аналитическая квантификация / положительное качество высказывания (при двойном отрицании) / непустота исходного множества, например: *Неправда, что никто из друзей не придет*; *Нет друзей, которые не придут*;

9. абсолютная аналитическая квантификация / отрицательное качество высказывания / пустота исходного множества, например: *Никто из друзей не придет, потому что у меня нет друзей.*

В заключение хотелось бы отметить, что применительно к славянским языкам идея двойного отрицания не лишена смысла: наличие в структуре славянского предложения отрицательной частицы *не* при сказуемом указывает на ассертивное (т.е. реализующееся в ассертивном плане высказывания) отрицание гипотезы о хотя бы частичном присутствии элементов рассматриваемого множества в объеме предиката (т.е. их участие в описываемой ситуации), и употребление *ни*-слова указывает на реализующееся на уровне пресуппозиции (т.е. как бы исходное, известное до коммуникативного акта) отрицание гипотезы о полном наличии элементов рассматриваемого множества в объеме предиката.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д./Йомдин Л. Л.(1989), Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. [В:] Семиотика и информатика. Вып. 29. Москва, 34-93.
- Асмус В. Ф. (1947), Логіка. Київ.
- Ахманов А. С. (1960), Логическое учение Аристотеля. Москва.
- Бакрадзе К. (1951), Логика. Тбилиси.
- Балли Ш. (1955), Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.
- Баранов А. Г. (1993), Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону.
- Барулин А. Н. (1980), Категория числа в местоимениях. [В:] Исследования в области грамматики и типологии языков. Москва, 145-164.
- Бахарев А. И. (1980), Отрицание в логике и грамматике. Саратов.
- Бахарев А. И. (1990), Категория отрицания в русском языке. Способы выражения и пути развития. Ч. I. Ташкент.
- Беларуская (1985), Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. Мінск.
- Богуславский И. М. (1974), Отрицание в предложениях с обстоятельствами в русском языке. [В:] *Studia gramatyczne*. Wrocław etc., 121-136.
- Бондарев А. И.(1978), Семантические особенности функционирования в речи так называемых местоименных слов. Москва.
- Бондаренко В. Н. (1983), Отрицание как логико-грамматическая категория. Москва.
- Васильев Н. А. (1989), Воображаемая логика. Избранные труды. Москва.

- Ветров А. А. (1978), Семиотика как дедуктивная система. [В:] Системный анализ и научное знание. Москва, 202-215.
- Войшвилло Е. К. (1989), Символическая логика (классическая и релевантная): Философско-методологические аспекты. Москва.
- Вътов В. (1987), По въпроса за отрицателни изречения в българския език. [В:] Език и литература. 5, 68-79.
- Гетманова А. Д. (1972), Отрицание в системах формальной логики Москва.
- Гетманова А. Д. (1994), Учебник по логике. Москва.
- Гладкий А. В./Дрейзин Ф. А. (1983), К семантике русского отрицания. [В:] Wiener Slawistischer Almanach. 11, 123-152.
- Горский Д. П. (1963), Логика. Москва.
- Грамматика (1983), Грамматика на съвременния български книжовен език: в 3 т. / БАН. Ин-т за български език. Т. 2. Морфология. София.
- Грамматика (1979а), Русская грамматика. Т. 1. Praha.
- Грамматика (1979б), Русская грамматика. Т. 2. Praha.
- Декарт Р. (1950), Избранные произведения. Москва.
- Дюкро О. (1982), Неопределенные выражения и высказывания. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 263-291.
- Закревский А. Д. (1988), Логика распознавания. Минск.
- Зельдович Г. М. (1990), Лексема *хоть*: семантическое взаимодействие модуса и частицы. [В:] Československá rusistika. XXXV/2, 79-85.
- Исаченко А. В. (1965), О синтаксической природе местоимений. [В:] Проблемы современной филологии. Москва, 159-167.
- Киклевич А. К. (1989), К семантической типологии общекванторных местоимений. [В:] Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 37-46.
- Киклевич А. К. (1991), Логическая интерпретация союза *и* в семантической структуре предложения и текста. [В:] Проблемы лингвистики текста. Минск, 181-197.
- Киклевич А. К. (1990), Польски злучник *ani* з синхраничнага і дыяхранічнага пункту гледжання. [В:] Веснік Белар. ун-та. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 3, 52-55.
- Клаус Г. (1960), Введение в формальную логику. Москва.
- Клини С. К. (1957), Введение в метаматематику. Москва.
- Косеска-Тошева В./Гаргов Г. (1990), Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност. София.
- Коссек Н. В./Костюк В. Н. (1982), Слабое и сильное отрицание в русском языке. [В:] ПСЛ 1980. Москва, 50-62.
- Кошутин Р. (1898), Грамматика польского языка. Београд.
- Лашкова Л. (1976), Средства, функции и дистрибуция на синтаксичното отрицание в сръбохърватски и български език. [В:] Јужнословенски филолог. XXXII, 162-193.
- Лекомцев Ю. К. (1983), Введение в формальный язык лингвистики. Москва.
- Лосский Н. О. (1912-1913), Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений. [В:] Логос. 1-2, 83-98.

- Майтинская К. Е. (1969), Местоимения в языках разных систем. Москва.
- Мечковская Н. Б. (1988), Различия между системами местоимений в словенском и восточнославянских языках. [В:] *Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura*. VIII, 383-397.
- Мигирин В. Н. (1973), Опыт построения классификаций, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм. [В:] ФН. 3, 68-75.
- Нарский И. С. (1962), Понятие «существования», логический позитивизм и формальная логика. [В:] *Философские вопросы современной формальной логики*. Москва, 152-186.
- Откупщикова М. А. (1979), Семантическая классификация местоимений. [В:] *Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности*. Вып. 4. Ленинград, 56-72.
- Откупщикова М. А. (1984), Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Ленинград.
- Павилёнис Р. (1975), *Язык и логика*. Вильнюс.
- Падучева Е. В. (1969), Семантический анализ отрицательных местоимений в русском языке. [В:] *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Москва, 5-36.
- Падучева Е. В. (1974), *О семантике синтаксиса*. Москва.
- Пеллетье Ф. Дж. (1986), Или. [В:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. Москва, 318-335.
- Пеньковский А. Б. (1986), О лексико-семантической структуре блоков полного усиленного отрицания в современном русском языке. [В:] *Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение*. Владимир, 58-72.
- Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Ревзин И. И. (1978), *Структура языка как моделирующей системы*. Москва.
- Саматова К. В. К (1959), вопросу о «двойном отрицании» в современном русском языке. [В:] *Вестник МГУ. Историко-филологическая серия*. 3, 153-167.
- Санников В. З. (1986), *Значение русских разделительных союзов*. Москва.
- Селиверстова О. Н. (1964), Опыт семантического анализа слов типа *и все* и типа *кто-нибудь*. [В:] *ВЯ*. 4, 79-90.
- Смирнова Е. Д. (1990), *Основы логической семантики*. Москва.
- Степанов Ю. С. (1981), *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва.
- Супрун А. Е. (1969), *Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи*. Минск.
- Степанов Ю. С. (1994), *Пространства и миры — «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие*. [В:] *Философия языка: в границах и вне границ*. Харьков, 3-18.
- Таванец П. В. (1953), *Суждение и его виды*. Москва.
- Тондл Л. (1975), *Проблемы семантики*. Москва.
- Хинтикка Я. (1980), *Логико-эпистемологические исследования*. Москва.
- Целищев В. В. (1977), *Философские проблемы семантики возможных миров*. Новосибирск.
- Чарняк Ю. (1983), *Умозаключения и знания*. [В:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XII. Прикладная лингвистика. Москва, 272-317.

- Черч А. (1960), Введение в математическую логику. Москва.
- Шелякин М. А. (1981), О семантической структуре отрицательных местоимений русского языка и происхождении конструкций с непарным отрицанием. [В:] Уч. записки Тартус. ун-та. Вып. 579. Вопросы становления и развития языковой системы. Тарту, 71-80.
- Шелякин М. А. (1986), Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Тарту.
- Шведова Н. Ю. (ред.) (1980a), Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР. Ин-т языкознания. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва.
- Шведова Н. Ю. (ред.) (1980b), Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР. Ин-т языкознания. Т. 2. Синтаксис. Москва.
- Benni T./ Łoś J./ Nitsch R. et al. (1923), Gramatyka języka polskiego. Warszawa etc.
- Besters-Dilger J. (1988), Zur Negation im Russischen und Polnischen. München.
- Biedermann J. (1981), Grammatiktheorie und grammatische Deskription in Rußland in der 2. Hälfte des 18. und zu Anfang des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main — Berlin.
- Brykczyński P. (1990), Uwagi o znaczeniu zdań ogólnych z kwadratu logicznego. [In:] Studia Semiotyczne. XVI-XVII, 213-216.
- Fałowski A. (1986), Gradacyjne wyrażenia porównawcze z negacją w języku staroruskim i starorusyjskim. [In:] Studia Rossica Poznaniensia. XVIII, 153-164.
- Garde P. (1980), Grammaire Russe. T. 1. Phonologie — Morphologie. Paris.
- Giusti F. (1982), Неопределенные показатели имени нарицательного. [In:] Russian Linguistics. 7/1, 3-19.
- Grzegorzczkowska R. (1973), Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej. [In:] Liczba, ilość, miara. Warszawa, 83-99.
- Grzegorzczkowska R. (1987), Zaimki uogólniające a mechanizmy tworzenia zdań ogólnych. [In:] Прилози XII/2. Одделение за лингвистика и литературна наука. Скопје, 133-140.
- Grzegorzczkowska R. et al. (eds.) Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa: PWN, 1984b. 560 s.
- Hinst P. (1974), Logische Propädeutik. München.
- Karolak S. (1990), Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych. Warszawa.
- Klaus G. (1973), Moderne Logik. Berlin.
- Komárek M. (1978), Sémantická struktura deiktických slov s češtině. [In:] SaS. XXXIX/1, 5-14.
- Křížková H. (1968), К вопросу о двойной негации в славянских языках. [In:] Slavia. 1, 21-39.
- Křížková H. (1971), System neurčitých zájmen v současných slovanských jazycích. [In:] Slavia. XL, 342-370.
- Křížková H. (1973), Pravdivostní modalita a komunikativní typy vět. [In:] Československá rusistika. XVII/1, 8-13.
- Kryński A. (1903), Gramatyka języka polskiego. Warszawa.
- Levinson S. C. (1990), Pragmatik. Tübingen.
- McArthur R. P. (1976), Tense Logik. D. Reidel.

- Nozsicska A. (1988), Die Grammatik der Negation. Am Beispiel des Deutsche und Russischen. Wien.
- Nozsicska A. (1990), Was heißt «quantifizieren» in einer natürlichen Sprache?. [In:] Wiener Slawistischer Almanach. 36, 113-132.
- Osadnik W. (1987), Kilka uwag o kwantyfikacyjnym modelu opisu kategorii określoności/nieokreśloności. [In:] Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. 2. Określoność/nieokreśloność. Wrocław etc., 127-133.
- Pasenkiewicz K. (1986), Logika ogólna. Warszawa.
- Pauliny E./Růžička J./Štolc J. (1968), Slovenska gramatika. Bratislava.
- Rasiowa H. (1975), Wstęp do matematyki współczesnej. Warszawa.
- Saloni Z./Świdziński M. (1985), Składnia współczesnego języka polskiego. Warszawa.
- Schaller H. W. (1978), Das direkte Objekt in verneinten Sätzen des Russischen. Frankfurt am Main.
- Sekulič V. (1973), Negacija u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Cetinje.
- Soerensen A. (1900), Polnische Grammatik in systematischer Darstellung. Leipzig.
- Stanislav J. (1977), Slovakische Grammatik. Bratislava.
- Stanosz B. (1985), Wprowadzenie do logiki formalnej. Warszawa.
- Topolińska Z. (1984), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa.
- Vertulani Z. (1990), O kwantyfikatorze zerowym. [In:] Studia Semiotyczne. XVI-XVII, 179-187.
- Wall R. (1973), Logik und Mengenlehre. Kronberg Ts.
- Weinrich H. (1976), Sprache in Text. Stuttgart.
- Wunderlich D. (ed.) (1991), Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin New York.

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ. К ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СЛИТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ^{*}

1. Основы теории слитности

Сочинительная конструкция неоднократно становилась объектом лингвистических исследований, в том числе и в русле формальной лингвистики. Однако до сегодняшнего дня удовлетворяющей потребностям современного языкознания теоретической модели сочинительной связи нет, а формальные модели с этой точки зрения вызывают, кажется, наибольшие нарекания. Это обусловлено тем, что поверхностно-синтаксические модели ориентированы на идею зависимости (детерминации, импликации) синтаксических элементов (синтаксем). Главным инициатором этой идеи в европейском языкознании XX века считается Л. Теньер (1988, первое французское издание — 1959). Отсутствие зависимости между компонентами сочинительной конструкции ставит данный вид синтаксической связи в некоторой степени вне рамок языковой системы и — автоматически — вне рамок синтаксического описания. Исследователи почти единогласно утверждают, что сочинительная связь охватывает синтаксически независимые компоненты предложения, другими словами — тождественные в функционально-синтаксическом плане (Baueг 1968, 152; Gaertner 1934, 4; Krasnowolski 1909a, 57; Szober 334; Пешковский 1956, 58; Шахматов 1941, 48 и др.). Так, А. А. Реформатский писал:

---

^{*} Перевод на русский язык и новая редакция ранее опубликованной работы автора: Злучальна сінтаксічная сувязь і эліпсіс. [В:] Кіклевіч А./Важнік С. (ред.), Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka 2000. Мінск 2001, 33-53.

Сочинение несинтагматично. Это соединение равноправного, при котором ни первое в отношении второго, ни второе в отношении первого не являются ни определяющим, ни определенным (1967, 343).

Неслучайно Р. И. Аванесов (1936) использовал сочинительную связь в качестве диагностического способа при установлении принадлежности словоформ к одному и тому же члену предложения.

В польском языкознании принята трактовка С Кароляка, который квалифицирует сочинение как синтаксическую связь без импликации («*związek bez implikacji*») (Karolak 1972, 58). Русский исследователь Ю. В. Ванников вообще сомневается в том, относится ли сочинение к области синтаксической связи. Он пишет:

Между сочиненными элементами структуры предложения отсутствует отношение предопределения (в польской терминологии этому понятию соответствует коннотация или импликация. — А. К.): появление одного элемента не прогнозирует другого элемента и не прогнозируется им. Поэтому между такими элементами отсутствует, строго говоря, прямая синтаксическая связь (Ванников 1967, 66).

Ю. Д. Апресян подчеркивает, что сочинение — это только логическая связка, а не синтаксическое отношение (1966, 175).

Поскольку сочиненные единицы с синтаксической точки зрения тождественны, то сочинительная конструкция считается *о д н о р о д н о й* — в ее основе, как пишет С. Ёдловский (Jodłowski 1971, 103; 1977, 11), лежит *с у м м и р о в а н и е* словоформ: значение конструкции сводится к сумме значений элементов. Неслучайно А. Вежбицкая отмечает, что конъюнкция в естественном языке (выраженная в форме соединительной связи) представляет собой своего рода счет (Wierzbicka 1969, 117), а Л. Д. Чеснокова подчеркивает, что сочинительная конструкция — косвенный показатель количественности, указывающий на количество не своим содержанием, а своей формой (Чеснокова 1981, 49). Ср. один из примеров, приводимых Чесноковой:

- (1) *Семья жила в Луге: мать, жена, вдовая сестра, две дочери, подросток племянница. Для краткости дядя Саша звал: мои шесть женщин* (В. Панова).

В соответствии с дистрибутивным критерием Л. Блумфилда сочинительная конструкция по своим синтаксическим характеристикам не

отличается от ее компонентов — эта идея позднее развивается в работах К. Полянского, С. Ёдловского, А. Вежбицкой и др. польских лингвистов. Это в очередной раз подтверждает: между целым и частью нет качественного различия. Известный польский лингвист в области синтаксиса З. Салёни утверждает, что сочиненные компоненты составляют один член предложения (Saloni 1976, 128). Это мнение разделяет также болгарская лингвистка И. Васева-Кадынкова (1980, 120-121).

В отличие от подчинительной связи сочинительная обычно относится к сфере расширения структурной схемы предложения — она не вызывает появления в структуре предложения новых синтаксических позиций (Москальская 1981, 117; Перетрухин 1979, 46; 1980, 78; Почепцов 1971, 130; Чеснокова 1980, 91; Daneš 1978, 11 и др.). Кстати, в польском лингвистике сочинение часто рассматривается как один из способов реализации членов предложения (к такому пониманию сочинения был близок также А. А. Шахматов), поэтому сочинительная связь рассматривается в рамках («внутри») структурной схемы предложения (Klemensiewicz 1968, 219; Kallas 1974, 46).

Идея несинтагматичности сочинения лежит в основе широко распространенной в славянском лингвистике теории слитных предложений. Под слитностью, которая иногда квалифицируется как синтаксическая конденсация, эллипсис, синтаксическое сокращение, союзная редукция и т.д., понимается создание более сложной по составу коммуникативной единицы в результате элиминирования повторяющихся элементов исходной синтаксической структуры. (Мурзин 1974, 130; Падучева 1974, 160-161; Bartula 1975, 30; Kuryłowicz 1971, 38; Yamada/Igarashi 1967, 145 и др.). К примеру, высказывание

(2) *Иван учится и работает*

в соответствии с этим подходом можно рассматривать как результат «слияния» двух предложений:

(3) *Иван учится.*

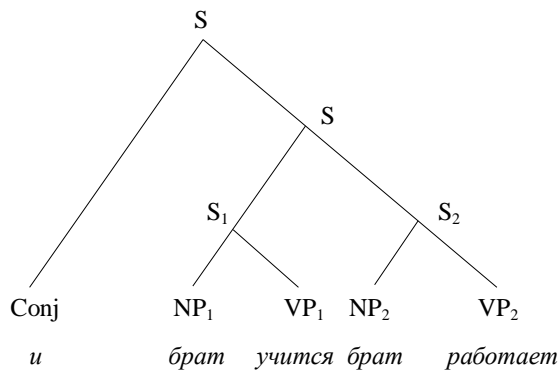
(4) *Иван работает.*

Таким образом, в простом предложении с сочинительной связью выделяются незамещенные синтаксические позиции

(хотя бы одна), в другой терминологии — нулевые синтаксические формы (Киклевич 1986b, 147-148; Kiklewicz 1998, 81), ср.,

(5) *Иван учится и работает* ↔ *Иван учится и [Иван] работает.*

Благодаря такой трактовке сочинительная связь практически выводится за пределы простого предложения, потому что простое предложение с однородными членами считается соответствием сложно-сочиненного предложения (Ломтев 1958, 121; Wierzbicka 1964, 14-26). При таком понимании союз не принадлежит структуре предложения — он занимает обособленную синтаксическую позицию.

2. Против теории слитности

С идеей слитности не соглашается, однако, целый ряд лингвистов, см. работы: ван Дейк 1978, 270; Левицкий 1980, 15-16; МакКоли 1981, 272; Откупщикова 1987, 167; Санников 1987, 12; Кохно 1973, 138; Киклевич 1990, 124 ссл.; Wierzbicka 1969, 114; Topolińska 1984, 318 и др. Одним из первых критиков слитных членов предложения был польский лингвист А. Красновольский, который в начале XX века писал, что сочинительная конденсация — слишком сложная с коммуникативной и психологической точки зрения операция, поэтому человеческое мышление «идет более короткой дорогой», т.е. выбирает операцию добавления новых членов к уже готовой конструкции (Krasnowolski 1909b, 149). Красновольский различал слитные предложения и предложения с однородными членами, считал, что только в первом случае выступает «реальное объединение не-

скольких простых предложений с использованием эллипсиса». В предложениях с однородными членами, по мнению ученого, употребляются союзы *i, a, albo, lub, czyli, czy, ani, ni*, а в слитных предложениях — союзы и другие функциональные слова: *lecz, ale, choć, więc, po pierwsze, po drugie, nawet, zwłaszcza, szczególnie, tym bardziej, słowem, mianowicie* и др. (Krasnowolski 1909b, 225). К сожалению, у Красновольского мы не найдем ясных критериев того, что одни союзы трактуются как однородные, а другие — как слитные. Рассмотрим для примера предложение:

(6) *Żal nie nagradza krzywdy, lecz pobudza do nagrodzenia.*

Красновольский считал, что здесь имеется незаполненная синтаксическая конструкция, а именно — позиция подлежащего, ср. исходную (с его точки зрения) форму:

(7) *Żal nie nagradza krzywdy, lecz [żal] pobudza do nagrodzenia.*

Исследователи обычно обращают внимание на то, что исходная (полная) форма предложения является искусственной, чаще всего противоречащей литературной норме. Ср. высказывание (пример Н. Ю. Шведовой):

(8) *Эту книгу прислал тебе я, а не он.*

Трудно представить себе, как мог бы выглядеть полный вариант данного предложения, при условии, что все синтаксические позиции были бы заполненными, ср.:

(9) *? Эту книгу прислал тебе я, а не эту книгу прислал тебе он.*

(10) *? Эту книгу прислал тебе я, а не он прислал тебе эту книгу.*

(11) *? Эту книгу прислал тебе я, эту книгу прислал тебе не он.*

В связи с этим Н. Ю. Шведова пишет:

[...] Указание на неполноту не может заменить строгого объяснения того, по каким собственно грамматическим правилам построены соответствующие конструкции. Существуют такие грамматические схемы формантов сложного предложения, которые, занимая в его составе синтаксическое место простого предложения, в то же время простым предложением не являются, так как

они ни при каких условиях не воспроизводятся как самостоятельные единицы сообщения (1968, 67).

Ср. подобные примеры, эксцерпированные их художественных текстов:

- (12) *Поздняя и незаметно пришла весна* (И. Эренбург) — ? *Поздняя пришла весна, и незаметно пришла весна.*
- (13) *Стало казаться, что я уже не способна на большее, чем что-то откуда-то и куда-то переписать* («Литературная газета». 7 IX 1983) — ? *Я уже не способна что-то откуда-то переписать, и я уже не способна куда-то переписать.*
- (14) *Мы отправились по кинематографическим театрам и стали наблюдать, какие и как сделанные картины производят максимальное воздействие на зрителя* (Л. Кулешов) — ? *Мы стали наблюдать, какие картины производят максимальное воздействие на зрителя, и стали наблюдать, как сделанные картины производят максимальное воздействие на зрителя.*
- (15) *А война — наковальня и молот* (Д. Самойлов) — ? *А война — наковальня, и война — молот.*
- (16) *Человек и природа — основная тема творчества И. Бруни* («Правда». 12 I 1982) — ? *Человек — основная тема творчества И. Бруни, и природа — основная тема творчества И. Бруни.*
- (17) *Саша может прочесть стихотворение или спеть* — ? *Саша может прочесть стихотворение, или Саша может спеть.*

Искусственность процедуры слияния наиболее очевидна тогда, когда сочинительная конструкция имеет значительный объем, но что обратил внимание Г.Фонтаньский (Fontański 1980, 39-40), ср. его пример:

- (18) *Spotkałem się z Karolem, Józkiem, Andrzejem, Stefanem, Piotrem, Romanem i całą resztą* — **Spotkałem się z Karolem, spotkałem się z Józkiem, spotkałem się z Andrzejem, spotkałem się z Stefanem, spotkałem się z Piotrem, spotkałem się z Romanem i spotkałem się z całą resztą.*

Как я уже отмечал в работе: Киклевич 1990, 124, существуют две большие группы сочинительных конструкций, которые нельзя интерпретировать посредством теории слитности. Первую из них составляют конструкции с обязательной коллективностью. Это — выражения с так называемыми множественными предикатами, которые требуют множественной референции хотя бы одной выступающей при них именной группы, например:

- (19) *В этом месте линия А и линия В пересекаются.*

В этом случае сочинительная конструкция выступает как аналитическое средство выражения множественности существительного *линии*, ср.:

(20) *В этом месте линии А и В пересекаются.*

Понятно, что здесь невозможно выделить незамещенную позицию глагольного предиката, потому что в таком случае он лишается требуемой множественности в содержании своих дистрибутивных партнеров, ср.:

(21) **В этом месте линия А пересекается, и линия В пересекается.*

Важно отметить, что конструкции с облигаторной коллективностью, как правило, являются конъюнктивными и замена соединительного союза на другой — разделительный или противительный, невозможна, ср.:

(22) **В этом месте пересекается линия А или линия В.*

(23) **В этом месте пересекается линия А, но не линия В.*

В связи с этим важно обратить внимание на бессоюзную связь однородных членов. В. Г. Руделев пишет, что соединительный союз в предложении избыточен, потому что и без него соединительная связь выражается «бессоюзно», т.е. посредством перечисления словоформ (1985, 13). Вряд эта точка зрения правомерна — во всяком случае применительно к некоторым соединительным конструкциям с коллективным (или множественным) предикатом, в которых присутствие союза обязательно, ср.:

(24) *Народ и партия едины.*

(25) **Народ, партия едины.*

Другую группу составляют конструкции с окказиональной коллективностью, которые, в принципе, позволяют структурную «расклейку» на отдельные исходные компоненты предложения, но включают семантические признаки, которых в исходных предложениях нет. Это, например, касается предложения:

(26) *После разговора Иван и Таня пошли в кафе.*

С одной стороны, предложение можно «разложить» на составляющие, ср.:

(27) *После разговора Иван пошел в кафе, и после разговора Таня пошла в кафе.*

Но, с другой стороны, в предложении (27) теряется часть информации закодированной или подразумеваемой в предложении (26): там имеется в виду, что после разговору (между собой) Иван и Таня одновременно направились, скорее всего, в одно и то же кафе. Ср. похожий польский пример:

(28) *Jan siedzi w pokoju i czyta Tuwima.*

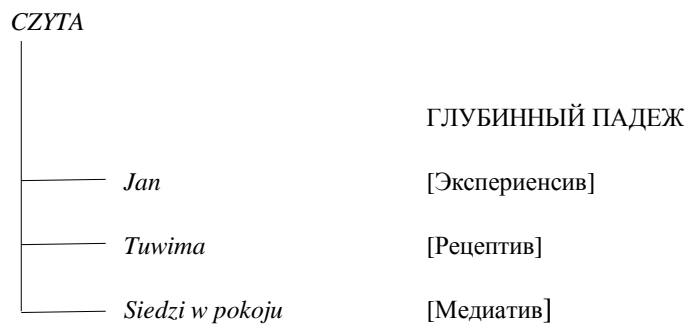
Было бы недостаточным интерпретировать его как:

(29) *Jan siedzi w pokoju i Jan czyta Tuwima.*

В этом случае опять выступает совместность действия: факты, что Ян находится в комнате и что Ян читает Тувима, коррентны, т.е. соотносимы с одним и тем же отрезком времени и пространства. Ср. перифразу:

(30) *Siedząc w pokoju, Jan (w tym czasie) czyta Tuwima.*

Фактически здесь мы имеем дело не с однородными (с семантической точки зрения) членами, а с сочинительным выражением подчинительной связи, ведь синтагматическая группа *siedzi w pokoju* выступает как обстоятельство при глагольном предикате *czyta*, ср.:

С данной точки зрения интересен и следующий пример:

- (31) *Вдоль кафельных стен в желтом свете лампочки сидели и лежали на лавках бледные мужчины в грязных костюмах* (С. Мрожек, пер. Вл. Бурича и М. Павловой).

Конечно, не существует формального препятствия, чтобы представить исходную форму данного предложения в виде «расклейки» однородных сказуемых, ср.:

- (32) *Вдоль кафельных стен в желтом свете лампочки сидели на лавках бледные мужчины в грязных костюмах, и вдоль кафельных стен в желтом свете лампочки лежали на лавках бледные мужчины в грязных костюмах.*

Но в этом случае исходная (гипотетически исходная) форма предложения не передает значения дистрибутивности, которое передается в предложении с однородными сказуемыми, ср. его интерпретацию:

- (33) *Вдоль кафельных стен стояли лавки. В желтом свете лампочки на некоторых из них (т.е. лавок) сидели, а на некоторых лежали бледные мужчины в грязных костюмах.*

По нашим данным, более 80% сочинительных конструкций содержат облигаторную или факультативную коллективность, т.е. не соответствуют теории слитности, другими словами — стандартной теории формального синтаксиса (Киклевич 1990, 129). Выходит, что стандартная формальная теория описывает только небольшую часть реального, «живого» языкового материала, хотя выводы, которые делаются на этом основании, распространяются на весь материал. В этом, по-моему, и состоит главная теоретическая ошибка традиционного синтаксиса.

Ожидается вопрос: а существует ли и вообще — возможна ли лингвистическая теория, которая охватывала бы все языковые факты в области сочинительной связи — с учетом динамики сочинительных конструкций во времени и в пространстве? Из моей предыдущей работы: Киклевич 1996, 52-54, вытекает, скорее, отрицательный ответ: такого рода теория, которая опиралась бы на заложенную Аристотелем теорию классификации, невозможна, поскольку сочинительные конструкции являются многоаспектными единицами, в которых реализуются формально-синтаксические, семантические и прагматические свойства, которые часто асимметричны по отношению друг к

другу — это приводит к тому, что классификация по одному признаку отличается от классификации по другому признаку.

Другим препятствием является «плавающий» характер всех категорий сочинительной связи: в принципе, ни один из признаков типичной однородной конструкции не является обязательным: ни синтаксическое тождество (ср. *здесь и сейчас*), ни логическая однородность (ср. *старика, женщины, дети*), ни тематическое сходство (ср. *люди и биты, мы и мода*) и т.д. Это и дает основание считать сочинительную связь — подобно другим языковым категориям — конгрегационной, категорией, т.е. такой, которая не имеет единого основания общности (Л. Витгенштейн, как известно, называл подобные категории фамилийными). Ср. абстрактный пример такой категории, которая состоит из множества исходных элементов:

В приведенной категории первый элемент не имеет общих признаков с последним, хотя имеются такие элементы, у которых с каждым из данных элементов — первым и последним — имеются общие признаки. Здесь мы имеем дело с особыми опосредованными отношениями внутри одной и той же категории, в формальной логике они называются также *переходными*, см. Ziemiński 1987, 87. В связи с этим важно также сослаться на существование двух версий теории множества — Г. Кантора, которая базируется на гомогенности элементов множества, и С. Лесневского, в основе которой лежит ассоциативность элементов множества, т.е. упомянутое выше отношение переходности.

В 60-е годы прошлого столетия появилась семантическая интерпретация сочинительной связи А. Вежбицкой, которая выступила с критикой синтаксического сокращения (в терминологии польской исследовательницы это звучит: «*redukcja spójnikowa*»), которое якобы приводит к возникновению сочинительной связи (Wierzbicka 1969, 114 ссл.). По мнению Вежбицкой, сущность сочинительной связи состоит в том, что однородные члены предложения обозначают иден-

тичные — с определенной точки зрения — объекты, т.е. принадлежащие к одному и тому же множеству:

W istocie konjunkcja powinna raczej być nazwana «ekspansją spójnikową» niż «redukcją spójnikową»: takie wyrażenie jak «NP₁ i NP₂» jest prezentowane jako alternatywny w stosunku do danego (danego eksplicytnie lub implicytnie) wyrażenia «NP» sposób wyznaczenia określonego obiektu, z tą jedną różnicą, że wyrażenie «NP₁ i NP₂» ujmuje ów obiekt jako grupę elementów, podczas gdy wyrażenie «NP» ujmuje go jako całość [...] Wyrażenie typu «A₁, A₂ i A₃» jest semantycznie blisko spokrewnione z wyrażeniem: «A, złożone z A₁, A₂ i A₃»; wskazuje ono, że A₁, A₂ i A₃ są nazwami części (elementów) jakiegoś A (Wierzbicka 1969, 122; см. также: Fontański 1980, 40; Розина 1982, 143).

В качестве иллюстрации Вежбицкая приводит предложение:

(34) *Jan kocha siostry Wiśniewskie, tzn. Marię, Ewę i Annę.*

Предложение с однородными членами, как считает Вежбицкая, всегда сопровождается информацией о принадлежности обозначаемых предметов, признаков, действий и т.д. к одному классу, поэтому предложение

(35) *Jaś i Marysia przyszli*

интерпретируется как предложение:

(36) *Oni, Jaś i Marysia przyszli.*

Таким образом, сочинение можно было бы трактовать как особую — аналитическую форму выражения множественности. Вежбицкая убеждена, что сочиненные словоформы обязательно имеют какие-то общие семантические признаки, что может найти отражение в формальной структуре предложения, например:

(37) *Pan A. ma dwa „plusy”: jest młody i przystojny.*

(38) *Pan A. ma dwa „minusy”: jest stary i chory.*

(39) **Pan A. jest stary i przystojny.*

(40) **Pan A. jest wysoki i chory.*

Это, разумеется, в большей степени касается соединительных конструкций — в противительных требование семантической однородности менее обязательно, ср.:

(41) *Pan A. jest mlody, ale chory.*

Но даже и в рамках соединительных конструкций требование семантической однородности оказывается «нежестким». Доказательством этого могут быть предложения, в которых нарушается логическая соподчиненность однородных членов одному и тому же понятию (см. Свинцов 1987, 56), например:

(42) *На собрании присутствовали солдаты и офицеры.*

(43) *На собрании присутствовал А.С. Макаренко — писатель, педагог, ученый и коммунист.*

В первом примере однородные члены представляют собой названия множества (*солдаты*) и его подмножества (*офицеры*). Во втором примере отсутствует семантическая однородность словоформ: *писатель, педагог, ученый* — названия профессий, *коммунист* — название партийной принадлежности.

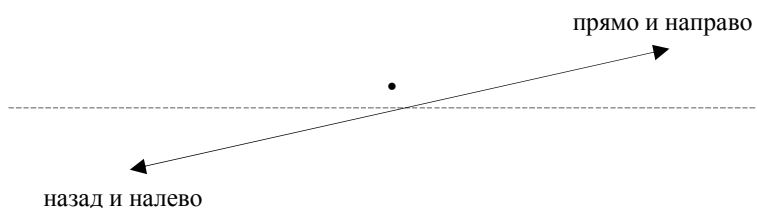
Здесь следовало бы сделать важное уточнение: соединительная конструкция не всегда представляет дискретное множество, как это вытекает из рассуждений Вежбицкой. Имеются такие сочинительные сочетания, которые используются для обозначения одного и того же предмета, например — точки в пространстве, ср.:

(44) *И странный попутчик мой шел со мной рядом и чуть впереди* (Ю. Левитанский).

(45) *Старый перекресток Амстердама, Дом Спинозы — прямо и направо* (А. Межиров).

(46) *Однако стоило сделать хоть малейшее усилие или опереться на него локтями, стол со скрипом кренился назад и влево* («Литературная газета». 28 IX 1983).

Сочинительные конструкции *рядом и впереди, прямо и направо, назад и влево* обозначают не множества точек в пространстве, а — каждая из них — одну точку, одно место локализации действия, которое описываются с помощью двух координат, ср.:

Вежбицкая утверждает, что соединительный союз выступает как метаязыковая форма выражения идентичности (Wierzbicka 1969, 123). Но, во-первых, не понятно: почему «метаязыковая», ведь за союзом кроется не идентичность языковых единиц, а идентичность (пусть сомнительная и не всегда имеющая место) обозначаемых референтов. Во-вторых, Вежбицкая имеет в виду канторовское понимание множества, тогда как сочинительная конструкция нередко обозначает ассоциативное множество, для которого нельзя найти общего характеристического свойства. Казалось бы, проявлением семантического сходства однородных членов является возможность употребления в предложении обобщающего слова (на что и ссылается Вежбицкая), однако постановка такого обобщающего слова не всегда выглядит как естественная и однозначная процедура. Покажу это на примере:

- (47) *Chcesz ucztować w gronie miłych kolegów i koleżanek, wpłać sto lub pięćdziesiąt złotych i baw się do białego rana!* (M. Radgowski).

Рассмотрим группу однородных сказуемых: *wpłać i baw się*. Объединение данных глаголов в однородном ряду представляется окказиональным, скорее основанным на линейной последовательности (*najpierw wpłać, a potem baw się*) или же на причинно-следственной связи (*wpłać, jeśli chcesz bawić się*). Трудно было бы, однако, согласиться, что они представляют собой некоторое множество, по крайней мере странным было бы здесь говорить (вслед за Вежбицкой) о какой-либо «идентичности». Ср. другие примеры, подтверждающие высказываемую здесь идею ассоциативности, а не идентичности сочиненных словоформ:

- (48) *A Fink był dureń i blondyn* (K. I. Gałczyński).
 (49) *Pogody słoneczne i deszczowe... jazda na nartach w zimie, a rowerem w lecie, dziewczyny i alkohol, książki, filmy, gra w karty, czasami praca, dom na Mazurach, nowe widoki, samochód* (I. Iredyński).

- (50) *A pan mi tu o froncie, żołnierzach i dupie Maryny*
(А. Kuśniewicz).
- (51) *Są gruszki złote na talerzu*
kwiaty i dwie dziewczynki młode (Т. Różewicz).

В 1986 г. я провел направленный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагались польские незаконченные конструкции типа *ulica i...*, *król i...*, *młotek i...* (в качестве опорных было взято 20 существительных из списка Кент — Розанова). Участники эксперимента должны были заполнить пустующую позицию в сочинительной конструкции, т.е. написать какое-либо слово (Киклевич 1986а). Эксперимент показал, что большинство реакций, а именно — 63%, носит синтагматический — с семантической точки зрения — характер: наиболее часто испытуемые опирались на ассоциативные отношения между референтами однородных членов, а именно — такие, которые реализуются в отношениях аргументов, выступающих при одном и том же предикате. Так, на стимул *ulica i...* наиболее частой оказалась реакция *dom*, которую нельзя интерпретировать с точки зрения идентичности Вежбицкой, потому что здесь речь идет о кореферентности, т.е. принадлежности обозначаемых предметов к одной и той же ситуации, ср.

- (52) *Przy ulicy stoi dom.*

Подобного рода семантические отношения наблюдаются и в конструкциях *ulica i samochód*, *ulica i ruch*, *ulica i miasto*, *ulica i ludzie*, *ulica i halas*, *ulica i wypadek*, *ulica i latarnia* и др. В работе: Киклевич 1990, эти отношения были обобщены в понятии ассоциативной синтаксической связи. Особенно выразительно эта связь проявляется в конструкциях разнофункциональных членов предложения:

- (53) *Авторов интересовало не то, что и как он исполнял, а как прошли гастроли* («Литературная газета». 31 VIII 1983).

Если концепция А. Вежбицкой носит семантический характер, то известные польские синтаксисты З. Салёни и М. Свидзинский предлагают поверхностно-синтаксическую (формально-грамматическую) трактовку сочинительной связи. При этом используется понятие коннотации — синтаксического обусловливания одних позиций другими. (Saloni/Świdziński 1998, 232). Польские авторы различают

три типа коннотации: 1) коннотацию зависимого члена («konotacja podrzędника»); 2) коннотацию независимого члена («konotacja niepodrzędника») і 3) коннотацию синтаксической группы («konotacja współskładnika»). С коннотацией первого рода мы имеем дело тогда, когда некоторый синтаксический компонент требует при себе другого, синтаксически зависимого компонента, например, в сочетаниях типа *читать книгу*, где глагол коннотирует субстантивную словоформу. При коннотации независимого члена, наоборот, предопределяется позиция главного компонента синтагмы. Так, считается, что подлежащее коннотирует глагол: *Иван* ® *читает*. Что касается коннотации синтаксической группы, то она непосредственно реализуется в области сочинительной связи, ср. польские примеры, которые приводят Салёни/Свидзинский:

- (54) *Morderca zabił dziewczynę i natychmiast ujęto całą szajkę.*
 (55) *Grzmiało i błyskało się.*
 (56) *Mdli mnie i mdli.*
 (57) *myśliwego i wierzchowca*

Коннотация синтаксической группы является характеристикой союзов, которые предполагают наличие как минимум двух синтаксически связанных словоформ: $i \rightarrow \{grzmiało, błyskało się\}$. Таким определением союзов нельзя, однако, удовлетвориться, потому что коннотацией синтаксической группы обладают вообще все двухместные предикаты, ср.: $zabił \rightarrow \{morderca, dziewczynę\}$. Салёни/Свидзинский сами отмечают, что данный тип коннотации свойственен также подчинительным союзам, предлогам и др. так называемым функциональным словам (Saloni/Świdziński 1998, 236).

Понятие коннотации при описании сочинительной связи учитывает также А. Мороз (Moroz 1998), который обращает внимание на синтаксические позиции, обусловленные контекстом. В высказывании

- (58) *Mendult miał i nosił koronę*

выделяются две незаполненные синтаксические позиции — второго аргумента при предикате *miał* и первого аргумента при предикате *nosił*. С их учетом предложение переписывается следующим образом:

- (59) *Mendult miał # [koronę] i # [Mendult] nosił koronę.*

Наличие нулевых синтаксических форм #[*koronę*] i #[*Mendult*] объясняется тем, что соответствующие синтаксические позиции обусловлены коннотацией зависимого члена, а именно — коннотируются глаголами *mieć* i *nosić* (хотя в таком объяснении кроется противоречие: в конструкции *Mendult nosił* мы имеем дело, скорее, с коннотацией независимого члена, см. выше).

Особый интерес в статье Мороза вызывает сравнение конструкций с анафорой и синтаксическим нулем:

(60) *Jaś kupuje książki i sprzedaje je.*

(61) *Jaś kupuje i sprzedaje książki.*

Автор утверждает, что между приведенными предложениями (и подобного типа) нет принципиальной разницы, это — варианты одного и того же сообщения (Mogoz 1998, 12). Таким образом, синтаксические нулевые формы рассматриваются как индексальные (см. также: Kiklewicz 1998, 90-91). Следует, однако, отметить, что такая трактовка нулевых форм не получает должного отражения в интерпретации сочинительных конструкций, которую предлагает Мороз. Если предложение (58) интерпретировать как:

(62) *Mendult miał koronę i Mendult nosił koronę*

то вряд ли возможна — с точки зрения системы языка и с точки зрения нормы — семантически тождественная трансформация:

(63) ? *Mendult miał koronę i nosił ją.*

Скорее всего, в варианте предложения, включающем анафорическое местоимение, должны присутствовать какие-то дополнительные компоненты, своего рода «разбавители», ср.:

(64) *Mendult miał koronę i czasem nawet nosił ją.*

(65) *Mendult miał koronę i często nosił ją.*

(66) *Mendult miał koronę i nawet nosił ją.*

Мороз не учитывает факта, что в предложениях (63), (64), (65) и (66) анафорическое местоимение не имеет значения ‘корону’, подобно тому, как не имеет данного значения и синтаксический нуль. Между словоформами *ją* и *koronę* существует отношение кореференции, т.е. тождества обозначаемых предметов, но их сигнифи-

кативные (другими словами — понятные) значения различаются: *korona* — номинативный знак с дескриптивной функцией, который описывает предмет посредством указания на множество признаков, благодаря наличию которых он входит в виртуальное множество предметов, т.е. некоторый таксономический класс. Другое дело — личное местоимение *ona*, которое представляет собой знак с указательной (детерминативной) функцией — посредством отнесения предмета к рференциальной рамке говорящего, т.е. к тому, что говорящий наблюдает или о чем была речь в предыдущих секвенциях дискурса (Киклевич 1999, 174-175), ср. интерпретацию: *ona* = ‘ранее (недавно) упомянутый предмет’, реже: *ona* = ‘предмет, который будет (скоро) упомянут’. Таким образом, предложение (59) — с учетом незамещенных синтаксических позиций — может получить толкование:

(67) *Mendult miał to, o czym będzie mowa dalej, i ten, o kim była mowa wcześniej, nosił koronę.*

Но и такую интерпретацию, видимо, нельзя принять, главным образом потому, что нулевая форма выступает то в качестве антецедента (*to, o czym będzie mowa dalej*), то в качестве консеквента (*ten, o kim była mowa wcześniej*). Вряд ли в непосредственном соседстве могут находиться две одинаковые (т.е. нулевые) формы с разным типом семантики — такая эквивокация в стилистически нейтральном тексте всегда нежелательна.

Мороз отличает два типа конструкций с анафорическими местоимениями. Первый представлен выражениями типа (60), которые трансформируются в выражения с сочинительной связью типа (61). Другой тип представляют предложения, которые не допускают подобных трансформаций:

(68) *Jan zobaczył matkę i dał jej kwiaty — ? Jan zobaczył matkę i dał kwiaty.*

(69) *Sławek był silniejszy od Wojtka i przewyższał go też inteligencją — ? Sławek był silniejszy od Wojtka i przewyższał też inteligencją.*

(70) *Jan przypatrywał się psu i uderzył go — ? Jan przypatrywał się psu i uderzył.*

В предложениях данного типа отсутствие заполненной позиции местоимения обуславливает их структурную неполноту — здесь не выполняются коннотативные условия глагольного предиката. Ср. сравнение коннотации зависимого члена в предложениях (61) и (68):

(61)

kupuje / sprzedaje → *ktoś* [Nom]*kupuje / sprzedaje* → *coś* [Acc]

(68)

zobaczył / dał → *ktoś* [Nom]*zobaczył / dał* → *coś* [Acc]*dał* → *komuś* [Dat]

Требование тождества синтаксических характеристик однородных членов вовсе не новое — оно высказывалось и сторонниками теории слитности, но парадокс заключается в том, что это требование для сочинительной связи не обязательное (Киклевич 1987). Ср.:

(71) *Skąd bierze się i jakie są motywacje tej zgoła chorobliwej obsesji?* («Trybuna Ludu». 8 XII 1982).

(72) *Teraz najchętniej czytam i najbardziej interesuje mnie to, co było naprawdę* („Kobieta i życie”. 1983/18).

В первом предложении однородные сказуемые *bierze się* и *są* коннотируют форму существительного, но в первом случае это — словоформа в винительном падеже, а в другом — в именительном:

bierze się → *motywacje* [Acc]*są* → *motywacje* [Nom]

Во втором предложении наблюдается подобная картина:

czytam → *to* [Acc]*interesuje* → *to* [Nom]

Сочинительная конструкция, как видим, возникает независимо от того, совпадают синтаксические свойства словоформ или различаются.

В зависимости от того, как трансформируются сочинительные конструкции с анафорическими местоимениями, Мороз различает два типа сочинения. Конструкции первого типа свободно допускают местоименные трансформации, а конструкции второго типа не допускают, ср.:

(73) *Jaś kupił zeszyt i długopis.*

Этого конструкция этого типа Мороз пишет:

Wszystkie powyższe konstrukcje mogą być interpretowane jako zawierające zerowy wykładnik nadrzędnika użytego w kontekście. Jednostki połączone stosunkiem współrzędnym konotują określony nadrzędnik dystrybucyjny, który pojawia się jednokrotnie, podczas gdy pozostałe wystąpienia realizowane są obligatoryjnie przez wykładniki zerowe (Moroz 1998, 14).

Это значит, что предложение (73) равнозначно предложению:

(74) *Jaś kupił zeszyt i # [Jaś] # [kupił] długopis.*

Предложения типа (73) отличаются от предложений типа (61) тем, что не допускают трансформаций с анафорическим местоимением. Ср. также:

(75) *Oglądali stare i nowe filmy — Oglądali stare # [filmy] i nowe filmy — *Oglądali stare je i nowe filmy.*

Казалось бы, на этом основании можно сделать вывод о том, что невозможность использования анафорического или катафорического местоимения свидетельствует об отсутствии нулевой формы и незаполненной позиции объекта действия. Однако Мороз делает другой вывод: он не отказывается от идеи нулевых компонентов, но делит сочинительные конструкции на два рассмотренных выше разряда.

Такая интерпретация вызывает, однако, возражения. Очевидно, что и при коннотации независимого члена принципиально допустима содержащая анафорическое/катафорическое местоимение трансформация, например:

(76) *Jan i Piotr śpiewają — Jan śpiewa, Piotr robi to samo.*

(77) *Jan wykladał w Anglii i w Stanach Zjednoczonych — Jan wykladał w Anglii i robił to samo w Stanach Zjednoczonych.*

Выражение *robić to samo* является индексальным знаком — заместителем глагола, своего рода «местоглаголием». Нельзя согласиться с Морозом, когда он пишет, что глаголы не имеют местоименных субститутов (Moroz 1998, 15).

Возможности или невозможности местоименных трансформаций связаны с фактором, который по отношению к сочинительной конструкции является внешним, а именно — имеющимся в данном

языке инвентарем индексальных знаков, их регулярностью и правилами сочетаемости. Так, обычно не допускается сочетаемость прилагательного и личного местоимения, т.е. конструкции типа **новый он*. Именно этот фактор обуславливает невозможность местоименной трансформации предложения (75), потому что она предусматривала бы сочетаемость прилагательного *stare* и местоимения *je*.

Оценивая концепцию синтаксического нуля в конструкциях сочинительной связи в целом, необходимо отметить, что существуют только определенные виды таких выражений, в которых сочинение сопровождается незамещенными синтаксическими позициями. При этом требуется, чтобы полный вариант выражения с заполненными синтаксическими позициями соответствовал системе языка и языковой норме, а кроме того — чтобы синтаксический нуль использовался анафорически (не катафорически), т.е. как консеквент по отношению к материальному заместителю аналогичной синтаксической позиции. Этим требования отвечают, например, следующие предложения:

- (78) *Faraon jest słońcem, a następca tronu księżycem* (B. Prus).
 (79) *Mieli już wiele miejsc swoich: w domu swoje okno, za domem swoją kłodę sosnową na łące leśnej, swoje wierzby za lasem* (E. Orzeszkowa).
 (80) *To znaczy, by sprawę ująć ściślej, tenisem interesował się bardzo, a sztuką wcale* (S. Dygat).
 (81) *Rzeka ta była tym dla królestwa greckiego w sercu Azji, czym Nil dla Egiptu* (T. Parnicki).

Во всех приведенных предложениях сочинительная связь, как можно судить, сопровождается эллипсисом глагольного предиката, потому что каждое может быть трансформировано в предложение с заполненной позицией данного предиката, ср.:

- (82) *Faraon jest słońcem, a następca tronu [jest] księżycem.*
 (83) *Mieli już wiele miejsc swoich: w domu [mieli] swoje okno, za domem [mieli] swoją kłodę sosnową na łące leśnej, [mieli] swoje wierzby za lasem.*
 (84) *To znaczy, by sprawę ująć ściślej, tenisem interesował się bardzo, a sztuką [nie interesował się] wcale.*
 (85) *Rzeka ta była tym dla królestwa greckiego w sercu Azji, czym [był] Nil dla Egiptu.*

В заключение хотелось бы отметить, что сущность сочинительной связи, ее специфика по отношению к подчинительной связи заключается в особых отношениях сочиненных единиц между собой.

Исследователи ошибочно искали (и до сих пор ищут) основу сочинения за его пределами — в отношениях однородных членов к «третьему» компоненту:

$$P(x) \& P(y) \rightarrow P(x \& y)$$

Напротив, сущность сочинительной связи следует искать в ее синтаксической и семантической структуре:

$$(x R y) \rightarrow P(x \& y)$$

Вот об этом «R», которое является основой для «&», синтаксисты знают, в сущности, пока еще очень мало.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. (1936), Второстепенные члены предложения как грамматические категории. [В:] Русский язык в школе. 4, 53-60.
- Апресян Ю. Д. (1966), Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). Москва.
- Ванников Ю. В. Многомерность синтаксической структуры предложения. [В:] Труды Университета Дружбы Народов имени П. Лумумбы. 22, 55-74.
- Васева-Кадынкова И. (1980), Наблюдения върху еднородните части на изречението с оглед към актуалното членение. [В:] Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university. XXIX, 119-129.
- Дейк Т. А. ван (1978), Вопросы прагматики текста. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. Москва, 59-336.
- Киклевич А. К. (1986а), Ассоциация, сочинение, паратакис. [В:] Веснік Беларускага ўніверсітэта. 4/1, 49-53.
- Киклевич А. К. (1986б), Незамещенные синтаксические позиции в теории сочинительной связи. [В:] Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 147-149.
- Киклевич А. К. (1987), Об одном конструктивном аспекте сочинительной связи (на материале русского и польского языков). [В:] Slavia Orientalis. XXXVI/3-46 485-489.
- Киклевич А. К. (1990), О типах вхождения множественного актанта в поле интенции предиката. [В:] Деривация в речевой деятельности. Пермь, 123-132.
- Кіклевіч А. К. (1996), Аб формах сістэматыкі ў мовазнаўстве. [В:] Веснік Беларускага ўніверсітэта. 4/2, 50-54.
- Киклевич А. К. (1999), Ассоциативная синтаксическая связь. [В:] Слово в диахронии и синхронии. Сборник научных статей к 80-летию проф. М. Г. Булахова. Минск, 76-88.

- Киклевич А. К. (1999), Персональность и другие семантические категории. [В:] *Personalität und Person*. Wiesbaden, 173-202.
- Кохно В. Ф. Предложения с однородными членами в восточнославянских языках. [В:] *Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур*. Мінск, 137-138.
- Левицкий Ю. А. (1980), Проблемы сочинения. Пермь.
- Ломтев Т. П. (1958), О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке. [В:] *Филологические науки*. 1, 114-124.
- МакКоли Дж. (1981), О месте семантики в грамматике языка. [В:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 10. Лингвистическая семантика. Москва, 235-301.
- Москальская О. И. (1981), Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). Москва.
- Мурзин Л. Н. (1974), Синтаксическая деривация. Пермь.
- Откупщикова М. И. (1987), Проблема однородности в задаче общения пользователя с ЭВМ. [В:] *Структурная и прикладная лингвистика*. 3, 165-173.
- Падучева Е. В. (1974), О семантике синтаксиса. Москва.
- Перетрухин В. Н. (1980), Особые случаи синтаксической связи сказуемого с подлежащим. [В:] *Русский язык в школе*. 5, 78-82.
- Перетрухин В. Н. (1979), Расширение, распространение и осложнение в простом предложении. [В:] *Филологические науки*. 4, 46-50.
- Пешковский А. М. (1956), Русский синтаксис в научном освещении. Москва.
- Почепцов Г. Г. (1971), Конструктивный анализ структуры предложения. Киев.
- Реформатский А. А. (1967), Введение в языковедение. Москва.
- Розина Р. И. (1982), Союз как идентификатор семантического класса. [В:] *Семантика слезубных слов*. Пермь, 142-150.
- Руделев В. Г. (1985), Синтаксис глазами фонолога. [В:] *Исследования по семантике*. Уфа, 11-18.
- Санников В. З. (1989), Русские сочинительные конструкции (семантика, прагматика, синтаксис). Москва.
- Свинцов В. И. (1987), Логика. Москва.
- Теньер Л. (1988), Основы структурного синтаксиса. Москва.
- Чеснокова Л. Д. (1980), Связи слов в современном русском языке. Москва.
- Чеснокова Л. Д. (1981), Категория количества и синтаксическая структура. [В:] *Вопросы языкознания*. 2, 44-52.
- Шахматов А. А. (1941), Синтаксис русского языка. Ленинград.
- Шведова Н. Ю. (1968), О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций. [В:] *Otázky slovanské syntaxe*. 2, 65-73.
- Bartula C. (1975), Z problematyki orzeczenia i zdania (na przykładzie języka polskiego). [In:] *Biuletyn PTJ*. XXXIII, 29-33.
- Bauer J. (1968), Zum Charakter und zur Entwicklung Hypotaxe in den slavischen Sprachen. [In:] *Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik*. Leipzig, 151-161.
- Daneš F. (1978), Satzglieder und Satzmuster. [In:] *Beiträge zu Problemen der Satzglieder*. Leipzig, S. 7-28.

- Fonatiński H. (1980), Stosunki współrzędności w zdaniu pojedynczym w języku polskim i rosyjskim. Katowice.
- Gaertner H. (1934), O określeniu jako podstawowym stosunku składniowym. Poznań.
- Jodłowski S. (1971), Elementy semantyczne funkcji składniowych. [In:] *Problemy składni polskiej*. Warszawa, 102-119.
- Jodłowski S. (1977), *Podstawy składni polskiej*. Warszawa.
- Kiklewicz A. (1998), Die normative Modalität im Inhalt von Nullzeichen. [In:] *Zeitschrift für Slavistik*. 43/1, 81-93.
- Klemensiewicz Z. (1968), Budowa podmiotu i orzeczenia polskiego wypowiedzenia pojedynczego. [In:] *Otázky slovanské syntaxe*. 2, 217-220.
- Krasnowolski A. (1909a), *Składnia języka polskiego*. Warszawa.
- Krasnowolski A. (1909b), *Systematyczna składnia języka polskiego*. Warszawa.
- Kuryłowicz J. (1971), Podstawowe struktury języka: grupa i zdanie. [In:] *Problemy składni polskiej*. Warszawa, 37-44.
- Moroz A. (1998), Wstępne założenia formalnego opisu konstrukcji składniowych zawierających zerowy wykładnik składnika użytego w kontekście. [In:] *Poradnik Językowy*. 3, 9-21.
- Saloni Z. (1976), *Cechy składniowe polskiego czasownika*. Wrocław etc.
- Saloni Z./Świdziński M. (1998), *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- Szober S. (1957), *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa.
- Topolińska Z. (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.
- Wierzbicka A. (1964), O metodach opisu szyku wyrazów. [In:] *Język Polski*. XLIV/1, 14-26.
- Wierzbicka A. (1969), *Dociekania semantyczne*. Wrocław etc.
- Yamada S./Igarashi I. (1967), Co-ordination in Transformational Grammar. [In:] *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. XX/1-2, 143-156.
- Ziemiński Z. (1987), *Logika praktyczna*. Warszawa.

К ПРОБЛЕМЕ ОДНОРОДНЫХ И НЕОДНОРОДНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ*

Введение

Общепринятая трактовка сочинительной связи в простом предложении базируется, главным образом, на совокупности конструктивных (формально-грамматических) параметров, важнейшими из которых являются тождество синтаксических функций сочиненных единиц и их соподчиненность. Однако в последнее время на страницах научных работ по синтаксису все чаще стали появляться факты, которые противоречат традиционному пониманию сочинительной конструкции. В связи с этим прежде всего следует упомянуть сочинение разнофункциональных словоформ (типа *никто и никогда*), достаточно подробно описанное на материале русского языка, например, в работах Р. К. Гудиевой или Б. Ю. Нормана, а также сочинение несоподчиненных и даже разноподчиненных компонентов предложения (см. публикуемую в данном сборнике статью *Об одном конструктивном аспекте...*). Подобного рода синтаксические явления, как правило, относятся исследователями к сфере маргиналий и интерпретируются как «исключение из правил».

Предметом данной статьи выступают синтаксические конструкции, которые в области сочинительной связи традиционно считаются своего рода аномалией — сочетания соподчиненных определений с сочинительной связью, которые называются однородными (в польской грамматической традиции — «zespół współrzędny»), и ана-

---

* В основе данной статьи лежит ранее опубликованная работа автора: Однородные и неоднородные определения: внутри- и межъязыковая типология (на материале польского и русского языков). [В:] *Slavia Orientalis*. 1992, XLI/3, 113-123.

логичные сочетания без сочинительной связи, которые принято трактовать как неоднородные (в польской терминологии — «zespół niewspółrzędny»). Поскольку рассматриваемая проблема, в особенности в русистике, имеет давнюю историю, я постараюсь не выходить за рамки традиционной терминологии и системы базовых синтаксических понятий (в частности, системы членов предложения), с тем, чтобы избежать дополнительных трудностей, связанных с переводом традиционных понятий на метаязык современной синтаксической теории. Лишь по мере необходимости будет применяться трансформационный и статистический анализ.

1. «Ступенчатое сужение понятия»

Проблема описания конструкций соподчиненных определений состоит в том, что важнейшие факторы сочинительной связи — тождество синтаксических функций словоформ и их соподчиненность — здесь «не работают», точнее, не гарантируют однородности в сочетаниях типа:

- (1) *долгая счастливая жизнь*, ср. *долгая, счастливая жизнь*
- (2) *широкие родные просторы*, ср. *широкие, родные просторы*

Поскольку для разграничения однородных и неоднородных определений не могут быть использованы грамматические критерии, то естественным выглядит обращение исследователей к критериям иного характера — лексико-семантическим и логическим. Так, А. Б. Шапиро, один из авторитетных специалистов в области традиционного русского синтаксиса, указывал, что главным основанием для сочинения определений является их лексико-семантическая близость (1938, 87; см. также: Панюшева 1966, 11; Валгина 1976, 234). С другой стороны, для описания конструкций неоднородных определений были предложены логико-понятийные основания, а именно — идея «ступенчатого сужения понятия» (Шахматов 1941, 300; Мещанинов 1978, 152; Руднев 1959, 163 и др.), сущность которой заключается в следующем: в сочетании

- (3) *его новый кожаный портфель*

определение *кожаный* сужает понятие, выраженное существительным *портфель*, определение *новый* сужает понятие, выраженное

сочетанием *кожаный портфель*, а определение *его* сужает понятие, выраженное сочетанием *новый кожаный портфель*, что схематически может быть представлено следующим образом:

(4) $его \rightarrow (новый \rightarrow (кожаный \rightarrow портфель))$

Логико-семантическое описание однородных и неоднородных определений, в рамках которого было получено немало интересных результатов (например, в работе: Головин 1969), заслуживает в целом положительной оценки. Вместе с тем одним из серьезных недостатков названного подхода явилось то, что конструкции соподчиненных определений так и не удалось скоординировать с основными постулатами теории сочинения.

Попытку подвести данные выражения под общий знаменатель предпринял А. С. Уськин, который проанализировал их в аспекте грамматической структуры предложения. Указывая на недостаточность лексико-семантической интерпретации однородных и неоднородных определений, Уськин настаивает на приоритетности описания одного из грамматических признаков сочинительной связи — соподчиненности однородных единиц. По его мнению, в отличие от однородных, неоднородные определения характеризуются «ступенчатым соподчинением», которое получает следующую дефиницию:

Одно из соподчиненных слов подчиняется непосредственно господствующему слову, а другое из них подчиняется всему словосочетанию, состоящему из первых двух слов (Уськин 1966, 73).

Не возникает сомнений, что «ступенчатое соподчинение» и упомянутое ранее «ступенчатое сужение понятия» и содержательно, а даже и терминологически схожи, и сам Уськин признает, что «ступенчатое соподчинение» служит для выражения «ступенчатого сужения понятия».

Между тем оба понятия вызывают ряд возражений. Во-первых, для однородных определений, в принципе, не обязательно требование лексико-семантического сходства компонентов, их принадлежность к одному семантическому классу, как того требует грамматическая традиция, ср.:

(5) *Но юность легкая и комсомольская
идет по палубе, как по земле* (Б. Корнилов).

- (6) *В это утро по главной дорожке
Шел веселый и рыжий парень* (Д. Самойлов).

Во вторых, одни и те же единицы способны функционировать и как однородные, и как неоднородные определения, ср.:

- (7) *веселый и рыжий парень — веселый рыжий парень*

В-третьих, «ступенчатое сужение понятия» исключено в конструкциях неоднородных определений, в которых один признак обуславливает другой, например:

- (8) *соленая морская вода*

Определение *соленая* не сужает понятие «морская вода» (это предполагало бы наличие хотя бы одной альтернативы — «несоленая морская вода»), а имплицировано им:

- (9) *Если вода морская, то вода соленая.*
(10) *Если вода соленая, то не исключено, что вода морская.*

В-четвертых, «логическое сужение понятия» в конструкции неоднородных определений далеко не всегда соответствует значению этой конструкции в контексте, например:

- (11) *Он стоит на фоне балконной двери, черный, как тень, на тонких расставленных ногах* (Ю. Олеша).

Если принять, что словоформы *(на) тонких* и *(на) расставленных* реализуют в данном контексте «ступенчатое сужения понятия» (*ноги — расставленные ноги — тонкие расставленные ноги*), то это означало бы, что определение *(на) расставленных* имеет прямую синтаксическую и семантическую связь с существительным *ногах*, а определение *(на) тонких* — лишь косвенную связь с той же словоформой. Другими словами, из «ступенчатого сужения понятия» вытекало бы, что прилагательное *тонкие* в данном контексте характеризует вид *расставленных ног*, что никак не отражает содержания рассматриваемого сочетания. Приведенное выше высказывание означает:

- (12) *Он стоит (на ногах); его ноги расставлены, и его ноги тонкие.*

Очевидно, что здесь уместнее говорить не о «ступенчатом», последовательном, а о параллельном сужении понятия, выраженного формой существительного.

В-пятых, анализ по схеме «ступенчатого соподчинения» наиболее приемлем для сочетаний типа «Качественное прилагательное (причастие, местоимение) + относительное прилагательное + существительное», а также типа «Качественное прилагательное (причастие, местоимение) + существительное + относительное прилагательное», (сочетания второго типа в большей степени распространены в польском языке). Как видим, «ступенчатое сужение понятия» реализуется преимущественно в сочетаниях с таким порядком слов, при котором определение первого уровня ограничения понятия находится в контактном положении по отношению к определяемому существительному или следует за ним (Gaertner 1924, 31). К названной группе примыкают сочетания, в которых существительное и «ближайшее» определение, обозначающее постоянный признак, образуют устойчивое сочетание, например:

- (13) *старый Новый год*
- (14) *холодное Белое море*
- (15) *запоздалая «скорая помощь»*

И. И. Мещанинов указывал, что в некоторых языках существительное и определение, выражающее постоянный признак предмета, могут образовать сложное слово, например: нем. *weiser Wein* → *Weiswein*; *guter Weiswein* (1978, 155).

Однако схема «ступенчатого сужения понятия» не может быть однозначно использована применительно к конструкциям типа «Качественное прилагательное + качественное прилагательное + существительное», например:

- (16) *старый опытный мастер*

С одной стороны, в этом случае может быть отмечено «ступенчатое сужение понятия», если подразумевается некоторое множество опытных мастеров, среди которых данный опытный мастер определяется как старый. С другой стороны, рассматриваемым сочетанием может соответствовать иная интерпретация:

- (17) *этот мастер старый, и этот мастер опытный*

В таком понимании данных конструкций «ступенчатое сужение понятия» в их содержании отсутствует, а семантические границы между однородностью и неоднородностью если и не стираются, то порядок следования неоднородных определений в этом случае не существует, ср.:

(18) *Это — старый опытный мастер.*

(19) *Это — опытный старый мастер.*

Констатация «ступенчатого сужения понятия» еще в большей степени проблематична в конструкциях типа «Относительное прилагательное + качественное прилагательное + существительное», например:

(20) *Ермасов, встав, накинул кожаное пальто на плечи, взял со стола кожаный старенький картуз* (Ю. Трифонов).

(21) *...Все то, что зовется: от Кушки до Карских студеных ворот* (А. Кушнер).

В данных сочетаниях либо нарушается характерный для «ступенчатого сужения понятия» порядок слов, либо, скорее всего, «ступенчатое сужение понятия» вовсе отсутствует. Порядок слов и «ступенчатое сужение понятия» не соответствуют друг другу также в конструкциях типа

(22) *мой американский друг*

которую нельзя интерпретировать как ‘из всех американских друзей данный друг — мой’, а скорее как ‘из всех моих друзей данный — американец’.

Аналогичные трудности применения критерия «ступенчатого сужения понятия» возникают при интерпретации конструкций, в которых устойчивые атрибутивные сочетания разрываются качественными прилагательными, например, сочетания *молодой человек* и *советский человек* в предложениях:

(23) *Вот он, молодой таинственный человек* (Ф. Сологуб).

(24) *...Но начал в космосе движенье советский смелый человек* (Н. Ушаков).

2. Однородные определения vs. однородные обстоятельства

Для объяснения приведенных здесь и многочисленных других фактов употребления однородных и неоднородных определений проведем их сравнительный анализ с конструкциями соподчиненных обстоятельств. Основанием для такого сравнения является синтаксический и лексико-семантический параллелизм атрибутивных и реляционных сочетаний, ср.:

(25) *быстрое и эффективное решение*

(26) *быстро и эффективно решать*

Исходя из определения Е. Куриловича, в соответствии с которым «синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, но с другой синтаксической функцией» (Kuryłowicz 1987, 206), компоненты конструкций соподчиненных определений и обстоятельств можно трактовать как синтаксические дериваты:

(27) *высокий* → *высоко*

(28) *стремительный* → *стремительно*

(29) *летать* → *полет*

Различие рассматриваемых сочетаний соподчиненных определений и обстоятельств состоит в том, что одни допускают как однородность, так и неоднородность, ср.:

(30) *высокий, стремительный полет*

(31) *высокий стремительный полет*

а другие при тех же лексических значениях — только однородность:

(32) *высоко, стремительно летать*

(33) **высоко стремительно летать*

Разумеется, возможность альтернативных вариантов однородных и неоднородных определений возможна не всегда, ср.:

(34) *белые и желтые розы*

(35) **белые желтые розы*

но важно то, что такие альтернатиции в принципе допустимы.

Обязательность сочинительной связи в конструкциях соподчиненных обстоятельств выступает только в случае отадъективных дериватов, конструкции же соподчиненных обстоятельств, имеющих иную деривационную историю, не характеризуются обязательным наличием сочинительной связи, ср.:

- (36) *Люблю на окне на тарелках
Овса золотые зрачки* (А. Фет).
(37) *На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи* (А. Тарковский).

Чтобы дать объяснение данному различию конструкций, включающих единицы с одинаковым лексическим значением, следует признать, что характер сочетаемости соподчиненных членов предложения, а именно — обязательность/необязательность сочинительной связи между ними, — определяется, как минимум, двумя факторами: 1) лексическим значением словоформы и 2) синтаксической функцией словоформы. Особенность актуализации названных факторов состоит в том, что в зависимости от синтаксической функции словоформы (и, как будет показано далее, от грамматического значения, которое эту функцию реализует) ее сочетаемость в различной степени определяется лексическим значением. Указанная зависимость синтаксической функции и лексического значения наиболее сильна, если словоформа выполняет функцию определения (приименного атрибута). Словоформы, выполняющие функцию определения, могут быть охарактеризованы как наиболее свободные синтаксемы, семантика которых, по мнению Г. А. Золотовой,

независима от их позиционных возможностей, она заключена в синтаксеме как бы «до предложения», на «доком-муникативном» уровне (1988, 7-8).

Ср. также точку зрения П. И. Поллера:

Определение неотделимо от существительного как части речи, а не как члена предложения; определение сопровождает это существительное, чем бы оно ни выступало в предложении, и оно обусловлено не столько синтаксическими функциями, сколько лексико-грамматическими свойствами имени существительного (1957, 57).

Так, в сочетании (31) различие лексических значений определений (которые указывают на различные аспекты определяемого понятия) оказывается более существенным, чем тождество их грамматической семантики — атрибутивность. Следовательно, можно констатировать, что лексико-семантическое различие определений обуславливает различие их синтаксических функций.

Традиционно однородные и неоднородные определения в плане лексического значения словоформы противопоставлялись по признаку наличия/отсутствия сходства лексических значений соподчиненных словоформ. Детальный анализ показывает, что оппозиция однородных и неоднородных определений в аспекте лексической семантики имеет другой вид: фактор тождества грамматической семантики соподчиненных словоформ обуславливает их однородность, т.е. носит директивный характер. Лексико-семантический же фактор имеет скорее запрещающий характер: при актуализированном различии лексических значений соподчиненных компонентов он обуславливает различие их синтаксических функций и тем самым блокирует сочинительную связь между ними.

Таким образом, отношение однородных и неоднородных определений с точки зрения лексической семантики слова можно представить в виде привативной оппозиции (как ее трактовал применительно к грамматике Р. Якобсон, см. 1985, 221): для конструкций неоднородных определений фактор лексико-семантического отношения соподчиненных словоформ актуален, а для конструкций однородных определений тот же фактор неактуален. Это означает, что в синтаксических системах славянских языков сочетание с неоднородными определениями является маркированной, а сочетание с однородными определениями — немаркированной формой.

Что касается невозможности конструкций неоднородных обстоятельств типа (33), то различие лексических значений в пределах обстоятельственной синтаксической функции и наречной грамматической семантики, по сравнению с определением, менее значимо и его недостаточно, чтобы вызвать синтаксическую разнофункциональность обстоятельств, которые выражены наречиями, образованными от прилагательных.

Известно, что традиционная система членов предложения включает классификацию типов обстоятельств: образа, действия, места, времени, причины и т. д., различия которых устанавливаются, главным образом, на лексико-семантической основе. Это свидетель-

ствует о том, что традиционная синтаксическая теория признает и соответствующим образом фиксирует влияние лексического значения на синтаксическую функцию.

Подобная типология иногда проводится и для определений. Так, З. Клеменевич выделял пять типов определения в польском языке (Klemensiewicz 1963, 56):

1. przydawka właściwościowa;
2. przydawka okolicznościowa;
3. przydawka dopełniająca;
4. przydawka podmiotowa;
5. przydawka orzekająca.

В русистике данный вопрос не получил окончательного решения: либо (прежде всего в школьной грамматике) о какой-либо классификации типов определения вообще не говорится, либо она носит весьма общий характер и основана на морфологических свойствах словоформ (ср. различие качественного, порядкового и посессивного определений в энциклопедии «Русский язык», см. Филин 1979, 180), либо она основана на лексико-семантических признаках и является довольно подробной, однако не имеет синтаксической перспективы и предстает как классификация «конкретных значений», которые может принимать определение в различных контекстах (Валгина 1976, 123 ссл.). Эта «осторожность», которую проявляет грамматическая теория к проблеме внутриязыковой типологии определений, вполне объяснима: в условия сильного (еще более сильного, чем для обстоятельства) влияния лексического значения на синтаксическую функцию классификация частных синтаксических функций определения грозила бы перерасти в лексико-семантическую типологию, что, без сомнения, ущемляло бы «интересы» традиционной грамматики.

3. Типологические особенности однородных определений

От различий в отношениях между синтаксической функцией и лексическим значением в одном и том же языке перейдем к тому же предмету исследования в ином — межъязыковом аспекте. Чтобы выявить особенности функционирования однородных определений в польском и русском языках, я провел 6 сплошных выборок (каждая по 300 употреблений конструкций соподчиненных определений) из текстов современной польской и русской прозы. Анализ показал, что в среднем в одной польской выборке на 156 однородных приходится

144 неоднородных определений, а в русской выборке соотношение тех же категорий иное: 61 — 239. Сравнение средних величин (156 — 61 и 144 — 239) с помощью специального t-критерия свидетельствует о статистической значимости их различия: $t = 5,86$ при числе степеней свободы 4, вероятность ошибки меньше, чем 0,01. Приведенные данные могут быть интерпретированы следующим образом: польскому языку свойственна менее сильная корреляция лексического значения и синтаксической функции определения, по сравнению с русским языком лексико-семантические различия в польском в меньшей степени отражаются в плане синтаксической функции. В процессе формирования группы соподчиненных определений в польском языке более значимы грамматические факторы, а поскольку с грамматической точки зрения морфологизованные определения тождественны, то в польском более высокая, чем в русском, частота употребления однородных определений.

Различие функционирования однородных/неоднородных определений в польском и русском языках связано также с порядком следования соподчиненных словоформ относительно друг друга и относительно имени существительного. В польском языке синтаксическая разнофункциональность соподчиненных определений в значительной степени обусловлена не только лексическими значениями словоформ, но и порядком их следования. В группе польских неоднородных определений имеются конструкции типа «Качественное прилагательное (причастие, местоимение) + существительное + относительное прилагательное», которые в целом не свойственны русскому синтаксису, например:

(38) *w zakurzonym płaszczu podróżnym*

(39) *rzadkich spotkań rodzinnych*

(40) *owego ganku przeszklonego*

В русском языке такого рода русские конструкции встречаются, в основном, в поэтических текстах, ср.:

(41) *Не на убогих трезвенниках лживых —
на них, как на китах, стоит земля* (Е. Евтушенко).

(42) *...Щеголеватый, справедливый
в старинном платье золотом* (Б. Ахмадулина).

- (43) *Голая монахиня бесшабашная,
бросается на них* (А. Вознесенский).

В подобных конструкциях между соподчиненными единицами возникают синтаксические различия, связанные с их пре- либо постпозицией. В препозиции определение выполняет атрибутивную функцию, а в постпозиции дополнительно — предикативную функцию. Для постпозитивного определения, по сравнению с препозитивным, характерна меньшая зависимость синтаксической функции от лексического значения. Этим обусловлен тот факт, что в анализируемых языках соподчиненные постпозитивные определения, как правило, сочинены, хотя, вопреки мнению большинства синтаксистов, встречаются далеко не единичные примеры и неоднородных соподчиненных определений, например:

- (44) *И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу* (А. Блок).
(45) *Окуните ваши кисти в золотое
По традиции забытой городской* (Б. Окуджава).

Для русского языка (по вполне понятным причинам) такого рода конструкции в целом более характерны.

Сформулированные здесь правила построения конструкций соподчиненных определений распространяются прежде всего на сочетания, включающие имена прилагательные, которые, с одной стороны, представляют грамматическую категорию, предназначенную, главным образом, для выражения атрибутивной функции (ср. несколько иную точку зрения: Szuprzyńska 1980, 40), и, с другой стороны, способны выражать эту функцию в наиболее типичном виде — как функцию членов предложения, которые образуют вместе с определяемыми членами сложные единицы на этапе наименования, предшествующем образованию предложения.

Сочетания, включающие причастия, существительные и единицы других частей речи в функции определения, требуют дополнительной интерпретации. Это обусловлено тем, что, например, синтаксическая функция причастия имеет оттенок предикативности (или, согласно современному представлению, является собственно предикативной), а функционирующие в качестве согласованных и несогласованных определений существительные, с одной стороны, восходят к конденсированным конструкциям с предикатом (ср.: *человек из железа* → *человек сделан (состоит) из железа*), а с другой

стороны, как правило, занимают постпозицию, которая, как уже указывалось, характеризуется дополнительной предикативностью. Все эти особенности, разумеется, отражаются на отношении конструкции соподчиненных определений к сочинительной связи.

Заключение

Итак, можно заключить, что однородность в конструкции соподчиненных определений обусловлена грамматическим тождеством этих единиц, а неоднородность — их актуализированным лексико-семантическим различием. Кроме того факторами, способствующими формированию между соподчиненными определениями сочинительной связи, выступают: 1) постпозиция определений и 2) выражение определений формами причастия, существительного, инфинитива — в обоих случаях атрибутивная функция реализуется с оттенком предикативности.

Предложенное в данной работе описание конструкций соподчиненных определений было бы неполным без уточнения того места, которое в теории сочинительной связи занимают концепты «ступенчатого соподчинения» и «ступенчатого сужения понятия». От первого термина и связанного с ним плана содержания следует отказаться, поскольку синтаксические зависимости в сочетаниях однородных определений укладываются в рамки синтаксической соподчиненности в общепринятом значении этого термина. Что касается «ступенчатого сужения понятия», то я предлагаю трактовать его как одну из разновидностей семантических отношений в группе неоднородных определений.

В целях оптимизации описания соподчиненных определений их можно рассматривать как особые атрибутивные предикаты (символ — А). Таким образом, атрибутивная конструкция может быть записана в виде пропозиции:

(46) *новый дом* $A_1(x)$

(47) *высокий дом* $A_2(x)$

В конструкции соподчиненных определений — независимо от наличия или отсутствия сочинительной связи — могут быть реализованы два типа семантических отношений:

1. констелляция (или равноправие): $A_1(x) \& A_2(x)$;
2. детерминация (или зависимость): $A_x(x) \rightarrow A_2(x)$.

Так, если в сочетаниях

- (48) *старый и верный друг*
 (49) *старый верный друг*

выступает констелляция, то каждое из них может быть трансформировано в конъюнкцию предложений. т.е. следующим образом:

- (50) *Друг есть старый, и друг есть верный.*

Конструкции с детерминацией допускают трансформации двух типов:

- (51) *старый и верный друг = Друг есть верный, потому что друг есть старый.*
 (52) (эмфатическое выделение первого члена) *ста́рый верный друг = Существует такой верный друг (из множества верных друзей), который есть старый.*

В первом случае мы имеем дело с причинной зависимостью двух пропозиций, а во втором возможна интерпретация однородных определений как выражения с квантором существования, ср. обобщенно:

Причина ($A_1(x), A_2(x)$)	(1)
$\exists x \quad A_1(x)$	(2)
$A_2(x)$	

Первый тип детерминации характерен для однородных определений, а второй — для неоднородных. Как видим, сущность неоднородных определений — с логико-семантической точки зрения заключается в том, что одно прилагательное относится к области значения именной группы (*старый друг*), а другое — к области его определения (*верный друг*).

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н. С. (1976), Синтаксис современного русского языка. Москва.
 Головин Б. Н. (1969), К вопросу о разграничении однородных и неоднородных определений. [В:] Русский язык в школе. 2, 74-77.
 Золотова Г. А. (1988), Синтаксический словарь. Москва.

- Мещанинов И. И. (1978), Члены предложения и части речи. Москва.
- Панюшева М. С. (1966), Русский язык. Синтаксис. Однородные члены предложения. Москва.
- Поллер П. И. (1957), О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе (критический обзор). [В:] Проблемы изучения языка. Москва, б. н. с.
- Руднев А. Г. (1959), Синтаксис осложненного предложения. Москва.
- Уськин А. С. (1966), Об однородности и неоднородности определений. [В:] Ученые записки Чувашского педагогического института. 25, б. н. с.
- Филин Ф. П. (1979), Русский язык. Энциклопедия. Москва.
- Шапиро А. Б. (1938), Однородные члены предложения. [В:] Русский язык в школе. 1, б. н. с.
- Шахматов А. А. (1941), Синтаксис русского литературного языка. Ленинград.
- Якобсон Р. (1985), Избранные работы. Москва.
- Gaertner H. (1924), O szyku przymiotników. Warszawa etc.
- Klemensiewicz Z. (1963), Zarys składni polskiej. Warszawa.
- Kuryłowicz J. (1987), Studia językoznawcze. 1. Warszawa.

ОБ ОДНОМ КОНСТРУКТИВНОМ АСПЕКТЕ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ*

Введение

В множестве реализаций сочинительной связи, с одной стороны, выделяется подмножество конструкций, характеризующихся полной взаимной независимостью своих компонентов, которая проявляется в том, что каждый отдельный компонент может самостоятельно функционировать в предложении при условии «сокращения» остальных:

$$P(x_1 \& x_2) = P(x_1) \& P(x_2)$$

Такой тип сочинительной связи является «сильным», так как он наиболее четко противопоставлен подчинительной связи по признаку наличия/отсутствия детерминации.

С другой стороны, в исследованиях по современному синтаксису неоднократно указывалось, что значения подчинительной и сочинительной связи как, в первую очередь, в сложном, так и в простом предложении могут совпадать (см. Земская/Китайгородская/Ширяев 1981, 205; Bauer 1972, 205 и др.). Так, в пределах сочинительной связи существует подмножество конструкций, между элементами которых имеется тесная семантическая связь, в том числе прямая детерминация — независимо от их связи с общим компонентом. Конструкции данного типа, сочинительные по форме, но подчинительные по содержанию, являются примерами «слабого»

---

* Данная статья представляет собой сокращенный и исправленный вариант ранее опубликованной работы автора: Об одном конструктивном аспекте сочинительной связи (на материале русского и польского языков). [В:] *Slavia Orientalis*. XXXVI/3-4, 485-490.

сочинения, которое может быть проиллюстрировано следующим примером:

- (1) *Чтоб нам летать и удивляться:*
Деревьев нет и листьев нет (А. Кушнер).

Совершенно очевидно, что между однородными членами *летать*, *удивляться* имеется семантическая зависимость, о чем свидетельствует возможность трансформации:

- (2) *Чтоб мы летали и при этом удивлялись...*
(3) *Чтоб мы, летая, удивлялись...*

Первый инфинитив (*летать*), как видим, указывает не некоторое условие или, лучше, обстоятельство состояния, которое называется вторым инфинитивом.

Исследование переходных между подчинением и сочинением зон, как правило, проводится в области плана содержания синтаксических конструкций, тогда как план выражения подчинительной и сочинительной связи в простом предложении с этой точки зрения изучен значительно слабее. Цель данной работы — восполнить недостаток исследований поверхностных структур подчинительной и сочинительной связи в аспекте их интеграции.

1. Соподчиненность

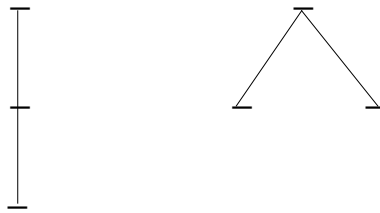
Традиционно одним из важнейших конструктивных признаков сочинительной связи (в отличие от подчинения) считается соподчиненность компонентов сочинительного ряда (Пешковский 1956, 441; Klemensiewicz 1982, 127), предполагающая наличие в структуре предложения грамматической и лексико-семантической сочетаемости сочиненных единиц с общим для них главным, подчиняющим компонентом при условиях: 1) сочетаемость общего компонента с каждым сочиненным членом предложения носит подчинительный характер, 2) соблюдается тождество сочетаемости общего компонента с каждым отдельным членом сочинительной конструкции, ср.:

- (4) *Писатели встретились с тружениками города и деревни*

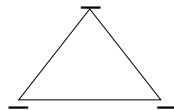
где с синтаксической точки зрения *с тружениками города* = *с тружениками деревни*.

Если сравнить деревья зависимостей подчинительной и сочинительной конструкций, то оказывается, что независимо от количества составляющих в структуре предложения для подчинительной конструкции число ребер (n) в дереве обязательно меньше числа узлов (m), тогда как для сочинительной конструкции, удовлетворяющей требованию соподчиненности, $n \geq m$, ср.:

Подчинение

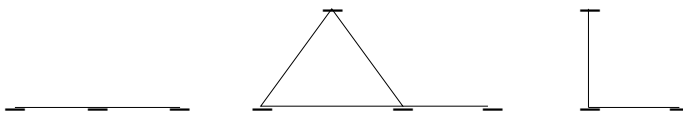

«Сильное» сочинение

Ниже приводятся такие, гипотетически возможные конструктивные схемы сочинительной связи, в которых условие соподчиненности сочиненных единиц либо не выполняется вообще, либо выполняется только для части составляющих сочинительную группу компонентов.

«Слабое» сочинение

Очевидно, что область сочинительной связи, освобожденная от каких-либо обязательств перед фактором соподчиненности, в конструктивном аспекте пересекается с областью подчинения: приведенные выше конструктивные схемы сочинительных групп, не имеющих признака соподчиненности, являются, в сущности, трансформированными, в частном случае — «положенными набором», деревьями зависимостей подчинительной связи, количество ребер в которых не превышает количества узлов.

2. «Слабое» сочинение

Рассмотрим реализацию названных конструктивных схем сочинительной связи, лишенной признака соподчиненности, в речи. Подмножество сочинительных групп указанного разряда представлено несколькими типами.

2.1. В конструкциях первого типа не выполняется второе условие реализации фактора соподчиненности (см. выше): отсутствует тождество сочетаемости наличного общего компонента с каждым членом сочинительного ряда в отдельности. При этом общий компонент в подчинительной связи с одной сочиненной единицей выступает в одном значении, а с другой единицей — в другом значении. Пользуясь терминологией Ю. Д. Апресяна, можно констатировать, что сочиненные единицы в данном случае являются несовместимыми по отношению к общему для них главному члену предложения (Апресян 1966, 169). Указанная несовместимость может быть 1) синтаксической или 2) лексико-семантической. Рассмотрим оба типа конструкций отдельно.

2.1.1. Примеры синтаксической несовместимости сочиненных компонентов:

- (5) *Skąd bierze się i jakie są motywacje tej zgoła chorobliwej obsesji...* („Trybuna Ludu”. 8 XII 1982).
- (6) *Teraz najchętniej czytam i najbardziej interesuje mnie to, co było naprawdę* („Kobieta i życie”. 1983/18).

В первом из приведенных предложений общий компонент *motywacje* в сочетании с глаголом *bierze się* выступает в форме винительном падеже множественного числа (безличная конструкция), в сочетании

же с глаголом *sz* — в форме именительного падежа множественного числа. Во втором предложении общий компонент *to* в сочетании с глаголом *czytam* используется в винительном падеже единственного числа, а в сочетании с глаголом *interesuje* — в именительном падеже единственного числа.

2.1.2. Примеры лексико-семантической несовместимости сочиненных словоформ относительно общего главного компонента:

- (7) *Wy tylko i możecie grać w szachmaty i na alcie* (В. Орлов).
- (8) *Я отдала визиты и долги* (Б. Ахмадулина).
- (9) *Jeszcze miał on tam wstęp i, co ważniejsze, klucz* (А. Kuśniewicz).
- (10) *Sam też kilku językami i ogonem włada świetnie* (J. Weysenhoff).

2.2. Следующая группа сочинительных конструкций характеризуется тем, что один или несколько сочиненных элементов не имеют подчинительной связи с наличным общим компонентом 1) в формально-грамматическом либо 2) лексико-семантическом плане.

2.2.1. Конструкции первого подтипа имеют следующий вид:

- (11) *Жзучая брюнетка была одета, увешана, разукрашена и напомажена всем, что могут предложить современные комиссионные, ювелирные и парфюмерные магазины* («Комсомольская правда», 28 IX 1980), ср.: *одета всем вместо одета во всё.
- (12) *Горечь поражения не помешала хозяевам высоко оценить и отдать должное мастерству и классу спартаковских футболистов* («Комсомольская правда», 5 XI 1982), ср.: *оценить мастерству и классу вместо оценить мастерство и класс.
- (13) *Chodzi o to, aby mógł on skutecznie realizować, reprezentować i bronić interesów mieszkańców* («Życie Warszawy», 17 IX 1981); ср.: *realizować, reprezentować interesów вместо realizować, reprezentować interesy.
- (14) *Po kraju można znów swobodnie podróżować i telefonować* («Trybuna Ludu», 25 XI 1982), ср.: *telefonować po kraju вместо telefonować w kraju.

Подобные сочинительные конструкции распространены в языке газеты, кроме того они широко встречаются в школьных (польских и русских) письменных работах (Цейтлин 1982, 75 ссл.; Saloni 1971, 42-43). Основной же сферой их употребления следует, видимо, считать разговорную речь, ср. некоторые иллюстрации:

- (15) *Это желание или тоска по науке, может быть, сыграли какую-то роль в моей биографии* (Д. Гранин; выступление на телестудии «Останкино»).
- (16) *Построив и вселившись в такой вот дом, редко кто захочет уехать или расстаться с шахтой* (Телепрограмма «Время»).
- (17) *Соединенные Штаты свою политику ориентируют, связывают с отношениями с союзниками* (Телепередача «9-я студия»).
- (18) *Мы хотели бы рассказать зрителю, попросить зрителя, призвать зрителя к тому, чтобы они фантазировали* (Телепередача «Кинопанорама»).

Яркие примеры данного типа находим среди сочиненных придаточных в сложноподчиненном предложении. Сочинительная конструкция в данном случае составлена из компонентов, один из которых с помощью подчинительного союза связан с общим главным предложением, а другие компоненты такой грамматической связи лишены. Часть предложений может быть трансформирована путем постановки соответствующего союза перед каждым придаточным — членом сочинительной конструкции, например:

- (19) *Я имею в виду принцессу, которую он собирался спасти и жениться на ней* (А. Володин), ср.: *Я имею в виду принцессу, которую он собирался спасти и на которой хотел жениться.*
- (20) *Была то в каждом разе krzywda wynikająca z układów bardzo ogólnych i zasadniczych, której nikt z urzędników tej instytucji nie mógł naprawić ani nie mógł za nią odpowiadać* (S. Dygat), ср.: *Była to w każdym razie krzywda, której nikt z urzędników tej instytucji nie mógł naprawić ani za którą nie mógł za odpowiadać.*
- (21) *Mądrzejszy był od wielkich starców, którzy niejedno widzieli, o niejednym słyszeli, a ich nogi schodziły po wojnach pół świata* (T. Nowak), ср.: *Mądrzejszy był od wielkich starców, którzy niejedno widzieli, o niejednym słyszeli i których nogi schodziły po wojnach pół świata.*
- (22) *Nie są to wartości, które zostały nam dane wraz z naszą biologiczną naturą, a ich rozwój ma charakter historyczny* (К. Т. Toeplitz), ср.: *Nie są to wartości, które zostały nam dane wraz z naszą biologiczną naturą i których rozwój ma charakter historyczny.*

Часть сложноподчиненных предложений данного вида (это прежде всего касается русских конструкций с союзом *a*) подобной трансформации подвергнута быть не может либо обязательна замена союза, например:

- (23) *Они поехали тогда в Эстонию, в крохотный городок, где он как-то был по делам и запомнил, а потом поехал с ней* (Ю. Казаков), ср.: *Они поехали*

в городок, где он как-то был по делам, который запомнил и куда потом поехал с ней.

К рассматриваемому здесь подтипу примыкают сочинительные конструкции (преимущественно русские), в которых сочинение преодолевает не только фактор соподчиненности, но и иерархическую упорядоченность синтаксической структуры предложения. Сочинительной связью в этом случае объединены члены, находящиеся на разных уровнях дерева подчинения:

(24) *Дорожка вьется вдоль обрывистого берега реки, то пропадая в гуще, то выходит на открытое пространство* (Е. Шатко).

2.2.2. В сочинительных конструкциях данного подтипа отсутствует лексико-семантическая сочетаемость отдельных сочиненных компонентов с общим для них главным членом предложения, например:

(25) *Раздаются крики, возгласы и дамские слезы* (М. Зошенко), ср.: **раздаются дамские слезы.*

(26) *Возможно, мои глаза и уши окончательно раскрылись, когда я впервые увидел Лебединое озеро* («Литературная газета», 20 I 1982), ср.: **уши раскрылись.*

2.3. В конструкциях рассматриваемого здесь типа наблюдается более сильное, нежели в описанных выше случаях, нарушение признака соподчиненности в сочинительной группе: сочиненные единицы находятся в подчинительной зависимости от различных членов предложения, т.е. общий для сочиненных словоформ компонент отсутствует, и мы уже имеем дело с разноподчиненными членами сочинительного ряда. Некоторые примеры таких конструкций:

(27) *Мулы, звеня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонок вина* (А. Герцен), ср.: *мулы, украшенные кисточками везли, звеня бубенчиками.*

(28) *Облепили они, как пчелы, участок и сами поставили мазанку под соломою, большую и быстро* («Литературная газета», 2 XII 1981), ср.: *большую мазанку и поставили быстро.*

(29) *Tam kobiety noszą piękne nakrycia głowy, koronki czarne i grzebienie, nie tak piękne jak w Aragonie, ale zawsze* (А. Kuśniewicz), ср.: *nie tak piękne nakrycia* и *noszą zawsze.*

2.4. Наконец, достаточно широко распространен тип сочинительных конструкций, не имеющих в предложении никакого прямого контакта с подчинительной связью. Сочинение в таких случаях «предоставлено само себе» и, используя собственные конструктивные и семантические ресурсы, организует сочиняемые компоненты в единое целое. В качестве примеров здесь, в первую очередь, могут быть привлечены заголовки:

- (30) *Война и мир.*
- (31) *Человек и закон.*
- (32) *Мама и нейтронная бомба и др.*

К сферам реализации конструкций данного типа относятся и предложения тождества, например:

- (33) *Клепачев и корысть — это такая нелепость, такая чушь, что слова не подберешь* («Литературная газета», 1 II 1984).

Связь сочиненных компонентов в данном случае, как правило, носит характер детерминации (речь идет о лексико-семантической детерминации), т.е. направлена от первого в линейном ряду компонента ко второму. Если обозначить данный разряд конструкций как «А и Б», то его значение имеет вид: «как А относится к Б» или «какое место занимает А по отношению (с точки зрения, в области и т.д.) Б», ср.:

- (34) *Ты живешь среди людей, — развил свою мысль Сергей. — Ты и люди, и с этим ничего не поделаешь* (Г. Шпаликов).

Заключение

Не все синтаксические явления рассмотренных в данной статье типов являются в одинаковой степени кодифицированными. Часть из них используется в качестве синтаксических экспресsem или носит разговорный характер. Однако для исследователя они важны прежде всего потому, что расширяют представление о поверхностном синтаксисе сочинительной связи.

Специфика описанных сочинительных групп заключается в том, что составляющие их единицы освобождаются от внешнего фактора соподчиненности, а сочинительная связь, таким образом,

реализуется в наиболее «чистом» виде — вне синтагматического контакта с подчинительной связью.

Диалектика взаимоотношения сочинения и подчинения в простом предложении такова, что отказ от синтагматического взаимодействия с подчинительной связью оборачивается для сочинения необходимостью парадигматического взаимодействия с подчинительной связью: на уровне поверхностных синтаксических структур, а в отдельных случаях и на уровне семантики сочинение начинает в чем-то напоминать подчинительную связь.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. (1966), Идеи и методы современной структурной лингвистики, Москва.
- Земская Е. А./Китайгородская М. В./Ширяев Е. Н. (1981), Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Москва.
- Пешковский А. М. (1956), Русский синтаксис в научном освещении. Москва.
- Цейтлин С. Н. (1982), Речевые ошибки и их предупреждение. Москва.
- Bauer J. (1972), *Syntactica slavica*. Brno.
- Klemensiewicz Z. (1982), *Składnia, stylistyka, pedagogika językowa*. Warszawa.
- Saloni Z. (1971), *Błędy językowe w pracach pisemnych uczniów liceum ogólnokształcącego*. Warszawa.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ *

Введение

Использование языка в целях коммуникации предполагает такое построение речевых сообщений, которое отвечало бы двум условиям: содержательной наполненности (информативности) и понятности. В соответствии с первым условием в линейной последовательности единиц, составляющих сообщение, каждый элемент должен нести новое содержание, отличаться от других элементов того же состава, т. е. внутренняя сочетаемость компонентов сообщения должна быть в определенной мере неожиданной. С другой стороны, слушающий способен понять сообщение только в том случае, если отдельные компоненты сообщения содержат повторяющиеся признаки и значения, т. е. если сообщение является избыточным. Таким образом, любое высказывание, функционирующее в типичных коммуникативных актах, обладает единством тождества и различия своих компонентов. В современной теории риторики коммуникативные единицы подобного типа обозначаются как нулевая степень письма.

Известно, что с увеличением степени избыточности сообщения уменьшается его оригинальность, новизна, а в крайнем случае, когда повторяемость компонентов сообщения достигает предела, его содержательная ценность сводится к минимуму. С другой стороны, в условиях, когда каждый элемент из серии повторяющихся в данном речевом отрезке не несет никакого нового содержания, содержательным может становиться сам факт повтора компонентов сообщения.

---

* В основе данной публикации лежит ранее опубликованная статья автора: Типология сочинительных конструкций с лексических повторов [В:] Русский язык. 1989, IX, 67-76.

1. Функции редупликации словоформ

К наиболее типичным синтагматическим явлениям подобного рода принадлежат сочинительные конструкции простого предложения с лексическим повтором, например, *пишет и пишет, снова и снова, реже и реже, нет и нет* и т. п. В лингвистической литературе (в работах Н. Ю. Шведовой, Н. С. Поспелова, В. Н. Перетрухина, Ю. А. Левицкого и др.) утвердилось мнение, согласно которому объединенные сочинительной связью повторяющиеся словоформы не соответствуют понятию однородных членов. Синтаксическая специфика данных сочетаний определяется тем, что в них нарушается одно из важнейших свойств сочинительного ряда: единство тождества и различия в значении компонентов.

Наиболее точную характеристику явлениям семантического тождества синтагматически связанных единиц, с моей точки зрения, дал Д. С. Лихачев, исследовавший регулярно встречающиеся в произведениях «высокого стиля» XIV—XV вв. синонимические сочетания:

Здесь синонимы обычно ставятся рядом, не слиты и не раздельны. Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу. В результате внимание читателя привлекают не оттенки и различия в значениях, а то самое общее, что есть между ними (Лихачев 1979, 107).

Лихачев ссылался на такие примеры, как:

- (1) *...огню горящу и пламени распаящуся*
- (2) *на благый онь путь и на нравоумышленное шествие*

Сочинительная конструкция представляет в этом случае последовательность вариантов некоторого значения. Каждый компонент подобного сочетания лишен функциональной самостоятельности: в его значении актуализируются только те семы, которые способны усилить общий содержательный потенциал всей конструкции. Естественно, что при этом значение конструкции не сводимо к сумме значений составляющих ее словоформ. Это свидетельствует об идиоматичности рассматриваемых сочетаний. Как указывает Лихачев, в конструкциях сочиненных синонимов

появляется некоторый сверхсмысл, который не может быть извлечен из каждого слова в отдельности, но который появляется только в контексте (1980, 12).

Аналогичную природу имеют и сочинительные конструкции с повтором компонентов; по мнению Ш. Балли,

в этом случае грамматической связью, объединяющей все элементы, служит общее всем этим элементам понятие, а не их сцепление друг с другом (Балли 1955, 69).

В качестве иллюстративного примера приведем четверостишие Б. Окуджавы:

- (3) *Вы слышите: грохочет барабан,
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней,
Уходит взвод в туман, туман, туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней...*

Ю. М. Лотман проанализировал повтор сочиненных компонентов в данном тексте так:

Второй стих совсем не означает приглашения прощаться дважды. В зависимости от интонации чтения он может означать: «Солдат, торопись прощаться, взводы уже уходят», или «солдат, прощайся с ней, прощайся навсегда, ты ее больше никогда не увидишь» или «солдат, прощайся с ней, со своей единственной». Но никогда: «Солдат, прощайся с ней, еще раз прощайся с ней». Таким образом, удвоение слова означает не механическое удвоение понятия, а другое, новое, усложненное его содержание (1964, 79).

Идиоматичность сочинительных конструкций с лексическим повтором выражается в том, что к основному значению конструкции, совпадающему со значением каждого из повторяющихся компонентов, добавляется дополнительный квалификатор — семантический признак интенсивности, длительности и т.д. — см. далее. Повтор сочиненных компонентов в простом предложении может использоваться как способ реализации целой группы таких семантических признаков, которые в дальнейшем будут рассмотрены отдельно.

2. Семантические типы редупликации словоформ

2.2.1. Конструкции с семантикой множественности

Примеры:

- (4) *Мильон людей свалился под Верденом,
милльон людей в Галиции закопан.
Мильон, милльон, милльон, милльон, милльон* (В. Луговской),
ср.: *много миллионов*.
- (5) *Что за музыка, музыка, музыка!* (Д. Самойлов), ср.: *что за музыка, которой так много*.

Наибольший интерес вызывают в данной группе сочетания, компоненты которых обладают грамматическим значением множественного числа, например:

- (6) *Итак, станции, станции, станции. Станции, каменными мотыльками пролетающие в хвост поезда* (Б. Пастернак).
- (7) *Солдаты, солдаты, солдаты гуляют в саду городском* (Н. Ушаков).

Значения мн. числа и квантора множественности в данном случае пересекаются лишь частично: если формы множественного числа означают 'больше, чем один' (т. е. на фоне ед. числа являются отрицательно определенными), то сочинительный повтор означает именно высокую степень количества, ср.: *станции, станции, станции* 'большое количество станций'; *солдаты, солдаты, солдаты* — 'большое количество солдат'.

2.2.2. Конструкции с семантикой длительности действия

Состав сочинительных конструкций данной группы образуют повторяющиеся формы глаголов несовершенного вида:

- (8) *Потом понемногу тускнеет, тускнеет* (А. Серафимович).
- (9) *Дорогой снов, мучительных и смутных,
бреди, бреди, несовершенный дух* (В. Ходасевич).

Длительность действия — градуальный признак, степень его интенсивности возрастает с увеличением числа повторяющихся членов, ср.:

- (10) *На третьей полке, поджав колени, в худом вагоне
ехать, ехать, ехать, ехать синюю весною* (В. Луговской).
- (11) *Шумит, шумит, шумит,
шумит морской при бой* (Д. Самойлов).

2.2.3. Конструкции с семантикой аутентичности

Примеры:

- (12) *До пояса голые, в кровящих царапинах... ни матюка привычного, ни ора,
лишь храп, рычанье — звери и звери* (В. Астафьев).
- (13) *Бывают: весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А
бывают: яичко и яичко — не отличишь* (В. Шукшин).

Субститутами сочинительного повтора в данных сочетаниях могут выступать другие операторы аутентичности: *подлинный, настоящий* и т. п.

2.2.4. Конструкции с семантикой категоричности

Значение квантора категоричности может быть также реализовано модальной конструкцией *не подлежит сомнению, что...* В состав сочинительных конструкций данной группы входят, как правило, утвердительные, отрицательные, модальные слова, а также глаголы совершенного вида:

- (14) *Нет и нет, — говорила мама, — Сережа не мог такое написать*
(газета).
- (15) *Будет, будет в его родном Курске лимонарий* (газета).
- (16) *Надо, надо напоминать о традициях Маяковского* (газета).

2.2.5. Конструкции с семантикой ограничения

Синонимами сочинительного повтора в рассматриваемом случае являются ограничительные частицы *только, лишь* и т. п. Например:

- (17) *Пусть хоть смерть — но покой и покой* (Д. Самойлов), ср.: *только покоторой.*
- (18) *И легкий, и нежный, и свежий их запах
стремится на запад, на запад, на запад* (Н. Ушаков), ср.: *только на запад.*

При этом семантика ограничения может быть дополнена семантикой множественности:

- (19) *Из книг в моей голове остаются слова и слова, они вытесняют
многие мысли, затрудняют мою речь* (Вс. Иванов), ср.: *не остается ничего, кроме множества слов.*

В ряде сочинительных конструкций значение ограничения пересекается со значением подлинности:

- (20) *Потому что нас всегда душили. За людей не считали. Мужик и мужик, лепешка коровья* (Ю. Трифонов), ср.: *всего лишь обыкновенный мужик.*
- (21) — *Ваша икона?*
— *Да, моя...*
— *А что в ней внутри?*
— *Ничего! Икона и икона* (газета), ср.: *обыкновенная икона и ничего больше.*

2.2.6. Конструкции с семантикой различия

Конструкции данного типа могут быть обобщены в символической записи «А и не А» — сочинительный повтор обозначает нетождественность предметов, действий или признаков, т. е. их изменчивость, дисперсность, вариативность, например:

- (22) *Перед ним был Вальган и не Вальган* (Г. Николаева), ср.: *Вальган, который был мало похож на себя.*

2.2.7. Конструкции с семантикой актуальности

Повтор того или иного члена предложения может использоваться как средство его актуализации, выделения высокой степени его значимости в коммуникативной перспективе сообщения, т. е. как форма презентации ремы:

- (23) *Не по любви, своей звезде, она —
по и ве, и ве разрыдалась* (Б. Пастернак).
- (24) *За и в ой твоей довелось мне,
за и в ой от смерти укрыться* (А. Тарковский).

Это же значение сочинительного ряда может быть усилено экспликацией соответствующей, выступающей в качестве элемента мета-языка, личной формы глагола *повторять*, ср.:

- (25) *Эта вещь вся создана как бы — повторяю, как бы! — по
законам прозы* (газета).

2.2.8. Конструкции с семантикой автономности действия

Сочинительный повтор в данном случае определяет, что либо действие совершается без вмешательства человека, либо действие, замыкаясь само в себе, лишено воздействия на человека, ср.:

- (26) *Спросишь, как дети, только плечами пожмут: растут и растут*
(газета), ср.: *растут себе*.
- (27) *...Отняла мама — ну и ладно, ничего страшного, возможно, и не произошло. Отняла и отняла* (газета), ср.: *отняла, ну и ладно*.
- (28) *Было и было, а теперь прошло, ну и слава богу* (А. Калягин), ср.: *было, ну и ладно, было и прошло*.

2.2.9. Конструкции с семантикой интенсивности

В этом случае повтор может быть заменен другим квантором степени — словом *очень*, ср.:

- (29) *Пусть за стеною, в дымке блеклой
сухой, сухой, сухой мороз* (А. Белый), ср.: *очень сухой*.
- (30) *Подлинный поэт — это тот, кто говорит за многих и многих,
не причастных к его искусству* (А. Тарковский), ср.: *за очень многих*.

В сочинительном ряду может наблюдаться и дублирование самого квантора *очень*:

- (31) *Он был очень и очень недурен собою* (И. Тургенев).

Повтор здесь усиливает значение высокой степени, а сочинительная конструкция имеет значение 'в очень высокой степени'.

Следует отличать степень интенсивности признака, маркируемую сочинительным повтором, от степени сравнения нескольких предметов (действий, событий и т. д.) по некоторому признаку. Степень сравнения выступает как характеристика предметов или действий, которые могут быть дифференцированы в зависимости от интенсивности проявления признака, присущего каждому сравниваемому предмету или действию; при этом интенсивность является исключительно относительной характеристикой — она определяет большую (но не обязательно большую) или меньшую (но не обязательно малую) степень интенсивности и некоторого признака применительно к группе сравниваемых фактов, ср.:

(32) *Он учится хорошо, а она хуже.*

Степень интенсивности признака, обозначаемая повтором сочиненных единиц, носит абсолютный характер — в том смысле, что высокая степень проявления признака маркируется здесь вне сравнения предметов или действий в контексте и поэтому выступает именно как характеристика самого признака. Существующие между степенью интенсивности и степенью сравнения семантические различия являются естественным препятствием для субституции маркеров обоих видов значений степени, ср.:

(33) *Он учится хорошо, а она — хорошо-хорошо.*

(34) *Он учится хорошо, а она — лучше.*

Повтор используется именно в целях усиления степени интенсивности признака, что иллюстрирует, к примеру, такая трансформация:

(35) *Он учится хорошо, а она — плохо.*

(36) *Он учится хорошо, а она — плохо-плохо.*

Значения степеней сравнения и интенсивности, различные в парадигматическом плане, способны взаимодействовать друг с другом в плане синтагматики: значение степени интенсивности может накладываться на значение степени сравнения, ср.:

(37) *Ре же и ре же перевозил Афиногеныч богомольцев (А. Серафимович).*

Сочинительный повтор в этом случае имплицитно содержит сравнение действий ('каждый следующий раз реже, чем предыдущий'), поэтому исключена возможность построения сравнительной конструкции:

(38) **Реже и реже, чем прежде, перевозил Афиногеныч богомольцев.*

Кроме того повтор словоформ со значением сравнительной степени содержит значение непрерывно растущей степени интенсивности признака «редкости».

3. Условия реализации конструкций с редупликацией

Рассмотренные здесь сочинительные конструкции с лексическим повтором должны обязательно удовлетворять двум условиям: 1) формально-грамматической повторяемости и 2) семантической повторяемости сочиняемых словоформ. Сочинительные конструкции с лексическим повтором могут быть реализованы и в иных условиях, когда при лексическом тождестве сочиненных единиц отсутствует их формально-грамматическое либо семантическое тождество, что обуславливает и принципиально иной характер сочетаемости в пределах сочинительного ряда, и иную содержательную наполненность сочинительного ряда в целом. Сочинительные конструкции этой группы можно разбить на два класса: 1) конструкции с лексическим повтором, в которых отсутствует семантическая повторяемость; 2) конструкции с лексическим повтором, в которых отсутствует семантическая и формально-грамматическая повторяемость. Рассмотрим оба класса в отдельности.

3.1.1. Сочетания с лексическим повтором лишены семантической тавтологии, если повторяющиеся сочиненные словоформы обладают в структуре предложения распространителями, т. е. зависимыми членами предложения, например:

(39) *В Москве в опытах по ее использованию принимают участие Всесоюзная фирма «Мелодия» и японская фирма «Виктор» (газета).*

Семантическая сочетаемость в таком сочинительном ряду носит тот же характер, что и в ряду типичных однородных членов, поскольку

в качестве компонентов сочинительной конструкции функционируют не отдельные словоформы, а целые сочетания *Всесоюзная фирма «Мелодия»* и *японская фирма «Виктор»*. Повторяющаяся словоформа *фирма* манифестирует при этом семантическое тождество, а ее распространители — семантическое различие сочетающихся компонентов.

Возможны случаи, когда в сочинительном ряду распространяются не все из повторяющихся членов:

(40) *Про иву, про иву зеленую спой* (А. Фет).

(41) *Она поет, поет о милом* (Н. Заболоцкий).

Семантическая интерпретация данных конструкций возможна только в контексте; если сочинены именно повторяющиеся словоформы (*про иву и про иву, поет и поет*), то сочинительная конструкция обладает дополнительным идиоматическим значением, если же для сочетаемости сочиненных компонентов существенна также семантика распространителей (*про иву и про иву зеленую, поет и поет о милом*), то характер этой сочетаемости можно квалифицировать как пояснительный или уточняющий.

3.1.2. К конструкциям рассмотренного типа примыкают сочетания, в которых синтаксические распространители повторяющихся единиц не эксплицированы в поверхностной структуре предложения, например:

(42) *Электричеством бьет по локтям
острый угол меж веком и веком* (Б. Ахмадулина), ср.: *меж одним
веком и другим веком*.

(43) *...Здесь уже не фильм и критик, а человек и человек. Один человек и другой человек* (газета).

К данному классу сочинительных конструкций принадлежит и распространенная формула «Есть А и А» со значением ‘существуют А (одного типа) и А (другого типа)’ или ‘существуют разные А’, например:

(44) *Есть Научные деятели, а есть служащие в научных учреждениях. Есть Наука и наука* (газета).

(45) *Но ведь есть сложность и «сложность»* (газета).

3.1.3. Отсутствует семантическая тавтология и в сочетаниях повторяющихся местоимений, когда каждая из сочиненных единиц анафорически связана в тексте с разными его компонентами, например:

- (46) *На лицах взрослых — озорство.
На детских лицах — грусть.
Все дети на море глядят,
все взрослые — на берег.
А я на лица тех и тех
гляжу — не нагляжусь* (В. Берестов).

В аналогичных конструкциях с местоимениями возможна постановка разделительных или противительных союзов, ср.:

- (47) *Он знал редкостное упорство старухи, во всем — например, как резать лук, так или так...* (Ю. Трифонов).

В группе сочинительных конструкций с повтором местоимений имеются и сочетания особого типа:

- (48) *Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то* (В. Шукшин).
(49) *Присутствовали те-то, те-то. Все точно. Должность. Имена* (Е. Винокуров).
(50) *...Остальные видят меня объективно, с такими-то и такими-то о определенных, именно мне присущими чертами* (А. Битов).

Обязательный элемент конструкций данного множества — частица *то* со значением определенности (это же значение может быть выражено вводными конструкциями *мне известно* или *я осведомлен*, ср.:

- (51) *Поезжай туда-то и привези очерк о таком-то* (газета)

где *туда-то* выступает в значении ‘известно, в каком направлении’, а *о таком-то* — в значении ‘известно, о ком’.

Повторение подобного типа словоформ приводит к возникновению дополнительной семантики многообразия, ср.: *натворил то-то и то-то* — ‘натворил много разного, и известно, что именно’; *видят меня с такими-то и такими-то чертами* — ‘известно, с какими различными чертами меня видят’ и т. д. В случае, когда в конструкции аналогичного типа повторяются местоименные словофор-

мы в единственном числе, сочинительный повтор используется для выражения сложности характеристики предмета:

- (52) *Так вот, выписал справку, что я такой-то и такой-то* (В. Михальский)

где *такой-то и такой-то* означает ‘обладающий несколькими разными признаками, и мне (т. е. говорящему) известно, какими’ (например: *Я, Иван Петрович Сидоров, инженер, женат, член месткома и т. д.*).

3.2. Лексический повтор в сочинительной конструкции может быть реализован в условиях, когда между сочиняемыми единицами отсутствует как семантическое (имеется в виду грамматическая семантика), так и формально-грамматическое тождество:

- (53) *Стихи всегда писались и пишутся для души, от души и во имя души* (газета).
 (54) *Понятно, что развлекательные программы в первую очередь — праздник эмоций и для эмоций* (газета).

Лексический повтор в подобного рода сочинительных конструкциях разнофункциональных членов предложения выступает как основной фактор (или стимул) формирования сочинительной связи (Киклевич 1982, 54).

3.3. От описанных случаев преднамеренного повторения некоторой лексической единицы в рамках сочинительной конструкции следует отличать непреднамеренное повторение словоформ, по разным причинам не имеющих прямой синтаксической связи друг с другом, например:

- (55) *Вы такие моряки, как, как...* (В. Конецкий).
 (56) *...И я — я торжествую
хотя на миг бессмертие твое* (А. Фет).
 (57) *Теперь критика уговаривает публику любить всех поэтов, доказывает, что поэзия не в упадке, а в расцвете, а публика... а публика?* (газета).

Лексический повтор в подобных сочетаниях лишен конструктивного единства и, естественно, тех функций, которые перечислены выше.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. (1955), Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.
- Киклевич А. К. (1982), Типология сочинительных конструкций в языке и речевой деятельности. [В:] Веснік Беларускага універсітэта. 4/2, 53-56.
- Лихачев Д. С. (1979), Поэтика древнерусской литературы. Москва.
- Лихачев Д. С. (1980), «Преодоление слова» в стиле «плетения словес» и историко-литературное значение этого явления. [В:] Търновска книжовна школа. 2. София, б. н. с.
- Лотман Ю. М. (1964), Лекции по структуральной поэтике. Тарту.

Предметный указатель

А

абстрактность vs. конкретность)
15 ссл.
автореференция) 188 сл.
аксиологическая функция слова)
108
актуализатор (см. оператор
истинностного значения)) 228
актуализация) 190
амбисемия) 37; 116 ссл.
анафора) 28
аргумент) 186
    единичный) 216
    множественный) 216
ассоциативная синтаксическая
связь) 298 ссл.; 404
атрибутивная функция) 329 ссл.

Б

безличная конструкция) 240 ссл.

В

вербоцентризм) 292
взаимодействие грамматических
категорий) 125 сл.
включенный предикат) 102
возможный мир) 185; 265
    альтернативный) 185
    дескриптивный) 185
    дискурсивный) 185
    логический) 185
    эпистемический) 185

Г

градуальность) 39
грамматика зависимостей) 391
грамматическая категория) 112;
125

Д

двойная семантическая
зависимость) 301
двойное отрицание) 347 ссл.
дейксис) 189
денотативный статус именной
группы (слова)) 55; 112; 163 ссл.
денотация) 188
дескрипция) 189
детерминативная функция (см.
также: определенность)) 9 ссл.;
166
диатаксис) 292 ссл.
дизъюнкция) 356
дименсивная функция) 148; 221
дистрибутивное свойство
квантификации) 211
    условие аддитивности) 221
    условие дескриптивности) 224
    условие множественности) 215
    условие определенности) 230
    условие факультативности)
    218
    условие экзистенциальности)
    211
дистрибуция) 127

Е

единственное число) 153 сл.

З

заимствование) 316
закон единства основания) 350
знаменательное слово) 276
значение) 188

И

идеологическая система
говорящего) 337
идиоматика) 68
иконичность знака) 295
именная группа) 187
    генерическая) 187
    референтная) 187
имя) 189
имя собственное) 18 слл.
индивидуальная константа) 180
индивидуальная переменная) 180
    свободная) 181
    связанная) 181
индукция) 367
интенциональный подход к языку)
170
интенсия знака) 170; 188
интервал абстракции) 189
интерпретативная семантика) 275
истинностное значение) 200; 203;
262 слл.

К

катафора) 28
категория лица) 11 слл.; 40 сл.
квантитативная функция) 149
квантификация) 159 слл.; 169 слл.;
175 слл.; 347 слл.; 368 слл.
    абсолютная) 383
    аналитическая) 209 слл.; 383

    многократная) 160; 213; 218
    неограниченная) 160
    ограниченная) 160; 164
    относительная) 373
    пропозициональная) 163 слл.
    синтетическая) 209 слл.; 383
    термовая) 163 слл.
    универсальная) 161
квантор) 180 слл.
    всеобщности) 181
    единичности) 182
    существования) 182
кванторная модель культуры) 223
кванторная модель определенности
) 232
коассигнация) 35
количественная оценка) 209
количество) 133 слл.; 140 слл.ж
152 слл.; 192 слл.; 250 сл.
    градуальное) 149
    номинальное) 149; 256
    оценочное) 256
    реальное) 149; 256
коммуникативное значение) 11
композициональность
(предложения)) 185
компрессия) 93
конверсия (семантическая)) 178
конгломератив) 107
конгрегационная категория) 400
коннотация) 404 слл.
контактное соположение
словоформ) 311
конstellация) 271
контрастная дистрибуция) 235
конъюнкция) 271
кореференция) 76; 109 слл.; 406
косвенный речевой акт) 263
криптоквантификация) 219

Л

лексико-грамматическая категория
) 141
лексическое значение) 423
личное местоимение) 43 слл.; 89

логическая грамматика) 136 сл.
 логический анализ языка) 170
 логическое суждение) 176
   общеотрицательное) 177
   общеутвердительное) 177
   частноотрицательное) 177
   частноутвердительное) 177

М

межъязыковые параллели) 358
 метаязыковая семантика) 98
 метаязыковой оператор) 238
 множество) 141; 193; 196
   аддитивное) 194
   адискретное) 193
   актуальное) 201; 208
   гипонимическое) 193
   дескриптивное) 194; 268
   динамическое) 193
   дискретное) 193
   дистрибутивное) 194
   интегративное) 194
   исходное) 201; 208; 229; 349
   коллективное) 194
   неоднородное) 193
   неупорядоченное) 193
   нечеткое) 194
   однородное) 193
   партитивное) 193
   референтное) 208
   статическое) 193
   суммативное) 193
   термовое) 194
   упорядоченное) 193
   четкое) 194
   эмпирическое) 268
 модальность) 373
   ирреальности) 374
   неуверенности) 373
 моделирование языка) 171

Н

направление синтаксических исследований) 319
   дескриптивное) 319 ссл.
   дидактическое) 320 ссл.
   семантическое) 319 ссл.
 научный миф) 117
 незамещенная синтаксическая позиция) 393
 неопределенное местоимение) 348 ссл.; 358
 номинализация) 87
 номинализм) 192
 номинативная функция знака) 275
 норма количественного признака) 256
 нулевой знак (нулевая форма)) 30; 34

О

обобщающее местоимение) 348
 объем знака) 185; 188
 одушевленность vs. неодушевленность) 125 ссл.
 окказионализм) 96
 оператор) 277
   атрибутивный) 283
   иллокутивный) 281
   кванторный) 286
   коммуникативный) 284
   коннотативный) 280
   метаязыковой) 284
   модальный) 282
   темпоративный) 286
   фазовый) 286
   финитивный) 285
   эпистемический) 285
 оператор истинностного значения (актуализатор)) 228
 оператор отрицания) 180
 определенность) 9 ссл.; 152 сл.; 190 сл.; 230 ссл.
   анафорическая) 235

генерическая) 54; 196
 дейктическая) 12; 235
 коммуникативная) 27 ссл.; 190
 окказиональная) 235
 перманентная) 235
 эмпирическая) 11 ссл.; 190
 энциклопедическая) 17 ссл.;
 190
 остенсивное указание) 190
 отрицание) 350 ссл.
 грамматическое) 355
 логическое) 355
 усиленное) 357
 отрицательное качество
 высказывания) 350
 отрицательное местоимение) 348

П

парадигматические отношения)
 249
 параллельное сочинение) 303
 партитив) 107
 переразложение (в синтаксисе) 295
 плеоназм (грамматический)) 74;
 355
 плотность протокола) 128
 подлежащее) 73; 327 сл.
 подстановочная интерпретация
 кванторов) 265
 полипредикативность) 186
 полисемия) 32
 понятийная категория) 137
 порождающая модель (языка))
 171
 посессивность) 83 ссл.
 предикат) 180; 186; 277
 включенный) 186
 включающий) 186
 первого порядка) 278
 предикативное выражение) 329
 предикатный аргумент) 187
 пресуппозиция) 375
 принцип амбисемии) 118
 принцип дополнительности) 132;
 379

принцип оптимальности) 96
 принцип ответственности) 13; 336
 притяжательное местоимение) 63
 ссл.; 91 ссл.
 пропозициональная связка) 269
 пропозициональная функция) 184
 пропозиция) 180 сл.
 включающая) 268; 359
 включенная) 268; 359
 закрытая 181
 открытая) 180

Р

распределенность термина) 177
 расширение структурной схемы)
 393
 расширительное значение (место-
 имения)) 45
 редуктивная трансформация) 87
 редупликация) 441 ссл.
 редуцированная синтагматика)
 371
 релятивное местоимение) 119
 реляционное значение местоимения
) 109; 119
 рестриктор) 264; 374
 инклюзивный) 264
 эксклюзивный) 264
 референция) 21; 51 ссл.; 152; 184;
 187; 189
 рефлексивное местоимение) 30

С

свободная синтаксема) 422
 селективный признак слова) 203
 семантика) 169
 лингвистическая) 169
 логическая) 169
 семантика коллективности) 396
 семантическая бивалентность)
 210
 семантическая валентность) 186
 семантическая инкорпорация) 260

семантическая категория) 174;
202
семантическая структура) 99 ссл.
семантическая функция) 186
семантический оператор) 115; 172
сигнификативное значение) 184;
188
синтагматическая амбивалентность
местоимений) 104
синтаксическая зависимость
(детерминация)) 431
синтаксическая индифферентность
) 39
синтаксическая связь) 292 ссл.
синтаксическая совместимость)
109
синтаксическая функция) 423
слабоопределенность) 48
слитное предложение) 393 ссл.
служебное слово) 276
смысл) 188
совместимость (синтаксем по
отношению к общему слову)) 434
совместность действия) 398
содержание знака) 188
соподчинение) 432 ссл.
сочинение 303 ссл.; 391 ссл.
    многократное) 304
    параллельное) 303
    сильное) 433
    слабое) 434
союз) 265 сл.
степень) 258; 361
степень эмпатии) 333 сл.
ступенчатое сужение понятия)
416 ссл.
субстантивация) 121
субститутивная модель (языка))
171
субституция) 358
субъективная истина) 213

Т

таксономический класс) 202
теория слитных предложений) 393

термин (терм)) 189
    единичный) 189
    общий) 189
тест на отрицание) 216
тип ситуации) 184
тмесис) 317
транзитивность) 342
транспозиция) 93

У

указательное местоимение) 42

Ф

фонетическое сходство слов) 317
фоновая семантика) 373
формальная грамматика) 134 ссл.
формальная семантика) 136 ссл.
формат знака) 150
функциональная грамматика) 145
функциональное моделирование
высказывания) 148 ссл.
функционально-семантическое
поле) 145 сл.
функция аргумента (именной
группы) 202
    дескриптивная) 202
    детерминативная) 205
    кванторная) 206
    синтаксическая) 202
    референтная) 204

Ч

частица) 356
    инклюзивная) 373
    эксклюзивная) 373
часть речи) 135 ссл.
член предложения) 320 ссл.

Э

эвфемизм) 42
экзистенциальная пресуппозиция)
212
экстенциональный подход к языку
) 170
экстенсия знака) 170; 188; 197
эллипсис) 352
эмергентность (предложения))
185
эмпатия) 331 ссл.

эпистемический глагол) 361

Ю

юмористический эффект) 119

Я

языковая компетенция) 138